ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ ТАДЖИКИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Б. Х. КАРМЫШЕВА

ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ ТАДЖИКИСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

(ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

902.7
K24

Ответственный редактор
О. А. СУХАРЕВА

В книге на основе интересных материалов, собранных автором в течение многолетних этнографических обследований, анализируются проблемы этногенеза и расселения таджиков и узбеков.

К $\frac{10602\text{-}084}{013(02)\text{-}76}$ 124-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, предлагаемая вниманию читателей, яляется попыткой проследить историю формирования этнического состава населения одной из малоизученных в этом отношении частей Средней Азии — обширной области, расположенной к югу от Гиссарского хребта, в бассейне правых притоков Пянджа — Амударьи (начиная от Обиниоу на востоке и кончая Шерабаддарьей на западе). В историко-культурном плане эту территорию можно рассматривать как часть более обширной области, расположенной к югу от Гиссарского хребта и простирающейся вплоть до Гиндукуша, называвшейся в античное время Бактрией, а в средние века — Тохаристаном. В дореволюционной историко-географической литературе эта область называлась Гиссарским краем или Восточной Бухарой. Здесь в начале XX в. располагались Хисарское[1], Денауское, Байсунское, Шерабадское, Кабадианское, Кургантюбинское, Бальджуанское и Кулябское бекства Бухарского ханства.

Для изучаемой области характерны различные ландшафты: высокие горы, широкие речные долины и полупустынные низкогорья. В конце XIX — начале XX в. горы были населены в основном таджиками, а речные долины и низкогорья — полукочевыми узбеками. В подгорной же полосе и предгорьях эти два народа жили смешанно. Таким образом, особенность данной территории состояла в том, что она являлась местом стыка больших массивов таджикского и узбекского народов, местом стыка двух культур — оседлой земледельческой и кочевой скотоводческой. Благодаря этому проведенные здесь этнографические исследования дали материалы, позволяющие наглядно представить многовековой процесс взаимовлияния и взаимопроникновения ираноязычного оседлого земледельческого населения и тюркоязычного кочевого скотоводческого, т. е. тот процесс, ко-

---

[1] Написание «Гиссар» в данной работе принято только для названий Гиссарский край, Гиссарский туман, Гиссарский кент, Гиссарский хребет, Гиссарская долина и Гиссарская экспедиция.

торый был ведущим в этнокультурном развитии Среднеазиатского междуречья и результатом которого явилось формирование таджикской и узбекской народностей.

Изучение этнического состава населения южных районов Таджикистана и Узбекистана и истории его формирования потребовало многолетних полевых исследований — автор совершил 15 специальных поездок (в период с 1945 по 1971 г.), как индивидуальных, так и в составе экспедиций [2].

Во время поездки автора в южные районы Таджикистана в 1954 г. в работе принимали участие художница М. Р. Габе и фотограф П. Г. Чучев. В составе Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР помимо автора работали этнографы Е. М. Пещерева (1959 и 1961 гг.), Н. Г. Борозна (1959, 1961 и 1964 гг.), А. Н. Жилина (1959 г.), А. Я. Соколова (1959 г.) и С. Н. Шитова (1966 г.), художники В. Юрлов (1957 г.), В. И. Агафонов (1966 г.) и В. И. Шашкова (1971 г.), фотографы Г. А. Аргиропуло (1957 и 1971 гг.), Н. С. Кармазин (1961 и 1964 гг.) и М. Б. Смирин (1966 г.), шоферы Н. С. Горин (1957, 1961 и 1964 гг.) и В. Д. Севрюгин (1971 г.).

В работе использованы также фотографии Л. Минакова (1949 г.), М. В. Темнова (1952 г.) и О. И. Кузьмина (разных лет), хранящиеся в архиве Института истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР, а также З. З. Виноградова, совершившего поездку в Восточную Бухару в 1914 г. (его коллекция хранится в фототеке Института этнографии АН СССР, шифр СА № 500).

При проведении полевых исследований постоянное содействие и поддержку оказывали мне представители местных советских и партийных органов, а многочисленные мои информаторы неизменно относились к проводимой работе с глубоким пониманием ее значимости и охотно делились своими знаниями. Это понимание в большой степени способствовало успешному проведе-

---

[2] В 1945, 1947, 1950, 1954 и 1955 гг. — индивидуальные поездки; в 1948 и 1949 гг. — в составе Кулябской этнографической экспедиции (начальник — А. К. Писарчик); в 1952 и 1953 гг. — в составе Хуттальского отряда (начальник — Б. А. Литвинский) Таджикской археологической экспедиции (перечисленные поездки были организованы Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР, а с 1952 г. — Институтом истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР); в 1957, 1959, 1961, 1964, 1966 и 1971 гг. — в составе Предгорного отряда (начальник — автор) Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР.

Материалы, собранные мною во время индивидуальных поездок и экспедиционных исследований, хранятся в архивах Института истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР (за 1945, 1947—1950, 1952—1955 гг.) и Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (за 1957, 1961, 1964, 1966 и 1971 гг.). Во избежание многочисленных повторений я не указываю в каждом отдельном случае на конкретные полевые записи. Лишь при цитировании слов информатора отмечаю в тексте место и год, когда была сделана соответствующая запись.

нию полевых исследований. Я рада, что имею возможность выразить всем этим людям свое глубокое уважение и искреннюю благодарность.

С чувством глубокой признательности вспоминаю профессора М. С. Андреева, инициатора изучения тюркоязычной части населения Таджикистана, и профессора А. А. Семенова, в бытность которого на посту директора Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР мне посчастливилось там работать и ощущать с его стороны самое доброжелательное отношение и полное содействие, а также В. Г. Мошкову, оказавшую мне неоценимую помощь в первые годы работы над избранной темой.

Пользуюсь возможностью с благодарностью отметить, что совместные поездки с А. К. Писарчик (1948 и 1949 гг.) и с Е. М. Пещеревой (1957, 1959, 1961 гг.) послужили для меня хорошей школой овладения методикой полевых этнографических исследований.

ВВЕДЕНИЕ

Проблему происхождения и формирования населения Таджикистана и Узбекистана разрабатывали и разрабатывают ученые различных специальностей (историки, этнографы, археологи, антропологи, лингвисты и др.) как в СССР, так и за рубежом. В трудах В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, П. П. Иванова, А. А. Семенова, Б. Г. Гафурова и других освещены основные этапы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и отдельные вопросы этой проблемы. В капитальных коллективных исследованиях по истории СССР, истории Узбекистана и Таджикистана вопросам происхождения и сложения таджикской и узбекской народностей также уделено большое внимание [341; 141; 147; 148; 149; 150; 109; 142; 143; 144].

Из исследований, специально посвященных данной проблеме, особый интерес представляют очерк А. Ю. Якубовского об этногенезе узбекского народа [378], в котором прослежены основные этапы сложения узбекской народности, и работа А. М. Мандельштама о формировании таджикской народности, основанная на широком круге источников [214]. Из работ последних лет прежде всего следует назвать коллективный труд «Народы Средней Азии и Казахстана» из серии «Народы мира» [251; 252], изданный Институтом этнографии АН СССР. В качестве введения к нему помещен большой очерк «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» (авторы С. П. Толстов и Т. А. Жданко). Вопросам этногенеза и этнической истории уделено внимание и в соответствующих разделах статей, посвященных отдельным народам.

В исследовании М. Г. Вахабова «Формирование узбекской социалистической нации» [82] первые две главы отведены истории сложения узбекской народности и вступлению ее на путь национального оформления после присоединения Средней Азии к России.

Последним по времени исследованием, в центре внимания которого стоит проблема этногенеза и этнической истории тад-

жикского народа, является книга Б. Г. Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» [99]. Специальный раздел этой книги посвящен проблеме этногенеза узбекского народа.

В перечисленных работах на основании преимущественно письменных источников и археологических памятников прослеживаются истории формирования двух основных народностей Среднеазиатского междуречья и сложения их культуры на всей территории расселения, на всех этапах их социально-экономического развития, на фоне сложной политической истории как самой Средней Азии, так и сопредельных стран.

В отличие от этих работ данная преследует более скромную цель — она является попыткой, опираясь преимущественно на этнографические данные, проследить историю формирования этнического состава населения лишь одной из историко-этнографических областей Среднеазиатского междуречья.

Исходя из специфики этнографического источника, я не берусь описывать происхождение всех локальных групп таджиков изучаемой территории, а также проследить весь путь проникновения в Среднюю Азию тюрко-монгольских племен и народностей, наименования которых встречаются среди родоплеменных названий узбекского населения. Моя задача — осветить более поздние периоды этнической истории населения бассейна правых притоков Амударьи (преимущественно XVIII — начало XX в.).

* * *

Южные районы Таджикистана и Узбекистана, представляющие собой ныне процветающие области с высокоразвитым сельским хозяйством, современными индустрией и транспортом, мощными электростанциями, научно-исследовательскими центрами, высшими учебными заведениями, с множеством малых и больших городов (среди них столица Таджикистана Душанбе и административный центр Сурхандарьинской области Узбекистана — Термез), всего 100 лет назад были для европейской (в том числе русской) науки неизведанными странами, о которых имелись лишь сведения древних и средневековых авторов, а для нового времени только расспросные данные.

Первым русским ученым, посетившим восточные бекства Бухарского ханства, был Н. А. Маев. В 1875 г. Гиссарская экспедиция под его руководством побывала во всех бекствах, расположенных на этой территории. В своем отчете, написанном в виде путевых очерков, он сообщает, что основное население Гиссарского края и Куляба — таджики и узбеки, что в небольшом количестве здесь имеются среднеазиатские цыгане, евреи, индусы, афганцы, а также недавние пришельцы — казахи

и туркмены, расселившиеся по побережью Амударьи [207, 267, 268]. Н. А. Маев приводит названия наиболее крупных узбекских племен Гиссарского края и указывает места расселения каждого из них. Большой интерес представляют для нас его сведения об отдельных городах и селениях, зимовках и летовках, встречавшихся на пути экспедиции.

В 1878 г. Маев совершил вторую экспедицию по Бухарскому ханству, во время которой посетил ряд местностей в самых западных районах Шерабадского и Байсунского бекств, не обследованных им в предыдущую поездку [208, 280—320].

С этого времени дореволюционная литература постепенно пополняется сведениями о населении Восточной Бухары. Отдельные, порой очень ценные этнографические материалы можно найти в трудах русских путешественников, посетивших в конце XIX — начале XX в. Восточную Бухару. В большинстве своем это офицеры генерального штаба, а также ученые [28, 426—434; 269; 194; 323; 59; 98; 81; 348; 349; 196; 197; 198; 310; 291].

Более или менее подробное описание национального состава населения и размещения отдельных этнических групп (в том числе и узбекских племен) имелось лишь по двум бекствам: по Кулябу [1] — М. А. Варыгина [80] и по Курган-Тюбе — П. И. Гаевского [97].

Если соседние с интересующей нас областью территории (Верхний Зеравшан, Каратегин и Дарваз) еще до революции, а затем в 20-е и 30-е годы были охвачены специальными этнографическими исследованиями, то Куляб и районы к югу от Гиссарского хребта оставались в этом отношении почти неизученными [176; 119]. Из дореволюционных исследований можно назвать лишь экспедицию 1898 г., организованную Обществом естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, в составе А. А. Бобринского, И. В. Богоявленского и А. А. Семенова. Наряду с обследованием Верхнего Зеравшана, Каратегина и Дарваза экспедиция посетила Гиссарскую долину, долину Яхсу и полосу вдоль Пянджа и Амударьи от Чубека до Термеза. Публикации участников этой экспедиции, относящиеся к изучаемой мною территории, носят характер путевых очерков, в которых наряду с другими этнографическими сведениями содержатся сообщения о национальном составе населения этих мест [303, 961—992; 304, 98—122; 300].

В первые годы установления Советской власти в Средней Азии для целей социалистического строительства было органи-

---

[1] В настоящей работе названия Куляб, Хисар, Кабадиан, Курган-Тюбе, Денау, Байсун, Шерабад употребляются не как названия городов, а как названия исторически сложившихся районов и областей (случаи, когда речь идет о городах, оговариваются особо). Термины область, район используются не в значении административных единиц, а в значении историко-культурных областей, районов.

зовано всестороннее ее изучение, в том числе определение численности и этнического состава населения. Для избранной мною темы очень большую ценность представляют материалы специальной Комиссии по районированию Средней Азии, которая работала по заданию Президиума Среднеазиатского экономического совета и представила необходимые сведения для административного, экономического и национального районирования вновь образованных советских социалистических республик Средней Азии [228; 230].

Для сбора сведений Комиссия направила в Бухару и Хорезм специальную экспедицию. Руководителем экспедиции в Восточную Бухару был Н. Е. Васильев. Общее руководство всеми работами осуществлял И. П. Магидович. Экспедиция проводила обследование Бухары с сентября 1924 по февраль 1925 г. В ее задачи входило уточнение границ административных районов, составление списка населенных пунктов с установлением количества хозяйств в каждом из них, а также численности жителей с указанием преобладающей национальности и родо-племенной группы. Необходимо было также собрать краткие сведения об источниках орошения и некоторые сведения экономического характера [2].

Несмотря на то что экспедиция работала в сложнейших условиях — в местах, где до этого никогда не проводились статистические обследования, где в отдельных районах еще бесчинствовали шайки басмачей,— и была вынуждена поэтому собирать материалы методом административного опроса (сельская администрация и представители каждого населенного пункта вызывались в определенные центры) [228, 11], материалы экспедиции и последующая их обработка заслуживают самой высокой оценки [3]. Руководитель экспедиции и автор главы о населении в книге «Материалы по районированию Средней Азии» И. П. Магидович сумел, опираясь главным образом на труды В. В. Бартольда и Н. А. Аристова, систематизировать и научно интерпретировать весь собранный материал по этническому составу населения.

В указанном труде приведены данные о численности и расселении не только всех национальностей, но и основных родоплеменных групп, зафиксированных внутри каждой из них. Публикуется список всех зарегистрированных экспедицией мелких родовых названий с указанием (где это возможно), к какому народу и племени оно относится.

---

[2] В трудах Комиссии под названиями Бухара и Хорезм имеются в виду Бухарская и Хорезмская народные советские республики. Во время национального размежевания часть территории БНСР отошла к Узбекской ССР, а другая часть, где преобладало таджикское население, — к Таджикской АССР, которая в то время входила в состав УзССР.

[3] Оценка изданных Комиссией по районированию Средней Азии материалов по Бухаре и Хорезму дана Т. А. Жданко [121, 22—24].

Чрезвычайно малая изученность населения Восточной Бухары и применение, как отмечалось выше, единственно возможного тогда метода административного опроса, отразились на материалах Комиссии и в очерке И. П. Магидовича — в них встречаются неточности, которые, правда, совсем не умаляют большого значения этого труда, как практического (для своего времени), так и научного (вплоть до наших дней). Интересно, что в это же время Комиссия впервые составила и опубликовала «Этнографическую карту бывшей республики Бухары». Она приложена к первой книге материалов Комиссии [228].

Рассматривая этнический состав отдельных национальностей, И. П. Магидович стремился выяснить происхождение каждой группы, используя для этой цели всю имевшуюся тогда историко-этнографическую литературу. Многие его выводы полностью подтвердились дальнейшими этнографическими исследованиями, однако отдельные вопросы не могли быть окончательно решены без сплошного этнографического изучения населения Бухары. К числу таких вопросов относился, в частности, вопрос о национальной принадлежности отдельных групп местного населения. Так, например, в 1924 г. среди таджиков, проживавших на территории бывшего Бухарского ханства, около 20 тыс. человек к названию своей национальности прибавляли наименование того или иного узбекского племени, а 63 535 человек назвали себя чагатаями [228, 231—233]. Было неясно, отнести ли их к таджикам или к узбекам. И. П. Магидович считал их таджиками, впитавшими тюрко-монгольские элементы [228, 231]. П. П. Введенский, основываясь на том, что для таджиков, как и для любого оседлого народа, характерно деление не на родо-племенные, а на территориальные группы, писал, что все эти группы «не таджики, а только национальности, говорящие на таджикском языке и живущие среди таджиков» [84, 46].

Происхождение и время расселения на территории Бухары ряда узбекских племен также оставались неясными.

В тот период разработка этих вопросов имела не только научное, но и самое непосредственное практическое значение, связанное с задачами национально-государственного и хозяйственно-культурного строительства в республиках Средней Азии. Поэтому советские и партийные органы привлекали для изучения этнического состава страны видных ученых. Так, в 20-х годах в Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран при Академии наук СССР работал видный этнограф-иранист И. И. Зарубин. В эти годы он издал две работы [127; 128], основанные на статистических данных, которые не отличались полнотой и большой точностью. Ввиду этого И. И. Зарубин должен был провести кропотливую работу по дополнению и корректированию этих данных на основании литературных и архивных материалов, а также письменных и уст-

ных сообщений местных исследователей [100, 21]. По устному свидетельству самого И. И. Зарубина, подобный труд подготавливался им и по нашим районам, но не был завершен.

Много ценных сведений содержит книга под скромным названием «Учебное пособие по географии Таджикистана (курс родиноведения)» [211], принадлежащая перу прекрасного знатока Средней Азии профессора Н. Г. Маллицкого. В этом труде в тесной связи с географическим описанием Таджикистана приведена и этнографическая характеристика населения. Наряду с данными, заимствованными из материалов Комиссии по районированию Средней Азии и других литературных источников, в этой книге содержится много личных наблюдений Н. Г. Маллицкого; в ней излагаются также взгляды автора на происхождение отдельных этнических групп, в частности узбекских племен.

Первые собственно этнографические экспедиции в интересующие нас районы были проведены в 20-х годах. В 1924 и 1925 гг. М. С. Андреев и Е. М. Пещерева совершили две длительные поездки в высокогорные области Таджикистана, в том числе в Гиссарский край и Куляб. В Хисаре они обследовали таджикское население ряда местностей на южном склоне Гиссарского хребта, в частности Ромита, Варзоба и г. Душанбе, а в Кулябе — района Кангурта и верховьев Яхсу. Основной задачей экспедиции было изучение быта населения горных районов Таджикистана. В публикациях участников экспедиции содержатся хотя и очень краткие, но ценные для нас сведения о расселении таджиков, об отдельных селениях и городах, об общем культурно-бытовом облике таджиков обследованных местностей Гиссарского края [19; 20; 176, 58, 59].

В 1925 г. вышла в свет работа М. С. Андреева «По этнографии таджиков» [23], представляющая собой первую сводку литературных данных и полевых материалов исследователя. М. С. Андреев в историческом плане прослеживает расселение таджиков в Средней Азии и за ее пределами и приходит к заключению, что они были оттеснены в горы в результате многократных завоеваний Средней Азии кочевыми народами. Вопрос о том, почему в конце XIX — начале XX в. таджики жили преимущественно в горах, занимал всех исследователей истории народов Средней Азии вплоть до последних лет, и я коснусь его в дальнейшем в связи с интерпретацией своих полевых материалов. В рассматриваемой работе М. С. Андреев приводит данные о том, в каком значении население отдельных районов употребляло термины «таджик» и «сарт», о расселении ягнобцев на южном склоне Гиссарского хребта и по многим другим вопросам, связанным с этнической историей [4].

---

[4] Сборник «Таджикистан», в котором опубликована работа М. С. Андреева, был издан Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, наиболее полную характеристику деятельности которого дали Х. Ф. Акрамова и Н. М. Акрамов [17, 96—113].

В 1928 г. в Шерабадском оазисе и Байсуне работала этнолингвистическая экспедиция вновь организованного тогда в Самарканде Научно-исследовательского института. В ее составе были этнографы Л. П. Потапов и Г. А. Юнусов, а также фольклорист Х. Зарифов. Эта первая этнографическая экспедиция в Сурхандарьинскую область, по-видимому, носила рекогносцировочный характер и не имела широкой программы работ. В небольшой статье Л. П. Потапова, основанной на материалах поездки 1928 г., приводится легенда о происхождении узбекского племени конграт, представляющая интерес для темы данного исследования [280, 37, 38]. Она будет рассмотрена ниже (см. стр. 220, 221).

В начале 30-х годов в среднеазиатских республиках широко развернулось изучение природных богатств и производительных сил края. В связи с этим в 1932 г. в составе Таджикско-Памирской экспедиции был организован отряд по изучению населения Таджикистана. Одна из двух групп этого отряда работала в Каратегине и Дарвазе, другая, в составе С. М. Абрамзона и А. Н. Кондаурова, проводила исследования в Южном Таджикистане. Ее маршрут охватывал Локай-Таджикский, Курган-тюбинский, Джиликульский, Бауманабадский (бывший Сарайкамарский) и Кулябский районы. Основные полевые материалы этой экспедиции остались неизданными. Опубликованы лишь краткие отчеты С. М. Абрамзона.

Для нас могла бы иметь важное значение карта «Схема нацменрайонов», приложенная к отчету об этнографической работе [6], но она, к сожалению, неполна, а в отдельных местах даже ошибочна (на ней обозначены лишь узбеки Науского района, узбеки-локайцы, джиликульские туркмены, джергетальские и памирские киргизы; весь Западный Памир ошибочно показан как заселенный киргизами). Благодаря любезности С. М. Абрамзона я имела возможность познакомиться с рукописью оставшейся неопубликованной небольшой статьи «К вопросу о племенных, родовых пережитках на территории Таджикистана», написанной им в соавторстве с Д. С. Комиссаровым в 30-х годах. В этой работе имеются некоторые сведения о переселении туркмен-эрсари в Джиликуль, о районах расселения узбеков-катаганов, казахов и киргизов.

В последующие годы — вплоть до 1948 г. — основные интересы этнографов, занимающихся изучением Таджикистана, по-прежнему были сосредоточены на обследовании наиболее отдаленных горных областей — Каратегина, Дарваза, Памира и Ягноба, а также на исследовании городского населения [176, 62, 63; 275, 63—66]. Исключение составили поездки Е. М. Пещеревой для сбора материалов по ремеслам и промыслам: в 1935 г. в долину Варзоба, в 1940 г. в Душанбе и Каратаг и в 1946 г. в Ховалинг и Файзабад. Собранные во время этих поездок материалы впоследствии частично вошли в ее монографию «Гончар-

ное производство Средней Азии», в которой содержатся сведения о населении г. Каратага [271, 135, 136].

В 1940 г. Н. А. Кисляков совершил поездку в Куляб, результаты которой были изложены им в небольшой заметке отчетного характера; в ней затрагивается вопрос о таджиках-чагатаях [171, 34—36].

Однако, как справедливо отмечает А. К. Писарчик, не только поездки отдельных этнографов, но и более широко поставленное Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР изучение Каратегина и Памира, в частности долины Хуф, не были связаны единым планом и осуществлялись от случая к случаю [275, 66].

Планомерное этнографическое изучение Таджикистана началось в 1948 г. после создания по инициативе М. С. Андреева и при горячей поддержке и содействии Б. Г. Гафурова кабинета этнографии при Институте истории, языка и литературы ТаджФАН СССР. Именно с этого года ученые Таджикистана приступают к сплошному этнографическому обследованию республики. Работа эта была начата с наименее изученной Кулябской области [272, 85—97]. Кулябская этнографическая экспедиция продолжила работу и в 1949 г.; материалы, собранные ее участниками, были в последующие годы дополнены и опубликованы в виде статей, а также легли в основу ряда монографий[5].

В задачи Кулябской этнографической экспедиции входило проведение сплошного маршрутного обследования области с целью установления этнической принадлежности жителей каждого селения. Для дореволюционного периода было необходимо выяснить еще и принадлежность к определенной родо-племенной, территориальной, семейно-родственной или сословной группе. Выполнение этой задачи было возложено на руководителя работ Кулябской экспедиции А. К. Писарчик и автора.

В результате проведения сплошного обследования был составлен так называемый колхозно-кишлачный список[6]. В нем перечислены все колхозы Кулябской области на 1949 г. и указаны все населенные пункты на территории каждого из них. В этом списке отмечены (с соответствующей оговоркой) и те кишлаки, которые ко времени обследования перестали существовать (слились с более крупными, были покинуты жителями, переселившимися на более удобные вновь орошенные земли, и т. п.). Для каждого кишлака указана национальная принадлежность его жителей, а для дореволюционного периода и родо-племенная принадлежность населения, названия территориальной, се-

---

[5] В настоящей работе упомянуты только те труды сотрудников Кулябской экспедиции, которые имеют непосредственное отношение к моей теме. Более полный обзор трудов сотрудников Кулябской этнографической экспедиции содержится в других работах [275, 67; 277, 118, 119].

[6] Этот список хранится в архиве Института истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР.

мейно-родственной и других групп. Повсюду, где удавалось отыскать знающих информаторов, были записаны и сведения по истории кишлаков (время основания селения, выходцами из каких мест были первые поселенцы, какие группы влились в состав жителей позже и т. д.).

Для характеристики этнокультурного облика жителей каждого селения (или группы селений с этнически однородным населением) мы выясняли (непосредственным наблюдением или расспросами) те черты материальной и духовной культуры, которые могли служить дополнительными определителями этнической принадлежности (по меткому выражению А. К. Писарчик, «лакмусовыми бумажками»).

Эта методика работы стала для меня основной при маршрутных обследованиях больших территорий во все последующие годы.

Материалы сплошного обследования позволили составить схематическую карту этнического состава населения Кулябской области и написать к ней объяснительную записку с характеристикой основных этнических групп [276]. Они использованы для написания данной монографии, а также ряда других моих работ.

В 1951 г., с организацией Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР и созданием в его составе сектора этнографии, полевые этнографические работы в Таджикистане развернулись еще шире. В основном они были сосредоточены в Дарвазе и Каратегине, а затем в Верхнем Зеравшане в связи с тем, что в этот период происходило массовое организованное переселение горных таджиков на земли нового орошения [275, 68; 119, 89]. Однако таджикские этнографы продолжали обследование и интересующей нас территории, сочетая экспедиционную работу с индивидуальными поездками.

Для освещения истории формирования населения представляют интерес исследования, проведенные Р. Л. Неменовой в Варзобе и в долине Вахша, в его среднем течении. На основании материалов, собранных среди таджиков Варзобского ущелья, Р. Л. Неменова написала монографию (она еще не опубликована) и две статьи [258; 257]. Материалы по привахшским таджикским кишлакам были ею любезно предоставлены мне для ознакомления и использования.

Из работ таджикских этнографов прямое отношение к нашей теме имеют две небольшие публикации А. П. Колпакова: первая основана на сведениях, собранных им в 1928—1929 гг. во время работы в г. Кулябе, вторая явилась результатом участия А. П. Колпакова в работах Кафирниганского отряда Таджикской археологической экспедиции в 1950 г. [181; 180]. Из этих работ я почерпнула некоторые сведения о размещении в городах Куляб и Кабадиан отдельных этнических групп, а также о наименованиях кварталов этих городов.

Насколько мне известно, в Сурхандарьинской области УзССР со времени первой этнолингвистической экспедиции 1928 г., о которой говорилось выше, вплоть до моей поездки 1954 г. (см. стр. 19) этнографических исследований не проводилось. К. Л. Задыхина, осуществлявшая сплошное этнографическое обследование Кашкадарьинской области и предполагавшая со временем заняться изучением населения и Сурханской долины, в 1955 г. вместе с художником И. В. Савицким совершила лишь рекогносцировочную поездку в Шерабадский район. К сожалению, собранные ими материалы не опубликованы.

В 1955 и 1958 гг. среди узбеков-карлуков долины Сурхана этнографические материалы собирал К. Шаниязов. Они вошли в его монографию, посвященную этнографической характеристике последних [367]. В этой книге одна из глав посвящена происхождению и истории расселения указанной группы в пределах Узбекистана, в том числе в долине Сурхандарьи.

В 1958 г. один из отрядов Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Н. А. Кислякова и при участии С. П. Русяйкиной и К. Шаниязова, собиравший материал для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, а также по аграрным отношениям и формам эксплуатации, бытовавшим в Бухарском ханстве, обследовал некоторые районы Сурхандарьинской долины и южного склона Гиссарского хребта, в частности Каратаг. Из публикаций, основанных на собранных отрядом материалах, для нас представляет интерес статья Н. А. Кислякова [174], в которой наряду с описанием хозяйства и быта таджиков селения Сайроб приводятся сведения о происхождении этой небольшой группы таджиков и затрагивается вопрос о таджиках-чагатаях.

В 1959 и 1961 гг. Е. М. Пещерева во время нашей совместной поездки в составе Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР вела исследования в г. Байсуне и в верховьях Шерабаддарьи. Хотя вопросами истории формирования этнического состава населения она специально не занималась, но ею сделано много записей по этой теме. Эти материалы Е. М. Пещерева любезно передала мне для использования.

В 1958, 1959, 1961 и 1964 гг. Н. Г. Борозна, также в составе Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР, изучала культуру и быт узбеков-дурменов низовьев Кафирнигана и Бабатагского хребта. Собранные материалы изложены в ее кандидатской диссертации [69], отдельные разделы которой опубликованы и содержат некоторые сведения по истории расселения этой группы в Южном Таджикистане, о ее родовом составе, а также легенды о происхождении отдельных родов [67, 26—28; 68, 92, 93].

В 1961—1962 гг. Музей истории народов Узбекистана АН УзССР организовал экспедицию в Сурхандарьинскую область

для сбора этнографических материалов и для приобретения экспонатов. В научном отчете руководителя экспедиции М. Х. Султанова приведены важные данные для историко-этнографической характеристики жителей селения Дашнавад Сариасийского района [325, 71—75].

В 1971 г. Б. З. Гамбург совершил поездку в Сурхандарьинскую область для выявления типов традиционных земледельческих орудий в связи с составлением Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, а также с целью пополнения фондов Государственного музея этнографии народов СССР. Он любезно передал мне рукопись своего научного отчета о поездке 1971 г., в котором приведен список кишлаков посещенных им сельсоветов Байсунского, Шерабадского, Денауского и Джаркурганского районов с указанием национальной принадлежности их жителей. В этом отчете указаны также родо-племенные группы, к которым в прошлом относились узбеки каждого селения. Эти материалы в значительной мере совпадают с данными, собранными мною ранее. Сведения об этническом составе жителей по Джаркурганскому и Шерабадскому районам несколько дополнили мои представления о расселении узбеков-конгратов.

В 60-х годах в средней части долины Сурхандарьи собирали этнографические материалы аспиранты Института истории АН УзССР И. Хидоятов и Т. Ташбаева. И. Хидоятов опубликовал две статьи, посвященные этническому составу населения и особенностям сельскохозяйственных занятий жителей Сариасийского и Денауского районов [357; 358].

Краткие сведения о родо-племенном составе узбеков (с беглым указанием территории обитания отдельных племен) опубликованы диалектологом Х. Данияровым. Они накапливались у исследователя в течение ряда лет в процессе сбора материалов по узбекским говорам большинства областей Узбекистана, в том числе и Сурхандарьинской [118, 78—93]. Содержащиеся в указанных выше работах данные о населении послужили дополнительным источником для предлагаемого исследования.

Одним из подсобных материалов были для меня данные Всесоюзной переписи 1926 г. [222; 223]. В опубликованных сведениях указаны число хозяйств, численность и национальная принадлежность жителей каждого населенного пункта. Из этнографических групп выделены только собственно тюрки, и то лишь в двух районах. Эти материалы требуют критического подхода, особенно по районам со смешанным таджикско-узбекским населением; цифровые показатели, естественно, не могут считаться соответствующими дореволюционному периоду.

Наряду с этнографическими и статистическими данными, содержащимися в опубликованных трудах, касающихся непосредственно южных районов Узбекистана и Таджикистана, первоисточниками служили мне и фактические материалы, име-

ющиеся в работах дореволюционных ученых и краеведов, писавших о Бухарском ханстве в целом или о других его областях, а также о Туркестанском крае. К таким исследованиям относятся работы Н. В. Ханыкова, В. В. Радлова, Л. Н. Соболева, А. Д. Гребенкина, А. П. Хорошхина, Г. А. Арандаренко, В. Л. Вяткина и др. [356; 284; 314; 104; 105; 103; 360; 28; 93]. Сведения о родо-племенном составе узбеков, содержащиеся в трудах этих ученых, в большинстве своем были обобщены и впервые научно интерпретированы в известной статье Н. А. Аристова [30, 277—456].

Большой интерес для настоящей работы представляют исследования, касающиеся этнического состава и этнической истории населения Афганистана, особенно северных областей этой страны, в течение многих веков связанных со Средней Азией общностью исторических судеб. В числе первых работ, специально посвященных этой проблеме, следует отметить труды Н. А. Аристова, в которых систематизированы и обобщены все данные о населении Афганистана, накопившиеся к концу XIX в. [31; 29]. Одним из первых, кто проводил полевые этнографические исследования в Афганистане, был М. С. Андреев [24]. Среди работ последующего десятилетия выделяется исследование Гуннара Ярринга о тюркских племенах Афганистана, в котором сведены и систематизированы все известные к тому времени в научной литературе, а также собранные автором на месте данные о расселении и родо-племенном составе тюркоязычного населения Афганистана [384].

К середине 50-х годов сводом известных в научной литературе этнографических данных о населении Афганистана является написанная М. Г. Аслановым, Э. Г. Гафферберг, Н. А. Кисляковым, К. Л. Задыхиной и Г. П. Васильевой глава «Народы Афганистана» в книге «Народы Передней Азии» [250] из серии «Народы мира», изданной Институтом этнографии АН СССР. К этой главе приложены список литературы и карта народов и этнографических групп Афганистана, составленная С. И. Бруком [7].

С 40-х и особенно с 50-х годов лингвистические и этнографические исследования на территории Афганистана постепенно принимают все более систематический характер. Среди неафганского населения ученых особо интересуют нуристанцы (кафиры), жившие и отчасти продолжающие жить в большой изоляции, а также группы, происхождение которых еще полностью не выяснено,— это хазара, аймаки, моголы и некоторые другие [8].

---

[7] Указанная карта с объяснительной запиской, содержащей характеристику источников для ее составления и данные о численности каждой этнической группы, была впервые опубликована С. И. Бруком [72, 67—81]. Эта же карта приложена Х. Шурманном к его монографии о моголах Афганистана [387].

[8] Библиография этнографических работ по Афганистану содержится во многих специальных исследованиях [215; 216; 333; 387; 380].

Наименее изучено пока пестрое по этническому составу население Северного Афганистана. Правда, в настоящее время на левобережье Амударьи успешно работают швейцарские этнографы Мишелин и Пьер Сентливр, которые, вероятно, заполнят этот пробел [380, 185, 186].

Антропологическими исследованиями охвачено большинство этнических групп изучаемой территории. В 1933 и 1937 гг. В. В. Гинзбург обследовал таджиков Кулябской области и южного склона Гиссарского хребта. В 1950—1952 гг. сотрудники кафедры антропологии Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина под руководством профессора Л. В. Ошанина провели антропологическое исследование населения южных районов Узбекистана и Таджикистана. Полевые исследования в Сурхандарьинской области были осуществлены К. Наджимовым, а в южных районах Таджикистана — В. Я. Зезенковой. Выводы антропологов относительно места, занимаемого таджиками изучаемых районов в ряду таджиков других областей Среднеазиатского междуречья, о происхождении отдельных узбекских племен и об участии таджиков в их формировании согласуются с результатами этнографических изысканий [102; 247; 264; 265].

Большой интерес представляют для меня антропологические исследования, проведенные Г. Ф. Дебецом в Афганистане. Материалы по таджикам и различным узбекским племенам показали, что резких антропологических различий между ними нет. Г. Ф. Дебец считал это результатом сильного смешения узбеков с таджиками [112, 88; 114; 115]. Большое внимание уделил последний и проблеме происхождения хазара и моголов. Его работы выявили одно загадочное на первый взгляд явление: моголы, которые сохранили свое этническое название и предки которых в Афганистане еще недавно сохраняли и монгольский язык, оказались менее монголоидными, чем хазара и даже узбеки и туркмены [113, 6; 112, 89]. Это наблюдение, однако, согласуется с этнографическими данными как по моголам Афганистана, так и по тем группам узбеков Среднеазиатского междуречья, предки которых в недавнем прошлом сохраняли самоназвание могол, мугул в качестве племенного имени (см. стр. 205—207).

Г. Ф. Дебец не считал свои материалы достаточными и указывал на необходимость дальнейших работ как по обследованию не посещенных им областей Афганистана, так и по более глубокому изучению отдельных этнических групп, включив в программу сбор материалов по группам крови и по дерматоглифике. Он особо подчеркивал, что при полевых исследованиях и в ходе интерпретации антропологических материалов он остро ощущал недостаток этнографических данных [113, 6, 7; 112, 93].

Из приведенного обзора этнографического изучения южных районов Таджикистана и Узбекистана видно, что вплоть до

второй половины 40-х годов жители Сурхандарьинской области Узбекистана, а также узбекская часть населения южных районов Таджикистана оставались совершенно неисследованными. Поэтому Институт истории, археологии и этнографии АН ТаджССР организовал этнографическое изучение не только таджикского, но и узбекского населения республики.

Эту тему я начала разрабатывать в 1945 г. с изучения одной из наиболее многочисленных и компактно расселенных групп узбекского населения Таджикистана — локайцев, происхождение которых оставалось неясным и могло быть освещено лишь в результате этнографического исследования. Полевые работы среди локайцев я проводила и в последующие годы — в 1947, 1948—1950 [155; 165].

В 1948—1949 гг. я приняла участие в изучении этнического состава населения Кулябской области. Эта работа проводилась под руководством и при непосредственном участии А. К. Писарчик. Собранные мною материалы опубликованы в нашей совместной статье, а также использованы при написании других работ об узбекском населении юга Таджикистана, в частности в указанных выше исследованиях о локайцах и близких им группах семиз и кесамир [161]. В 1952 и 1953 гг. в составе Хуттальского отряда (начальник Б. А. Литвинский) Таджикской археологической экспедиции я продолжала изучение самых южных районов Таджикистана. Помимо Куляба была обследована южная часть долины Вахша, где в начале XX в. жило очень пестрое в этническом отношении население, среди которого преобладали узбеки.

В 1954 г. я приступила к изучению другой большой группы узбекского населения Южного Таджикистана — карлуков. Эта группа в своем названии донесла до наших дней наименование одного из наиболее древних и многочисленных тюркских народов. Их изучение вывело меня за пределы Таджикистана, ибо отдельные группы их встречались в Сурхандарьинской области и в других районах Узбекистана. Мною были обследованы карлуки Куляба, бассейна Таирсу, Яванской долины, южного склона Гиссарского хребта, бассейнов Сурхана и Кашкадарьи, а также Бухарского и Каракульского оазисов. Попутно я занималась изучением узбеков группы тюрк, а также знакомилась с другими этническими группами местного населения, с которыми карлуки и тюрки жили вперемежку и в тесном общении.

В процессе полевых исследований выявились глубокие экономические и историко-культурные взаимосвязи всего населения бассейна правых притоков Амударьи, которые сделали необходимым общий обзор истории его формирования. Для этого в составе Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР я совершила еще шесть поездок (в 1957, 1959, 1961, 1964, 1966 и 1971 гг.) в Сурхандарьинскую область и южные районы Таджикистана. Часть материалов,

собранных во время этих экспедиций, опубликована в виде статей и сообщений [154; 158; 167; 159; 156; 163].

Для более полного изучения таких групп, как тюрки, карлуки, конграты, я совершила специальные поездки в Кашкадарьинскую область УзССР, в Чаршангинский район ТССР, в Фергану, Ура-Тюбе и Верхний Зеравшан. Большой сравнительный материал получен в результате проведения сплошного этнографического обследования Самаркандской области Среднеазиатской экспедицией Института этнографии АН СССР (автор является одним из основных исполнителей этой работы).

Следует отметить, что не все этнические группы рассматриваются в настоящей монографии с одинаковой полнотой. Автора больше интересовали различные группы узбеков, особенно потомки так называемых полукочевых узбекских племен, оставшихся совершенно неизученными в этнографическом отношении. Среди исконного оседлого населения более подробно изучались таджики и узбеки чагатай ввиду сложности их происхождения.

В качестве основного первоисточника настоящей работы были привлечены полевые материалы двух видов: сведения об этническом составе жителей и о расселении отдельных этнических групп в конце XIX — начале XX в. и народные предания о происхождении родо-племенных и семейно-родственных групп, об основании отдельных населенных пунктов, о миграциях и событиях, их вызвавших.

Большое место среди полевых материалов первого вида принадлежит родо-племенной этнонимии узбеков, ибо генеонимия давно признана одним из основных источников при этногенетических исследованиях. Подвижность родо-племенной структуры тюркских народов — способность родов легко распадаться и столь же легко объединяться в новых комбинациях и легко включать в свой состав новые компоненты (нередко иной этнической принадлежности) — определила значение родо-племенной этнонимии как исторического источника.

Советские ученые, изучающие тюркские народы, накопили богатый опыт в использовании этнонимического материала для этногенетических исследований. Анализ и обобщение этого опыта позволили Р. Г. Кузееву разработать и применить для исследования происхождения и истории формирования башкирского народа метод историко-стратиграфического членения массового этнонимического материала: внутри каждого народа выделяются этнонимические пласты и определяются последовательность и хронология включения носителей выделенных пластов в процесс этнического развития данного народа [189; 187, 9—21]. Историко-стратиграфическое членение массового этнонимического материала в пределах отдельно взятых народов, например всех тюркских, монгольских и финно-угорских, а затем сопоставление полученных выводов с данными лингвистики, антропологии, ар-

хеологии и других дисциплин с целью разработки схемы развития этнических процессов для обширного региона — таковы перспективы сравнительно-генетического изучения тюркской этнонимии, намеченные Р. Г. Кузеевым [189, 13, 14]. Реальность осуществления этого обширного плана в будущем очевидна.

В этой связи самой неотложной задачей является фиксация и публикация этнонимического материала по отдельным народам. Однако в наши дни сбор материалов по этой теме представляет значительные трудности, в частности среди узбеков, процесс оседания среди которых и утраты родо-племенных названий начался со времени расселения их в Мавераннахре.

В советский период в процессе консолидации узбекской социалистической нации происходила интенсивная интеграция родо-племенных и локальных групп. Население отдельных историко-культурных областей в Таджикистане и Узбекистане, а также потомки тех, кто в прошлом входил в состав тех или иных узбекских племен, в наши дни сохраняют лишь некоторые особенности в культуре и быту, представляя собой обычные этнографические группы, аналогичные имеющимся в составе каждого более или менее крупного народа (например, северные и южные русские, поморы и казаки в составе русского народа, мишари в составе татар, баварцы, баденцы и другие в составе немцев и т. д.). Специфические особенности языка, быта и культуры, обусловленные происхождением каждой данной группы и многовековыми исторически сложившимися традициями, естественно, не могли полностью исчезнуть за годы Советской власти, как бы интенсивно ни протекали процессы интеграции этнографических групп и консолидации социалистических наций. Однако родо-племенная структура, генеалогия, представления о племенной территории ныне являются лишь воспоминаниями, сохранившимися в памяти преимущественно старшего поколения.

Представленные в этой книге материалы я собирала в течение многих лет, многократно проверяя и дополняя сообщения каждого информатора. И все же в приведенных ниже сведениях, в частности в генеалогических таблицах, много пробелов (особенно среди названий родовых подразделений), заполнить которые мне пока не удалось.

Этнографические материалы второго вида, т. е. материалы нарративного характера, позволяют ретроспективно, с большой достоверностью осветить последние 100—150 лет, а для того, чтобы осветить более ранний исторический период, я сопоставляла их с доступными для меня средневековыми письменными источниками.

Большое значение для разработки избранной мною темы имели исследования советских ученых по исторической этнографии тюркоязычных народов нашей страны — С. П. Толстова, Л. П. Потапова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Р. Г. Кузеева, В. Г. Мошковой, Г. П. Васильевой, В. В. Вострова, М. С. Мука-

нова и др. В их трудах содержатся многочисленные конкретные данные, которые я привлекла в качестве сравнительного материала.

* * *

Выход в свет капитальных трудов по истории Средней Азии, в соответствующих разделах которых освещены социально-экономические и политические условия формирования таджикской и узбекской народностей [149; 150; 142; 143; 144; 99], а также исследований, специально посвященных истории Средней Азии в позднее средневековье [135] и истории Восточной Бухары или отдельных ее бекств [140; 138; 139; 354; 375; 206], сделали излишним написание большого исторического введения. Я позволю себе вкратце остановиться лишь на тех моментах в истории изучаемых районов, которые оказали непосредственное влияние на формирование их населения.

Территория интересующих нас районов в античное время составляла северную часть Бактрии — одной из богатейших и культурнейших областей древнего мира. Хотя эта обширная страна славилась своим скотоводством (особенно коневодством [57, 162—167]), ее благосостояние и культура, как и других древневосточных государств, основывались на орошаемом земледелии. Долины Пянджа-Амударьи и ее притоков до недавних пор в значительной мере занятые болотами или пустынями, в древности были изрезаны оросительными каналами и представляли собой культурные оазисы с многочисленными городами, центрами ремесла и торговли. Бактрию сменила держава Кушан. Внутренние социально-экономические процессы и вторжение Сасанидского Ирана и кочевых народов привели ее к гибели. Вслед за этим рассматриваемая территория входит в состав Эфталитского государства.

В раннефеодальный период (VI—IX вв.) и в последующие три столетия периода развитого феодализма страны, расположенные в бассейне правых притоков Амударьи, поочередно завоевывались иноземными захватчиками и соседними государствами — тюрками, арабами, Саманидами, Газневидами, Караханидами, Сельджуками. Правда, они (эти страны) довольно быстро восстанавливали свое хозяйство и обретали фактическую самостоятельность, находясь лишь в вассальной зависимости от завоевателей. В тот период в правобережном Тохаристане существовали такие процветающие княжества, как Хутталь, или Хутталян (Куляб нынешнего времени), — область, расположенная между Пянджем и Вахшем [56; 321, 87—90]; Кабадиан в низовьях Кафирнигана; Шуман по среднему и верхнему течению Кафирнигана; Вахш, или Вашгирд, по среднему течению Вахша; Ахарун по верхнему течению Сурхандарьи; Чаганиан, или Саганиан, по среднему течению этой реки и Термез — в ее

низовьях. К Тохаристану относились также Вахан и Шугнан и еще Кумед, локализация которого пока не совсем ясна [50, 118—130; 143, 51].

Население большинства этих княжеств было в основном ираноязычным, хотя довольно рано появились здесь и тюрки. Во время путешествия Сюань-Цзяна (630 г.) в Ахаруне и Шумане правили тюркские династии [214, 63]. Имеется сообщение (около 644 г.) о большом количестве тюрков в Тохаристане [199, 122]. Исследователи не раз обращали внимание на сообщение Хой Чао, относящееся к 726—727 гг., о том, что половину населения Хутталя составляют тюрки [321, 89]. Этот же путешественник сообщал также, что в Хуттале, Кумеде и Вахане цари были тюрками [214, 63]. Можно предполагать, что в этих владениях было какое-то число тюрков, хотя бы в качестве приближенных правителя и его гвардии, как это наблюдалось в VII в. в левобережных областях Тохаристана — в Гандхаре и Забулистане [382, 449].

Особенно возросла роль тюрков в Тохаристане в первой половине XI в., когда правобережная его часть входила в состав Газневидского государства, хотя правителями отдельных областей по-прежнему оставались представители местных династий. Так, Бейхаки сообщает, что во время посещения им Термезской крепости начальником ее был Кутлуг «гулям Себук-тегина, человек знатный и с весом» [13, 325]. Судя по имени, он был тюрком. Из тюркских гулямов, по-видимому, состоял и гарнизон. В последующие века, как известно, приток тюрков в Тохаристан возрастает.

После монгольского нашествия Средняя Азия постепенно идет к упадку. Со второй половины XIII в. наметилась тенденция к восстановлению ее экономики, особенно отчетливо проявившаяся в денежной реформе Масудбека [110, 136—141; 99, 457—561], однако периоды относительного процветания бывали кратковременными. Причину этого явления С. П. Толстов видит в монгольском нашествии. Ссылаясь на известные слова К. Маркса о том, что в тех странах Востока. где ирригационное земледелие составляло основу экономики, «одна опустошительная война оказывалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации» [1, 132], С. П. Толстов отмечает, что «в странах Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока последствия монгольского нашествия оказались особенно тяжелыми из-за разрушения созданной трудом многих десятков поколений ирригационной сети» [337, 296] [9].

Однако не только сам факт завоевания и опустошения этих районов был причиной их отставания; причина была глубже, она

---

[9] Насколько сильны были опустошения в результате монгольского нашествия и последующих войн, видно хотя бы на примере Бухарского оазиса [270].

крылась в самой удельной государственной системе, господствовавшей в этих странах в течение почти шести столетий. Она порождала постоянные войны с соседями и особенно внутренние феодальные междоусобицы. Эти войны подрывали экономику, приводили к массовому уничтожению мирного населения, препятствовали нормальному развитию торговых и культурных связей и развитию производительных сил. Нельзя, разумеется, совершенно сбрасывать со счета и перемещение основных торговых путей в результате великих географических открытий.

Как известно, в XIV в. кочевые тюрко-монгольские племена поселились в самом Мавераннахре (арабское название Среднеазиатского междуречья), в его культурных оазисах. Именно в XIV в., как отмечает В. В. Бартольд, здесь возникает новая удельная система, существенно отличавшаяся от прежней. Уделы раздавались теперь не представителям ханского рода, а основным тюрко-монгольским племенам, составлявшим военную силу государства [42, 236—264]. Известно месторасположение уделов четырех тюрко-монгольских племен, представители которых были в составе четырехтысячного коренного монгольского войска, выделенного в свое время Чингисханом своему сыну Чагатаю. Так, удел джалаиров был в бассейне Сырдарьи с главным городом Ходжентом, барласов — в долине Кашкадарьи с главным городом Шахрисябзом, каучинов — на правобережье Пянджа в районе Сарайкамара, а арлатов — на левобережье в районе Балха, а также в районе Термеза [42, 264].

В результате подобной удельной системы власть в Мавераннахре перешла в руки военно-кочевой аристократии и фактически вплоть до присоединения Средней Азии к России оставалась в руках феодальной верхушки — сначала тюрко-монгольских, а позже узбекских племен. Хотя периодически в этом районе на короткое время и устанавливалось подобие централизованного государства (периоды правления Тимура — типичного представителя военно-кочевой аристократии тюркских племен, Абдуллахана и, наконец, период Мангытской династии), до конца преодолеть феодальную раздробленность не удавалось. Непродолжительные периоды восстановления экономики и относительного процветания сменялись длительным временем бесконечных феодальных междоусобных войн, в которые втягивались кочевники степей и пустынь, вплотную подходивших к оазисам, а также соседние государства. В таких условиях, без твердой централизованной власти, невозможно было ни восстановить, ни поддерживать ирригационную сеть, ни защитить страну от набегов кочевых народов или вторжений соседних феодальных государств. Как отмечает С. П. Толстов, «прерванный событиями XIII—XIV вв. процесс формирования в Средней Азии централизованной феодальной монархии в этих исторических условиях не мог возобновиться» [337, 297].

Удельная, племенная система была характерна и для узбеков — кочевых племен Дашти-Кипчака, которые в конце XV—начале XVI в. во главе с Шейбани-ханом завоевали Мавераннахр и поселились там. Как отмечает П. П. Иванов, «родо-племенная организация узбеков представляла собой своеобразную хозяйственно-политическую и административную единицу, в пределах которой замыкалась деятельность основной массы узбекского населения. Разверстка податей и налогов, раздел земли и воды, вербовка в войска и т. д. производились по племенам. Каждое из племен занимало свою строго определенную территорию, на которой обычно располагались и пастбища, и пашни, а также укрепленные пункты, служившие нередко резиденцией главы племени.

В периоды упадка центральной власти эти «родовые» крепости превращались в центры независимых владений, как это наблюдалось, например, на протяжении XVII и отчасти XVIII вв. [135, 128, 129].

Удельная система по племенам, просуществовавшая в Бухарском ханстве (при Мангытской династии уже в ослабенном виде) вплоть до установления Советской власти, в значительной мере обусловила живучесть родо-племенной организации у полукочевой части узбекского населения.

Многочисленные группы узбеков обосновались в изучаемой области. Недаром Гиссарский край, как отмечают Н. А. Маев и А. А. Семенов, в административных кругах Бухарского ханства назывался Узбекистаном, т. е. страною узбеков [207, 268; 301, 15]. В Байсуне, в районе Термеза и Шерабада вплоть до Гузара на западе располагался юрт (удел) конгратов (одного из крупнейших узбекских племен, другая их часть жила в Хорезме); Гиссарскую и среднюю часть Сурханской долин занимало племя юз (они имели еще владения в Ходженте и Ура-Тюбе); Кабадиан принадлежал дурменам; на значительной части Южнотаджикистанского низкогорья располагались кочевья локайцев, входивших в первой половине XIX в. в состав большого племени катаган, основная масса которого жила в своем юрте — в Кундузе, именовавшемся позже (уже в составе Афганистана) Каттаганской провинцией.

Народы Бухарского ханства по уровню этнического развития являлись типичными народностями феодальной формации, для которых были характерны черты, указывающие на незавершенность процессов национальной консолидации, — они распадались на множество мелких обособленных этнографических групп, причем каждая из них имела свои особенности в культуре и быту, свой говор [121, 13—29; 124, 13—15] [10].

---

[10] В советской этнографии еще нет установившегося определения для этнографической группы. Определяя последнюю как внутреннее подразде-

В Восточной Бухаре, одной из наиболее отсталых и окраинных провинций Бухарского ханства, раздробленность населения, в частности основных народностей — таджиков и узбеков, — была особенно велика. Это дало основание П. П. Введенскому в начале 20-х годов говорить о том, что в Таджикистане среди узбеков племенное и родовое деление «сохранилось более чем где-либо в чистом виде» [84, 46], а И. П. Магидовичу подчеркивать, что среди узбеков-конгратов юго-восточной части Кашкадарьинской области наблюдается «совершенно сохранившийся и весьма крепкий родовой строй» [229, 27], хотя в действительности родо-племенной уклад существовал у полукочевых узбеков лишь в пережиточной форме — племена, роды и их подразделения давно трансформировались. На это одним из первых, еще в 1941 г., обратил внимание П. П. Иванов [11]. На основании изучения письменных источников он пришел к заключению, что не только в XIX в., но и в более ранний период узбекское племя [12], как и туркменское, отнюдь не было доклассовой организацией, что классовая дифференциация в XIX в. была у них весьма значительной и потому «о каком-либо равенстве между отдельными членами родовой организации не могло быть и речи» [135, 127—128].

Племени, как и роду и его подразделениям, были присущи уже феодальная форма собственности, феодальные формы эксплуатации и глубокие классовые противоречия. Пережитки же кровного родства прослеживались лишь в самых низших звеньях родо-племенной структуры — семейно-родственных группах (патронимиях) [11, 142, 152—156; 124, 18, 20]. Таким образом, узбекское племя позднефеодального периода находилось на той стадии общественного развития, когда органы родового строя, по выражению Энгельса, «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» [2, 165]. Для отличия этих сильно трансформированных (принципиально иной социальной сущности) племен феодальной эпохи от племен первобытнообщинного строя Т. А. Жданко предлагает называть их реликтовыми племенами [124, 12].

Как известно, со времени переселения узбекских племен в Мавераннахр происходило их постепенное оседание на этой территории, которое приводило к слиянию с местным оседлым населением и утрате своеобразных черт в культуре и быту.

ление народа, имеющее специфические элементы культуры, большинство исследователей подчеркивает ее локальный (территориальный) характер [364, 33; 71, 32, 33]. Следуя за Т. А. Жданко [122, 14], я различаю этнографические группы двух типов — локальные и генетические. Деление это, конечно, условно, ибо в каждом локальном типе в большинстве случаев присутствует генетический фактор.

[11] Напомню, что труд П. П. Иванова был завершен в 1941 г. [135, 3].

[12] П. П. Иванов вместо термина «племя» употребляет термин «род».

Однако к началу XX в. среди узбекских племен существовало немало групп, еще не полностью осевших или уже осевших, но отчетливо помнивших свою племенную принадлежность и сохранявших в той или иной степени специфику культуры. Поскольку эти группы, подобно локальным этнографическим, составляли органическую часть узбекской народности, Т. А. Жданко считает их этнографическими группами генетического типа [122, 14].

Соглашаясь с Т. А. Жданко в определении места реликтовых племен в классификации этнических общностей, я при изложении материала все же сохраняю в качестве условных научных терминов принятые в этнографической литературе обозначения «племя» и «род».

Пережиточный характер последних у узбеков приводил к нечеткости родо-племенной структуры и неустойчивости терминов для обозначения племени и его подразделений. Так же обстояло дело и с другими тюркоязычными народностями с родо-племенной организацией.

Этот вопрос на материале ряда народов рассмотрен Т. А. Жданко, а затем Р. Г. Кузеевым [123, 77—95; 188. 26—43]. Характерной чертой родо-племенной структуры тюркоязычных народов оба автора считают ее многостепенность и неравномерность количества звеньев. Об этом же говорят и мои материалы. Самые крупные и компактно расселенные племена Восточной Бухары имели в своих генеалогиях по четыре-пять звеньев. Например, племя конграт имело в своем составе пять крупных подразделений (как бы подплемен, употребляя термин, примененный А. И. Першицем по отношению к арабам [268, 71]), каждое из которых распадалось на несколько (неодинаковое число) родов; роды имели свои подразделения, которые в большинстве представляли собой семейно-родственные группы (патронимии), порой весьма разросшиеся и, в свою очередь, распавшиеся на более мелкие семейно-родственные группы.

В начале XX в. у узбеков, как и у ряда других тюркоязычных народов, не было установившегося названия для обозначения каждого звена родо-племенной структуры. Основным, как бы универсальным был термин *уру* или *уруг* (узб. — семя, род и племя вообще). При характеристике родо-племенной структуры мои информаторы для определения племени употребляли в основном именно этот термин, лишь изредка — *таифа* (араб.— племя, род). Для обозначения подразделения племени и рода чаще всего применяли термины *уруг* и *ата* (отец, родоначальник), реже — *шах* (тадж. — ветвь). Только у конгратов я зафиксировала еще названия *орчим* или *орчин* (увеличение, размножение) и *тюбе* (холм, кучка, вершина, макушка). Слова ата, орчим и тюбе мои информаторы употребляли в основном в составе традиционных выражений при изложении генеалогий (например, «12 *ата айынны*, 6 *тюбе тартулы*»). Для обозначения

подразделений рода наиболее употребительными были термины *топ* и *туда* (узб. — куча, группа); реже *авлод* (арабск. — дети, потомки) и еще реже *джамоа* (арабск.— группа, община). Определение семейно-родственной группы порой содержится в самом ее названии — посредством прибавления слова *туган* (рожденный, родившийся, т. е. потомок) к имени, прозвищу или титулу родоначальника, например *Шердан туган* — потомок Шера, *бегдан туган* — потомок бека.

При изложении материалов я буду употребять следующие термины: племя, подразделение племени, род. подразделение рода, семейно-родственная группа, семейно-родственная группа второго порядка. Считаю необходимым еще раз подчеркнуть условность этих терминов и отсутствие такой четкости родо-племенного членения в действительности.

Для таджиков и оседлой части узбеков было характерно деление преимущественно на локальные этнографические группы. Жители отдельных историко-культурных областей и районов и даже отдельных горных ущелий, сохраняя в большей или меньшей степени особенности в говоре и быту, отличали себя от жителей соседних местностей. Однако среди оседлого населения были этнографические группы и генетического типа. Внутри крупных этнографических групп прослеживались более мелкие (второго порядка).

Для оседлого населения южных районов Таджикистана и Узбекистана, особенно для таджиков горных районов, в частности кухистони — жителей верховьев Тупаланга — было характерно деление на родовые группы [357, 131, 132] (подобно таджикам Каратегина и Дарваза [175, 15—26; 331, 66—67]), которые таджики называли *каум* (араб. — народ, племя) и *кунда* (тадж.— пень, ствол), а также таифа, уруг, топ, туда, авлод [13]. Родовые группы распадались на семейно-родственные группы (патронимии), по отношению к которым применялся в основном термин авлод.

Среди оседлого населения культурных оазисов наблюдалось преимущественно деление на семейно-родственные группы, а представления о родовых группах были несколько стерты и не везде сохранились.

---

[13] Указанные термины широко бытовали среди таджиков. Почти все они (за исключением тода и авлод) зафиксированы, например, в Каратегине и Дарвазе — в областях, сопредельных с изучаемой мною территорией [331, 66].

I.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЕГО ГРУПП В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В Бухарском ханстве, как и в большинстве других отсталых восточных государств, никогда не проводилась перепись населения. Правда, в 1914 г. в Восточной Бухаре, по настоянию русских властей, административным путем собрали сведения о численности населения, размерах посевных площадей и количестве скота. Эти данные были сведены по бекствам. Подобная «перепись» была осуществлена и в 1917 г. [279, 179]. В 1924 г. члены экспедиции Комиссии по районированию Средней Азии пытались разыскать в г. Бухаре первичные переписные материалы 1917 г., но обнаружили лишь сводки по бекствам в четырех списках, которые не совпадали друг с другом. И. П. Магидович, специально занимавшийся изучением всех этих материалов, пришел к убеждению, что «никакой переписи в 1917 г. не было, а был, вероятно, бюрократический опрос беков и амлякдаров» [228, 151, 152]. По-видимому, не существует точных данных о численности всего населения интересующих нас бекств, а также отдельных этнических групп. Приблизительное представление об этом дают материалы Комиссии по районированию Средней Азии (табл. 1—3).

Прежде чем определить численность и национальный состав населения по бекствам (табл. 2), необходимо было уточнить границы бекств и нанести их на карту, ибо карты административного деления Бухарского ханства, в том числе ее восточной части, насколько известно, не существует.

Основываясь на данных дореволюционных авторов [350, 163, 164; 323, 267—274; 194, 316; 81, 400, 401; 349, 427; 310, 100—105; 80, табл. XI (карта); 97, 25, 26; 28, 439, 473—479], а также на собственных полевых материалах, я составила карту (см. рис. 1), которая дает более или менее правильное представление о границах восточных бекств Бухарского ханства на конец XIX — начало XX в.

Для лучшей ориентировки в излагаемых далее материалах следует иметь в виду, что изучаемые бекства включали

Таблица 1

Площадь, численность, плотность и концентрация населения на территории изучаемых районов*

Административные единицы в границах 1925 г. и географические районы	Площадь, *кв. км*	Численность городского и сельского населения	Плотность	Число населенных пунктов	Среднее число жителей на 1 населенный пункт	Группировка населенных пунктов по числу жителей								
						до 25 человек	26—50 человек	51—100 человек	101—200 человек	201—300 человек	301—400 человек	401—500 человек	501—1000 человек	Свыше 1000 человек
Душанбинский вилает	13248	137 677	10,4	1315	105	123	302	458	277	79	36	19	18	3
Верховья Кафирнигана	3213	4 945	1,5	86	58	21	29	27	7	2	—	—	—	—
Верховья Душанбе и Ханакадарьи	2018	5 355	2,7	66	81	6	18	28	11	1	1	1	—	—
Долина Душанбе и Ханакадарьи	907	10 727	11,8	122	88	19	31	40	23	6	2	1	—	—
Долина Иляка (правый и левый берег)	544	9 210	16,9	159	58	10	73	64	12	—	—	—	—	—
Долина Кафирнигана (правый и левый берег) до устья Иляка	622	38 080	61,2	229	166	6	34	67	67	24	13	5	11	2
Долина Кафирнигана ниже Иляка, включая и левый берег Иляка и Кафирнигана в Яванском тумане	963	17 744	1,8	155	114	8	18	68	44	9	1	6	1	—
Долина Каратагдарьи	953	20 188	21,2	135	150	6	7	39	47	18	11	3	3	1
Долина Вахша	730	10 870	14,9	145	75	26	43	45	25	3	1	2	—	—
Яванская долина (ключи между Явансу и Кафирниганом и верховья Явансу)	3 298	20 558	6,2	218	94	21	49	80	41	16	7	1	3	—
Кулябский вилает	11 910	131 869	11,1	1598	83	201	479	542	288	55	17	12	3	1
Долина Вахша (в среднем течении)	496	6 165	12,5	54	114	3	11	22	12	3	3	—	—	—

Холмистая степь между Вахшем и Кызылсу	2 141	8 810	4,1	100	88	12	20	41	21	4	—	2	—	—
Долина Кызылсу (с верховьями) и Яхсу (кроме низовьев)	4 071	76 203	18,7	1092	70	151	371	373	168	22	4	3	—	—
Кулябская долина (низовья Яхсу)	2 223	19 181	8,6	151	127	6	24	59	39	13	5	3	1	1
Долина Обихиоу и Пянджа	2 979	21 510	7,2	201	107	29	53	47	48	13	5	4	2	—
Курган-тюбинский вилает	9 288	15 450	1,7	47	329	8	5	10	7	6	1	3	2	5
Курган-тюбинская равнина . .	2 896	1 680	0,9	8	276	—	3	1	2	—	1	—	1	—
Джиликульское плато	1 194	4 085	3,4	7	584	—	—	1	1	1	—	2	1	1
Низовья Кафирнигана	3 833	6 645	1,7	23	289	7	1	6	3	3	—	—	—	3
Долина Пянджа	1 365	3 040	2,2	9	338	1	1	2	1	2	—	1	—	1
Сурхандарьинская область	20 217	134 436	6,6	424	317	8	26	64	120	73	44	20	51	18
Байсунский уезд	4 399	26 685	6,1	68	392	3	2	9	16	9	8	6	11	4
Бассейн Байсундарьи . . .	1 646	10 190	6,2	29	351	2	2	3	5	5	5	3	2	2
Бассейн Гумматака и Айлянгара	1 448	6 935	4,8	25	277	1	—	6	10	3	1	—	3	1
Верховья Шерабаддарьи . .	1 305	9 560	7,3	14	683	—	—	—	1	1	2	3	6	1
Шерабадский уезд	7 024	53 390	7,6	115	464	2	3	7	23	21	13	8	30	8
Долина Амударьи	842	9 686	11,5	14	692	—	—	1	2	—	1	3	4	3
Восточные предгорья Кугитангских гор	1 381	9 715	7,0	18	540	1	—	—	7	2	—	—	6	2
Низовья Сурхана	1 610	6 670	4,1	16	417	—	1	1	—	6	3	—	5	—
Шерабадская долина	2 150	18 034	8,4	46	392	—	—	3	9	13	8	4	7	2
Среднее течение Шерабаддарьи	1 041	9 285	8,9	21	442	1	2	2	5	—	1	1	8	1
Юрчинский уезд	8 794	54 361	6,2	241	226	3	21	48	81	43	23	6	10	6
Верховья Сурхана	3 792	16 067	4,2	77	209	1	3	23	25	11	9	2	2	1
Среднее течение Сурхана	5 002	38 294	7,7	164	234	2	18	25	56	23	14	4	8	5

* По материалам Комиссии по районированию Средней Азии [228, 275—276, табл. 12, 254, табл. 3].

Таблица 2

Национальный состав населения на территории бывших бекств*

Бывшие бекства	Таджики	Узбеки	Туркмены	Арабы	Прочие	Всего	Таджики	Узбеки	Туркмены	Арабы	Прочие
	в абсолютных числах						в процентах				
Шерабад	1 108	23 255	4165	132	920	29 580	3,7	78,7	14,1	0,4	3,1
Байсун	22 539	27 914	—	6	36	50 495	44,7	55,2	—	—	0,1
Денау	9 780	27 180	55	150	1129	38 294	25,5	71,0	0,1	0,4	3,0
Хисар	100 195	51 956	511	—	1082	153 744	65,2	33,8	0,3	—	0,7
Кабадиан	2 735	3 755	80	75	—	6 645	41,2	56,5	1,2	1,1	—
Курган-Тюбе	—	4 690	3625	—	490	8 805	—	53,2	41,2	—	5,6
Бальджуан	63 102	14 991	—	—	—	78 093	80,8	19,2	—	—	—
Куляб	39 661	13 712	—	400	3	53 776	73,8	25,5	—	0,7	—
Всего	239 120	167 453	8436	763	3660	419 432	57,0	39,9	2,0	0,2	0,9

* Таблица составлена на основании материалов Комиссии по районированию Средней Азии [228, 256, 257, табл. 5, 261, табл. 6, 277, табл. 14, 278—279, табл. 15] Население Джаркурганского кента (6615 узбеков и 55 туркмен) отнесено к Шерабадскому бекству, а остальные жители Джаркурганской волости (4810 узбеков) — к Байсунскому бекству. Все население Термезской волости (4375 узбеков и 3930 туркмен) причислено к Шерабадскому бекству.

территории следующих административных единиц, образованных в 1924 г. в результате районирования:

Бекства	Административные единицы (в границах 1924 г.)
Хисар	Душанбинский вилает и Сариасийская волость Сурхандарьинской области
Денау	Миршадинская и Юрчинская волости Сурхандарьинской области
Байсун	Байсунский уезд, Пашхурдская волость и левобережные части Джаркурганской и Термезской волостей Шерабадского уезда Сурхандарьинской области
Шерабад	Шерабадская волость и правобережные части Джаркурганской и Термезской волостей Шерабадского уезда Сурхандарьинской области
Кабадиан	Бешкентский и Кабадианский кенты Кабадианского тумана Кургантюбинского вилаета
Кургантюбе	Джиликульский кент Кабадианского тумана и Кургантюбинский и Сарайский туманы Кургантюбинского вилаета
Куляб	Кулябский и Муминабадский туманы Кулябского вилаета
Бальджуан	Бальджуанский и Ховалингский туманы Кулябского вилаета

Сравнение сведений о численности населения 1924 г. с данными административного опроса 1914 г. показало, что за этот период население территории бывшего Бухарского ханства уменьшилось на 8%. И. П. Магидович считает это вполне вероятным. «Приостановка естественного прироста населения и даже убыль на 8 процентов за последнее десятилетие,— пишет он,— вполне правдоподобное явление. Та же картина наблюдалась и во всем Союзе ССР, особенно в частях, сильно пострадавших (как и Бухара) от интервенции и гражданской войны» [228, 153]. Мои полевые материалы также свидетельствуют о том, что за годы гражданской войны и вооруженной борьбы с басмачеством население здесь значительно уменьшилось, особенно в самых южных районах. Это произошло в результате возвращения на родину большинства иммигрантов из Афганистана, а также перекочевки на левобережье Амударьи части пришлого кочевого населения — казахов, туркмен и арабов. Из коренных жителей в Афганистан бежали активные участники басмаческих банд и их близкие сородичи, крупные баи, духовенство и эмирские чиновники. Значительна убыль и числа горожан: помимо чиновников и крупного духовенства ушли в Афганистан или перебрались в родные места купцы из Карши, Бухары и других городов; поспешили вернуться на родину большинство афганских и индийских купцов и ростовщиков. Кроме того, часть населения погибла в результате террора сначала эмирских войск, а затем басмаческих банд.

Площадь бывшей Бухарской советской республики, примерно соответствовавшей территории Бухарского ханства, составляла

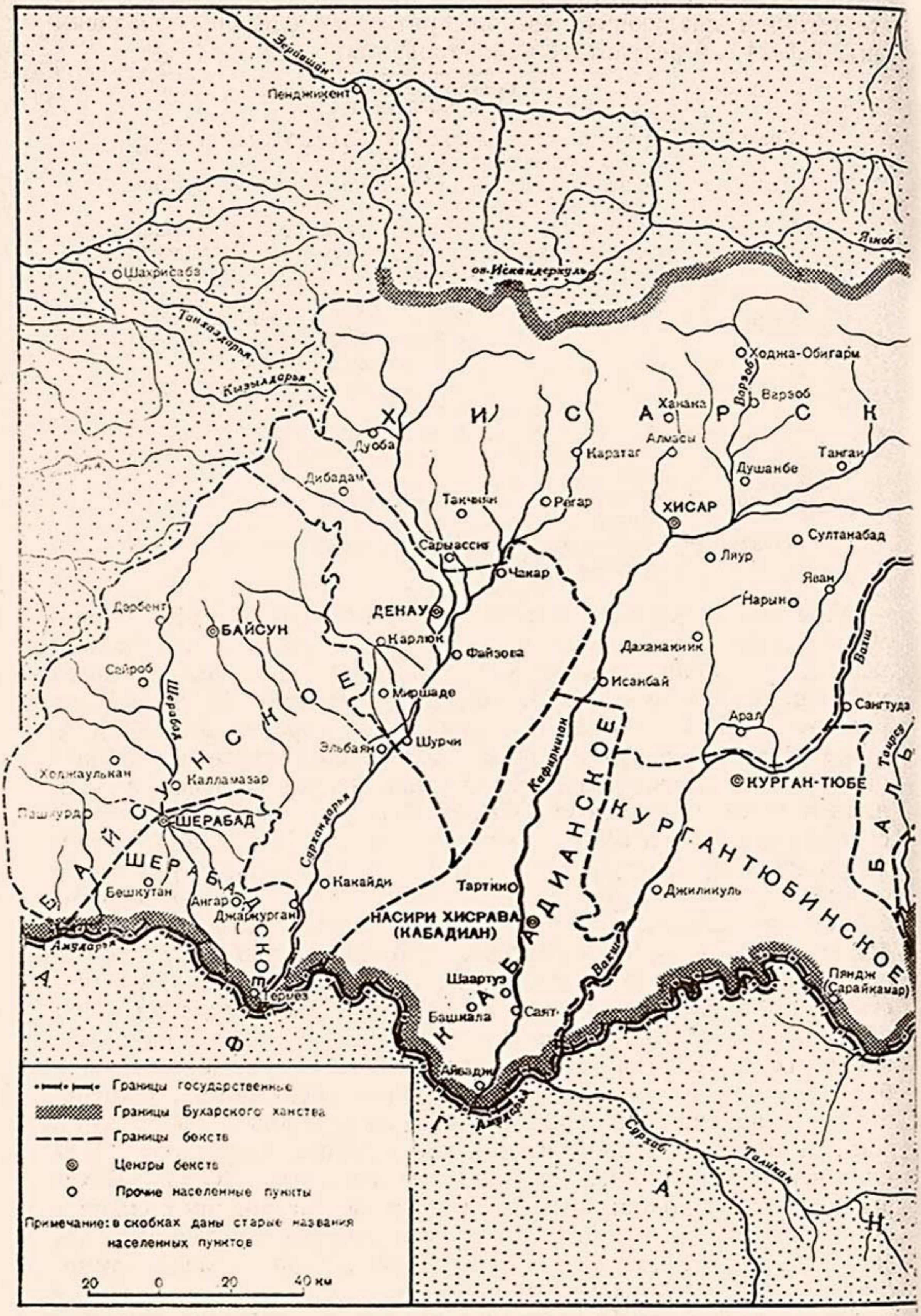
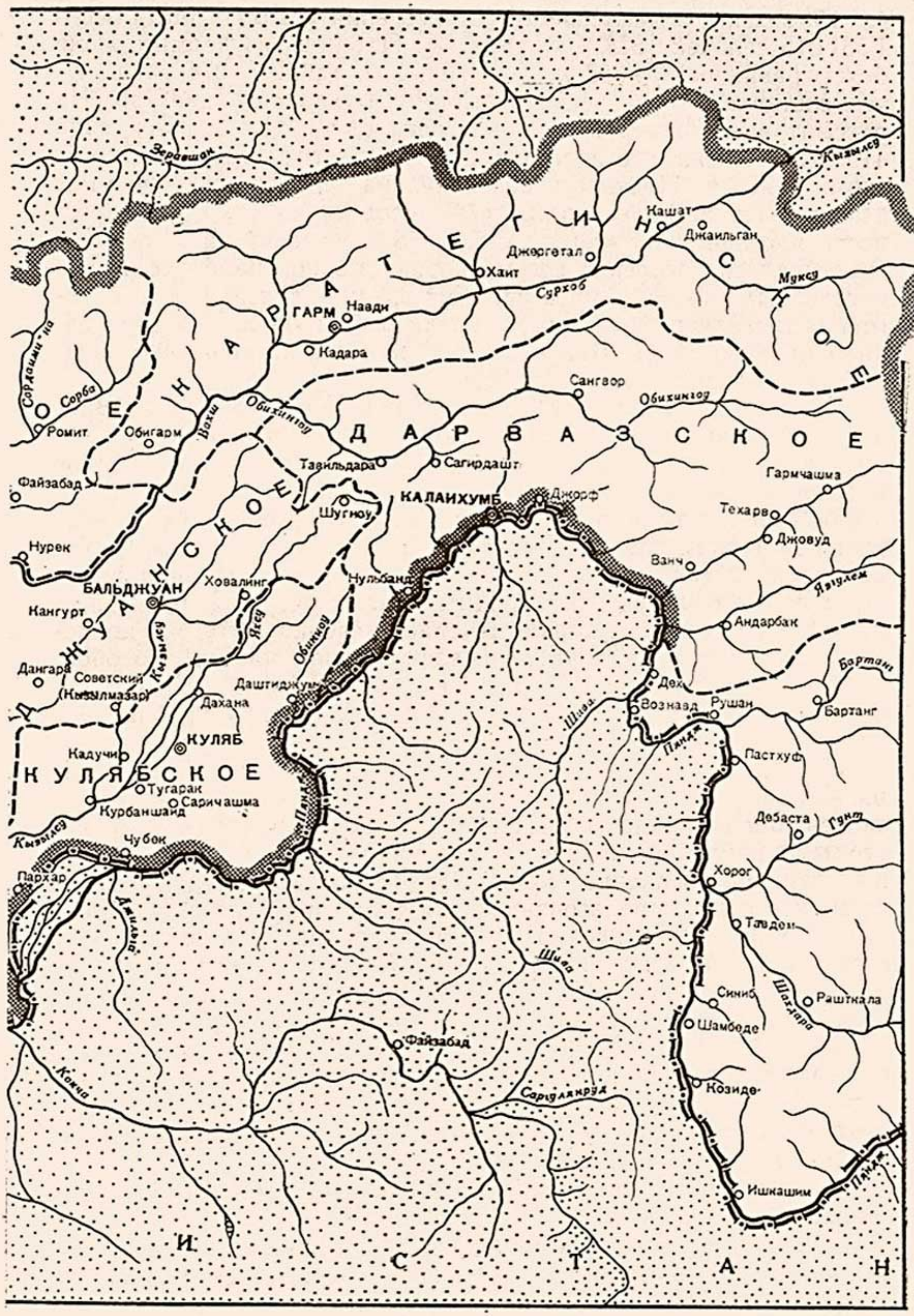

Рис. 1. Восточные бекства Бухарского ханства

в конце XIX — начале XX в.

182 193 *кв. км,* а численность ее населения в 1924 г. была всего 1 531 015 человек [228, 158, табл. 4]. Площадь изучаемых мною бекств равнялось 54 663 *кв. км* [228, 252, табл. 1, 274, табл. 11], что составляло 30% всей территории Бухарского ханства. На рассматриваемой территории, как следует из табл. 2, проживало 419 432 человека, что составляло 27,4% всего населения Бухарского ханства. Плотность населения на территории изучаемых бекств была несколько ниже (7,7 человека на 1 *кв. км*) плотности населения по всему ханству (8,4 человека на 1 *кв. км*). Размещалось население весьма неравномерно: наиболее густонаселенными были долины рек в их среднем течении, т. е. предгорная и среднегорная зоны, одинаково пригодные, как справедливо отмечал П. П. Иванов, и для ведения кочевого скотоводства, и для земледелия [135, 181].

Нижние части широких долин крупных рек — Кызылсу, Вахша, Кафирнигана и Сурхана в конце XIX — начале XX в., несмотря на ровный рельеф и плодородную почву, имели редкое население. Объяснялось это тем, что в Восточной Бухаре, как и в большинстве местностей Средней Азии в этот период, основным источником для орошения служили не столько сами крупные реки, сколько их боковые притоки, из которых при выходе их из гор было удобно выводить каналы. Крупные реки были многоводны, имели сильное течение, нередко путь их пролегал в глубоком ложе, поэтому выводить из них каналы и особенно сохранить при высоком паводке примитивные головные сооружения было чрезвычайно трудно — для этого требовались усилия многих сотен, а то и тысяч людей.

Организовать такие работы могла лишь сильная централизованная власть. Поскольку такой не было, разрушенные в период завоеваний и междоусобных войн крупные ирригационные системы не восстанавливались и освоение земель по берегам крупных рек шло медленно. Кроме того, сброс в низменные места излишков воды, использованной для орошения предгорий и подгорной равнины, приводил к заболачиванию обширных пространств в низовьях крупных рек. Помехой в освоении этих мест были еще невысокие горы и гряды, отделяющие долину одной реки от долины другой. Они были очень бедны водными источниками, да и дождей здесь, на юге, в течение всего жаркого периода почти не выпадает, отчего эти обширные низкогорья летом были почти пустынны, и только на зиму сюда спускались с отарами овец скотоводы, устраивавшие в лощинах у родников и колодцев свои зимовки.

Высокогорная зона совсем была лишена постоянного населения.

Если взглянуть на старые карты, то бросается в глаза, что районы с многочисленными селениями протянулись полосой от г. Куляба на север, а затем на северо-запад, захватывая бассейн верхнего течения Кызылсу (выше г. Бальджуана), бассейн Вах-

ша (от границы с Каратегином и до Нурека), бассейн Иляка и далее всю Гиссарскую долину вплоть до Денау, включая предгорья и среднюю часть южного склона Гиссарского хребта. Эта полоса полукольцом охватывала массив малонаселенного Южнотаджикистанского низкогорья.

Как видно из табл. 1, наиболее населенной в Восточной Бухаре была Гиссарская долина. В восточной ее части (долина Кафирнигана до устья Иляка) плотность доходила до 61,2 человека на 1 *кв. км*, приближаясь к показателю самого густонаселенного района всего ханства — долины Зеравшана (65,5) [228, 158, табл. 4]; в западной части (долина Каратагдарьи) плотность была значительно ниже (21,2), но все же больше, чем во всех остальных районах изучаемой территории.

Следует подчеркнуть, что густотой населения отличалось не собственно плоское дно Гиссарской долины, а предгорья Гиссарского хребта и прилегающая к ним подгорная равнина. В предгорьях выпадало достаточное количество атмосферных осадков для посевов под дождь и имелось много земель, пригодных для вспашки. Подгорная равнина была удобна для орошения. Плоское же дно Гиссарской долины в прошлом во многих местах было покрыто непроходимыми зарослями камыша и другой болотной растительностью. Около Денау, например, заболоченные места занимали до 15 тыс. десятин [230, 149]. Здесь располагались преимущественно зимовья полукочевых узбеков, которые помимо отгонно-пастбищного скотоводства занимались и земледелием, в частности рисосеянием в пойменных местах. На летний период низменная часть Гиссарской долины становилась почти безлюдной — там оставались только те, кто наблюдал за посевами, все остальные жители переселялись на близлежащие холмы и предгорья, подальше от кишащих малярийными комарами болот и рисовых полей, а скотоводы перекочевывали в горы.

Следующей местностью по плотности населения (18,7 жителя на 1 *кв. км*) была долина Кызылсу (с верховьями, т. е. с Сарихасором и Ховалингом), а также бассейн Яхсу выше г. Куляба. Здесь одной из наиболее удобных для земледелия и потому густонаселенных территорий был район Муминабада (на северо-восток от г. Куляба).

Значительно менее населенными были долины Сурхана и его правых притоков, а также бассейн Тупаланга (6,6 человека на 1 *кв. км*), так как предгорья в этом районе относительно маловодны, а в горах меньше пологих, удобных для возделывания склонов. Обширные пространства низкогорий и степей на запад от долины Сурхана из-за недостатка атмосферных осадков использовались преимущественно как пастбища. Засевались обычно те участки, на которые была возможность напустить воду во время весенних ливней и таким образом оросить поля хотя бы один раз. Здесь, у колодцев и в долинах небольших ручьев,

большей частью пересыхающих летом, были разбросаны зимовья полукочевых узбеков, и только у родников и кяризов имелось оседлое узбекско-таджикское население, занимавшееся орошаемым земледелием.

Шерабадский оазис (Шерабадская долина) был малонаселенным (8,4 человека на 1 *кв. км*), так как водные ресурсы Шерабаддарьи были ограниченны.

Самым малолюдным районом Восточной Бухары была Кургантюбинская равнина (0,9 жителя на 1 *кв. км*), т. е. ныне густонаселенная плодородная Вахшская долина, знаменитая интенсивностью своего земледелия. В конце XIX — начале XX в. она была орошена лишь местами, преимущественно в северной части. Остальная ее территория представляла собой пустынное плато или непроходимые болота и туги, которые тянулись к северу от Курган-Тюбе; в этой местности на правом берегу Вахша, окруженная его протоками, находилась болотистая низменность Аралтугай[1]. Летом она пустовала, а на зимовку сюда спускались полукочевые узбеки.

Такую же болотистую низменность представляло собой и место слияния Кызылсу с Яхсу (Кошулуш, или Арал). Она тянулась до самого Пянджа и сливалась с тугаями, покрывавшими берега и острова могучей реки. Вся эта огромная болотистая низменность называлась Митантугай. Вдоль ее границ были раскинуты редкие кишлаки с пестрым в этническом отношении населением, частью оседлым, частью полукочевым.

В низовьях Кафирнигана располагался один из древних оазисов — Кабадиан. В конце XIX — начале XX в. исконного населения там было мало и интенсивное некогда земледелие находилось в упадке. Немало мест здесь было занято болотами или песками, подобно низовьям Сурхана и долине Амударьи.

Если обратимся к данным группировки населенных пунктов по числу жителей (см. табл. 1), то видим, что в районах, расположенных к югу от Гиссарского хребта, преобладали небольшие поселения с числом жителей от 25 до 200 человек — именно такой тип расселения был характерен для наиболее густонаселенных предгорной и среднегорной зон. Невелики были и кишлаки полукочевых узбеков степной и низкогорной зон[2].

Крупные селения и города располагались в Восточной Бухаре, как правило, на подгорной равнине, в местах выхода рек из гор. Как отмечал в свое время Ю. И. Пославский, они имели

---

[1] *Арал* — узбек. остров. Однако в народе этим словом обозначают также болотистые, изобилующие протоками, старицами и островами дельты рек (например, дельты Амударьи и Сырдарьи, дельту Яхсу при слиянии с Кызылсу). Во втором значении этот термин зафиксирован и у каракалпаков [339, 23]. Именно с этим значением слова, на мой взгляд, следует связывать происхождение названия Аральского моря.

[2] Вопрос о причинах бытования тех или иных форм расселения требует специальной разработки и выходит за пределы тематики данного исследования.

высокие стены, за которыми во время нападений укрывалось окрестное население, т. е. они играли роль защитных пунктов [279, 195], обороняя также и горные ущелья, при входе в которые располагались. Города были центрами ремесла и торговли. От крупных базарных селений они отличались тем, что имели соборную мечеть и цитадель, ибо служили местопребыванием бека (правителя, назначаемого эмиром) или амлякдара (начальника земельно-податного участка). Однако далеко не все центры амлякдарств считались городами — для этого надо было иметь давнюю традицию называться городом.

Расплывчатость понятия «город» объясняется тем, что дореволюционные авторы включали в их число ряд населенных пунктов, которые само местное население не называло городом, например Дербент, Сариасию и Ховалинг. Дербентцы говорили мне, что их кишлак никогда не считался городом, так как в нем не было базара. Последний организовали там в первые годы Советской власти, но он не привился, ибо недалеко был большой, издавна существовавший байсунский базар. О Ховалинге и Сариасии как о городах мне не приходилось слышать. Селение же Сарай-камар (Сарай) на Пяндже, наоборот, среди населения юга Курган-тюбинского бекства считалось городом, хотя в литературе фигурирует как селение.

Для определения соотношения сельского и городского населения данные 1924 г. [228, 256, 257, табл. 5] не могут быть использованы, так как они характеризуют страну после разорения, вызванного борьбой с басмачеством, когда ряд городов был почти полностью разрушен и поэтому даже не был включен в список городов [228, 227]. Более близкими к действительности представляются следующие данные, полученные путем расспросов на месте в 1889 г. [323, 241, 242, 244, 260; 195, 346, 349, 350, 357; 98, 379]:

Город	Количество дворов	Город	Количество дворов
Денау	325	Душанбе	700
Юрчи	200	Кафирниган	750
Сариджуй	40[3]	Файзабад	500[4]
Регар	100	Кабадиан	300
Каратаг	600	Шерабад	760

В приведенном списке отсутствуют сведения о городах Хисар, Курган-Тюбе, Куляб, Бальджуан и Байсун. О том, что в Хисаре живет до 1 тыс. семей, упомянул топограф Петров, посетивший Гиссарский край в 1884 г. [269, 91]; отсутствие данных о г. Хисаре у остальных авторов объясняется, по-видимому, тем, что он на летний период почти пустел, так как жители пе-

[3] До 1887 г. Сариджуй был центром бекства и в тот период, возможно, был более населенным.

[4] Капитан Лилиенталь, собиравший сведения об этих городах, отмечает, что Файзабад сильно пострадал при занятии его бухарским войском в 1870 г., а до этого, по словам жителей, имел более 1 тыс. домов [195, 346].

реселялись в Каратаг, где была летняя резиденция бека. Относительно г. Куляба известно, что в 1905 г. в нем было 600 дворов [80, 773].

У меня нет оснований не доверять данным 1889 г., ибо, по словам Стеткевича, побывавшего в это время в исследуемых мной районах, полученные от амлякдаров сведения проверялись на месте путем расспросов среди населения [323, 270—274]. Можно полагать, что после установления протектората России над Бухарским ханством в результате прекращения феодальных войн и расширения торговли наблюдался рост населения городов. На это справедливо указывал Д. Н. Логофет, который привел (без указания источника) сведения о числе жителей в отдельных городах. Если разделить приведенные им цифры на 5 (в дореволюционной литературе было принято для Бухарского ханства считать в среднем по 5 человек на двор), то получим данные о числе дворов в городах [201, 186]:

Город	Количество дворов	Город	Количество дворов
Денау	600	Файзабад	600
Сариджуй	400	Кабадиан	1000
Регар	800	Курган-Тюбе	200
Каратаг	1000	Шерабад	600
Хисар	600	Байсун	600
Душанбе	4000	Куляб	2000

Следует подчеркнуть, что большинство приведенных мною цифр характеризует не собственно город, а город с прилегающими к нему пригородными селениями, ибо в Восточной Бухаре, как и в ряде других областей Бухарского ханства, в конце XIX — начале XX в. границы города не были четко обозначены. Большинство горожан занятия ремеслом и торговлей сочетало с земледелием и обычно на лето переселялось в свои сады или летние усадьбы у полей, расположенные в пригородных селениях. Среди постоянных жителей пригородных селений было немало людей, занимавшихся наряду с земледелием и каким-либо ремеслом, например ткачеством. Поэтому пригородные селения рассматривались как составная часть города — как городские кварталы, хотя термин «гузар» (кварталы ремесленников) к ним и не применялся, их называли просто кишлаками.

Это вызывало определенные трудности при сборе материалов о кварталах города в прошлом, ибо информаторы, когда я просила назвать городские кварталы, перечисляли все пригородные селения (а порой и очень широкой округи). По-видимому, объясняется это тем, что далеко не во всех городах каждый вид ремесла занимал определенный квартал. Обычно информаторы помнят такие кварталы, как кожевенный, мыловаренный или квартал мясников, которые обычно выделялись, особенно квар-

тал кожевников, располагавшийся ниже других, чтобы не загрязнять питьевой воды, которой пользовались горожане [271, 136].

На основании литературных данных и полевых исследований структура городов изучаемой территории до середины XIX в., до времени окончательного подчинения ее бухарскому эмиру, представляется в следующем виде. Центром города была цитадель — *кала,* или *курган,* с примыкавшими к ней или расположенными вокруг базаром и кварталами ремесленников. Это собственно город — *шаар,* а затем шли пригородные селения. Некоторые авторы упоминают о том, что тот или иной город был обнесен глинобитной стеной, однако не всегда ясно, была ли стена вокруг пригородных селений или они оставались вне стен [323, 241, 244; 195, 346, 347, 351, 357; 269, 89, 91].

Город с пригородными селениями местное население обозначало термином *гирди курган* (то, что вокруг цитадели). Так, по данным Стеткевича, одно из амлякдарств Денауского бекства называлось Гирди-Курган. Оно состояло из г. Денау, в котором было 90 дворов, расположенных внутри цитадели, и 17 пригородных селений, в каждом из которых было от 5 до 30 дворов. Всего в амлякдарстве Гирди-Курган (включая 90 дворов собственно города) было 325 дворов [323, 274].

В отличие от Денау в Кулябе было два амлякдарства Гирди-Курган и-боло (верхний) и поён (нижний). Кулаб был расположен на рубеже этих амлякдарств, которые включали в свои границы не только пригородные селения, но и более широкую округу — всю долину среднего течения р. Яхсу и предгорья. В 1905 г. в первом из указанных амлякдарств было 69 кишлаков с общим числом дворов 1302, а во втором — 53 кишлака с 1420 дворами; в городе же было 600 дворов [80, 771—774]. По-видимому, эти 600 дворов, составлявшие собственно город, были обнесены стеной, ибо Н. А. Маев для более раннего времени (1875 г.) отмечал, что «Куляб занимает весьма небольшое пространство; в пределах городской стены считается 400 домов; но кругом города, на огромном пространстве, разбросаны сады» [207, 218].

В начале XX в. г. Куляб был одним из наиболее значительных центров ремесла и торговли Восточной Бухары [375, 64—82] и как по структуре, так и по значению представлял собой типичный позднефеодальный среднеазиатский город [207, 218]. В той или иной степени приближались к нему, вероятно, и такие центры бекств, как Хисар, Кабадиан и Шерабад. Но ряд городов, в частности те, которые в конце XIX в. перестали быть центрами отдельных владений или бекств (Сариджуй, Регар, Файзабад), можно было назвать городами лишь условно, поэтому вопрос о соотношении городского и сельского населения, по существу, остается открытым.

Основными коренными жителями южных районов Таджикистана и Узбекистана были таджики и узбеки. По данным 1924 г.,

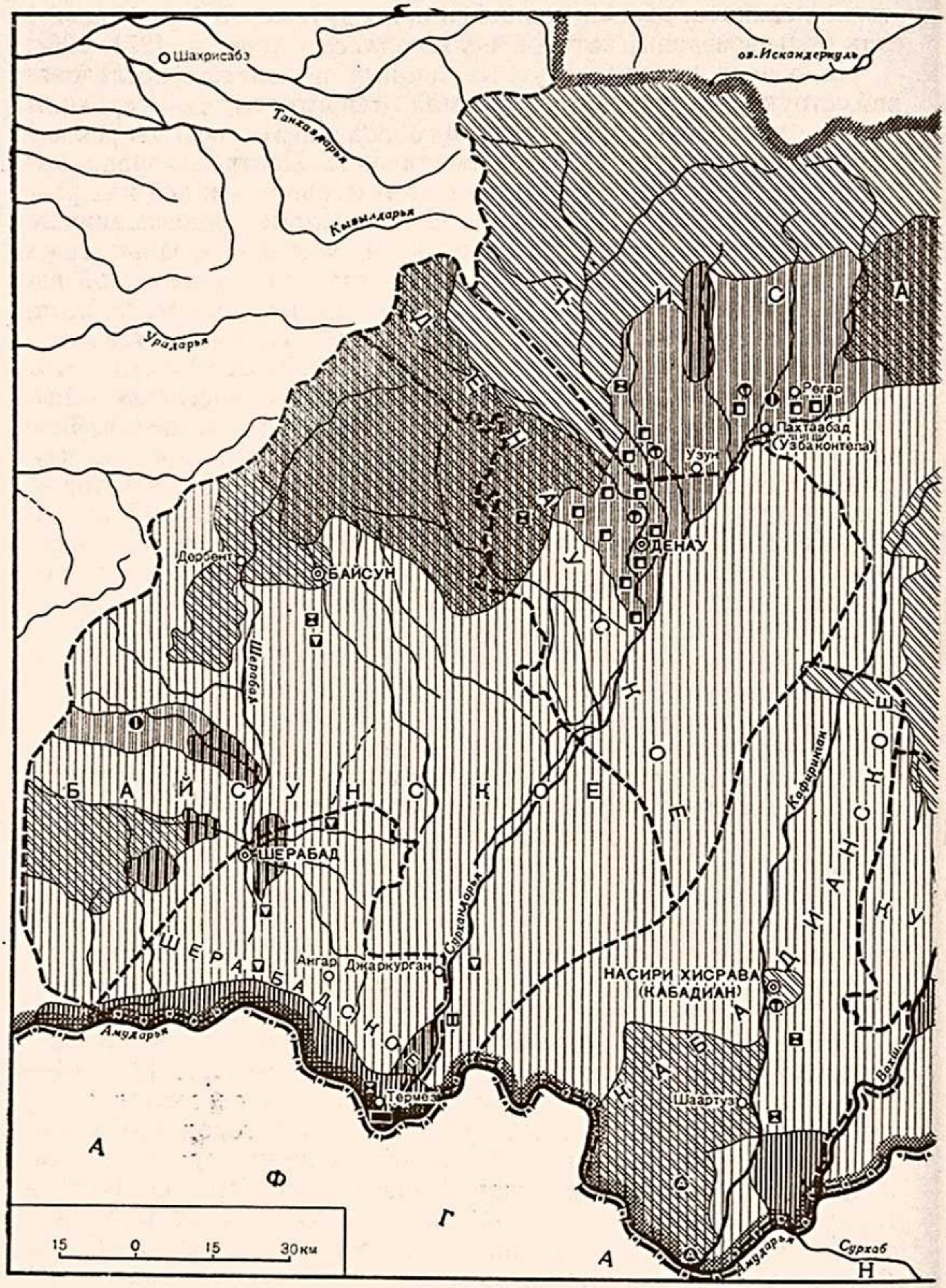
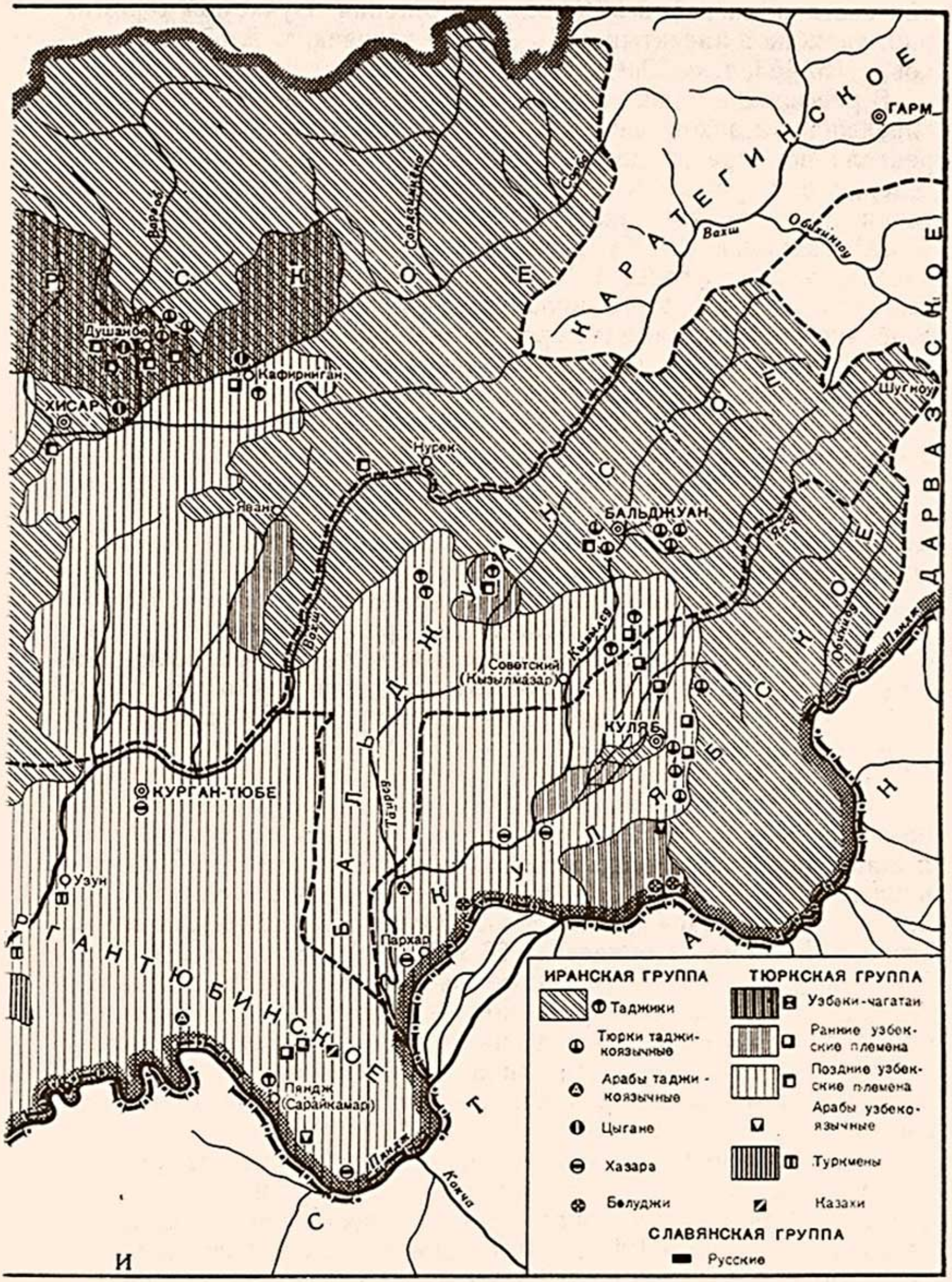

Рис. 2. Этнический состав населения южных районов

Таджикистана и Узбекистана в конце XIX — начале XX в.

они составляли около 97% всего населения изучаемой территории: таджиков насчитывалось 239 120 человек, т. е. 57%, а узбеков — 167 453, т. е. 39,9% (см. табл. 2).

В расселении таджикского сельского населения наблюдалась определенная закономерность (см. табл. 3): численность их нарастала по мере продвижения с запада на восток и с юга на север, т. е. из равнин в горы. Так, в 1924 г. на западе изучаемой территории, в кишлаках Сурхандарьинской области, было 40 632 таджика (31,3% всего сельского населения этой области), а на востоке, в Кулябском вилаете,— 101 440 (77,8% сельских жителей этого вилаета). Указанная закономерность особенно ярко видна, если сравним западные и восточные районы центральной части изучаемой территории: на западе Душанбинского вилаета, в Каратагском тумане, среди сельского населения таджиков было 5225 человек (19,3%), а на востоке в Файзабадском тумане,— 19 340 (96,3%).

При сравнении южных равнинных и низкогорных районов с северными горными показательны не абсолютные цифры, а процентное соотношение: таджики в Шерабадском уезде среди сельского населения составляли 18,7%, в Байсунском — 47, в Сариасийской волости Юрчинского уезда — 61%.

Аналогичная картина будет, если сравним южные районы с северными: в Кургантюбинском вилаете таджиков было 1185 (9%), а в Душанбинском — 87 981 (65%); в южной части Кулябского вилаета, в Кулябском тумане, среди сельских жителей таджиков было 18 195 человек (56,6%), а в северной части, в Ховалингском тумане,— 36 365 (100%).

В расселении узбеков наблюдалась противоположная закономерность (см. табл. 3): по мере продвижения с юга на север и с запада на восток их процентное соотношение и абсолютная численность убывали. Так, на западе, в Сурхандарьинской области, узбеков насчитывалось 83 079 человек (64%), а на востоке, в Кулябском вилаете,— 28 540 (21,9%); на юге, в Шерабадском уезде, среди сельского населения узбеки составляли 73,5%, а на севере, в Юрчинском,— 60%; на юге, в Кургантюбинском вилаете,— 58,4%, а на севере, в Душанбинском,— 34,3%; на юге Кулябского вилаета, в Кулябском тумане,— 42,1%, а на севере его, в Ховалингском тумане, узбеков не было совсем.

Анализ имеющихся в моем распоряжении литературных и полевых материалов о расселении отдельных народностей на изучаемой территории показывает, что соотношение таджиков, узбеков и туркмен в 1924 г. мало отличалось от их соотношения, характерного для конца XIX — начала XX в.; численность же остальных народностей, которые в большинстве своем были иммигрантами, резко сократилась.

Рассмотрим более подробно материалы о расселении отдельных народностей на изучаемой территории.

ТАДЖИКИ

В этнографической литературе не раз указывалось, что таджики, подобно большинству оседлых народов, делились на локальные группы. Таджики южных районов Таджикистана и Узбекистана не составляли в этом отношении исключения и подразделялись на ряд территориальных групп: это коренные жители крупных историко-культурных областей (например, кулоби́ — кулябцы, каратегини́ — каратегинцы), или районов меньшего размера (обычно бассейна той или иной горной реки или части ее, например варзоби́ — население бассейна р. Варзоб), или жители города или крупного селения и прилегающих к ним кишлаков (байсуни́, дарбанди́, панджоби́ и т. п.). К числу территориальных можно отнести и те группы таджиков, которые различались по географическим особенностям места их обитания (например, кухистони́ — горцы, вилояти́ — жители крупных культурных оазисов и т. п.).

Каждая группа в той или иной степени отличалась от остальных своим говором и особенностями материальной культуры, обычаями и обрядами. Особенно это относится к населению таких историко-культурных областей, как Куляб. В прошлом последний почти всегда был независимым владением, а его население имело длительную историю самостоятельного развития. В значительной степени то же можно сказать и относительно Каратегина. Поэтому кулябцев и каратегинцев можно рассматривать как этнографические группы локального типа первого порядка, а жителей отдельных историко-культурных районов (таджиков Ромита, Варзоба, верховьев Тупалангдарьи и др.) — как локальные группы второго порядка.

К числу этнографических групп генетического типа могут быть отнесены таджики чагатай и хардури, которые имеют сложное происхождение и название которых не связано с местностью.

Помимо этнографических групп среди таджиков были и сословные группы с этническим оттенком — ходжа и сейиды.

В изучаемых бекствах Восточной Бухары существовали две основные этнографические группы таджиков: чагатаи (по данным 1924 г. 23,4% всех таджиков изучаемой территории — см. ниже) и кулоби́ — более 60% [5]. Остальные группы были немногочисленны.

---

[5] Из таджикского населения изучаемой территории 8465 человек (3,4%) [228, 274, табл. 10, 283, табл. 18] относили себя к ходжа или к тем или иным узбекским племенам. Оставшуюся часть таджиков составляли чагатаи, кулоби́ и ряд других групп, не выделенных в 1924 г. из общего числа таджиков (каратегини́, роги́ и др.). Эти группы, согласно полевым материалам и данным переписи 1926 г., вряд ли составляли более 10% таджикского населения. Таким образом, группа кулоби́ составляла, видимо, более 60% таджикского населения. Думается, что указанное соотношение ближе к действительности, чем приведенное мною ранее [156, 96].

Национальный состав сельского населения

Административные единицы	Абсолютные					
	Таджики	Узбеки	Туркмены	Казахи	Киргизы	Арабы
Душанбинский вилает . . .	87 981	46 390	401	—	185	—
Гиссарский туман	12 865	1 935	—	—	—	—
В том числе кенты:						
Варзоб	2 875	—	—	—	—	—
Гиссар	1 035	310	—	—	—	—
Тода	775	280	—	—	—	—
Ханака	8 180	1 345	—	—	—	—
Душанбинский туман	24 755	2 585	—	—	—	—
В том числе кенты:						
Обидушанбе	470	405	—	—	—	—
Рохати	24 285	2 180	—	—	—	—
Каратагский туман	5 225	21 680	—	—	185	—
В том числе кенты:						
Каратаг	3 660	7 090	—	—	—	—
Регар	600	6 475	—	—	185	—
Шулюм	965	8 115	—	—	—	—
Файзабадский туман	19 340	740	—	—	—	—
В том числе кент Нурек . .	3 815	740	—	—	—	—
Яванский туман	13 966	14 855	401	—	—	—
В том числе кенты:						
Даганакиик	6 006	5 116	401	—	—	—
Султанрабат	335	8 329	—	—	—	—
Яван	7 625	1 410	—	—	—	—
Янгибазарский туман	11 830	4 595	—	—	—	—
В том числе кенты:						
Бакарон	4 545	3 465	—	—	—	—
Кафирниган	3 290	180	—	—	—	—
Ромит	3 995	950	—	—	—	—
Кулябский вилает	101 440	28 540	—	—	—	400
Бальджуанский туман	26 530	14 960	—	—	—	—
В том числе кенты:						
Аксу	2 605	1 845	—	—	—	—
Бальджуан	14 675	11 840	—	—	—	—
Кангурт	4 205	155	—	—	—	—
Кулисуфион	5 045	1 120	—	—	—	—
Кулябский туман	18 195	13 545	—	—	—	400
В том числе кенты:						
Куляб	8 035	9 625	—	—	—	270
Саричашма	5 260	630	—	—	—	130
Тагнауз	4 790	—	—	—	—	—
Чубек	110	3 290	—	—	—	—
Муминабадский туман	20 350	35	—	—	—	—
В том числе кент Поёндара	2 925	35	—	—	—	—
Ховалингский туман	36 365	—	—	—	—	—
Курган-тюбинский вилает	1 185	7 645	3705	490	—	75
Кабадианский туман	1 185	3 755	3705	460	—	75
В том числе кенты:						
Бешкент	1 090	2 805	—	—	—	—

Таблица 3

на территории изучаемых районов*

числа			Проценты							
Афганцы	Прочие	Всего	Таджики	Узбеки	Туркмены	Казахи	Киргизы	Арабы	Афганцы	Прочие
300	—	135 257	65,0	34,3	0,3	—	0,2	—	0,2	—
80	—	14 880	86,5	13,0	—	—	—	—	0,5	—
—	—	2 875	100,0	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1 345	77,0	23,0	—	—	—	—	—	—
80	—	1 135	68,3	24,7	—	—	—	—	7,0	—
—	—	9 525	85,9	14,1	—	—	—	—	—	—
85	—	27 425	90,3	9,4	—	—	—	—	0,3	—
85	—	960	49,0	42,2	—	—	—	—	8,8	—
—	—	26 465	91,8	8,2	—	—	—	—	—	—
—	—	27 090	19,3	80,0	—	—	0,7	—	—	—
—	—	10 750	34,0	66,0	—	—	—	—	—	—
—	—	7 260	8,3	89,2	—	—	2,5	—	—	—
—	—	9 080	10,6	89,4	—	—	—	—	—	—
—	—	20 080	96,3	3,7	—	—	—	—	—	—
—	—	4 555	83,8	16,2	—	—	—	—	—	—
—	—	29 222	47,8	50,8	1,4	—	—	—	—	—
—	—	11 523	52,1	44,4	3,5	—	—	—	—	—
—	—	8 664	3,8	96,2	—	—	—	—	—	—
—	—	9 035	84,4	15,6	—	—	—	—	—	—
135	—	16 560	71,4	27,7	—	—	—	—	0,9	—
135	—	8 145	55,8	42,6	—	—	—	—	1,6	—
—	—	3 470	94,8	5,2	—	—	—	—	—	—
—	—	4 945	80,8	19,2	—	—	—	—	—	—
—	—	130 380	77,8	21,9	—	—	—	0,3	—	—
—	—	41 490	63,9	36,1	—	—	—	—	—	—
—	—	4 450	58,5	41,5	—	—	—	—	—	—
—	—	26 515	55,3	44,7	—	—	—	—	—	—
—	—	4 360	96,4	3,6	—	—	—	—	—	—
—	—	6 165	81,8	18,2	—	—	—	—	—	—
—	—	32 140	56,6	42,1	—	—	—	1,3	—	—
—	—	17 930	44,8	53,7	—	—	—	1,5	—	—
—	—	6 020	87,4	10,5	—	—	—	2,1	—	—
—	—	4 790	100,0	—	—	—	—	—	—	—
—	—	3 400	3,2	96,8	—	—	—	—	—	—
—	—	20 385	99,8	0,2	—	—	—	—	—	—
—	—	2 960	98,8	1,2	—	—	—	—	—	—
—	—	36 365	100,0	—	—	—	—	—	—	—
—	—	13 100	9,0	58,4	28,3	3,7	—	0,6	—	—
—	—	9 180	12,9	40,9	40,4	5,0	—	0,8	—	—
—	—	3 895	28,0	72,0	—	—	—	—	—	—

Административные единицы	Абсолютные					
	Таджики	Узбеки	Туркмены	Казахи	Киргизы	Арабы
Джиликуль	—	—	3625	460	—	—
Кабадиан	95	950	80	—	—	75
Кургантюбинский туман . . .	—	880	—	—	—	—
Сарайский туман	—	3 010	—	30	—	—
Сурхандарьинская область	40 632	83 079	4150	80	—	150
Байсунский уезд . . .	11 493	12 957	—	—	—	—
В том числе волости:						
Байсунская	4 000	3 955	—	—	—	—
Дербентская	4 978	4 582	—	—	—	—
Кумкурганская	2 515	4 420	—	—	—	—
В том числе кенты:						
Катар	2 515	2 990	—	—	—	—
Кумкурган	—	1 430	—	—	—	—
Шерабадский уезд	9 565	37 680	3985	—	—	—
Пашхурдская волость	8 975	10 025	—	—	—	—
В том числе кенты:						
Пашхурд	5 675	4 040	—	—	—	—
Хатак	3 300	5 985	—	—	—	—
Джаркурганская волость . . .	—	11 425	55	—	—	—
В том числе кент Джаркурган	—	6 615	55	—	—	—
Термезская волость	—	4 375	3930	—	—	—
В том числе кенты:						
Паттагиссар	—	4 160	1780	—	—	—
Хошман	—	215	2150	—	—	—
Шерабадская волость	590	11 855	—	—	—	—
В том числе кент Майдарык	590	1 910	—	—	—	—
Юрчинский уезд	19 574	32 442	165	80	—	150
Миршадинская волость . . .	6 360	23 580	55	—	—	150
В том числе кент Денау . .	6 360	11 175	55	—	—	150
Сариасийская волость	9 794	5 566	110	80	—	—
Юрчинская волость	3 420	3 296	—	—	—	—
Всего по изучаемой территории	231 238	165 654	8256	570	185	625

* Таблица составлена на основании материалов Комиссии по районирова уточнениями: каратаг-люли Юрчинского уезда (1418 человек), причисленные населения включены жители Дербента (1363 таджика) и Сариасия (399 тад родскому населению [228, 256, табл. 5].

Продолжение табл. 3

числа			Проценты							
Афганцы	Прочие	Всего	Таджики	Узбеки	Туркмены	Казахи	Киргизы	Арабы	Афганцы	Прочие
—	—	4 085	—	—	88,7	11,3	—	—	—	—
—	—	1 200	7,9	79,2	6,7	—	—	6,2	—	—
—	—	880	—	100,0	—	—	—	—	—	—
—	—	3 040	—	99,0	—	1,0	—	—	—	—
—	1646	129 737	31,3	64,0	3,2	0,1	—	0,1	—	1,3
—	—	24 450	47,0	53,0	—	—	—	—	—	—
—	—	7 955	50,3	49,7	—	—	—	—	—	—
—	—	9 560	52,1	47,9	—	—	—	—	—	—
—	—	6 935	36,3	63,7	—	—	—	—	—	—
—	—	5 505	45,7	54,3	—	—	—	—	—	—
—	—	1 430	—	100,0	—	—	—	—	—	—
—	—	51 230	18,7	73,5	7,8	—	—	—	—	—
—	—	19 000	47,2	52,8	—	—	—	—	—	—
—	—	9 715	58,4	41,6	—	—	—	—	—	—
—	—	9 285	35,5	64,5	—	—	—	—	—	—
—	—	11 480	—	99,5	0,5	—	—	—	—	—
—	—	6 670	—	99,2	0,8	—	—	—	—	—
—	—	8 305	—	52,7	47,3	—	—	—	—	—
—	—	5 940	—	70,0	30,0	—	—	—	—	—
—	—	2 365	—	9,1	90,9	—	—	—	—	—
—	—	12 445	4,7	95,3	—	—	—	—	—	—
—	—	2 500	23,6	76,4	—	—	—	—	—	—
—	1646	54 057	36,2	60,0	0,3	0,2	—	0,3	—	3,0
—	—	30 145	21,1	78,2	0,2	—	—	0,5	—	—
—	—	17 740	35,9	63,0	0,3	—	—	0,8	—	—
—	517	16 067	61,0	34,6	0,7	0,5	—	—	—	3,2
—	1129	7 845	43,6	42,0	—	—	—	—	—	14,4
300	1646	408 474	56,6	40,6	2,0	0,1	—	0,2	0,1	0,4

нию Средней Азии [228. 261. табл. 6, 278—279, табл. 15] со следующими в материалах Комиссии к узбекам, отнесены к прочим; в состав сельского жиков и 228 прочих), которые в 1924 г. были ошибочно причислены к го-

Чагатаи. Экспедицией Комиссии по районированию Средней Азии в 1924 г. были зарегистрированы таджикоязычные и узбекоязычные чагатаи. Таджики-чагатаи (56 351 человек) были расселены на изучаемой территории в следующих местностях [228, 274, табл. 10, 283, табл. 18]:

Местность	Число человек
Восточные предгорья Кугитангских гор	2755
Бассейн Шерабаддарьи (кроме низовьев)	3718
Бассейн Байсундарьи	4000
Верховья Сурхана	9488
Долина среднего течения Сурхана	3420
Долина Каратагдарьи	3025
Верховья и долина Душанбедарьи	2070
Правый берег Кафирнигана	8805
Бассейн Иляка (Файзабад)	7065
Низовья Кафирнигана	2735
Долина Кызылсу	9270

В восточных предгорьях Кугитангских гор насчитывалось более 10 кишлаков, среди населения которых преобладали чагатаи. Наиболее крупными из них были: Шержанд, Вандоб, Зарабаг, Пашхурд и Чакоб. В Шержанде и Вандобе наряду с таджикоязычными чагатаями жили и узбеки (катаганы-тагчи); в Зарабаге помимо таджиков-чагатаев обитали узбеки-ходжа. Около половины смешанного населения большого кишлака Пашхурд составляли таджики-чагатаи. Южнее перечисленных кишлаков, на юге маловодной Пашхурдской долины (она протянулась между Кугитангским хребтом и невысокой Келиф-шерабадской грядой), располагалась группа селений (Газ, Якуббайкарез, Ахташ, Алгуй, Ярмакарез, Чарвагкарез, Булаккарез, Каттакамыш, Кампирбулак), известная под общим названием Карезат, так как жители их пользовались водой кяризов[6]. В некоторых из этих селений помимо узбеков (конгратов) жили и чагатаи. Так, кишлак Газ делился на две части — в одной, называвшейся Тентак-кишлак, находились узбеки (конграты), а в другой, называвшейся Чагатай, — таджики. В Бузругабаде наряду с ходжа были и чагатаи.

[6] *Корез* — кяриз, подземный канал; *от* — арабское окончание множественного числа. Н. А. Маев среди селений группы Карезат называет еще кишлак Зиннон [208, 311], расположенный у входа в ущелье Каттакамышсай. В материалах переписи 1926 г. [223, 267, 268], а также в моих полевых записях кишлак под таким названием не зафиксирован, но встречается кишлак Каракамыш, отсутствующий у Н. А. Маева. Судя по дореволюционной карте-десятиверстке, Каракамыш был расположен у входа в одноименное ущелье. По-видимому, оба названия относятся к одному и тому же населенному пункту. В материалах переписи 1926 г. значится еще небольшой кишлак Тюрккарез [223, 267], населенный таджиками. Он отсутствует у Н. А. Маева, нет его и в моих материалах. Возможно, он являлся выселком одного из перечисленных кишлаков и, судя по названию, был основан тюрками, вероятно отаджичившимися.

В бассейне Шерабаддарьи (кроме низовьев) было три крупных таджикских кишлака — Сайроб, Панджоб и Дербент. Каждое из перечисленных названий относилось не к одному селению, а к группе мелких, каждое из которых имело и свое особое название. Они располагались на некотором расстоянии друг от друга, обычно протянувшись цепочкой по долине одного сая, или довольно скученно, являясь фактически кварталами селения, но назывались кишлаками.

В Дербенте, который размещался вблизи знаменитого горного прохода, упоминающегося в исторических средневековых источниках под тем же названием, таких кишлаков-кварталов было 11: Капчигай, Ахмачит, Испандиёр, Кызылкишлак, Биргабир, Сангчильсай, Гурум, Чамбуль, Сесанги, Джалгузбулак, Кошасия. Они размещались по обоим берегам Шерабаддарьи после ее выхода из Мачайского ущелья (недаром самый высокий кишлак назывался Капчигай, что в кипчакских говорах узбекского языка, в частности в говоре конгратов, ближайших соседей дербентцев, обозначало глубокое скалистое ущелье).

Под названием Сайроб была известна группа из 6 кишлаков: Чинар (собственно Сайроб, знаменитый своими старыми чинарами, растущими у большого родника [см., например, 207, 151, 152; 174, 16, 17]), Кабути, Пайкоб, Обгир, Джиндикамар и Кызылджар.

Панджоб состоял из двух кишлаков — Ташкари («внешний», т. е. расположенный вне ущелья) и Ичкари («внутренний», т. е. находящийся в ущелье).

Перечисленные кишлаки Пашхурдской долины и верховьев Шерабаддарьи входили в число так называемых десяти частей (групп) селений чагатаев (*Дах пара кент чагатай*). Это определение, произносимое обычно слитно — Дахпаракент, встречается в литературе как географическое название. Оно упомянуто в историческом сочинении начала XX в. «История мангытских государей» Мирзы Абдулазима Сами [233, 109]. Л. М. Епифановой, переводчику и комментатору данного труда, местонахождение Дахпаракента, по-видимому, осталось неизвестным. О Дахпаракенте есть сведения у Н. А. Маева и Белявского.

Н. А. Маев говорит о долине Дахкара-кент, подчиненной Дербентскому амлякдарству, и называет ее кочевым округом [207, 151]. Более определенно о Дахпаракенте пишет полковник Белявский: «Земли по Дербент-дарье, амлякдарство Куйтен и Пашхурд (а не Баш-хурт), имеющие у жителей собирательное название Дара-пакин, присоединяются временами то к Байсунскому, то к Гузарскому бекству, в зависимости от благоволения эмира к тому или другому беку» [59, 108].

У местных жителей я записала несколько вариантов названий 10 селений (вернее, групп кишлаков), составлявших Дахпаракент. Наиболее часто повторялись названия Дербент, Сайроб, Панджоб, Хатак, Зарабаг, Карабаг, Вандоб, Шержанд, Паш-

хурд, Карезат. Хатак не был чагатайским селением — в нем жили узбеки (катаганы-тагчи; см. стр. 83), однако по языку и быту они были близки к узбекоязычным чагатаям (см. стр. 68) и резко отличались от преобладавших в округе узбеков-конгратов. Последние называли хатакцев таджиками. Об их связи с чагатаями свидетельствовало и то, что при взимании налогов Хатак присоединялся к соседнему кишлаку Ляйляган, жители которого были узбекоязычными чагатаями.

То же следует сказать и относительно Дербента: жители его далеко не всеми информаторами причислялись к чагатаям, хотя для взимания налогов их присоединяли к чагатаям.

Как видно из изложенного, мои записи совпадают с материалами Белявского. Отсутствует лишь амлякдарство Кугитанг. На первый взгляд можно было бы думать, что Белявский ошибся, ибо амлякдарство Кугитанг, расположенное за хребтом Кугитанг и относившееся как во время обследования его Белявским в 1889 г., так и позже, вплоть до революции, к Келифскому бекству, вряд ли могло входить в число 10 чагатайских селений, названных выше. Однако более внимательное изучение бассейна Кугитангдарьи и его населения, осуществленное мною в 1971 г., заставляет предполагать, что если не амлякдарство, жители которого в основном состояли из конгратов, то сам кишлак Куйтан вполне мог входить в состав Дахпаракента, ибо исконными обитателями этого большого селения были чагатаи, состоявшие в родстве с зарабагцами. Кроме того, для жителей северной части Пашхурдской долины, а также Хатака, Пянджаба и его окрестностей куйтанский базар был ближайшим крупным торговым центром.

В том, что Дахпаракент назван Н. А. Маевым кочевым округом, нельзя видеть ошибку потому, что, во-первых, большинство населения этих маловодных долин и гор составляли (в XIX в.) полукочевые узбеки-конграты, и, во-вторых, потому, что жители чагатайских кишлаков, не имея возможности вести в широких размерах земледельческое хозяйство (малая мощность источников орошения и недостаточное количество атмосферных осадков), держали много скота, в частности коз, и вели как бы полукочевую жизнь. На весь теплый сезон они покидали свои кишлаки и переселялись весной со скотом в степь и горы, а лето и осень проводили в садах. При этом они почти круглый год, подобно конгратам, жили в юртах и только на короткое зимнее время поселялись в стационарных жилищах в кишлаках.

Таджики-чагатаи Байсуна составляли основное население города и 14 пригородных кишлаков. Поскольку границы города не были четко очерчены, установить точно, какие кишлаки входили в его состав, было очень трудно. Центром города были бекская крепость-курган и примыкавший к ней кишлак Шайит[7].

[7] Крепость и Шайит стояли на высоком берегу речки, над обрывом, поэтому Шайит называли еще Джаркишлаком (*джар* — обрыв).

В Шайите располагались базар и несколько кварталов ремесленников (ювелиров — Заргаргузар или Заргарбачча, мясников — Кассобгузар, кожевников — Чармгаргузар и др.). Хотя и в других кишлаках среди жителей было немало крестьян, сочетавших земледелие с ремеслом (особенно изготовление хлопчатобумажных тканей и виноградарство), но все же именно Шайит имел черты собственно города.

Байсун был расположен при выходе небольшой речки из горного ущелья. В последнем располагались кишлаки Авлод, Сариасия и Кучкак, а остальные были разбросаны по просторной долине. При выходе из ущелья от реки были выведены два канала: Пассурхиарык, снабжавший водой правобережные кишлаки (Пассурхи, Курганча, Карабойин, Бибиширин, Миркаракуз и др.), и Эгриарык, или Шайитарык,— левобережные (Шайит, Багиболо, Чинар, Кызылкарез [8], Пайгабаши, Кукчи, Шурсай и Газа).

В кишлаках Бибиширин, Кучкак, Багиболо, Чинар и Кукчи жили в основном таджики-чагатаи. Население остальных кишлаков было смешанным. В Пассурхи таджики делились на две группы: большинство составляли ходжа, меньшинство чагатаи. В Авлоде помимо ходжа и чагатаев были и узбеки (катаганы-тагчи). В кишлаках Шайит, Газа, Пайгабаши, Шурсай и Карабоюн чагатаи жили вместе с узбеками (конгратами). В первом из них конграты обитали только в квартале ювелиров. В Газа и Шайите была еще небольшая группа узбеков — выходцев из Каршинского оазиса. В Кызылкарезе среди чагатаев, собравшихся из разных местностей, жили и узбеки (тагчи).

Чагатаи верховьев Сурхана — это таджики бассейна его притоков: Халкаяра (по данным 1924 г., таджики кента Катар — 2518 человек), Сангардака и Тупаланга (таджики кента Сариасия — 6970) [228, 274, табл. 10]. В верховьях Халкаяра таджики-чагатаи занимали кишлаки: Дугоба, Кызылагил, Шотут, Люччак (большинство сейиды), Курганча, Диболо, Зерворoз, Фангарт, или Фангат (Пангат в узбекском призношении), Атхакун, Еттитахта (или Бештахта), Хауз и Ахсу (последние три кишлака располагались в некотором отдалении от реки, на небольших ручьях и родниках).

Первые семь кишлаков (кончая Зерворозом — самым нижним из них) располагались по ущельям двух основных истоков этой реки и были известны под общим названием *Катар* по наименованию селения, некогда существовавшего на месте (или немного ниже) Диболо. Чагатаи указанных семи кишлаков

---

[8] Кишлак Кызылкарез состоял из трех кварталов-кишлаков: Кызылкарез, Кызылмачит и Наулион. Они находились за верхней границей орошаемых земель города, на склоне холма, под которым протекал арык, поэтому эти кишлаки называли еще Арык-усти — расположенные над арыком. Преобладающие здесь красные (кызыл) глины определили названия первых двух кварталов.

были известны под именем *катари́*. Наиболее крупными их кишлаками были Дугоба, Курганча и Диболо. По традиции считалось, что катари́ составляют 1 тыс. хозяйств. Суровая природа гор не могла обеспечить пропитание многочисленному населению, поэтому катари́ переселялись в соседние местности. Так, в кишлаке Шайит г. Байсуна был Катаригузар, т. е. квартал катарцев.

Таджики-чагатаи жили в горных ущельях бассейна Сангардака. Хотя в самом Сангардакском ущелье из 10 кишлаков только два — Сангардак и Хубон — были таджикскими (остальные узбекскими), все же по численности таджики составляли большинство. Наиболее крупным кишлаком здесь был Сангардак.

Долина Хонджизадарьи, левого притока Сангардака, была также заселена таджиками-чагатаями. Здесь было четыре кишлака: Деибадам, Деисурх, Хонджиза и Ходжаасмин. Во всех этих селениях, кроме того, жили и ходжа.

Небольшие чагатайские кишлаки Нилю и Паннома находились в долине еще одного левого притока Сангардака. В соседнем ущелье, которое относилось уже к бассейну Тупаланга, разместилось большое чагатайское селение Хуфар, а на левом берегу Тупаланга (в его низовьях) — другое крупное чагатайское селение — Сариасия. В его округе было еще несколько небольших кишлаков, полностью или частично заселенных таджиками-чагатаями.

В средней части долины Сурхана таджики-чагатаи жили в г. Юрчи (здесь они составляли большинство) и в нескольких кишлаках в его округе, в частности в предгорьях к западу от него. Так, в большом селении Сина, его выселке Кукабулак и в кишлаке Куяусу обитали исключительно таджики-чагатаи, а в кишлаках Ушор и Дахана — чагатаи вместе с узбеками (тюрками-кальтатаями).

В долине Каратагдарьи таджики-чагатаи размещались в большинстве таджикских кишлаков бассейна этой реки и, по-видимому, в самом г. Каратаге. В 1924 г. в Каратагском тумане они составляли 57,9% всех таджиков [9].

Далее на восток, в бассейне Ханакадарьи часть таджиков относилась к группе кулоби́, остальные, говор которых назван Л. В. Успенской горным [346, 5], согласно моим полевым материалам, были чагатаями, хотя Комиссией по районированию Средней Азии они там не зарегистрированы.

В долине Варзобдарьи (у города Душанбе эта река получила название Оби-Душанбе или Душанбедарья и сохраняет его до своего впадения в Кафирниган) в 1924 г. было зарегистрировано 2070 таджиков-чагатаев, из них 1600 человек в кенте Вар-

---

[9] В 1924 г. в Каратагском тумане было всего 5225 таджиков, из них чагатаев — 3025 человек [228, 278, табл. 15; 283, табл. 18].

зоб и 470 в кенте Оби-Душанбе. По данным Р. Л. Неменовой, чагатаи были расселены в 16 кишлаках правобережной части бассейна Варзоба после выхода реки из горного ущелья (преимущественно в бассейне его правого притока Лучоба) [10]. Как жители предгорной зоны, они называли себя еще вилояти́ в отличие от кухистони́ — обитателей горной части Варзоба [257, 35—37].

Большое число таджиков-чагатаев в 1924 г. было зарегистрировано и на востоке от Варзоба, в бассейне верхнего течения Кафирнигана: в кенте Рохати — 8805 человек (36,3% всех таджиков этого кента) и в Файзабадском тумане — 7065 (36,6%) [228, 283, табл. 18, 278, табл. 15]. Другими опубликованными материалами по этим местностям я не располагаю. Имеется лишь указание В. С. Соколовой о том, что, по расспросным сведениям, говор вилояти́ (характерный для чагатаев) [346, 76; 347, 65; 355, 152; 296, 79] распространен по всему южному склону Гиссарского хребта, а также в долине Иляка. При этом во всех этих районах носители говоров вилояти́ и кулоби́ живут вперемежку. Удельный вес того или иного говора варьирует по разным районам: в одних преобладает вилояти́ (восточные районы, например Файзабад), в других — кулоби́ [317, 106, 108]. Однако диалектологические исследования, проведенные в Файзабаде и его районе Дж. Муруввatовым [239а] и Р. Л. Неменовой (материалы не опубликованы; о результатах исследований она любезно сообщила мне в письме), не подтвердили указанные расспросные данные В. С. Соколовой. Выяснилось, что таджики Файзабада и его окрестностей (примерно в пределах бывшего Файзабадского амлякдарства) связывают свое происхождение с Кулябом; говор их тесно сближается с кулябскими говорами, в частности с западнокулябскими (Бальджуан, Туткаул, Дангаринское нагорье). Здесь таджики в своем составе имели группы кухбуни́, ёнахши́ и др. Объединяющим наименованием для таджикского населения Файзабада и его района было *файзободи́* и, реже, *хисори́*.

По таджикам Нурека и Яванской долины собственных полевых записей у меня мало. В 1924 г. в Яванском тумане чагатаи не были зарегистрированы. По данным диалектолога О. Дж. Джалалова, предки таджиков Яванского района были выходцами из Куляба и Бальджуана. Говоры их сохранили особенности кулябских говоров таджикского языка [116а, 10].

В низовьях Кафирнигана в том же году было два кента: Кабадиан, расположенный непосредственно в долине реки, и Бешкент — оазис, орошаемый водой родника Чилучорчашма. В первом из них насчитывалось всего 2750 человек, из них таджиков было 1645 (59,8%), узбеков — 950 (34,5%), туркмен — 80 (2,9%) и арабов — 75 человек (2,7%); во втором — всего 3895

---

[10] Число чагатайских кишлаков сообщено мне Р. Л. Неменовой.

человек, из них таджиков 1090 (28%), узбеков — 2805 (72%) [228, 277, табл. 14 и 279, табл. 15]. Все таджики отмечены как чагатаи [228, 283, табл. 18].

Из указанного числа таджиков 1550 человек жили в самом городе Кабадиане. Обычно о его населении говорили: «*Чор гузар чагатай*» («Четыре квартала чагатаев»). Однако старожилы затруднялись назвать указанные четыре гузара, так как здесь их считали просто кишлаками. Этим объясняется тот факт, что в материалах переписи 1926 г., а также в списке населенных пунктов Таджикской ССР, изданном в 1933 г., Кабадиан отсутствует, а кварталы, его составлявшие, включены в список сельских поселений. Мне называли следующие кишлаки, считавшиеся городскими гузарами: Ёбуз, Кадихана [11], Гышткупрук, Гузари-боло, Чармгар, Файзабад и Мирзаён. Ёбуз состоял из двух кишлаков — Ёбузи-калон и Ёбузи-майда (большой и малый). Первый, в свою очередь, делился на гузары: Бешкапа, Сарибазар, Таги-мадраса, Гузари-боло, эти кишлаки были расположены внутри городской стены, называемой местными жителями каракурганом. Город имел четверо ворот, названия которых мне с трудом удалось восстановить: Дарвозаи-Кият, Дарвозаи-Кадихана, Дарвозаи-Ходжаказиён и Дарвозаи-Ахча.

А. П. Колпаков перечисляет следующие гузары г. Кабадиана: Ябуз, Чармгар, Гышткупрук, Гузари-боло, Сарай-кишлак, Казыхана и Кыёт (названия гузаров даются в написании А. П. Колпакова). При этом он отмечает, что квартал Ябуз, самый большой из всех кварталов и имевший две мечети, иногда подразделялся на два квартала — Ябузи-калон и Ябузи-майда [180, 302].

По моим полевым материалам, в двух из названных А. П. Колпаковым кварталов жили не чагатаи, а узбеки: в Сарай-кишлаке — халачи, в кишлаке Кият — дурмены. Таким образом, кварталами собственно города можно считать кишлаки Ёбуз, Кадихана, Гузари-боло и Гышткупрук.

Среди сельского населения кента Кабадиан в 1924 г. зарегистрировано всего 95 таджиков-чагатаев (7,9% всего сельского населения этого кента) [228, 279, табл. 15]. По всей вероятности, это жители правобережных кишлаков — Шаартуза [12], Саята и Ходжамашада [13].

---

[11] А. П. Колпаков, изучавший в 1950 г. историческую топографию г. Кабадиана, называет этот квартал Козыхона как местопребывание казия [180, 302]; мною же это название от разных информаторов записано в форме Кадихона или Кадахона (этимология та же).

[12] Кишлак Шаартуз фактически состоял из двух кишлаков, имевших своих аксакалов: южную часть — собственно Шаартуз — населяли таджики-чагатаи, а северную — маленький кишлак Джертевар — одноименный род узбеков-дурменов.

[13] Находившиеся вблизи друг от друга два кишлака — Саят и Ходжамашад (последний располагался у одноименного мазара и был населен тад-

В материалах переписи 1926 г. таджиками названы чагатаи кишлака Чарваг [223, 139]. В настоящее время население этого кишлака говорит по-узбекски, однако смена языка завершилась недавно: в 1971 г. житель этого селения Хаймат-баба́, 1900 г. рождения, сообщил мне, что его родители еще знали таджикский язык, но сам он уже не говорит на этом языке.

Полевые исследования, проведенные мной, подтвердили данные 1924 г.: этноним чагатай являлся в прошлом самоназванием таджиков территории бывшего Кабадианского бекства (исключение составляли таджики-ходжа); окружавшее их население — узбеки, арабы, туркмены и другие — также называли их чагатаями. Говор их относится к северной группе таджикских говоров [295]. Местные таджики и сами неоднократно указывали мне на близость своего говора к литературному языку, в основе которого лежат, как известно, северные говоры.

Как уже указывалось, Комиссия по районированию Средней Азии зарегистрировала значительное число чагатаев (как таджикоязычных, так и узбекоязычных) в долине Кызылсу. Особенно много чагатаев было в кенте Бальджуан (бассейне верхнего и среднего течения Кызылсу): 9060 таджиков (60,9% всех таджиков кента Бальджуан) и 380 узбеков (3,2% всех узбеков кента Бальджуан) [228, 283, табл. 18, 281, табл. 16, 277, табл. 14, 279, табл. 15].

О чагатаях в долине Кызылсу писал Н. Г. Маллицкий [211, 63], а об их группе близ Куляба (без более точного указания мест их расселения) — Н. А. Кисляков [171, 24, 35]. Однако Кулябские диалектологическая и этнографическая экспедиции, проводившие свои исследования в 1948—1949 гг., не выявили таджиков, называвших себя чагатаями [276, 81; 254. 10, 11]. По нашему мнению, вопрос о том, проживали ли чагатаи в Кулябе и Бальджуане, требует дополнительных полевых исследований. Вряд ли было ошибкой указание И. П. Магидовича, Н. Г. Маллицкого и Н. А. Кислякова на то, что они жили в этих местах.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в бальджуанском говоре таджикского языка наблюдается (по данным Р. Л. Неменовой) ослабление тех черт, которые наиболее характерны для кулябских говоров. Исследователь объясняет это бо́льшим, чем, например, в соседнем Ховалинге, влиянием литературного языка, «так как Бальджуан ближе расположен к центру республики и связи его со столицей теснее» [254, 173]. А не является ли это следствием происходившего здесь процесса ассимиляции таджиков-чагатаев численно пре-

---

жиками-ходжа) — официально считались одним селением и имели общую мечеть, которая находилась в Саяте. В 1915 г. ходжамашадцы построили свою мечеть, но по-прежнему у них был на два селения один аксакал, налоги они платили вместе, и пайкальные (общинные) земли были у них общими.

обладавшими в прилегающих к Бальджуану районах таджиками кулоби́ (говор чагатаев, как отмечалось, близок к литературному языку). В данном случае, возможно, следует говорить не об ослаблении в языке местного населения характерных черт кулябских говоров, а, наоборот, об их влиянии на говоры таджиков-чагатаев.

В пользу нашей гипотезы о том, что предки большинства таджиков Бальджуана относились к чагатаям, говорит и тот факт, что один из первых исследователей горных таджиков, А. А. Семенов, в 1898 г. слышал в кишлаке Япуч (Ёфуч — на правом берегу нижнего течения р. Хингоу), что «местные таджики называли себя „таджиками-чагатай", причем прибавляли, что весь Дарваз населен ими. Действительно, — пишет далее А. А. Семенов, — потом привелось это название два-три раза услышать еще в некоторых кишлаках за Япучем к Дарвазу» [306, 23]. Между тем исследования Н. А. Кислякова и членов Гармской этнографической экспедиции показали, что население нижней части долины Хингоу, в том числе кишлака Ёфуч, относится к группе хлоз, представители которой, как и все население бассейна Хингоу, считали своих предков выходцами из Кўляба и Ховалинга, т. е. из долины Яхсу и верховьев Кызылсу [175, 15, 16; 331, 56, 57, 318]. Ховалинг, как известно, входил в состав Бальджуанского бекства, и, стало быть, предки жителей Ёфуча могли быть чагатаями Бальджуана.

Кулоби́. Исконным и основным местом расселения таджиков-кулоби́ была область Куляб — бекства Кулябское и Бальджуанское. Таджики занимали здесь почти исключительно горные местности, окаймляющие полукольцом с запада, севера и востока центральные и южные низменные районы, — бассейн верхнего течения рек Яхсу и Кызылсу, весь бассейн р. Обиниоу[14]. Районами почти сплошного таджикского расселения (см. рис. 2 и табл. 3) были Даштиджум (долина р. Обиниоу — кенты Тагнауз, Поёндара), Ховалинг (долина р. Обимазар, левого притока Кызылсу), Сарихасор (бассейн верховьев Кызылсу, носящего здесь название Шуробдара), северная часть Бальджуана (в той же долине Кызылсу, но ниже Сарихасора) и Муминабад (долина левых средних притоков Яхсу — верховья рек Обилянгар и Обитебаляй). В центральной и южной частях Куляба в конце XIX — начале XX в. таджики встречались в виде редких вкраплений.

В работах исследователя диалектов и этнографии таджиков Р. Л. Неменовой [255, 139; 254, 10, 11] содержатся ценные сведения о делении таджиков северных районов Куляба на территориальные группы, очень незначительно различающиеся по

---

[14] Краткое описание расселения таджиков в Кулябе и карта приведены в нашей совместной с А. К. Писарчик статье [276, 76—78].

говорам, а также по некоторым этнографическим особенностям. Приводя подробные данные о размещении этих групп, Р. Л. Неменова отмечает, что названия их либо совпадают с названиями районов основного местожительства каждой из них, либо связаны с географическими особенностями местности, где они расселены, или с их происхождением. Р. Л. Неменова приводит данные о следующих группах [15].

Ёхсучи — жители бассейна верхней части р. Яхсу. Помимо своей исконной территории большое их число проживало в Ховалинге и прилегающих к нему селениях, а также в районах Муминабада, Даштиджума (главным образом в его южной части) [16] и в верховьях рек Обилянгар и Обитебаляй.

Ховалингӣ — насельники Ховалинга, бассейна р. Обимазар; их было много и в верховьях рек Обитебаляй и Обилянгар.

Шуробдарачӣ — жили в бассейне самой верхней части Кызылсу — Шуробдара; значительное число их было в районе Кангурта и Дангары, т. е. в бассейне верхнего и среднего течения р. Таирсу, правого притока Кызылсу.

Бальдживонӣ — основная группа населения центральной части Бальджуанского района, собственно Бальджуана, а также селений Сатальмуш и Садаибарда (к северу и северо-западу от Бальджуана) и окружающих их кишлаков. Кроме этой исконной территории полоса, заселенная бальдживони, протянулась на юг, где она расширялась. В этом районе таджикское население перемежалось с узбекским (локайцы).

Дарачӣ — жители горной долины, расположенной на северо-восток от Бальджуана, южная (бóльшая) часть которой носит название Сударай-калон, а северная (меньшая) — Сударай-хурд. Как отмечает Р. Л. Неменова, название этой группы было связано с рельефом местности (дара — ущелье, горная долина).

Даштакӣ — обитатели бассейна правого притока Кызылсу у устья которого расположен Бальджуан. Наличие в указанной местности равнинных площадей — *дашт* — объясняет, как отмечает Р. Л. Неменова, и название населения [17].

Юго-восточная часть Куляба также делилась на несколько историко-культурных районов, таджикское население которых имело особенности в говорах и культуре. Среди них можно назвать Муминабад, Даштиджум, Куль, Саричашма и г. Куляб с округой. Согласно исследованиям диалектологов, внутри каждого из этих районов выделялись подгруппы [318, 155]. Об

---

[15] Сведения Р. Л. Неменовой относятся к 1948—1949 гг., однако эти данные в значительной мере отражают и расселение отдельных групп таджиков в начале XX в.

[16] Исследователь говоров Даштиджума В. В. Яблонская отмечает, однако, что переселенцы из верховьев Яхсу живут на самом севере Даштиджумского района [376, 119].

[17] Словом *дашт* (степь) обозначают предгорные холмы (*адыр*), низкогорья вообще и подгорную равнину. Для всех этих ландшафтов изучаемых районов характерна степная растительность.

изолированности Даштиджума от остальной территории Куляба, о многих архаических чертах в обрядах и обычаях жителей этого горного ущелья, о наличии в составе местного населения ряда родственных групп со своеобразными чертами в культуре писала А. К. Писарчик после этнографического обследования этого района, который вплоть до революции оставался полусамостоятельным шахством [276, 89].

Чрезвычайно интересны материалы Р. Л. Неменовой о существовавшем среди таджиков Куляба делении всего таджикского населения по географическим особенностям мест обитания или по исторически сложившемуся районированию. Так, жители горных районов Куляба (преимущественно северных) называли себя по отношению к жителям предгорных и равнинных мест (Кангурта, Дангары и др.) *сархади* [18] и противопоставляли себя им по языку; таджиков же указанных равнинных местностей они называли *чули* [19] — *даштй*.

Все таджики Куляба за пределами области называли себя кулоби, противопоставляя себя каратегини, *дарвози* (жителям Дарваза) и *одамои пойон* (равнинные жители) — последним названием кулябцы определяли таджиков Душанбе, Ходжента, Самарканда и Бухары. Таджиков Гиссарской долины кулябцы называли *вилояти* [254, 11] [20].

Вне пределов Куляба таджики-кулоби довольно компактно были расселены по среднему течению р. Кафирниган и прилегающим к нему горам, занимая территорию, ограниченную на западе восточным склоном хребта Бабатаг, на востоке долиной Обикиик, на севере г. Хисаром, а на юге кишлаком Кызылкала у переправы на Вахше. Наиболее крупными кишлаками на этой территории были: Даганакиик, Богак, Касабулак, Хаджибай и Ябу. Группа кулоби имелась и среди таджиков газымалеки (см. стр. 62).

Селения таджиков кулоби были и по Ханакадарье, причем не только в ее низовьях, но и в верховьях,— это кишлаки Арбоби, Кипчак, Алмаси и др. Таджики-кулоби жили в большом кишлаке Туда и в нескольких других в его окрестностях, расположенных в бассейне среднего течения Ханакадарьи, где они составляли большинство населения [346, 5].

---

[18] По данным Р. Л. Неменовой [256, 60] и моим полевым материалам, термином *сархад* таджикское население обозначает местности, расположенные на высоких горных склонах, где возделываются зерновые культуры, а садоводство уже невозможно.

[19] Термин *чуль* нередко употребляется в том же значении, что и *дашт*, но только чуль располагается ниже дашта и характеризуется полупустынной растительностью.

[20] Термином *вилоят* обозначается крупный оазис с интенсивным земледелием и городами. В изучаемых мной районах под этим термином понимаются Гиссарская и ее продолжение — Сурханская долины [162, 214]. Термином же *вилояти* обозначают лишь искони оседлое население — таджиков и часть узбеков этого оазиса.

На запад от Ханакадарьи кишлаки таджиков-кулоби́ были преимущественно на южном склоне Гиссарского хребта, и чем дальше они шли на запад, тем реже попадались. Как любезно сообщила мне Р. Л. Неменова согласно данным диалектологического обследования, западным пределом расселения кулоби́ является кишлак Чартак, расположенный западнее г. Регара.

По данным только что упомянутого обследования, кулоби́ жили к востоку от Ханакадарьи в долине Варзоба. Здесь было около десятка их кишлаков [317, 105, 106; 287, 21, 22; 258, 67—69].

Большой массив таджикского населения на восток от Варзоба (в бассейне верхней части Кафирнигана и его притока Иляка, т. е. Рохати, Ромита, Файзабада) почти не изучен этнографами, поэтому мне ничего не известно о расселении кулоби́ и других групп на этой территории. Среди селений этого района имеется два кишлака под названием Кулобион — «кулябцы» [223, 60, 62]. Согласно материалам, собранным в конце 60-х годов и хранящимся в Институте языка и литературы им. Рудаки АН ТаджССР и любезно предоставленным мне для использования А. Хакбердиевым, в большинстве таджикских и таджикско-узбекских кишлаков восточной части Гиссарской долины и прилегающих к ней холмов от Душанбе до Ромита (исключая долины Варзоба на западе и Ромита на востоке) в настоящее время наряду с исконным населением живут и таджики — выходцы из Ромита, Ягноба, Каратегина и особенно Куляба. Насколько эти данные отражают дореволюционное расселение кулоби́, сказать трудно, так как помимо интенсивных миграционных процессов за годы Советской власти произошло значительное (почти в девять раз) сокращение числа кишлаков на указанной территории за счет слияния мелких селений, а также перемещения жителей горных кишлаков в долину. Одно несомненно: численность кулоби́ в бассейне верхнего Кафирнигана до революции была значительно больше, чем на запад от Душанбе.

Газымалеки́. Под этим названием была известна среди окружающего населения группа таджиков, разместившаяся по склонам невысокого маловодного хребта Газымалек, а также в прилегающей к нему части долины Кафирнигана и на восточном склоне Бабатага. Основными их кишлаками были следующие: Дахани-Хаджибай, Бибихурум, Карабулак, Оличабулак, Богак, Косабулак, Шурманка, Шурион (здесь они жили вместе с узбеками племени дурмен), Мингачар, Айбулак, Ангули, Чинарисухта.

Газымалеки делились на группы, названия которых нередко были связаны с наименованиями кишлаков, откуда выселились их предки. Мною зафиксированы такие названия групп: *кулоби́* (по-видимому, из собственно Куляба, т. е. бассейна Яхсу),

даштаки́ (из соответствующей группы таджиков Бальджуана), *тегузаки́* (Тегузак — кишлак к югу от Туткаула), *ёнахши́* (Ёнахш — кишлак на границе Нижнего Каратегина и Файзабада; по данным Р. Л. Неменовой, его жители — кулоби́ по происхождению [257, 38]), *дараиушури́* (Дараи-Ушур — кишлак на левом берегу Вахша, на северо-восточном склоне хребта Гулизиндан), *кухбуни́* (из одноименной группы таджиков также из привахшских кишлаков) [21], *пашмаки́* (происхождение термина не установлено). По представлению самих газымалекцев, ядро этой группы составилось из кулоби́. Это подтверждается и тем, что представители ее свой говор называют газымалеки́ или кулоби́ [346, 5].

Варзоби́. Таджики, считавшие себя исконным населением бассейна Варзоба, называли себя *варзоби́*. Они обитали в кишлаках по среднему течению этой реки, выше кишлака Дахана, т. е. до выхода реки из гор. Их селения располагались также и в боковом ущелье по левому ее притоку — Душоха (или Косона). Отдельные семьи варзоби́ во время обследования этой территории Р. Л. Неменовой в 1961—1963 гг. жили также в селении Дахана и в кишлаках Харангонского ущелья. Говор их сходен с говором таджиков-чагатаев, живущих в непосредственном соседстве с ними ниже кишлака Дахана [257, 33—35].

Ромити́. Таджики бассейна верховьев Кафирнигана называли себя *ромити́*, так как этот горный район, расположенный между Гиссарским и Каратегинским хребтами, среди местного населения носил название Ромит или, чаще, Роумит [22]. Центром этого историко-культурного района являлось одноименное селение, находившееся у впадения р. Сардаи-миёна в Кафирниган. Будучи жителями горной страны, ромити́ называли себя еще кухистони́ [60, 170]. Исследователь языка таджиков-ромити́ Б. Бердиев в 1961—1962 гг. выявил у них два говора: один из них характерен для жителей бассейна р. Сорбо, а другой — бассейна рек Сардаи-миёна и Ёс [61, 66].

Ромит — район сплошного таджикского расселения, но уже за его нижней границей начинается смешанная таджикско-узбекская территория (тюрки, карлуки). Так, по соседству с кишлаком Явроз, одним из самых нижних по Кафирнигану кишлаков Ромита, был карлукский кишлак Яврози-каллиго. На территории Ромита, как и всей горной зоны, размещались летние кочевья узбеков-овцеводов. Особой известностью пользовались расположенные здесь урочища Чучи и Каняз.

---

[21] Р. Л. Неменова, указавшая мне на эту группу среди привахшских таджиков, считает, что название *кухбуни* соответствует значению «обосновавшийся в горах», «живущий в горах» (от *кух* — гора, *бун* — корень, основание, *и* — суффикс, указывающий на происхождение предмета или лица из определенной местности).

[22] В начале X в. река Кафирниган называлась Рамид [50, 121].

Кухистони́. В кишлаках, разбросанных по горным ущельям многочисленных истоков Тупалангдарьи, жили исключительно таджики. Население долины Сурхана называло их горцами — *кухистони́* [357, 131], но сами себя они назвали по имени своих кишлаков, например *маляндй* (маляндцы), *хурвотони́, зеварй* и т. д. Жители мелких кишлаков данного ущелья, попадая в другие местности, именовали себя по более широко известному крупному кишлаку, название которого прилагалось нередко и к данному ущелью, а также к протекающей по нему реке. Например, в ущелье Дараи-Чош были следующие кишлаки (сверху вниз): Чош, Дугоба (состоящий, в свою очередь, из кишлаков Пастикалон, Пор, Пуштиварак и Сарсак), Ниговод, Карш, Источибеоб и Урах. Наиболее известными среди них были Чош, Дугоба и Карш.

Скалистые и узкие ущелья истоков Тупаланга не могли дать приют большому числу жителей, поэтому издавна происходило постепенное переселение горцев в другие местности, в частности в долину Сурхана, а также в долины притоков Кашкадарьи. Так, переселенцами из горных кишлаков верховьев Тупаланга Шатруда, Хурватана, Зогханы, Малянда и Чоша были основаны кишлаки Тиргорони-пас и Тиргорони-боло, расположенные на берегу Тупаланга после выхода его из гор. Вблизи г. Юрчи выходцами из кишлака Карш был основан кишлак Карши [23].

Хардурй. Основная масса таджиков-хардури располагалась в юго-восточной части бассейна Кашкадарьи [228, 211, 212; 371, 6—9]. В рассматриваемой области они были представлены в очень незначительном числе, в основном в долине Мачайдарьи (верхняя часть Шерабаддарьи). Здесь хардури жили в двух кишлаках: в Ходжадеяке (до революции в нем было до 50 хозяйств) и в Юкары-Мачай, или Катта-кишлаке. Во втором кишлаке, по словам стариков, в прошлом было до 300 хозяйств, половину из которых составляли тюрки. Под влиянием последних хардури этого селения постепенно перешли на узбекскую речь и называли себя узбекскими хардури. Они жили здесь смешанно с узбеками-чагатаями.

Хардури-кишлак был также под Байсуном. Его жители считали себя выходцами из Башчарвага — группы селений, расположенной в верховьях Кичи-Урядарьи, неподалеку от Мачая [24].

В долине Сурхандарьи я зафиксировала хардури лишь в кишлаке Тараклы, относившемся к Денаускому бекству. Этот киш-

---

[23] Произношение названий города и кишлака Карши было различным: в первом был представлен задне-мягконебный взрывной глухой звук «к».

[24] В Башчарваге помимо преобладавших по численности таджиков-хардури жили и тюрки. Всего в Башчарваге в прошлом было, по словам стариков, 1200 хозяйств.

лак был известен и под названием Хардури-кишлак. В переписи 1926 г. он отмечен как узбекский [223, 264].

Хардури-кишлак, или Хардури-сай, был и в устье р. Малянд (правый приток Тупалангдарьи), но неизвестно, сродни ли были его обитатели хардури Мачая, ибо термин *хардури* означает «отовсюду пришедшие» и нередко употребляется местным населением подобно слову *курама* (обозначает смешанное, «сборное» население, сложившееся из представителей разных этнических групп).

Ходжа. В эту группу, известную под названием *ходжа* (к ней обычно относили и сейидов), входило, подобно чагатаям, как таджикоязычное, так и узбекоязычное население. Ходжа встречались в виде вкраплений среди других жителей. Они имели отдельные кишлаки, но чаще составляли лишь часть обитателей селений и городов.

Комиссией по районированию Средней Азии таджики-ходжа были отмечены только в Ховалингском тумане — 2880 человек (в кенте Баймуш — 2445, в Сарихасоре — 435 человек) [228, 283, табл. 18] и в Яванской долине (северной части) — 1505 человек [228, 233]. Кроме того, в Бальджуанском тумане (в кишлаке Аксу Дангаринской долины, самом Бальджуане, Кангурте и Кулисуфионе) было зафиксировано 475 ходжей [228, 283, табл. 18] [25], относившихся, несомненно, к сейидам (см. стр. 152). Однако в действительности таджики-ходжа были расселены значительно шире. По данным Р. Л. Неменовой, они жили также в некоторых кишлаках района среднего течения Вахша. М. Хамраев упоминает, что в Хисарском бекстве кишлаки Нилькон и Пистамазар вблизи Рохати были населены исключительно ишанами и их родственниками и что в Рахаты жил крупный ишан [354, 68]. Мною ходжа отмечены в группе кишлаков, известных под общим названием Сайроб (в кишлаках Кабута и Джиндикамар), в Байсуне в кишлаках Шайит, Пассурхи, Сариасия и Авлод (в последнем вместе с таджиками жили еще узбеки-тагчи), в кишлаке Люччак у истоков р. Халкаяр (в Катаре), в кишлаках бассейна Сангардака, в кишлаке Лянгар, расположенном при выходе Тупаланга из гор, в кишлаке Загнабад в верховьях Шаргундарьи, в г. Каратаге и во многих селениях на восток от него, в Кабадианском бекстве в кишлаках Машад и Чашма, в Лянгаре кулябском и в самом г. Кулябе. Можно с уверенностью сказать, что я учла не все кишлаки, полностью или частично населенные рассматриваемой группой таджиков.

Прочие группы таджиков. В литературе имеется ряд указаний на существование среди таджиков изучаемой террито-

---

[25] В таблице они ошибочно названы ишанами, видимо, потому, что принадлежали к роду какого-нибудь ишана, руководителя суфийской общины. Ишаны непременно были из ходжей (см. стр. 152).

рии переселенцев из соседних областей — Каратегина, Рога (одной из областей Афганистана) и Ягноба. Так, ряд селений в бассейне Варзоба занимали выходцы из Каратегина — каратегини́й: группу кишлаков Зидди (у истоков Варзоба), кишлаки Рог и Вармоник в Такобском ущелье и ряд кишлаков в долине р. Лучоба [258, 68, 292, 4]. На западе от Варзоба каратегини́й было значительно меньше — мне известно всего два кишлака, населенных ими,— Ташбулак в верховьях р. Ханака[26] и Хокими в верховьях Каратагдарьи [347, 10].

По-видимому, на восток от долины Варзоба выходцы из Каратегина встречались чаще. Об этом говорят упомянутые данные диалектологов, переданные мне А. Хакбердиевым. Правда, они отражают сегодняшний день. Однако, имея в виду общую закономерность сложения смешанного состава населения в пограничных зонах, можно не сомневаться, что в районах Гиссарского бекства, прилегающих к Каратегину, было много каратегинцев. Следует, однако, принять во внимание, что, согласно исследованиям Р. Л. Неменовой, преобладало переселение гиссарцев и кулябцев в Каратегин, а не наоборот [331, 62].

Рогй́, потомки выходцев из афганской области Рог, жили на самом юго-востоке Куляба, в шахствах Вори и Давлятабад [276, 77, 78; 65, 133].

Ягнобй́ — жители высокогорной долины Ягноб в верховьях Зеравшана, сохранившие свой особый язык восточноиранской группы (специалисты считают его потомком одного из согдийских диалектов [25; 251, 149—152]), на изучаемой территории жили только в бассейне Варзоба. По данным М. С. Андреева и Р. Л. Неменовой, ягнобцами были заселены кишлаки Коктепе (вблизи Анзобского перевала), Зуманд и Гаров в Такобском ущелье и Обисафед в верховьях Такоба, а также Дара в Харангонском ущелье [20, 21; 257, 40].

* * *

В конце XIX — начале XX в. среди таджиков изучаемой территории, вероятно, существовал еще ряд этнографических групп (если не первого, то второго и третьего порядка), но, к сожалению, я не располагаю сведениями о них. Будем надеяться, что дальнейшие исследования таджиковедов (этнографов и диалектологов) внесут исправления и дополнения в приведенные выше сведения.

В материалах Комиссии по районированию Средней Азии отмечается, что во время обследования 1924 г. в ряде местно-

---

[26] Р. Л. Неменова, которой я обязана сведениями о кишлаке Ташбулак, выяснила, что жители этого селения являются переселенцами из Ромита. Однако происхождение свое ведут из Каратегина.

стей на территории бывшего Бухарского ханства жители к названию своей национальности «таджик» присоединяли еще и название того или иного узбекского племени.

В изучаемых мной районах в 1924 г. были зафиксированы следующие узбекские генеонимы, прилагавшиеся к таджикам: *мусабазари* (140 человек в районе Каратага), *балгалы* (115 человек в районе Каратага), *найман* (335 человек в районе Каратага и 100 — в районе Сариасия) и *тартулы* (100 человек в районе Бальджуана и 1540 — в районе Дербента) [228, 232, 233, табл. 9, 274, табл. 10, 283, табл. 18]. Из них при обследовании я встретила только мусабазари.

В материалах 1924 г. нет сведений о таких территориальных группах таджикского населения, как кулоби, рогн, каратегини и других, и потому я не имею возможности дать характеристику их расселения по бекствам. Судя по данным 1924 г. [228, 274, табл. 10, 283, табл. 18], чагатаи были распределены по бекствам следующим образом: в Хисаре их было 27 935 человек (27,9% всего таджикского населения этого бекства), в Денау — 3420 (34,9%), в Байсуне — 12 991 (57,7%), в Кабадиане — 2735 (100%) и в Бальджауне — 9270 человек (14,7%). В Кулябском бекстве таджики-чагатаи не были зарегистрированы, а 590 чагатаев Шерабадского бекства, отнесенных в 1924 г. к таджикам, в действительности были узбеками (см. ниже, стр. 69).

УЗБЕКИ

В узбекском населении Восточной Бухары в конце XIX — начале XX в. отчетливо прослеживались три слоя: оседлое население, не имевшее родо-племенного деления,— чагатаи, ходжа и так называемые *каршилик* (каршинцы); ранние племена, т. е. исторические потомки той части домонгольских тюркских племен Мавераннахра и тюрко-монгольских племен периода завоевания и владычества монголов, которая не растворилась среди оседлого населения, а сохранила полукочевой быт и родо-племенное деление,— тюрки, карлуки, халачи, моголы, меришкары и др.; поздние племена — потомки узбекских племен, пришедших из Дашти-Кипчака в Мавераннахр в конце XV в. вместе с Шейбани-ханом и окончательно поселившихся здесь в основном в начале XVI в.,— конграты, юзы, локайцы, семизы, кесамиры, катаганы, дурмены и др. [27].

---

[27] М. Г. Вахабов предлагает в качестве научных терминов для обозначения указанных трех компонентов узбекского народа принять следующие наименования: тюркоязычные сарты, тюрки Мавераннахра и кочевые узбеки [82, 44, 46, 51]. Несмотря на то что эти термины верно и достаточно полно передают сущность каждого компонента, мне в данной работе пришлось от них отказаться по следующим причинам: во-первых, термин сарт в исследованных мной районах (как и в бассейнах Зеравшана и Кашкадарьи) совер-

Среди коренного населения изучаемой территории в конце XIX — начале XX в. термин узбек употреблялся для обозначения лишь последнего из перечисленных слоев в составе узбекской народности. Для определения племен второго слоя общего наименования не было, но наиболее многочисленные из ранних племен продолжали называться общим именем тюрк. Представители первого слоя, т. е. оседлая часть узбеков, известная в литературе под названием сартов, на изучаемой мною территории называлась таджиками или чагатаями (об этом подробнее см. стр. 123—126). Термины узбек, тюрк, чагатай были самоназваниями соответствующих групп. Понимая слово узбек в отмеченном узком значении, тюрки и узбекоязычные чагатаи не причисляли себя к узбекам, да и узбеки не считали их в составе своих племен. Это обстоятельство, т. е. употребление среди местного населения слова узбек в приложении преимущественно к племенам даштикипчакского происхождения (а не узбекской народности вообще), недостаточно учитывалось исследователями, и в результате возник в историко-этнографической литературе вопрос о том, являются ли тюрки узбеками. не составляют ли они самостоятельную народность [96, 3—6; 88, 393, 394].

В языке, нравах и обычаях указанных трех слоев узбекского населения было столько общего, что не остается сомнений в принадлежности всех их, в том числе и тюрков. еще в дореволюционный период к единой узбекской народности. Наряду с этим ко времени установления Советской власти у каждой из групп имелись и свои особенности, поэтому они могут рассматриваться как этнографические группы генетического типа в составе узбекского народа.

Отнесение того или иного племени к ранним или поздним порой представляет большие трудности, ибо, как известно, одни и те же народности и племена нередко жили как в степях Дашти-Кипчака, так и в Мавераннахре. Кроме того, этнический состав племен отнюдь не был стабильным, неизменным. Наоборот, как это показывает вся средневековая история тюрко-монгольских народов, различные этнические группы постоянно смешивались, дробились и вновь объединялись в новых комбинациях, в силу чего в составе потомков даштикипчакских узбеков нередко обнаруживаются потомки более ранних групп в качестве отдельных родов или их подразделений.

При исторической классификации рассматриваемых племен, т. е. при отнесении того или иного племени к ранним или позд-

---

шенно не бытовал — в качестве самоназвания узбекское оседлое население употребляло термин чагатай; во-вторых, употребление термина тюрк в трех значениях — для наименования потомков кочевых тюрков Мавераннахра XV в., как объединяющего названия группы племен, а также в качестве племенного имени (собственно тюрки) — внесло бы путаницу в трудновоспринимаемый (ввиду обилия этнонимов) текст; в-третьих, в конце XIX — начале XX в. потомки даштикипчакских узбеков уже не были кочевниками — они вели полукочевую или оседлую жизнь.

ним, критериями послужили не только и не столько их названия, сколько целый комплекс показателей, которые могут играть роль этнических определителей, — язык, антропологический тип и этнографический облик (т. е. особенности материальной и духовной культуры).

Узбеки, не имевшие родо-племенного деления

В южных районах Таджикистана и Узбекистана искони оседлая часть узбеков, не имевшая родо-племенного деления, была немногочисленна. По данным 1924 г., чагатаи составляли 3,5% всего узбекского сельского населения и ходжа — 0,8% (табл. 4). В действительности же численность оседлой части узбеков была несколько больше, ибо в 1924 г., во-первых, не все группы ходжа были учтены, во-вторых, часть узбеков-чагатаев была отнесена к таджикам и, в-третьих, совсем не были зафиксированы так называемые каршинцы, по-видимому, они вошли в состав неизвестных (см. табл. 4).

Чагатаи. Узбеки-чагатаи (5732 человека) были зарегистрированы в 1924 г. [228, 222, 223, 267, табл. 7] в следующих местностях:

Местность	Число человек
Верховья Шерабаддарьи	1127
Пашхурдская долина	1000
Шерабадская долина	500
Низовья Сурхандарьи и долина Амударьи в районе Термеза	2160
Низовья Кафирнигана	165
Долина Кызылсу	380
Кулябская равнина	400

В бассейне Шерабаддарьи чагатаи размещались в трех местностях: в верховьях этой реки, в бассейне ее среднего течения и в Шерабадском оазисе. В первой из указанных местностей они жили в кишлаке Юкары-Мачай вместе с тюрками и хардури. В бассейне среднего течения Шерабаддарьи узбеки-чагатаи зафиксированы мною в трех основных пунктах: в большом селении Ляйляган на правом берегу Шерабаддарьи, в кишлаке Карабаг, расположенном в Пашхурдской долине[28], и в кишлаке Пашхурд, где часть чагатаев, отмеченных выше, была узбекоязычна.

---

[28] И. М. Магидович, исходя из совпадения названия кишлака Карабаг с наименованием одного из родов узбекского племени сарай, жителей его (1000 человек) ошибочно причислил к сараям [228, 191].

В низовьях Шерабаддарьи,— в Шерабадском оазисе существовало несколько селений узбеков-чагатаев: Чагатай, или Азан-Чагатай, на арыке Азан, Кишлакбазар (в этом большом кишлаке, где, по воспоминаниям старожилов, было более 200 хозяйств, имелось два квартала — Арсланбаи с чагатайским населением и Ходжа — с узбеками-ходжа), Сеплан (часть жителей его составляли афганцы), Наубаг (в нем обитали еще афганцы и тюрки), Гегирдак (часть жителей — тюрки) и Чуянчи (часть жителей — арабы).

В низовьях Сурхандарьи было три кишлака узбекоязычных чагатаев: Мангузар, Саллиабад и Чагатай. В двух первых они жили вместе с узбекоязычными ходжа.

На северо-восток от этой группы, в предгорьях хребта Чульбайир (на западе от г. Денау), у небольших родников были расположены чагатайские кишлаки Катта-Вахшивор и Кичи-Вахшивор. В первом из них жили и тагчи.

В предгорьях Гиссарского хребта (к северу от Сариасия) были два крупных чагатайских селения: Газарак на берегу р. Гульоб и Дашнавад на берегу р. Обизаранг. Жители их говорили по-узбекски. Восточнее Дашнавада в пределах Хисарского бекства узбеки-чагатаи не зафиксированы. В Бальджуанском бекстве (в самом городе и его окрестностях) было зафиксировано 380 человек узбеков-чагатаев. В Кулябском бекстве они были отмечены в г. Кулябе и его пригородах (270 человек) и в Саричашме (130 человек). В 1924 г. в Кабадианском бекстве узбеки-чагатаи были зарегистрированы только в Бешкентской долине (165 человек) [228, 281, 282, табл. 16].

Ходжа. Комиссией по районированию Средней Азии в 1924 г. узбекоязычные ходжи были зафиксированы в двух местностях: в Пашхурдской долине — 1110 человек и на берегу Сурхана у Кумкургана — 220 человек [228, 267, табл. 7]. В Пашхурдской долине узбеки-ходжа жили в кишлаках Зарабаг, Пашхурд, Карабаг и др., а в районе Кумкургана — в кишлаках Джалаир и Тактугай на правом берегу Сурхана, на левом же берегу — в кишлаке Ходжа. По данным А. А. Семенова, ходжа жили и в упомянутом чагатайском кишлаке Саллиабад под Термезом [305, 7].

Во время полевых исследований узбеки-ходжа выявлены мною еще в следующих местностях: в кишлаках Аманкана и Хамкан (бывш. Байсунское бекство); в г. Денау и его окрестностях, в кишлаке Ходжаипак (бывш. Денауское бекство); в кишлаке Дашнавад, а также в ряде населенных пунктов карлуков и локайцев (на территории бывш. Хисарского бекства). Несомненно, узбеки-ходжа выявлены мной не полностью.

Каршилики. Коренное местное население термином каршилик, т. е. каршинец, обозначало не только выходцев из

Этнический состав узбекского сельского населения

Бывшие бекства	Хисар	Денау	Байсун	Шерабад	Кабадиан	Курган-Тюбе	Куляб
Этнические группы	Абсолютные						
Всего узбеков	51 956	26 876	27 792	22 845	3755	3890	13 580
В том числе:							
Чагатаи	—	—	2 127	2 660	165	—	400
Ходжа	—	—	1 320	—	—	—	—
Тюрки	19 194	703	—	—	—	—	1 450
В том числе:							
Собственно тюрки . .	849	—	—	—	—	—	1 450
Кальтатаи	2 727	235	—	—	—	—	—
Мусабазари	4 094	—	—	—	—	—	—
Барласы	7 501	468	—	—	—	—	—
Тюрк-карлуки	4 023	—	—	—	—	—	—
Карлуки	1 410	—	—	—	—	—	875
Тагчи	—	—	5 605	—	—	—	—
Моголы	210	—	—	—	—	—	2 155
Меришкары	—	—	—	—	—	—	200
Конграты	2 904	—	18 314	14 740	1190	—	—
Юзы	7 127	26 173	—	—	—	—	—
Локайцы	13 220	—	—	—	—	—	395
Семизы	—	—	—	—	—	—	2 420
Кесамиры	—	—	—	—	—	—	1 315
Катаганы	—	—	—	—	—	3890	4 245
Дурмены	5 579	—	—	—	2400	—	—
Найманы	476	—	—	—	—	—	—
Каучины	—	—	—	—	—	—	125
Неизвестные	1 836	—	426	5 445	—	—	—

* Таблица составлена на основании данных Комиссии по районированию следований позволили внести следующие уточнения: группа сарай Пашхурд мити Каратагского кента (214 человек) — к собственно тюркам (см. стр. 73); карлуки Нурек-Файзабадского (740 человек), Янгибазарского (385 человек), асийской волости (1132 человека) — к тюрк-карлукам (см. стр. 79); катаганы группе тагчи (см. стр. 84); найманы Кулябского кента (2420 человек — к жителей волости Миршаде, отнесенных в 1924 г. к неизвестным (см. стр. 96). Население Джаркурганской и Термезской волостей отнесено к Шерабадскому (2660 чагатаев, 4523 конграта и 3807 неизвестных), ко второму — левого се

Таблица 4

на территории бывших бекств*

Бальджуан	Всего	Хисар	Денау	Байсун	Шерабад	Кабадиан	Курган-Тюбе	Куляб	Бальджуан	Процент ко всему узбекскому населению
числа		Процент ко всему узбекскому населению данного бекства								Всего
14 960	165 654	31,4	16,2	16,8	13,8	2,3	2,3	8,2	9,0	100
380	5 732	—	—	7,7	11,7	4,4	—	2,9	2,5	3,5
—	1 320	—	—	4,7	—	—	—	—	—	0,8
1 865	23 212	36,9	2,6	—	—	—	—	10,7	12,5	14,0
1 865	4 164	1,6	—	—	—	—	—	10,7	12,5	2,5
—	2 962	5,3	0,9	—	—	—	—	—	—	1,8
—	4 094	7,9	—	—	—	—	—	—	—	2,5
—	7 969	14,4	1,7	—	—	—	—	—	—	4,8
—	4 023	7,7	—	—	—	—	—	—	—	2,4
930	3 215	2,7	—	—	—	—	—	6,4	6,2	1,9
—	5 605	—	—	20,2	—	—	—	—	—	3,4
—	2 365	0,4	—	—	—	—	—	15,9	—	1,4
—	200	—	—	—	—	—	—	1,5	—	0,1
—	37 148	5,6	—	65,9	64,5	31,7	—	—	—	22,4
—	33 300	13,7	97,4	—	—	—	—	—	78,8	20,1
11 785	25 400	25,4	—	—	—	—	—	2,9	—	15,3
—	2 420	—	—	—	—	—	—	17,8	—	1,5
—	1 315	—	—	—	—	—	—	9,7	—	0,8
—	8 135	—	—	—	—	—	100	31,3	—	4,9
—	7 979	10,7	—	—	—	63,9	—	—	—	4,8
—	476	0,9	—	—	—	—	—	—	—	0,3
—	125	—	—	—	—	—	—	0,9	—	0,1
—	7 707	3,5	—	1,5	23,8	—	—	—	—	4,7

Средней Азии [228, 267, табл. 7, 280—282, табл. 16]. Материалы полевых иской волости (1 тыс. человек) отнесена к чагатаям (см. стр. 60); группа рогруппа омада Регарского кента (572 человека) — к барласам (см. стр. 79); Каратагского (1336 человек), Душанбинского туманов (430 человек) и Сари-Байсунского уезда (1720 человек) и Пашхурдского кента (3885 человек) — к семизам (см. стр. 102). В число юзов Денауского бекства включены 23 580 Из числа узбеков исключены каратаг-люли Юрчинского уезда (1418 человек). и Байсунскому бекствам: к первому — жители правого берега Сурхандарьи берега (4810 конгратов).

г. Карши и Каршинского оазиса, но и бухарцев, ургутцев и всех тех, кто приходил из западной части Бухарского ханства [29]. Но большинство каршиликов, по-видимому, было из г. Карши и городов Каршинского оазиса. Преобладали среди них узбеки [30]. Большая часть каршиликов принадлежала к торгово-ремесленному сословию. Каршилики были расселены небольшими группами по городам и крупным селениям изучаемой территории. Некоторые торговцы из их среды со временем стали крупными землевладельцами, отдававшими свои земли в аренду. Давно обосновавшиеся в Восточной Бухаре каршилики имели свои дома, загородные усадьбы, сады и виноградники. Живя в тесном общении с местным населением, они постепенно сливались с ним.

Ранние племена

Среди ранних племен самой многочисленной и наиболее полно сохранившей особенности языка и быта кочевой части тюрков Мавераннахра в начале XX в. была группа, известная под общим названием *тюрк* [167]. Она объединяла четыре племени, для одного из которых этноним тюрк был единственным самоназванием (впредь его представителей я буду называть собственно тюрками). Название второго было *кальтатай,* третьего — *мусабазари,* четвертого — *барлас.* К тюркам относила себя и часть карлуков.

В первой четверти XX в. еще прослеживалась определенная закономерность в размещении тюрков — они жили в предгорьях и средней части гор. Поэтому в литературе иногда их называют горными тюрками [279, 190]. Полоса их обитания полукольцом огибала горные районы со сплошным таджикским населением, начинаясь в Афганском Бадахшане (в основном бассейн р. Кукча) и заканчиваясь в восточном углу Ферганской долины.

На всей этой территории тюрки составляли меньшинство. В горах они жили вместе с таджиками, в предгорьях — вперемежку с таджиками, оседлыми узбеками, а также с другими ранними племенами. В долинах рек тюрки находились по соседству с узбекскими племенами даштикипчакского происхождения.

В 1924 г. всех тюрков в южных районах Таджикистана и Узбекистана насчитывалось 23 212 человек (см. табл. 4), они были расселены в следующих районах:

---

[29] Когда в 1916 г. была проведена Бухарская железная дорога, соединившая Каган с Термезом, каршинцем стали называть каждого, кто, чтобы попасть в эти края, проезжал через туннель у Келифа (местные узбеки туннель называют Тешик тау — «дырявая гора»).

[30] Население г. Карши, а по моим полевым материалам — и городов Каршинского оазиса, в основном состояло из узбеков. Исключением было лишь население г. Касана, состоявшее преимущественно из таджиков [329, 119].

Местность	Число человек
Бассейн Кафирнигана	2 190
Долина Яхсу и ее притоков	1 450
Долина Кызылсу	1 865
Верховья Сурхана	3 641
Среднее течение Сурхана	703
Долина Каратагдарьи	12 003
Верховья Ханакадарьи	1 150
Долина Ханакадарьи	210

Рассмотрим расселение каждого племени из группы тюрк в отдельности.

Собственно тюрки. Основными районами их расселения были верховья Кафирнигана и бассейны Яхсу и Кызылсу — 4164 человека (см. табл. 4). Как мне удалось установить, немногочисленные их группы жили еще в различных местах Байсунского бекства и в Шерабадском оазисе.

В верховьях Кафирнигана собственно тюрки жили в предгорьях Гиссарского хребта на территории Ромитского амлякдарства, поэтому их называли *ромити́-тюрк*. Здесь, по сообщению местных жителей, в начале XX в. было до 3 тыс. тюркских хозяйств, занимали же они 17 кишлаков, самым восточным из которых был Шорамз.

В некоторых кишлаках (Чарваг, Кушво, Кафтархана, Хардара и Шорамз) население было смешанным, таджикско-тюркским; иногда рядом располагались два кишлака под одним названием — в одном жили тюрки, в другом — таджики. Так, например, были два кишлака Тангаи — Тангаи-таджик и Тангаи-тюрк, а также два кишлака Саричинар. Большинство мужчин тюрков ромити́ было двуязычным, а женщины, как правило, таджикским владели плохо.

Эти кишлаки в конце XIX в. были лишь зимовками тюрков ромити́, которые, занимаясь в основном овцеводством, вели полукочевую жизнь. Однако в конце 10-х годов они стали проводить в кишлаках уже бо́льшую часть года и лишь на три летних месяца перекочевывали с семьями в горы, на принадлежавшие им участки в обширном урочище Чучи, расположенном в верховьях Кафирнигана, в нескольких десятках километров от их кишлаков. В этот период отгонное овцеводство еще оставалось основным занятием тюрков ромити́, хотя появились у них и посевы, а у некоторых хозяев даже сады и виноградники.

Рассматриваемое подразделение тюрков делилось на ряд семейно-родственных групп. Мною зафиксированы следующие их названия: *авлоди-кыргыз, авлоди-коррак, авлоди-джатта, алакузи́, чилька́ль, бештентак* и *варгони́*.

В долине Яхсу собственно тюрки жили преимущественно на левобережье, к северу от г. Куляба. Десять их кишлаков распо-

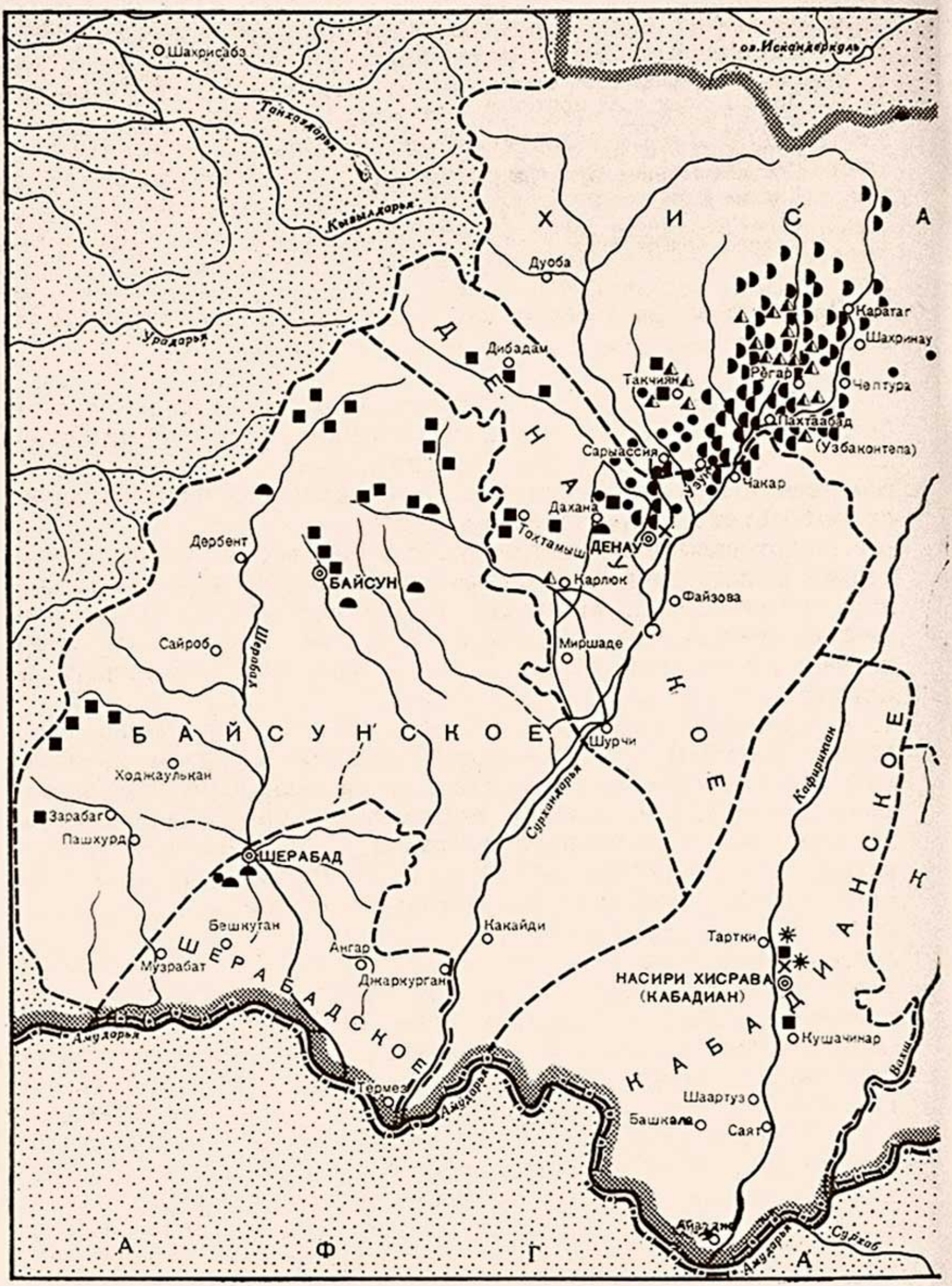
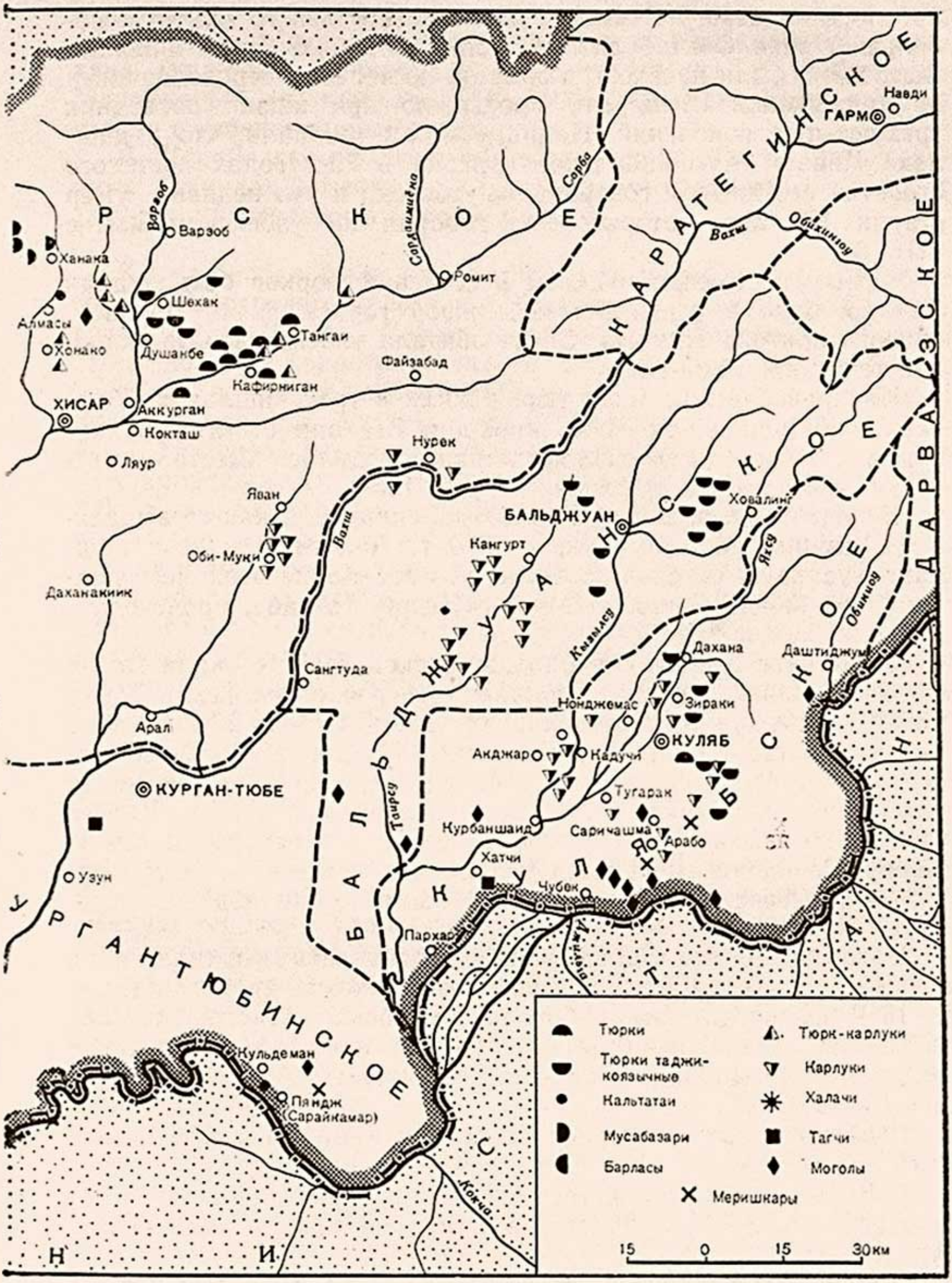

Рис. 3. Расселение ранних узбекских племен в южных районах

Таджикистана и Узбекистана в конце XIX — начале XX в.

лагалось на берегу Яхсу и в бассейне его левого притока, небольшой реки Обитебаляй. Все они, за исключением кишлака Афтоблюк, были населены тюрками, постепенно переходившими на таджикский язык. Это произошло при жизни последних грех-четырех поколений. Например, нам говорили, что в кишлаке Кипчак Муминабадского района в 70-х годах прошлого столетия его жители говорили по-узбекски и что недавно умер старик 102 лет, который еще говорил на узбекском языке [276, 80].

Самым восточным пунктом расселения тюрков был кишлак Девдори-боло в верховьях небольшой горной речки Варзаоу, правого притока Пянджа. Здесь обитали узбекоязычные тюрки вместе с таджиками-рогй.

На правобережье Яхсу тюрки жили в трех кишлаках: Кафтархана, Пушиони-тюрко и Лярхоби. Все они были таджикоязычны. В последнем кишлаке тюрки находились вместе с представителями группы лярхоби (см. стр. 115).

В начале XX в. тюрки Куляба, по-видимому, как-то выделялись административно. Так, в 1949 г. 70-летний житель кишлака Тудакауш рассказывал мне, что все тюрки этих мест подчинялись раньше некоему Мулла-Сафару токсабе, происходившему из тюрков[31].

В бассейне Кызылсу, в Бальджуанском бекстве, жили также таджикоязычные тюрки. Кишлаки их располагались в горах между Бальджуаном и Ховалингом (здесь в 13 из 22 кишлаков они находились вместе с таджиками). По данным полевых исследований А. К. Писарчик (1949 г.), переход бальджуанских тюрков на таджикскую речь произошел в конце XIX в. Утрате узбекского языка предшествовало оседание и переход к земледелию. Со временем исчезли различия в культуре и быте тюрков и их соседей-таджиков, с которыми тюрки издавна вступали в браки.

Потомки тюрков Бальджуана считают себя таджиками, но старшее поколение помнит еще свое тюркское происхождение. В 1949 г., когда там работала Кулябская этнографическая экспедиция, некоторые старики говорили о себе как о таджиках рода тюрк [подробнее о тюрках Бальджуана см.: 276, 79—81; 255, 138; 254, 10].

Родовых названий тюрков бассейнов Яхсу и Кызылсу выяснить не удалось.

В Бальджуанском бекстве еще одна группа таджикоязычных тюрков жила в 16 кишлаках в верховьях Таирсу, в районе Кангурта.

В Байсунском бекстве тюрки обитали в трех местностях: в верховьях р. Халкаяр (кишлаки Сарайташ и Тюрк-кишлак;

---

[31] *Токсаба* — седьмой по восходящей линии чин из пятнадцати в Бухарском ханстве [302, 60].

в первом из них тюрки жили вместе с катаганами-тагчи (см. стр. 83, 84), в окрестностях Инкобада, в амлякдарстве Аманхана (кишлаки Аличабулак и Тюрк-кишлак) и в бассейне Мачайдарьи (в кишлаке Юкары-Мачай или Катта-кишлак вместе с узбекоязычными хардури).

В Шерабадском оазисе собственно тюрки жили в двух селениях: Гегирдак (вместе с узбекоязычными чагатаями) и Наубаг (вместе с чагатаями и афганцами).

Кальтатаи были расселены почти исключительно в предгорьях Гиссарского хребта и в Гиссарской долине — 2962 человека (см. табл. 4). Самым восточным районом их обитания была долина Харангона, левого притока Варзоба. Здесь они говорили по-таджикски и называли себя *сугутй*[32], как потомки переселенцев из долины, но в начале 60-х годов, когда Р. Л. Неменова проводила там исследования, они еще помнили о принадлежности своих предков к тюркам-кальтатаям [257, 38]. Как мне удалось установить, тюрки, зарегистрированные в 1924 г. в верховьях и в долине Ханакадарьи (кишлаки Шураб, Тотака и др.), принадлежали к племени кальтатай.

Наиболее компактно последние жили в западной части Хисарского бекства, которая одно время составляла бекства Сариджуйское (верховья Сурхана) и Юрчинское (долина среднего течения Сурхана). Кишлаки кальтатаев были раскинуты между реками Сангардак и Обизаранг в их нижнем течении. Наиболее крупными были Чонташ, Шайтан-кишлак, Джанбахти, Джаркишлак, Карашик, Тельпакчинар и Культепа. Кальтатаи жили также в г. Юрчи, центре одноименного бекства (вместе с барласами, таджиками и др.). Летовкой кальтатаев, куда они откочевывали с семьями, было урочище Дашти-Кальтатай — небольшая равнина, представляющая собой правобережную надпойменную террасу Тупаланга перед выходом его из ущелья. Чабаны же с отарами проводили лето в бассейне р. Чош.

Вдали от перечисленных выше групп кальтатаи жили только в двух пунктах — в кишлаке Кальтатай Сарайкамарского амлякдарства Кургантюбинского бекства и в Шерабадском бекстве в одном из кварталов большого селения Аккурган, населенном узбеками конгратами.

Кальтатаи делились на три основных рода: *махатзамани-кальтатай, мурза-кальтатай* и *махаттари-кальтатай.* В 1964 г. 75-летний информатор Батыр-баба́ из кишлака Орта-Корук Сариасийского района Сурхандарьинской области утверждал, что всего кальтатайских родов насчитывалось девять. Смог он вспомнить только шесть — из них три уже названных и еще три новых: *тиялик-кальтатай, хайван-кальтатай* и *варамь-кальтатай.*

---

[32] О значении термина сугут я уже писала в своей работе о населении северо-восточной части Кашкадарьинской области УзССР [166, 56—59].

По-видимому, эти названия относились к семейно-родственным группам и происходили от прозвищ родоначальников (тиялик— «владелец верблюдов»; хайван — «скотина»; варамь — «опухоль»). В кишлаке Шураб в долине Ханакадарьи в качестве наименования мелкого подразделения кальтатаев мною записан еще этноним *киргиз*.

Мусабазари. В 1924 г. они были зафиксированы в числе 4094 человек (см. табл. 4) только на южных склонах Гиссарского хребта, в основном между реками Ханакадарья и Обизаранг, преимущественно в высоких частях предгорий и в горах. Так, из четырех кишлаков в верховьях Ханакадарьи — Калаиджавр, Огиляк, Суппа и Яригташ — последние три располагались высоко в горах. В начале XX в. в бассейне верхнего течения Ханакадарьи, Каратагдарьи и Обизаранга зарегистрировано всего 30 кишлаков мусабазари. Наиболее крупными из них были Анджир, Аннаходжа, Асбаб, Бештеппа, Гульхас, Камбар, Таллик, Ташабад и др. Летовки мусабазари находились на 10—12 *км* выше их горных кишлаков.

Мною зарегистрированы следующие названия родовых и территориальных групп мусабазари: *чорй, кулобй, юльмо, кальтатай, таджик, ортабузй, калаиджаврй, дегой*. Последние три названия, по представлению местных жителей, связаны с наименованиями кишлаков, откуда произошли основатели этих групп.

Барласы. По данным 1924 г., на изучаемой территории их насчитывалось 7969 человек (см. табл. 4). Они жили почти исключительно в Хисарском бекстве. Я выявила 43 барласских кишлака, из которых подавляющее большинство размещалось в Гиссарской долине, между Каратагдарьей и Обизарангом. Подтверждается это и данными 1924 г. Ряд кишлаков находился к югу от Каратагдарьи, т. е. на ее левобережье, непосредственно в долине, на надпойменной террасе под адырами Бабатага. На адырах к северу от Гиссарской долины было всего несколько кишлаков барласов. Наиболее крупные из них — Баллос, примыкавший к чагатайскому селению Дашнавад (ныне считается одним из его кварталов), и Карони, расположенный в бассейне левого притока Обизаранга, среди мусабазаринских кишлаков.

Самым западным барласским кишлаком был Илансай на канале Хазарбаг, выведенном из Сангардака (Денауское бекство), самыми восточными — кишлаки Чимтепа, расположенные между Варзобдарьей и Тентаксу в их нижнем течении, и Кулиписта, на адырах вблизи г. Душанбе. В последнем кишлаке барласы жили вместе с карлуками. Вдали от этого основного массива был еще один кишлак — Арпатугильди, у слияния

Кызылсу с Яхсу в Кулябском бекстве, в котором барласы обитали вместе с катаганами.

Барласы распадались на несколько территориальных и родовых групп. Так, барласы, жившие в районе г. Регара, назывались *регари́*, а расселенные в бассейне Каратагдарьи — *каратаги́*. Основные роды их были следующие: *талиббачча, козыбачча, полатбачча, ахсакбачча, неъматбачча, шашбачча, катта кальхопизи, майда кальхопизи,* а также *джатта.* К барласам относилась и группа *омада́,* которая в 1924 г. была зафиксирована в числе 570 человек и отнесена И. П. Магидовичем к числу групп невыясненного происхождения [228, 226]. Среди барласов бытовало несколько пренебрежительное отношение к омада́. Такое отношение, а также само название омада (тадж. — «пришлый») дает основание предполагать, что эта небольшая группа — инородного происхождения.

Принадлежность джатта к барласам моими информаторами нередко ставилась под сомнение (см. стр. 186), поэтому я сочла нужным обозначить на карте расселение этой группы. Мной зафиксировано всего пять кишлаков джатта: Джарбулак и Харистан в верховьях Обизаранга (в горах выше Дашнавада), Заргар (здесь они были вместе с барласами) и Джатта-кишлак на южной окраине Гиссарской долины, к югу от современного Регара (вместе с катаганами-тагчи), кишлак Ташабад на северо-востоке от Регара (было три кишлака Ташабад, расположенных неподалеку друг от друга: в одном жили мусабазари, в другом — барласы, в третьем — джатта).

Большинство барласов вело полукочевую жизнь, сочетая овцеводство с рисосеянием в тугаях Гиссарской долины. Летовки их, куда они перекочевывали с семьями на три летних месяца, были расположены на южном склоне Гиссарского хребта. Барласы, которые обитали на левобережье Каратагдарьи, имели летовки в верховьях Кафирнигана и Варзобдарьи; барласы родов шашбачча, ахсакбачча и др., жившие в низовьях Каратагдарьи, отправлялись на летовку в обширное урочище Дараи-Нахон в верховьях Тупаланга. Барласы кишлака Илансай имели летовки в верховьях Сангардака.

Карлуки. Карлуки были одним из наиболее многочисленных ранних племен Восточной Бухары — 7238 человек (см. табл. 4). Большая группа карлуков, расселенная в основном на южных склонах Гиссарского хребта вперемежку с тюрками, в отличие от прочих карлуков Южного Таджикистана, называла себя *тюрк-карлуками.*

Их кишлаки были расположены между верховьями Кафирнигана и Сурхандарьи. В 1924 г. здесь было записано 4023 человека (из них 815 в верховьях Кафирнигана) [228, 210].

Тюрк-карлуки делились на ряд территориальных групп. Тюрк-карлуков Ромитского амлякдарства (верховьев Кафир-

нигана) называли *ромити́*. Здесь было всего шесть карлукских кишлаков: Чиллямазар, Чинар, Шаптали, Дагана, Гардан и Яврози-каллиго́. Последний кишлак называли так, чтобы отличить его от таджикского кишлака Явроз; он был самым восточным карлукским и вообще тюркским кишлаком на южном склоне Гиссарского хребта. Далее на восток шла территория сплошного таджикского расселения; тюрки бывали там лишь временно, прикочевывая на лето, со скотом. Ромитские карлуки относили себя к роду *алакузи́*.

На запад от этой группы, в бассейне Варзобдарьи, располагались четыре карлукских кишлака, три из которых — Дугоба, Чармагзикони-каллик и Дараибеда — находились в бассейне Лучоба, правого притока Варзоба, а один, Деинамак, со смешанным таджикско-карлукским населением, лежал на правом берегу Варзоба. Жителей этих кишлаков называли варзобскими карлуками — *варзоби́*; почти все они относили себя к группе *тюркй-тугъян* за исключением жителей кишлака Дараибеда, которые причисляли себя к группе *каракули́*. К последнему роду относились также карлуки следующих кишлаков: Дучинара и Лянгар, расположенных на правом берегу Ханакадарьи (при выходе реки на просторы Гиссарской долины), Акджар и Джайратепа в долине речки Акджар (правого притока Каратагдарьи) и Нора в бассейне Ширкантдарьи (следующего после Акджара притока Каратагдарьи).

В бассейне р. Ширкант (в ее долине и на окрестных адырах) находилась другая группа карлукских кишлаков, наиболее крупным из которых был Ширкант (по сообщениям информаторов, в начале XX в. в нем было 70 хозяйств).

В Гиссарской долине, в низовьях рек Акджар и Ширкантдарья, раскинулось еще несколько карлукских кишлаков — Чимбай, Ташкалак, Сешамбе и Дурбет, а в долине Каратагдарьи — Сириштепа, Галяшахид и Мингтут. Карлуков этих кишлаков, расположенных на территории Регарского амлякдарства, нередко называли регарскими *регори-каллук*.

В бассейне горной реки Шаргундарьи, левого притока Тупаланга, была расселена наиболее многочисленная группа тюрк-карлуков — так называемые *Тахчиян каллуги* — тахчиянские карлуки (по названию наиболее крупного их кишлака). В прошлом эту группу, подчеркивая ее многочисленность, называли «пятисотдомовые карлуки» (*беш юз уйли каллук*). В нее входили следующие роды: *лолаки́, мазарчапты, султанмахмуди́, караясак, карабоюн, пирмахмуди́* и *аджирганй*.

В долине Сурхандарьи, при выходе из гор р. Халкаяр, находился большой кишлак Карлук, служивший летней резиденцией денауского бека. Население его было этнически смешанным, но основную массу составляли карлуки. В отличие от остальных карлуков их именовали *ипак-карлук*, так как р. Халкаяр нередко называли рекой Ходжаипака по одноименному почитав-

шемуся населением мазару, который находился в ее верховьях. Летовки тюрк-карлуков располагались на Гиссарском хребте.

Карлуки, жившие к югу от Гиссарской долины, в районе Нурека и в Яванской долине, а также в Бальджуанском и Кулябском бекствах, не причисляли себя к тюркам, а считались самостоятельной народностью — 3215 человек (см. табл. 4). Чаще всего карлуки нынешнего Южного Таджикистана именовали себя *каллик-мардум* (*мардум* — тадж. «народ»). Своих южных соплеменников тюрк-карлуки несколько пренебрежительно называли *гальча-карлук*[33], подобно тому как равнинные таджики называли гальча таджиков верховьев Зеравшана. Эти карлуки также делились на территориальные группы.

Карлуки, расселенные в юго-восточной части Яванской долины (на левобережье Явансу, южнее Явана) и по берегу Вахша у Нурека, назывались хисарскими,— *хисорй каллук* как живущие в Хисарском бекстве.

По данным 1924 г., в Яванской долине было 1410 карлуков. Жили они в десяти кишлаках, наиболее крупными из которых были Партаукул (иначе Парчасай), Кунчи, Обимукки и Кингирджар. Мною зафиксированы следующие родовые названия: *партаукул, авлоди аваз, кошчакман, чаппа, качпой* и *кокуль*.

Летовкой карлуков Яванской долины, куда они перекочевывали вместе с семьями, было известное в этих местностях урочище Дашти-Бедана. Оно расположено на юго-запад от Обигарма и представляет собой обширную возвышенную степь, спускающуюся увалами в долину р. Иляк. Начинается Дашти-Бедана от невысокого перевала — водораздела между речками Обигарм и Иляк — и тянется до Файзабада. Северную половину этого урочища занимали узбеки-марка (подразделение племени юз), а южную — карлуки[34]. Чабаны на лето угоняли отсюда отары овец на высокогорные пастбища хребтов Петра Первого и Каратегинского.

На берегу Вахша, недалеко от известного моста Пулисангин, в четырех кишлаках также жили карлуки: в Лянгаре на левом берегу (группа чаппа), в Тугмазаре на правом берегу (кокуль и качпой), в Чартуте (качпой), в Пехо, или Дараипехо (подразделение *черикбай* рода чаппа). По свидетельству стариков, в предреволюционные годы здесь было более 500 хозяйств.

Карлуки Бальджуанского бекства назывались *бальдживан каллуги* — бальджуанскими. Они были расселены в бассейне верхнего течения Таирсу (на юго-восточном склоне невысокого хребта Себистантау, который замыкает с севера Дангаринскую

---

[33] *Гальча* — «горец» на древних местных языках [48, 458; 307, 3—6]. В настоящее время в узбекских говорах рассматриваемых районов, а также Самаркандской области слово «гальча» употребляется в смысле «неотесанный».

[34] Упоминание летовки карлуков в Дашти-Бедана имеется у В. Ф. Ошанина, первого исследователя Каратегина [263, 45].

долину, и в самой этой долине), а также на возвышенности между Таирсу и Кызылсу. На севере этой долины карлуки жили в непосредственном соседстве с таджиками. Несколько их кишлаков-зимовок располагалось вокруг таджикского селения Пушинг, часть которого, населенная карлуками, называлась Каллыкабад. Здесь зафиксированы следующие названия родов и семейно-родственных групп: *альп, алиджан, каракук, гора, абульхайр, шаан, кутитешик, тиляукул, шаугард*. Род альп считался наиболее древним и крупным и имел подразделения: *одина-таджик, махматкул, гози, деглатхунук* и *чагатай-каллык*.

В той же Дангаринской долине в урочище Бабур располагались зимовья карлуков *авлоди байали, авлоди куат, шаугард, авлоди холе* и *качпой*. Последний, как отмечалось, относился к хисарским карлукам, расселенным в Яванской долине. В Дангаринской долине было еще несколько кишлаков, жители которых перебрались из Яванской долины. Например, в кишлаке Лавак жило одноименное подразделение рода кошчакман; большой кишлак Девчашма был разделен ручьем на две части, одну из которых занимали бальджуанские карлуки рода гора, а другую — яванские карлуки рода чаппа.

Летовками дангаринских карлуков были горы, замыкающие эту долину с севера, — Себистантау и Гулизиндан (Вахшские горы).

На восточном склоне водораздела между Таирсу и Кызылсу, т. е. в бассейне среднего течения Кызылсу, было несколько карлукских кишлаков (Кавлисай, Аузибекарари-боло, Аузибекарари-поён, Гурулли и др.), жители которых принадлежали к родам *саханкул* и *альп*. В некоторых таджикских и локайских селениях встречались отдельные семьи карлуков. Летовкой этой группы карлуков было урочище Кайкы.

Значительную по численности группу составляли бешарыкские карлуки, называвшиеся так по месту своей зимовки — урочищу Бешарык дашти (Бешарыкская степь), расположенному у слияния рек Яхсу и Кызылсу. Иногда этих карлуков именовали кулябскими из-за близости мест их зимовки к г. Кулябу, хотя административно они относились к Бальджуанскому бекству. Они делились на следующие семейно-родственные группы: *гораз, ярбек, аннабай* и *джамчй*. Встречались здесь и яванские карлуки, в частности представители группы чаппа (кишлак Шаталтепа).

Летовки бешарыкцев частью находились на адырах к северу от Бешарыка, частью в районе Муминабада. Отары овец обычно отгонялись дальше, на высокогорные пастбища Дарвазского хребта.

Еще в начале XX в. выходцы из Бешарыка стали постепенно селиться за пределами этого урочища. Так, карлуки из Бешарыка основали кишлак Каримбердии-каллиго, лежащий на адырах правого берега Яхсу, в 20—30 *км* выше г. Куляба.

На остальной территории Куляба бешарыкские карлуки встречались преимущественно в таджикских и узбекских кишлаках. Они отмечены на правом берегу Яхсу в большом кишлаке Нанджемас, наряду с таджиками и узбеками семиз, кесамир и катаган, а также в кишлаках Тебаляй и Шакархан, расположенных к востоку от Куляба в долине р. Обитебаляй. Там они жили вместе с тюрками.

В юго-восточных районах Куляба было разбросано незначительное число карлуков — выходцев из Афганистана. Часть их называла себя *дарначи-каллык* и обитала в следующих кишлаках: Дарначи (на правом берегу Яхсу у упомянутого выше кишлака Нанджемас), Бештегирмани-поён (на левом берегу Яхсу южнее г. Куляба), Чангаракташ (на адырах между р. Яхсу и р. Джилгой), Акмазар (северней г. Куляба) и в одном из кварталов большого кишлака Чубек, размещенного у одноименной переправы на Пяндже.

Другая группа карлуков — выходцев из Афганистана жила в трех кишлаках в бассейне р. Джигли: Саричашма (вместе с катаганами, узбекоязычными арабами и таджиками), Пистамазар и Гараудараи-кагни (совместно с катаганами рода кагни).

Халачи. Эта небольшая группа (она не зафиксирована в 1924 г., поэтому численность ее неизвестна) сохранила название одного из наиболее древних тюркских народов. По моим данным, халачи в начале XX в. находились в пяти кишлаках в низовьях Кафирнигана (Кабадианское бекство): в Шах-кишлаке (вместе с узбеками-дурменами), Джаркургане (наряду с арабами и туркменами), Ляйлякуе (вместе с узбеками-ходжа), Сарай-кишлаке (с таджиками-чагатаями), причем этот кишлак считался одним из кварталов г. Кабадиана, и в Башкале (вместе с дурменами и узбеками-ходжа).

Тагчи. Несомненно, к ранним узбекским племенам должны быть отнесены и тагчи. Представители этой группы нередко называли себя катаганами. Под этим названием было известно крупное узбекское племя даштикипчакского происхождения, однако тагчи себя к нему не относили и вообще не считали себя узбеками, понимая этот этноним в узком его значении (см. стр. 67). Как указывает само наименование их (*тагчи* — узб. «горец»), они жили в горах, нередко выше таджиков. Во время обследования 1924 г. тагчи отдельно не зафиксированы, а отнесены к узбекскому племени катаган. Исследование всех групп катаганов, выявленных в том же году, позволило мне установить, что группы, находившиеся в Сурхандарьинской области, были не собственно катаганами, а тагчи. Следовательно, в 1924 г. на изучаемой территории тагчи было 5605 человек. Они были расселены в следующих местностях [228, 194]:

Местность	Число человек
На восточных склонах Кугитангских гор	1190
В бассейне среднего течения Шерабаддарьи	2695
В бассейне верхнего течения Шерабаддарьи	665
В правобережной части бассейна Сурхана	1055

На восточных склонах Кугитангских гор тагчи жили в кишлаках Шержанд (вместе с таджиками), Зарабаг (вместе с таджиками и узбеками-ходжа), Ходжаанко, Бедаката, Шер-кишлак и в получившем известность среди археологов Заараутсае.

В бассейне среднего течения Шерабаддарьи было два крупных селения тагчи — Хатак и Тангидувал. Все эти кишлаки, исключая Шержанд и Зарабаг, были известны под общим названием Хатак. Считалось, что в Хатаке 500 домов. Жителей этой группы кишлаков называли хатакцами — *хатаки́.* Они относили себя к роду *сарыбаш-катаган* и делились на следующие семейно-родственные группы: *шер*, или *шердики, баймак,* или *баймакдики, хидир*, или *хидирдики,* и *кучак,* или *кучакдики.*

Тагчи, обитавшие в верховьях Шерабаддарьи (здесь она называлась Мачайдарья), относились к роду *чубаш-катаган*; они занимали кишлаки Кызылнаур, Комурчи, Коксай и Кентала. Выше Кентала в Мачайском ущелье кишлаков уже не было. Среди чубаш-катаганов зафиксировано два названия семейно-родственных групп — *худайберди* и *алмахат.*

Немногочисленные группы тагчи жили в г. Байсуне и его окрестностях. В городе, в квартале Наулион, несколько семей тагчи жили вместе с таджиками-чагатаями. В пригородном селении Сариасия тагчи обитали вместе с таджиками чагатай и ходжа, а также конгратами. 30—40 семей тагчи занимали квартал большого горного кишлака Авлод, основное население которого составляли таджики-ходжа.

В бассейне Сурхана тагчи были расселены в верховьях рек Халкаяр и Сангардак. В горных ущельях истоков Халкаяра они жили в кишлаках Кайрак, Гашназа (вместе с конгратами), Кызыл-кишлак, Сарайташ (вместе с тюрками), Багчик и в двух кишлаках Алачапан, один из которых иначе назывался Ходжапарнават.

В Сангардакском ущелье располагались тагчинские кишлаки Чанглак, Чакана и Бахча. В Чанглаке, наиболее крупном селении, по свидетельству стариков, в начале XX в. было 400 хозяйств. В XIX в. указанные три селения были летовками тагчи, на зиму большинство их спускалось в долину Сурхана — в районы Юрчи, Денау и Сариасия.

В долине Сангардака кишлаки тагчи перемежались с таджикскими. Самым верхним кишлаком в этом ущелье был Бахча, населенный тагчи [35].

---

[35] В материалах переписи 1926 г. ошибочно указано, что жители его — таджики [222, 257].

Тагчи обитали и в предгорьях правобережной части долины Сурхана, в Денауском бекстве. В кишлаке Катта-Вахшивор они жили вместе с узбекоязычными чагатаями, в кишлаке Тохтамыш — вместе с узбеками туркман-джузами. В кишлаках Рабат и Астана около г. Денау находились тагчи — выходцы из Вахшивора.

Малочисленная группа тагчи располагалась в предгорьях на левобережье Тупаланга в трех кишлаках: Тахчи, Тутай и Тагитова. На восток от г. Денау зафиксированы тагчи только в одном пункте — в Джатта-кишлаке вместе с барласами рода джатта.

Единичные тагчинские кишлаки встречались и в самых южных районах: Саят в районе Пархара, Тагчи в районе Курган-Тюбе, Кушачинар и Даккы на левом берегу Кафирнигана в Кабадианском бекстве. Последние два кишлака были основаны в 1917 г. выходцами из Хатака. Следует отметить, что топоним Тагчи, как и название одноименной группы, произносились местным населением в форме Тохчи.

М о г о л ы. Одной из узбекоязычных групп, которую сами ее представители и окружающее население не относили ни к тюркам, ни к узбекам, были моголы. В 1924 г. в двух местностях их было 2365 человек: в Хисаре в районе Сариасия (210 человек) [228, 267, табл. 7] и в Кулябе, один кишлак (130 человек) вблизи г. Куляба, небольшой кишлак (35 человек) в низовьях Обиниоу и около 20 кишлаков (1990 человек) в основном на адырах к востоку от Чубека [228, 281, табл. 16]. По рассказам местных жителей, в начале XX в. вблизи Чубека было значительно больше моголов, однако в годы басмачества многие из них (особенно крупные овцеводы со своими сородичами) ушли в Афганистан, откуда были выходцами.

Летовки этой группы моголов располагались в ближайших горах, в частности в урочище Дашти-Терай.

Наиболее компактно расселены и относительно многочисленны были моголы в Кулябе. В 1949 г. были записаны следующие их родовые названия: *али-могол, якка-могол, бозчи-могол, анархур, комурхур, черчи-могол, тубаки* и *отранчи.*

Полевые исследования Кулябской этнографической экспедиции установили, что моголы жили и в Бальджуане, в трех кишлаках на правобережье Кызылсу. Несколько баев-овцеводов из моголов зимовали в урочище Тайыртамак (устье р. Таирсу) вместе с катаганскими баями [276, 83].

В Хиссарском бекстве моголы жили в четырех кишлаках в бассейне р. Лучоб (правый приток Варзоба) и в кишлаке вблизи г. Душанбе.

Их летовка была близ Ходжаобигарма. Моголы жили также в Кургантюбинском бекстве — в двух кишлаках в районе Сарайкамара.

Меришкары[36] — малочисленная группа узбекоязычного населения, не включаемая местным населением в число собственно узбекских племен. В материалах по районированию Средней Азии они отмечены лишь в одном пункте Восточной Бухары — на правом берегу Пянджа в долине р. Джилги (200 человек) [228, 220]. По материалам 1949 г. меришкары занимали в долине Джилги два кишлака: Меришкорон и Мирзаали; в первом из них они жили вместе с таджиками. Несколько их семей обитало в таджикском кишлаке Девдор, расположенном на восток от Саричашми. К западу от Саричашми, среди холмов, у небольшого родника находилось два кишлака под названием Караягач, в которых среди катаганов жили меришкары.

В материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. под названием Меришкар или Миришкар отмечены еще три кишлака: в бывших Кургантюбинском, Кабадианском и Хисарском бекствах [223, 142, 139, 45].

В Хисаре был обнаружен еще кишлак Карамиришкар [223, 46]. Мои полевые материалы свидетельствуют, что в этих кишлаках вместе с таджиками жили меришкары. В долине Сурхандарьи в Денауском бекстве ими был населен кишлак Кызылджар. В Кабадианском бекстве в кишлаке Меришкар, расположенном на левом берегу Кафирнигана выше г. Кабадиана, с меришкарами жили и узбеки-дурмены.

Меришкары делились на несколько родовых групп. В 1949 г. в долине Джилги (Куляб) были записаны следующие названия: *карамершикар, хисорй, кудукй, ахсанаш, гоухур, зармбачча* [276, 86].

Поздние племена

В конце XIX — начале XX в. подавляющее большинство узбекского населения Восточной Бухары составляли племена дашткипчакского происхождения (конграты, юзы, локайцы, семизы, кесамиры, катаганы, дурмены и др.), которых я условно называю поздними племенами.

Конграты были самым многочисленным узбекским племенем Восточной Бухары и вторым (после мангытов) по численности среди всех узбеков. Основным местом их обитания в начале XX в. была обширная территория от Гузара до Термеза и далее, включая западные склоны Бабатагского хребта. По данным 1924 г., в сельских местностях изучаемой территории их насчитывалось 37 148 человек. Они были расселены в следующих местах [228, 267, табл. 7; 280—282, табл. 16]:

---

[36] Мной зафиксированы также произношения в форме миришкар и мурушкар, встречающиеся значительно реже, чем приведенное в тексте. Этот этноним происходит от таджикского слова миришикор — «распорядитель охоты». В узбекском языке это слово означает «опытный, знающий».

Местность	Число человек
В бассейне Байсундарьи	3 955
В бассейне Шерабаддарьи	16 621
В долине Амударьи, возле Термеза	3 025
В долине Сурхандарьи	9 453
В бассейне Каратагдарьи	2 851
В низовьях Кафирнигана	1 190
В бассейне Явансу	53

Племя конграт делилось на множество крупных и мелких подразделений. Сведения о родовом составе узбеков-конгратов Бухарского ханства впервые были опубликованы Н. В. Ханыковым [356, 58—60], затем Н. Ф. Ситняковским [309, 28, 29], а в послереволюционные годы — И. П. Магидовичем (по материалам К. П. Васильева) [228, 187, 175—179; 229, 97, 98] и Х. Данияровым [118, 87, 88]. Генеалогическая схема конгратов есть также в диссертации Т. Нафасова [253]. Родовой состав конгратов Хорезма и их расселение освещены К. Л. Задыхиной [126, 338, 339]. Мои материалы, записаные от многих информаторов, значительно дополняют имеющиеся в литературе сведения по этому вопросу и позволяют более или менее полно восстановить генеалогию той части этого племени, которая жила в Южном Узбекистане (см. табл. 5).

Из диссертации Т. Нафасова мной заимствованы и включены в таблицу названия подразделений следующих родов: тиляумат, бандикучук, маулиш, чульлик и карагурсак [253].

Среди конгратов существовало поверье, что у родоначальника их племени, Конграт-ата или Конгыр-бия, было четверо сыновей от первой, старшей жены: Вахтамгалы, Коштамгалы, Канджигалы и Айынны (или Айынлы). Эти сыновья считались родоначальниками четырех основных подразделений конгратов, пятое — тартулы считалось потомством сына Конграт-аты от его младшей жены, доставшейся старику в виде дара (тарту). Каждое из указанных подразделений имело традиционное число родов. Коренных родов, т. е. происходивших якобы от сыновей старшей жены, было 60. Они распределялись по указанным сыновьям Конграта следующим образом: 18 ата вахтамгалы (*он саккиз ата ватамгалы*), 16 — ата коштамгалы (*он алты ата коштамгалы*), 14 ата канджигалы (*он турт ата канджигалы*) и 12 ата айынны (*он экки ата айынны*). Тартулы же имел 6 родов (*алты ата тартулы*). Каждый из этих 66 родов, в свою очередь, делился на более мелкие подразделения, состоявшие из семейно-родственных групп, от которых, разрастаясь, отпочковывались новые семейно-родственные группы (второго порядка).

Таким образом, на примере конгратов подтверждается высказанное выше положение, что генеалогическая структура пле-

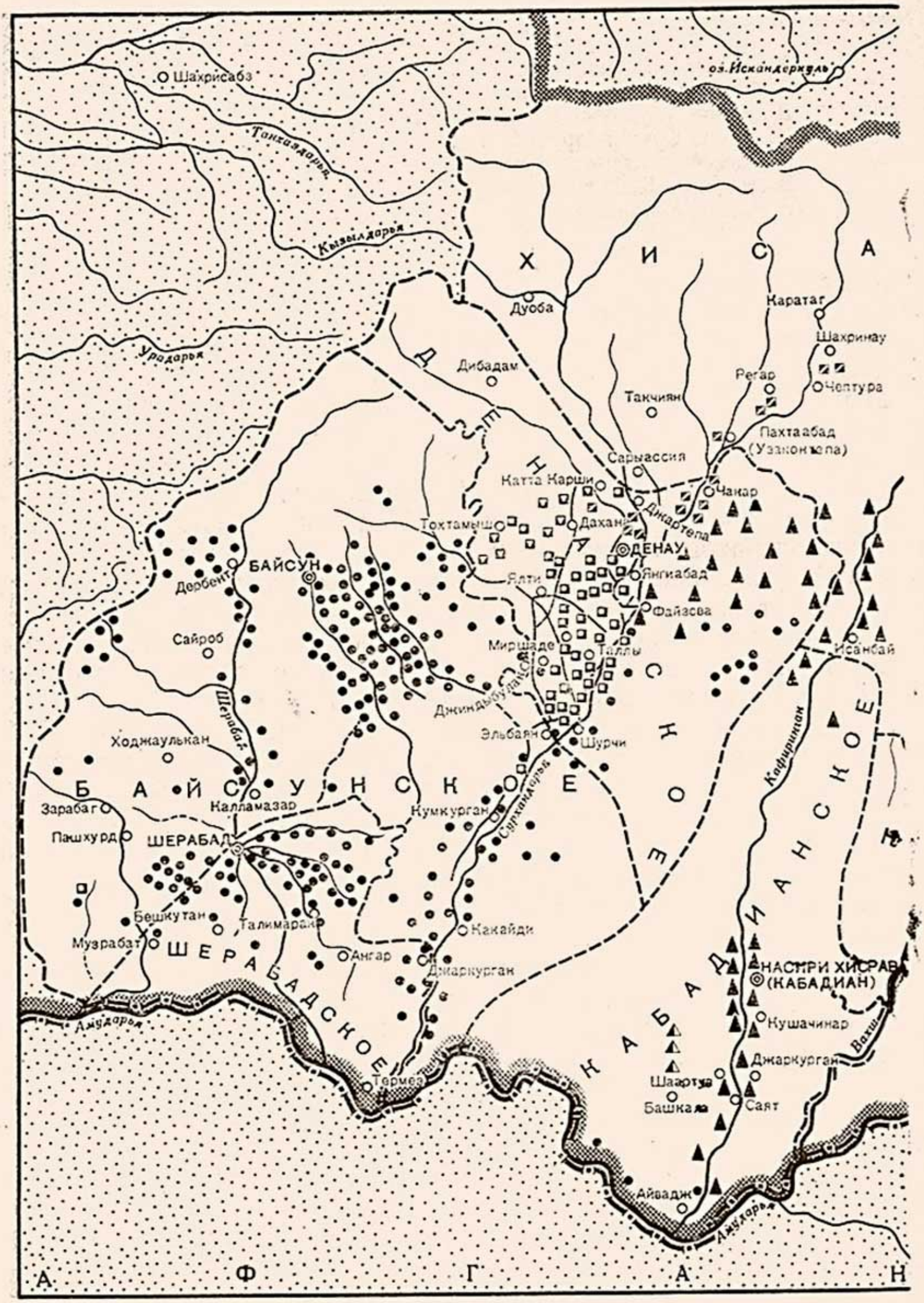
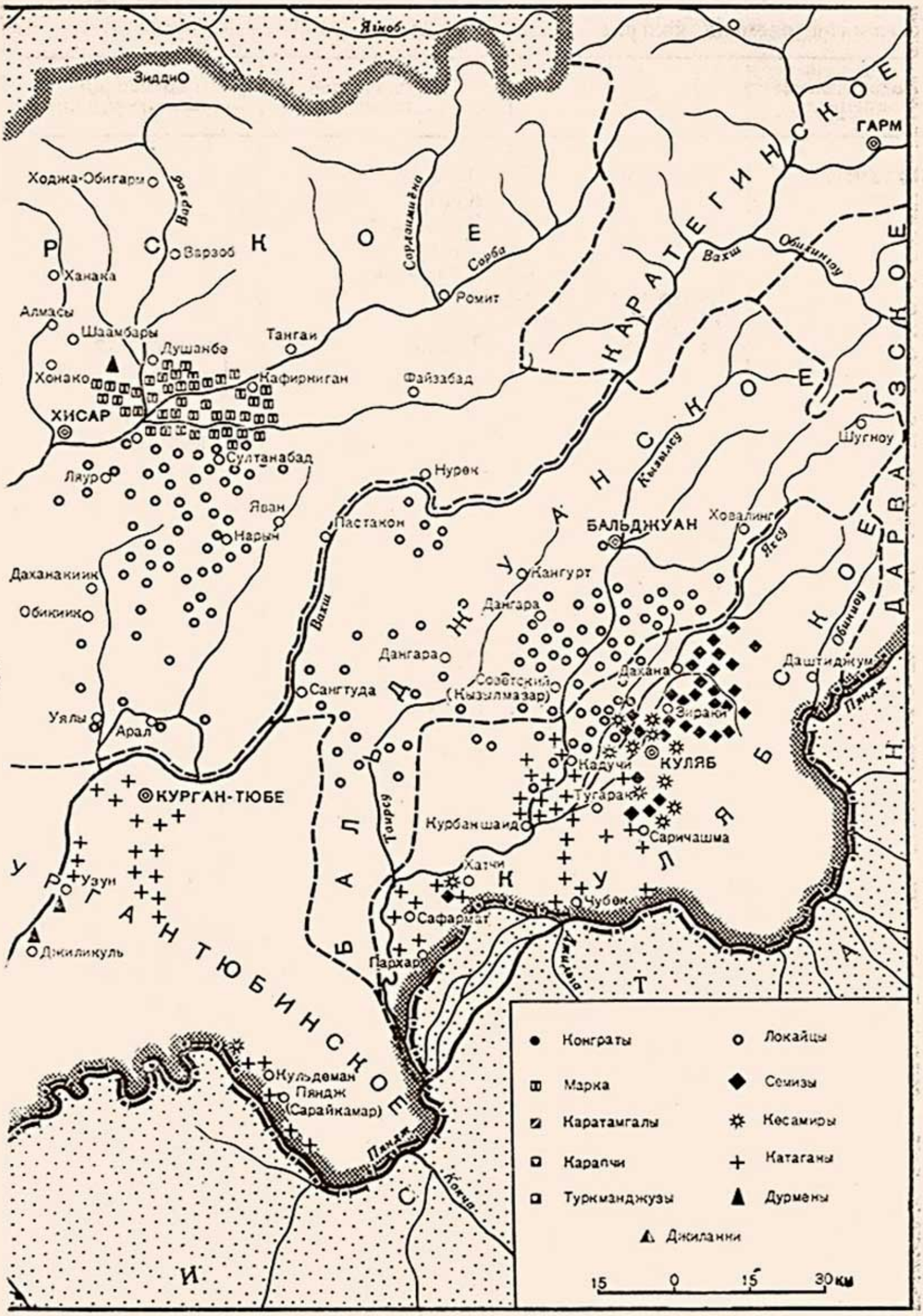

Рис. 4. Расселение поздних узбекских племен в южных

районах Таджикистана и Узбекистана в конце XIX — начале XX в.

Таблица 5

Генеалогия племени конграт

Подразделение племени	Роды	Подразделение родов	Семейно-родственные группы
Вахтамгалы	Ачамайлы	Занныk	
		Куса	
		Кальырыс	
		Чылвырлык	
		Алмабаш	
	Баймаклы		
	Тараклы		
	Чанычклы	Туджа	Кара-туджа
			Гобаляк-туджа
		Казаяклы	Мирзатоп
			Худайкултоп
		Джартыбаш	Джунныбаш
			Барак
	Казаяклы		
	Чомичли		
	Кайчылы		
	Ыышкылы		
	Кыйгачлы		
	Джылантамгалы		
	Балгалы	Меркит	
		Чагыр	
		Покискар	
		Бешуул	
		Сарт	
		Куса	
	Караконграт	Чакмаклы	Солакай-конджаки
			Кенджа-солакай
			Токсаба
			Куса
		Казак	Чочкабаш
			Калляр
			Галлибайлар
		Терс	Чауджайлы *
			Кесаули
	Богаджэли		
	Оюлы		
	Хандекли		
	Ыргаклы		
	Абаклы		
	Кесаули		
Коштамгалы	Тулянгит		
	Тиляумат	Толибай	
		Халыбай	
		Койлыбай	
		Ырысбай	
		Тагайбай	
		Хайбат	
		Чагыр	
		Имамкулчут	

Продолжение табл. 5

Подразделение племени	Роды	Подразделение родов	Семейно-родственные группы
	Каракасмак	Берди	
		Доша	
	Каль	Беган-каль	
		Карахал	
		Бешкальтак	
		Майда-каль	
		Сопыбачча	
		Тентак	
	Бармак	Джиянсарай	
		Турсунджетим	
		Катта-бармак	
		Шердак	
		Османы	
		Нака	
		Канчи	
	Кулоби		
	Саурыбузар		
	Замбыры		
	Куса		
	Отракы		
	Кучахур	Зармаз	
		Кошбеги	
		Кохай	
	Баидикучук	Куса	
		Узун	
		Бешагач	
		Байбатыр	
		Джабу	
		Дамгорин	
		Галямулла	
		Ходжа	
	Акпычак		
	Чал		
	Маулиш	Адильтоп	
		Огулбердитоп	
		Газытоп	
		Джанкабильтоп	
		Сапартоп	
		Кальмуллатоп	
		Койсыйрактоп	
		Кордантуган	
	Каракалпак	Нарбика	
		Куса	
		Саккиз	
		Устабачча	
		Вайбай	
		Алдай	
		Абылбачча	
		Казак	
		Аузбачча	
Канджигалы	Улус	Урыс	Карга
			Додаль
			Джарты

Продолжение табл. 5

Подразделение племени	Роды	Подразделение родов	Семейно-родственные группы
		Ходжакул	Бегдан туган Шердан туган Худаярдан туган Аррик Курбанкул Ортакельди Аджина Тентак Эшагабаши
	Чульлик	Чууллак Копиш Мади Чамбиль Кульбурун Питак Джангабатыр Ташат Чарджетим Гульджетим Дауджетим	
	Куюн Карагурсак	Сарык Карга Галябатыр Галяхоя Питакути Чарджетим	
	Малтака Колдаулы	Кичи-колдаулы Каракашка	
	Карабура Доска Топкара Кортогай Ногай Джелькиллик Галя Кара		
Айынны	Каука Чуран Бешбала Топар	Базартухумы Мерганча Чаркалля Ногай	
	Качай Каракалпак Айтамгалы Токсарай Кара Хаджибачча Туркман-айынны Актана		

Продолжение табл. 5

Подразделение племени	Роды	Подразделение родов	Семейно-родственные группы
Тартулы	Тогыз	Вадамалик	
		Шагаль	
		Балхыджамбаш	
		Борбай	
		Кутчи	
		Садри	
		Каны	
		Минг-тогыз	
		Кирбалак	
		Мандак	
		Куккалябаш	
		Сыйрак	
	Мунка	Ахсакбачча	
		Заргар	
		Сонгкельди	
	Майдатоба	Хорасаны	
		Шалыкар	
		Карабоюн	
		Чайратим	
		Куса	
		Кальбачча	
	Чопак	Аллап	
		Тулькичи	
		Сарыходжа	
		Кызылбаш	
	Абаклы	Ыргаклы	
		Карапчи	
		Мурадбачча	
		Чарыш	
		Рахли	
	Орь	Борбай	Дальба
			Караберди
			Джангали
			Итбалык
		Шихназар	Люлибачча
			Коктырнак
			Парман
		Орыс	Бектода
			Ойбаш
			Хоса
			Джастабан
			Чадай
		Кальча	Азгач
			Акбай
			Гарнай
		Хап	
		Чуа	
		Бешказан	

* У семейно-родственной группы чауджайлы зафиксированы семейно-родственные группы второго порядка: *голь*, *ахтонны*, *чильпайча*, *карагыз* и *бахши*, а у группы кесаули — *тюркай*, *кокан* и *кульча*. У некоторых семейно-родственных групп второго порядка я зафиксировала группы третьего порядка: у голь — *шау*, *йорга*, *гау*; у ахтонны — *кийизтельпак*, *хуччикалаваш*; у чильпайча — *авлод*, *имамали*, *джалпак*; у карагыз — *сопы* и *эшат*.

мени была весьма подвижной, особенно в ее низших звеньях. Наиболее устойчиво сохраняли свои названия основные подразделения племени конграт. В составе родов уже видно значительное смешение: одни и те же названия встречаются в разных подразделениях (например, род абаклы есть в составе вахтамгалы и тартулы; каракалпак — в составе коштамгалы и айынны и т. д.), не говоря уж о подразделениях рода, названия которых в большинстве своем происходили от имен и прозвищ отдельных лиц и поэтому были особенно изменчивы. Роды и их подразделения разрастались и за счет включения иноплеменных групп.

Расхождения в генеалогических таблицах конгратов, приведенных различными исследователями, объясняются, с одной стороны, подвижностью самой генеалогической структуры этого племени, а с другой — отсутствием письменных родословных.

В изучаемом районе конграты-вахтамгалы обитали в основном в Шерабадском оазисе (преимущественно роды ачамайлы и казаяклы), в низовьях Сурхана, в долине Амударьи возле Термеза (казаяклы и ачамайлы), в незначительном числе по Каратагдарье (род кайчылы) и в бассейне среднего течения Шерабаддарьи, а также в предгорьях восточного склона Кугитангского хребта (кишлак Гурджак, род чанычкылы); представители его размещались еще в трех кишлаках Шерабадского оазиса — Горын-кишлак, Джангаарык и Ходжакыйя).

Наиболее крупные роды вахтамгалы — балгалы и каракон-грат (чаще называемый карангырат) находились в Келифском бекстве, в долине Кугитангдарьи. В 1924 г. здесь было зафиксировано 13 140 конгратов, но роды их не были установлены. Помимо вахтамгалы здесь жили еще и канджигалы, занимавшие верхнюю часть долины Кугитангдарьи. В составе вахтамгалы в долине Кугитангдарьи я зафиксировала еще род маркуши, который считали инородным по происхождению.

Коштамгалы населяли бассейн среднего течения Шерабаддарьи, в том числе урочище Хамкан, расположенное в верховьях р. Тангидувал (преимущественно род каракалпак); значительное число коштамгалы обитало в Шерабадском оазисе, а основная масса — вне пределов изучаемой территории (но по соседству с ней), занимая обширные низкогорья и долины в бассейне рек Киршак (преимущественно род каракалпак) и Кичи-Урядарья и Катта-Урядарья.

Канджигалы были расселены в Шерабадском оазисе и на восток от него — в районе Джаркургана, а также на левом берегу Сурхана вплоть до гребня Бабатага (род улус). По-видимому, именно к этой группе относятся слова Н. Февралева о том, что зимой в приамударьинские туги, на территорию от устья Вахша до бугра Ходжагульсуар, прикочевывали 600 юрт конгратов, проводивших остальное время года на урочищах Аузыкенг и Чахдагар (по-видимому, Чарраха, расположенного на Бабатаге) [349, 427].

Из отмеченных мной 12 родов айынны менее половины жило в Шерабадском оазисе, большинство же вне пределов изучаемой территории — в маловодных холмистых степях и на невысоких горах, раскинувшихся на запад от бассейна Кугитангдарьи (эта территория ныне относится к Туркмении), т. е. они были западными соседями караконгратов. На восточном склоне Кугитангских гор всего один кишлак (Кызылалма) был населен айынны и еще один имелся вблизи Пашхурда.

По данным К. П. Васильева, обследовавшего в 1926 г. конгратов юго-восточной части Кашкадарьинской области, айынны делились на две части — *каратонны* и *актонны*. Первую составляли роды *топар, качай, каракалпак* и *каука*, а вторую — *чоран, хаджибачча, туркман, кара, каль, бешбала, ахтана* и *айтамгалы* [229, 97].

В 1971 г. один из лучших знатоков родословной не только конгратов, но и других узбекских племен, Эргаш Шукуров из кишлака Кафирун Байсунского района, говорил мне, что подразделение тартулы является одной из ветвей канджигалы. Все остальные мои информаторы ставили тартулы в один ряд с канджигалы, хотя и считали их, как отмечалось, потомством младшей жены Конграта. В источнике же, использованном Н. В. Ханыковым, тартулы числились в составе подразделения вахтамгалы [356, 60].

Тартулы были расселены в основном в Байсунском бекстве. На западе территория, на которой они размещались, местами доходила до Шерабаддарьи (у Дербента) и урочища Худайдад (расположенного к юго-востоку от Шерабадского оазиса); на востоке — до Сурхандарьи (в районе Кумкургана); на севере она включала долину р. Халкаяр, а на юге простиралась до пределов Шерабадского бекства.

На территории Байсунского бекства указанные шесть родов тартулы были разбросаны в разных местах; исключение составляло подразделение орь, жившее сравнительно компактно в северо-восточной части бекства, в долине р. Халкаяр и в прилегающих к ней с юго-запада адырах и невысоких горах.

На всей территории, занятой конгратами, долины рек и адыры служили им зимовками, а высокие части ближайших гор— летовками.

В Денауском, Хисарском и Кабадианском бекствах конграты встречались в виде вкраплений среди иноплеменного населения, а в Кургантюбинском, Бальджуанском и Кулябском их вовсе не было.

Юзы или джузы были непосредственными соседями конгратов в средней и верхней частях Сурханской долины. Территория их расселения простиралась вплоть до восточной оконечности Гиссарской долины. В 1924 г. были зафиксированы следующие

подразделения этого племени [228, 267, табл. 7, 280—282, табл. 16]: *марка* — в долине Кафирнигана (6343 человека), *ктай-юз* — в долине Каратагдарьи (662 человека) и *карапчи* — в верховьях Сурхандарьи (2715 человек).

Однако мои исследования на месте показали, что в долине Сурхана помимо перечисленных выше было представлено еще одно крупное подразделение юзов — *туркман-джуз*. У меня нет сомнения в том, что те 23 580 человек в волости Миршаде, которые отнесены И. П. Магидовичем к неизвестным [228, 267, табл. 7], в подавляющем большинстве были туркман-джузами. Таким образом, юзов в Восточной Бухаре (называемых в письменных памятниках хисарскими юзами) насчитывалось около 33 тыс. (в 1924 г.).

Издавна занимая места, удобные для поливного земледелия, юзы еще в дореволюционное время стали переходить на оседлость, постепенно все более утрачивая родо-племенное деление. Этим объясняется тот факт, что среди современного старшего поколения потомков юзов редко встречаются люди, более или менее отчетливо знающие родо-племенную структуру. Это особенно наблюдается у тех, чьи предки относились к подразделениям туркман-джуз и карапчи.

По представлениям моих информаторов, марка, карапчи и каратамгалы (один из родов марка) были самостоятельными этническими группами и к ним название юз не прилагалось, под юзами же понимали только туркман-джузов. Из-за фрагментарности имеющихся в моем распоряжении материалов по родовому составу марка и карапчи я сочла целесообразным привести генеалогию каждого подразделения хисарских юзов в отдельности, а не объединять их в общую таблицу.

Основным районом расселения подразделения марка была восточная часть Гиссарской долины, т. е. долина Кафирнигана и Иляка, начиная от селения Кафирниган на востоке и кончая низовьями Душанбедарьи, далее на запад кишлаки марка встречались редко. Значительно чаще (хотя и небольшими группами) здесь встречались селения каратамгалы, основным местонахождением которых была нижняя часть долины Каратагдарьи, т. е. район Регара и Сариасия. На правом берегу Сурхана каратамгалы было немного.

Летовкой, куда перекочевывали все роды марка, являлось урочище Дашти-Бедана, часть которого, как отмечалось, принадлежала карлукам.

По рассказам стариков, в составе марка насчитывалось 16 родов. Мне удалось записать следующие их названия: *карапычак, сарыпычак, уяс, салын, ачамайлы, копсары, кыпчак, койсопы, найман, коштамгалы, чал, эшбачча, элик* и *каратамгалы*.

Записаны также названия подразделений родов уяс, койсопы, найман и каратамгалы; у первого — *бозбит*, у второго —

касиб, у третьего — *бешбала*, у четвертого — *эсамат, бакыбача, кундузбачча, бориемас, башышик, уйгур, хаджибачча* и *добай*.

Относительно подразделения ктай-юзи, или хтай-юзи, отмеченного на изучаемой территории в 1924 г., у меня сведений не имеется. Добавлю только, что ктай-юзи были одним из крупных подразделений юзов, обитавших в бассейне Санзара и Сырдарьи [209, 39].

Подразделение карапчи жило по правобережью в северо-западной части долины Сурхана — от Тупаланга до р. Халкаяр — здесь их кишлаки располагались в подгорной равнине и отчасти в предгорьях. Считалось, что карапчи делятся на 12 родов; мне удалось зафиксировать названия только двух из них — *баганалы* и *зардакул*.

Узбеки туркман-джуз занимали центральную часть правобережья Сурхана, так называемую Туркменскую степь (Туркмандашт), которая на севере начинается немного выше Денау (от кишлака Амбарсай) и заканчивается южнее Шурчи, на востоке ограничена Сурханом, на западе — возвышенностью Аккапчигай. Туркмандашт орошался р. Халкаяр. В прилегающих к степи предгорьях на нескольких небольших горных саях также находились туркман-джузские кишлаки. На левом берегу Сурхана туркман-джузы записаны мною только в кишлаке Хошчекка. За пределами Денауского бекства туркман-джузы встречались редко — всего один кишлак Баташ, на южном склоне Гиссарского хребта, т. е. в Хисарском бекстве, население которого относилось к одноименному роду туркман-джузов, и кишлак Ахташ в Шерабадском бекстве.

16 родов туркман-джузов объединялись в две группы — *вахтамгалы* и *джылантамгалы* — по 8 в каждой. В группу вахтамгалы входили роды: *казаяклы, кузтамгалы, казак, джарыкбаш, кесаули, балгалы, альпли* и *баташ*.

Группу джылантамгалы составляли роды: *балахур, куса, патас, карга, юрга, яс, тараклы* и *эгарчи*.

Из мелких подразделений у меня отмечено всего несколько: два подразделения рода казаяклы — *болак-казаяклы* и *богаджэли;* четыре подразделения рода баташ — *наурузбай, курбанбай, хайитбай* и *туйджах;* одно подразделение рода куса — *буйра-куса* и подразделение *эзма* одного из родов джылантамгалы.

Локайцы были третьим по численности узбекским племенем в Восточной Бухаре — в 1924 г. их насчитывалось 25 400 человек [228, 197—199].

Надо думать, что до революции их было больше, племя это особенно пострадало от басмачества [242, 68, 69; 137; 145, 109—177]. Локайцы составляли значительную часть жителей Хисарского и Бальджуанского бекств [155, 12; 165, 6—14]. На се-

вере граница расселения локайцев шла по линии: горы Рангентау [37] — Яван — Туткаул — Кангурт — Бальджуан — Ховалинг; на западе границу составляли горы Каршитау, Газималек и Гарданиушти, протянувшиеся по левому берегу Кафирнигана (южнее г. Хисара). На правом берегу Кафирнигана, в Гиссарской долине, вблизи Шахринау, был всего один небольшой кишлак — Дурменбулак, населенный локайцами. На юге последние не спускались южнее Аралтугая — острова, образуемого рукавом Вахша у устья Явансу, урочища Алимтай (адыры в южной оконечности гор Джилантау между реками Таирсу и Кызылсу) и устья р. Яхсу. На востоке границей распространения локайцев служила река Яхсу. На восток от последней имелся лишь один локайский кишлак — Сангпар, расположенный вблизи селения Зираки.

На всей территории, указанной выше, локайцы составляли подавляющее большинство населения. Они занимали широкие межгорные долины и невысокие горы, а вдоль границ своей территории, за исключением южной, жили по соседству с таджиками.

Локайцы, жившие в пределах Хисарского бекства, называли себя хисарскими локайцами (*ысары лакай*), а расселенные в Бальджуанском бекстве — бальджуанскими *(балджуан лакай)*. В начале XX в. границей между ними были горы Джилантау.

Обратимся к генеалогии племени локай (см. табл. 6), составленной мной на основании полевых материалов [155; 165, табл. 1].

Подразделения эсанходжа и бадраглы были расселены в основном в Хисаре. Эсанходжа занимали Кокташ и горы к югу от него, т. е. Рангентау, северо-западную часть Яванской и северную часть Дангаринской долин (преимущественно род курдак) и два кишлака Саргазан в центральной части этой долины. Бадраглы жили в Леурской и Киикской долинах и в прилегающих к ним горах, в юго-западной части Яванской долины, включая Аралтугай, а также в юго-западной части Дангаринской долины, включая кишлак Сангтуда на берегу Вахша. К северу от современного поселка Дангара был всего один кишлак бадраглы — Кошбулак.

Байрамы и туртоулы населяли Бальджуанское бекство. Байрамы располагались на территории к западу от р. Кызылсу, а также в горах Джилантау. На юге их земли простирались вплоть до Таирсу, включая оба склона невысоких гор Джилантау и северную часть обширного урочища Алимтай, представляющего собой адыры, перемежающиеся широкими долинами.

---

[37] Этот невысокий хребет ограничивает Гиссарскую долину с юга примерно от меридиана Душанбе на западе до меридиана Орджоникидзеабада на востоке. Его северный склон был территорией марка.

Таблица 6

Генеалогия племени локай

Подразделение племени	Роды	Подразделение родов	Семейно-родственные группы
Эсанходжа	Курдак	Токанды	
		Башкап	
		Абдал	
		Алтыбай	Загаратуяк
			Акбузау
			Карасыйрак
		Казак	
		Джака	Сакау
			Гульмурзабачча
			Джадыгер
			Туркия
		Каратума	
	Нарын		
	Аксары	Катта-аксары	
		Кичи-аксары	
	Утарчи		
	Уздан		
	Туячи	Малай	
		Дусай-туячи	
		Джадыгер	
		Кельдибек	
		Бакыбачча	
		Нарбачча	
		Молмыш	
	Кулбачча		
	Мырзагул		
	Алтмыш		
	Малыш	Алибачча	
		Бахтыбачча	
		Ходжамыяр	
	Кунту		
	Кулумбет		
	Кармыш *		
	Муллабачча		
	Надырбачча		
	Яхшылыкбачча		
	Байкучкар		
Бадраглы	Кызылбай	Деветер	Аваздан туган **
			Хыле
			Джаннаннан туган
			Каршыдан туган
			Карачанак
			Акчанак
			Гуландан туган
			Туклыдан туган
			Дуанандан туган
		Серка	
		Уташ	
		Джаукачты	
	Келекей		
	Парча		
	Джунус	Буйра	

Продолжение табл. 6

Подразделение племени	Роды	Подразделение родов	Семейно-родственные группы
	Катта-мерган	Самарканди	
		Кычылы	
		Кучек ***	
		Аннаходжа	Усупбачча ****
			Оразбачча
			Алымбачча
			Мурадбачча
			Сарыбачча
			Хальпабачча
			Шакасымбачча
			Кичисан
		Байходжа	Далде
			Канхур
		Каракул *****	
	Кичи-мерган	Авлоди-хасан	
		Авлоди-назар	
		Акбаш	
		Байсейид	
		Джанкаул	
		Бешкурук	
		Будана	
		Конур	
Байрам	Туртата	Эсабай	
		Байтолыш	
		Кырксадак	
		Буранай	
		Чаулыму-рад ******	
		Акчанач	
	Шакай	Палван	
		Тангриберди	
		Худайберди	
		Аллаберди	
		Казак	
	Дават	Акдават	Кутыр
			Джулей
			Келикей
			Рысай
			Кабанай
		Карадават	Бурдан-галь *******
			Тинал
			Джампулат
			Бадаль
		Акчура	
		Хайбат	
		Авлоди-хусен ********	
		Чыркыравык	Саркеч
			Чубурма
			Тентакавлод
			Азау

Продолжение табл. 6

Подразделение племени	Роды	Подразделение родов	Семейно-родственные группы
Туртоул	Учуул	Казак	
		Чуяга	
		Авлоди-туры	
		Авлоди-нар	
		Элетен	
		Карамурча	
		Карасыйрак	
		Чанкан	
	Суюндук	Мраз	Сары-мраз
		Куль *********	
		Ходжалы	
		Досай	Чайгуз
		Конгыртана **********	
	Бурундук	Джалпуш	
	Чал	Сарычал	
		Куки	
		Кыйтекме	
		Карача	
	Куса	Кичкине	
	Гургуру		

* Кармыш и следующие четыре рода, возможно, были подразделениями приведенных выше.

** Некоторые из приведенных здесь девяти семейно-родственных групп, возможно, относились к подразделениям серка, уташ и джаукачты.

*** Некоторые из перечисленных выше четырех подразделений, возможно, принадлежали к роду парча.

**** У семейно-родственной группы усупбачча зафиксированы семейно-родственные группы второго порядка: *алланазар, байназар, науруз, кесб* и *джолболды*, а у группы оразбачча — *дахан, сары* и *мегер.*

***** Не исключено, что подразделение каракул относилось к роду кичи-мерган.

****** Чаулымурад и акчанач, возможно, были семейно-родственными группами, относившимися к названным выше подразделениям рода туртата.

******* У семейно-родственной группы бурдангаль зафиксирована семейно-родственная группа второго порядка *каратаяк.*

******** Авлоди-хусен, возможно, являлся семейно-родственной группой одного из перечисленных выше подразделений рода дават.

********* В моей полевой записи неясно, куль или кель.

********** Конгыртана, возможно, была семейно-родственной группой одного из трех предыдущих подразделений рода суюндук.

На севере байрамы занимали небольшую территорию на левом берегу Кызылсу, примыкающую к Бальджуану.

Туртоулы жили в основном к востоку от р. Кызылсу. На запад от нее их кишлаки имелись в районе Кангурта, а также на северо-востоке Дангаринской долины. На юге, в урочище Алимтай, также были кишлаки туртоулов.

Семизы и кесамиры. Среди узбеков Кулябского бекства заметное место по численности занимали два близких между собой племени — семиз и кесамир. Они были расселены компактной группой к востоку от локайцев в бассейне среднего течения Яхсу. Кишлаки их располагались по мелким речкам — левым притокам Яхсу (Обитебаляй, Обизераки, Даганадара), а также в долине самой реки, на правом ее берегу. Еще одна группа их кишлаков находилась в урочище Даштичагам — в широкой долине в верховьях Джилги, впадающей в Пяндж у переправы Багарак [161, 101—103].

По данным М. А. Варыгина, посетившего бассейн Яхсу в 1905 г., в Кулябском бекстве было 2440 семизов (35 кишлаков, 488 дворов) и 2505 кесамиров (20 кишлаков, 501 двор) [80, 772].

В 1924 г., по сведениям Комиссии по районированию Средней Азии, семизов совместно с родом *айранчи* (о котором нам никаких сведений не удалось собрать) было 2420, кесамиров — 1315 человек [228, 201, 225]. Таким образом, кесамиров по сравнению с 1905 г. оказалось меньше на 1 тыс. с лишним человек. Возможно, семизов без айранчи стало также меньше (о причинах уменьшения численности некоторых родов я уже писала — см. стр. 33). В 1949 г. было зарегистрировано несколько меньшее число кишлаков, населенных семизами и кесамирами, чем в начале XX в. Это, вероятно, объясняется тем, что среди современного населения названия некоторых мелких кишлаков, переставших существовать, стали забываться.

В большинстве кишлаков представители обоих племен жили вместе, а нередко в них имелись и таджики. Группа узбекских кишлаков, расположенная на правом берегу Яхсу, как и узбекские селения, разбросанные в бассейне его левого притока Даганадара, были населены преимущественно семизами. В бассейне же рек Обизераки и Обитебаляй преобладали кишлаки кесамиров.

Помимо указанных местностей, где кесамиры и семизы жили относительно компактно, незначительное число их встречалось в трех кишлаках на юго-западе Кулябского бекства, в районе Пархара.

За пределами последнего семизов, по моим материалам, не было, а кесамиры жили всего в одном пункте в районе Сарайкамара. В предреволюционные годы там их было около

30 семейств, и они были родственны кулябским и общались с ними [38].

У обеих рассматриваемых групп сохранялись следы деления на роды. Я записала следующие роды семизов: *эрке, бозан, лоли, коктере, босалак, курасан, керей* и *ходжаахмад.*

У кесамиров отмечены роды: *карачарык, кульдеман, каллагач*, или *карлыгач*, *таз*, *камчи*, *кишкчи* и *ногай.*

Род ногай, в свою очередь, делился на *каль* и *инемат.*

Катаганы — узбекское племя, основная масса которого жила в Северном Афганистане. Комиссия по районированию Средней Азии в 1924 г. зарегистрировала 8935 катаганов в следующих районах Восточной Бухары [39]: в долине Нижнего Вахша (880 человек сельских жителей, из них 510 человек рода тас [40]), в г. Курган-Тюбе (800 человек, из них 690 рода тас). по правому берегу Пянджа, в районе Сарайкамара и Чубека (4480 человек, из которых 896 рода джанкатаган), в долине Яхсу (2775 человек) [228, 281, 282, табл. 16].

В предреволюционные годы в указанных районах, по сведениям Н. Г. Маллицкого, катаганов было значительно больше [211, 64]. Это подтверждается сопоставлением данных 1924 г. и дореволюционных авторов. М. А. Варыгин (в 1905 г.) только в Кулябском бекстве насчитал 13 125 катаганов [80, 772]. По данным П. Гаевского, в 1910—1914 гг. в Кургантюбинском бекстве было 2159 дворов последних [97, 25].

Исходя из того, что исследователями начала XX в. было принято считать в Восточной Бухаре в среднем по 5 душ на двор [80, 772], можно предположить, что в этом бекстве насчитывалось приблизительно 10 800 катаганов. Таким образом, в начале XX в. в названных двух бекствах было около 24 тыс. узбеков-катаганов, а в 1924—1925 гг. на этой территории их оставалось всего 8935. Их уменьшение объясняется в значительной мере уходом части племени в годы гражданской войны и басмачества в Афганский Туркестан. После разгрома басмачества некоторые из них вернулись обратно [276, 85].

О катаганах в низовьях Вахша и в урочище Алимтай писал Н. Маев — первый русский исследователь, который посетил эти места в 1875 г. [207, 223, 229]. В 1895 г. Н. Февралев, про-

---

[38] В статье о семизах и кесамирах [161] я, основываясь на записях, сделанных в 1949 г. в Пархарском районе, отмечала, что кесамиры в Сарайкамаре жили в кишлаке Андиджани вместе с катаганами, однако обследование, проведенное там в 1952 г., показало, что кесамиры жили в отдельном Кесамир-кишлаке невдалеке от Андиджани.

[39] Я привожу сведения только о собственно катаганах — узбекском племени даштикипчакского происхождения (только эту группу я буду называть в дальнейшем катаганами); о катаганах-тагчи сказано выше.

[40] Название рода тас зафиксировано в литературе и произносится информаторами двояко — *тас* и *таз.* Я принимаю написание тас.

ехавший вдоль правого берега Пянджа, упоминает катаганов как преобладающую группу узбеков на юге Кулябского бекства. Он же отмечает, что на юге Кургантюбинского бекства, на правобережье Вахша «тянутся поселения узбеков-катаганов, общим числом около 600 дворов; по левому берегу Вахша, от выхода его на низину Курган-Тюбе до Джиликуля, обитают также узбеки родов: катаган, кияк, таз, тохтамыш, чаучи, тугалан, 1750 дворов» [349, 426] [41].

По сведениям наших информаторов, самым северным пунктом расселения катаганов в Кулябской области был кишлак Танапчи на правом берегу Кызылсу, а на востоке — кишлаки в долине р. Джилги, расположенные вблизи выхода ее из горного ущелья, на западе — Кургантюбинское бекство, где их кишлаки тянулись вдоль левого берега Вахша под обрывом надпойменной террасы [42].

И. П. Магидович, основываясь на архивных сведениях 90-х годов, приводит названия следующих родов катаганов: *тиз* (несомненно, *таз*), *чичка* (местное произношение — *чечка*), *тугалан, мирдат* (местное произношение — *мардат*), *кияк, чаучи* и *тохтамыш*. В 1924 г. были зарегистрированы только названия *тас* и *джанкатаган* [228, 194].

В результате работ Кулябской этнографической (1949 г.) и Кулябской археологической (1952 г.) экспедиций, участником которых был автор этой работы, сведения о родовом составе катаганов были пополнены, хотя составить полную генеалогическую таблицу все же не представляется возможным. Многие названия родов и особенно их подразделений уже забыты. В 1949 г. удалось выяснить названия только 14 родов племени катаган и наименования подразделений 9 из них. Сопоставление их с данными, полученными доктором Лордом из письменных источников [203, 273] [43], а также с материалами Д. Н. Логофета [201, 155, 156] [44] и Кушкеки [74] показывает, что нами зафиксировано большинство катаганских родов. Если же учесть приведенные мною родословные локайцев, кесамиров и семизов (эти три племени в XIX в. считали себя подразделениями катаганов, что подтверждается данными доктора Лорда), то окажется, что наши материалы достаточно полно представляют обширный круг узбекских племен и родов, считавшихся в XIX в. катаганскими (см. табл. 7).

---

[41] Все перечисленные Н. Февралевым узбекские роды — катаганские.

[42] Интересно отметить, что обрыв надпойменной террасы Вахша местные узбеки-катаганы называют нура, т. е. так же, как казахи [183, 29].

[43] Названия многих родов в работе Лорда сильно искажены, но большинство их поддается восстановлению.

[44] Д. Н. Логофет приводит не родословную племени катаган, а список 92 узбекских племен. Однако в этот список включены без разбору все те родовые и племенные названия, которые, по-видимому, случалось записать ему во время путешествий по Бухарскому ханству и Северному Афганистану.

Таблица 7

Родовой состав собственно катаганов *

Род	Подразделение	Род	Подразделение
Джанкатаган	Джабагы		Шербачча
	Чокмарлы		Кашкарбачча
	Лолы		Барак
	Чадай		Тулькичи
	Кыркджилик		Кутчи
	Тахчи		Эчкили-темаз
	Кыят		Арабнамы
	Оскар		Могалынамы
	Джаули		Алчын
	Хыра		
	Галягалли	Чорак	Катта-чорак
			Майда-чорак
Чечка	Зорбурун		Оттыш
	Каракальтак		Ак-Чорак
	Туртоул		Тогызкара
	Ходжакочкары		
	Чагатай	Мардат	Джельберди
	Джаукаду		Каратери
	Сармантай		Эрбачча
	Томалак		Башер
	Тогалан		Бозан
	Сары		
	Альпберди **	Кагни, (канглы) ***	Куюшканлы
Тугул			Байтеке
			Бурмалы
Палван	Андиджан		Арышлы
	Ходжамыйяр		
	Пшакхур		
		Эчки	Каратаяк
Бурка	Реджаки		
	Карача	Малай	
		Сары (сарыкатаган)	
Темаз, темас	Кульдеман		
	Тугарак		
	Сакау	Пингони	
	Собак		
	Баклабачча	Тас, Таз	Чаучи
			Балгабаскан

* Таблица составлена по записям автора и А. К. Писарчик.

** У меня нет уверенности в том, что альпберди действительно были подразделением рода чечка.

*** Название этого рода и А. К. Писарчик и я (1949 г.) записали от разных информаторов по-разному — кагни и канглы.

У катаганов, как и у некоторых других узбекских племен, родственные роды объединялись в группы [45]. Джанкатаган, чечка, тугул и палван считались одним гнездом родственных родов; бурка, темаз, чорак и мардат — другим. Внутри этих гнезд выделялись пары родов — чечка-тугул, бурка-темаз, чорак-мардат. Парные роды обычно жили по соседству [276, 85, 86]. Давность парной структуры подтверждается материалами по Афганистану: в известном труде Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушеки, относящемся к 1923 г., отмечается, что район Нахрейн Катаганской провинции часто называют Бурка-у-темаз по имени населяющих его узбекских племен [74, 76], а при перечислении этнических групп, занимавших волость Кундуз, чораки и мардаты помещены рядом [74, 150].

На юге Куляба и Курган-Тюбе катаганские роды жили довольно смешанно, но все же можно выделить районы с преобладанием того или иного из них. Так, джанкатаганы располагались в нескольких кишлаках в долине р. Джилги. Западней ее они жили в Чубеке и в шести кишлаках в районе Пархара, а также на Алимтае. По сведениям одних моих информаторов, накануне революции на Алимтае было до 900 хозяйств джанкатаганов (в урочище Чимчиглы, в Талбулаке и в Караултюбе).

Кишлаки рода чечка размещались в основном на поливных землях в районе Сарайкамара и Пархара. В последнем оазисе они жили по каналу Зулумарык. Чечка-кишлак был также вблизи Чубека. Род тугул был немногочисленным и занимал всего несколько кишлаков в районе Пархара и Сарайкамара. На богарных землях, в горах Тераклитау и Ходжакуралай, а также на Алимтае был расселен род палван.

Роды бурка и темаз жили преимущественно на богарных землях: на адырах к югу от г. Куляба и на Алимтае. На орошаемых землях на Арале ими был населен кишлак Кадучи. Их подразделения реджаки и кульдаман в основном обитали в районе Сарайкамара как на богаре, так и в оазисе; кульдаманы занимали одноименный кишлак на берегу Пянджа и в горах Тераклитау.

Кишлаки родов чорак и мардат находились в районе слияния Кызылсу и Яхсу, в частности в урочище Арал, а род кагни имел несколько кишлаков преимущественно на богарных землях: Гараударе в бассейне Джилги, Бозахана в районе Чубека и на Алимтае. Род эчки жил в основном в районе Сарайкамара, в горах Тлеутау.

Катаганы рода сары (сары-катаганы) жили в Вахшской долине к югу от тасов, а последние, по данным П. Гаевского, И. П. Магидовича и моим полевым материалам, были расселены

[45] О широком бытовании этой традиции у тюркских народов, сохранявших родо-племенную структуру, и о причинах этого явления писала Т. А. Жданко [123, 82—94].

голько в долине нижнего Вахша. Здесь они занимали, по данным П. Гаевского — 7, а по моим — 16 кишлаков, которые располагались преимущественно в северной (вокруг г. Курган-Тюбе) и северо-западной частях Вахшской долины. Границей обитания тасов и остальных родов катаганов считалось старое дерево около селения Ходжагульгун: к северу жили тасы, а к югу другие катаганские роды, в том числе мардаты, которых мой информатор, потомок тасов, относил к сарыкатаганам.

Дурмены были одним из крупных и компактно расселенных узбекских племен. Они занимали долину среднего и нижнего течения Кафирнигана (Хисарское и Кабадианское бекства) и северную часть Бабатагских гор (на север от урочища Гаурдак). В 1924 г. в этих местах насчитывалось 7979 дурменов, в том числе 2400 человек — в Кабадианском бекстве (см. табл. 4) [46].

Вне пределов указанной территории встречались лишь отдельные кишлаки дурменов: в Гиссарской долине (к югу от Регара) — Дурман и Гарау, а на левом берегу Вахша, в Кургантюбинском бекстве, их зимовки — Дурманчеп и Гишмазар. Вдали от этой основной группы, в Шерабадском бекстве (в бассейне правого притока Шерабаддарьи) в кишлаке Ходжиги значительную часть населения составляли дурмены. Остальное население этого кишлака состояло из узбеков мангыт и конграт (подразделение коктырнак).

По месту обитания дурмены делились на две большие группы — гиссарских и кабадианских. Их родо-племенная структура в памяти стариков сохранилась нечетко. Я записала ее в 1959, 1964 и 1966 гг. от трех информаторов. Один из них считал, что племя дурмен состоит из четырех подразделений: *учуру, кыяннама, гурдак* и *саксан,* а два других делили дурменов на два подразделения — *учуру* и *кыяннама* (названия же саксан и гурдак были им неизвестны).

Мной отмечены также следующие этнонимы, место которых в генеалогической таблице осталось неясным: *алагунан, коштамгалы-джашкак, адирбиль, бештанбир* и *чарчур.*

По материалам Н. Г. Борозны, дурмены Бабатага состояли в основном из родов гурдак, ногай и чарчур [68, 92]. В Кабадиане жили представители всех перечисленных в таблице родов.

К дурменам относили себя некоторые представители малочисленной группы узбеков *джиланны́,* жившей в Кабадианском бекстве, исключительно в Бешкентской долине, в кишлаках Бешкапа, Тулхар и Сангова. Племенная принадлежность этой группы осталась мне неясной. Часть джиланны относили

---

[46] Подробные сведения о расселении и родовом составе дурменов содержатся в работах Н. Г. Борозны [69; 67, 27, 28; 68, 92].

Таблица 8

Генеалогия племени дурмен

Подразделение племени	Род	Подразделение родов	Подразделение племени	Род	Подразделение родов
Учуру	Тыбыр	Шор	Кыян-нама	Кыят	Тоймас
	Салтык	Кошук		Кабла	
	Каратана	Караш-параш		Кутчу	
				Джертебар	
	Конур	Майда-Конур		Тогызалу	
				Аккойлы	
	Алатай		Гурдак	Казак	
	Джаман-тай	Батыр		Ногай	
		Чилпит		Борбай	
		Бадраглы		Уста	
	Ахча		Саксан		
	Оюлы				

себя к дурменам, возможно, потому, что дурмены в Кабадианском бекстве были господствующей этнической группой, подобно тому как дурменами считали себя и кабадианские таджики-чагатаи.

Прочие племена узбеков. В Восточной Бухаре небольшим числом людей были представлены и другие племена узбеков — найман, сарай, каучин, кенегес, мангыт, хитай, джалаир и др.

Найман — одно из наиболее крупных узбекских племен даштикипчакского происхождения. До XVIII в. оно было расселено в районе Термеза вместе с конгратами. В период особого обострения междоусобных феодальных войн первой четверти XVIII в. найманы были вынуждены уйти сначала в Балх, а затем в Зеравшанскую долину [105, 81; 232, 80, 71, 179; 5, 42, 43, 66]. Однако осколки найманов, видимо, остались на изучаемой территории, а также в Северном Афганистане. Вблизи Каратага в 1924 г. было записано 476 найманов [228, 201, 280]. Возможно, они считались в составе подразделения марка племени юз, как отмечалось выше. В 1949 г. в Кулябе старики говорили мне, что в кишлаке Акджар (на правом берегу Кызылсу) в прошлом жили узбеки племени найман. Анализ названий родов семизов и кесамиров позволил выявить, что эти племена по своему происхождению были связаны с найманами [161, 104—107].

Название найман встречается и в топонимии: на адырах вблизи г. Курган-Тюбе есть родник Найманбулак, однако о проживании там узбеков-найманов местные жители не слышали.

Узбеки-сарай жили лишь в Кулябском бекстве в Курбаншаите, который был расположен у слияния Кызылсу и Яхсу. По словам информаторов, их насчитывалось до 500 дворов. Все они в годы борьбы с басмачеством откочевали в Афганистан. И. П. Магидович причислял к сараям (к роду карабаг) жителей кишлака Карабаг, расположенного на восточном склоне Кугитангского хребта [228, 191]. Как уже отмечалось, весьма пестрое по происхождению узбекоязычное население Карабага считало себя чагатаями, что, конечно, отнюдь не исключает того, что название этого кишлака было связано с пребыванием когда-то здесь одноименного рода сараев.

Представители племени каучин жили также только в одном пункте — в урочище Аралтугай в низовьях Явансу. Их было всего около 50 дворов; принадлежали они в основном к роду *тешикдан-каучин* и лишь несколько семей — к роду *тогар*. Во время переписи 1926 г. было зафиксировано два кишлака с названием Каучин. Обследование на месте позволило установить, что в одном из них (в Гиссарской долине) [223, 46] в начале XX в. жили марка, а в другом (вблизи Денау) [222, 262] действительно жили каучины, переселившиеся туда в начале 20-х годов из долины Кашкадарьи.

В моих записях, сделанных в 1954 г. в кишлаке Сайроб, имеется упоминание о квартале Каучингузар в г. Байсуне, однако я не проверила на месте, соответствовала ли этническая принадлежность жителей этого квартала его названию.

Узбеки племени кенегес жили в основном в г. Денау; небольшое число их имелось и в селениях этого бекства, в частности в кишлаках Тартулы и Газарак (в последнем вместе с чагатаями и др.). Название одного из родов племени кенегес запечатлено в топонимии Куляба — это кишлак Нанджемас [308, 208; 123, 166] в долине Яхсу.

Представители крупнейшего узбекского племени мангыт встречались в Восточной Бухаре только небольшими группами по нескольку семей в некоторых селениях Шерабадского бекства, в частности в кишлаках Азан, Мангузар и Ходжиги.

Узбеки-хитай жили только в двух пунктах — в кишлаках Пашхурд и Хитай Шерабадского бекства. Около г. Денау был кишлак Хитоян, однако в начале XX в. его населяли туркман-джузы.

Представители племени джалаир зарегистрированы мною лишь в одном пункте — в одноименном селении на правом берегу Сурхана (к югу от Шурчи). Здесь их небольшая группа жила вместе с узбекоязычными ходжа. На правобережье Сурхана был еще один кишлак Джалаир. В начале XX в. население его состояло из туркман-джузов.

Следы своего пребывания в Восточной Бухаре оставили и некоторые другие узбекские племена: среди названий населенных пунктов встречаются такие, как Дашти-Минг, Шари-Минг,

Канглы, Ябу, или Джаби, Митанъян и др. По-видимому, малочисленные осколки племен минг, канглы, ябу и митан растворились среди остального населения или покинули эти места.

* * *

Некоторое представление о распределении различных групп узбекского населения по бекствам дает приведенная выше таблица 4.

В Шерабадском бекстве жили в основном конграты (подавляющее большинство) и чагатаи. Из ранних племен здесь были представлены в небольшом числе только собственно тюрки.

В прошлом для характеристики этнического состава населения отдельных бекств (разумеется, только основных, наиболее многочисленных групп) бытовали традиционные формулы. Мне удалось записать такую формулу о двух бекствах — Байсунском и Денауском.

О населении Байсунского бекства обычно говорили, что оно состоит всего из 9 родов — 6 родов тартулы (подразделение конгратов) и 3 — чагатаев (*алты уру тартулы, уч уру чагатай*). Под тремя родами чагатаев разумели таджиков-чагатаев, таджиков и узбеков ходжа и узбеков-тагчи. Конграты составляли более половины узбекского населения Байсунского бекства, тагчи — 20,2%. Выше говорилось о наличии здесь и небольшого числа собственно тюрков.

О населении Денауского бекства было принято говорить, что оно состоит из 32 родов — 16 родов карапчи и 16 — туркман-джузов (*он алты уру карапчы, он алты уру туркман*). Здесь жило небольшое число тюрков и ряд малочисленных групп узбеков.

В наиболее крупном Хисарском бекстве при самой высокой численности узбеков была самая высокая численность ранних племен — 20 814 человек, т. е. 40% всего узбекского сельского населения указанного бекства. Среди ранних племен здесь преобладали барласы, и только здесь были представлены мусабазари. На долю поздних племен приходилось 56,5% всего узбекского сельского населения этого бекства. Среди поздних племен самыми многочисленными были локайцы, а затем юзы (преимущественно подразделения марка и каратамгалы).

В Кабадианском бекстве жили узбеки чагатаи, ходжа и дурмены (последних большинство), считавшиеся наряду с таджиками исконными обитателями низовьев Кафирнигана, и относительно недавно здесь поселившиеся конграты. Представителей ранних племен узбеков в Кабадиане было немного[47].

---

[47] Н. Февралев, обследовавший правобережье Пянджа-Амударьи в 1892—1893 гг., отметил в Бешкентском оазисе («по Чар-чашме») 800 дворов узбеков-дурменов, тюрков и конгратов [349, 426], однако в 1924 г. тюрки

Узбеки Кургантюбинского бекства были довольно однородны — здесь в основном находились катаганы. Однако местные жители различали две группы населения: катаганов, переселившихся с левобережных районов, и тасов, исконных насельников Вахшской долины. Иначе говоря, местное узбекское население считало тасов самостоятельным племенем, а не одним из родов катаганов. Это нашло отражение в материалах П. Гаевского [97, 23].

В Бальджуанском бекстве подавляющее большинство узбеков принадлежало к локайцам. Из ранних племен здесь жили собственно тюрки и карлуки, и в очень малом числе зарегистрированы чагатаи.

Узбекское население Кулябского бекства было пестрым. Здесь были учтены чагатаи (в небольшом числе), а ранние племена составляли 34,5% всего узбекского населения. Наиболее многочисленными среди них были моголы и собственно тюрки (часть последних, как отмечалось, была на стадии полного перехода с узбекского языка на таджикский). Среди поздних племен немногим менее одной трети узбекского населения составляли катаганы, на втором месте по численности стояли близкие друг к другу семизы и кесамиры — 27,5% всего узбекского населения бекства.

По Кулябскому бекству имеются довольно обстоятельные данные о численности различных этнических групп на 1905 г. Топограф М. А. Варыгин составил список всех кишлаков этого бекства с указанием числа дворов и этнического состава населения каждого из них. Численность же он высчитал из расчета 5 душ на 1 двор [80, 772]. Эти данные (такие же приблизительные, как и данные 1924 г.) подтверждают, что в годы борьбы с басмачеством часть населения, переселившегося в XIX в. из Афганистана, реэмигрировала: снизилась численность моголов, меришкаров и особенно катаганов.

ДРУГИЕ НАРОДЫ

В районах, изучаемых мной, жило также небольшое число представителей других народов. Одни из них были давними насельниками этой страны (арабы, ирани, цыгане, выходцы из Афганистана и пр.), другие поселились здесь лишь в XIX — начале XX в.

Арабы Восточной Бухары говорили на таджикском или узбекском языках и жили небольшими группами преимущественно в южной части изучаемой территории. В 1924 г. их было

здесь не были отмечены. Во время посещения Бешкентского оазиса в 1966 г. мне также не приходилось слышать воспоминаний о пребывании здесь тюрков.

всего 763 человека (см. табл. 2) и они были зарегистрированы в следующих местностях: в городах Шерабад (132 человека) и Байсун (6 человек) [228, 256, 257, табл. 5], в сельских местностях — в долине Сурхандарьи, в районе г. Денау (150 человек) [228, 261, табл. 6], в низовьях Кафирнигана (75 человек) [228, 279, табл. 15] и в Кулябе (400 человек) [228, 279, табл. 15].

Во время полевых исследований было установлено, что в конце XIX — начале XX в. арабы жили в 24 кишлаках. По месту обитания их называли кулябскими, кургантюбинскими, кабадианскими и рабатакскими.

В Кулябском бекстве арабы жили в г. Кулябе и в 6 кишлаках. Из них селения Лягман и Джангальбаши находились на левобережье Яхсу (первый южнее, второй севернее г. Куляба), Наубулак и Араб разместились в долине р. Джилги; Араб и Каракчи — в низовьях Кызылсу, в районе Пархара. В двух последних кишлаках и в селении Лягман обитали таджикоязычные арабы, а в остальных узбекоязычные.

Арабы района Пархара были кочевниками-овцеводами, и указанные кишлаки были их зимовками; лето же они проводили на склонах расположенного поблизости хребта Каратау.

В Кургантюбинском бекстве арабы располагались в основном на правом берегу Пянджа, в районе Сарайкамара. Здесь были выявлены 4 кишлака таджикоязычных арабов — один из них назывался Шиштюбе, остальные просто Араб. В долине Вахша в тугаях по обоим берегам канала Джуйбар (от Кумгузара до Узуна) зимовали арабы-овцеводы, на остальное время года откочевывавшие вместе со стадами на адыры и в горы.

В Кабадианском бекстве арабы жили в селениях Арабхана вблизи г. Кабадиана, Айвадж — недалеко от устья Кафирнигана и Арабхана — в Бешкентской долине. Среди арабов последнего кишлака были овцеводы (возможно, их упоминал Н. Февралев в начале 90-х годов прошлого века, когда говорил о 100 юртах арабов, спускающихся с Бабатагских гор на зиму в приамударьинские тугаи [349, 427]). Несколько семей арабов из Балха (*балхи́-араб*) населяло кишлак Джаркурган на левом берегу Кафирнигана вместе с халачами и туркменами. В кишлаке Чуянчи, расположенном на правом берегу южнее Саята, вместе с дурменами жило несколько семей так называемых рабатакских арабов (*рабатаки-араб*). Большинство арабов Кабадианского бекства было таджикоязычным.

Узбекоязычные арабы большого селения Рабатак, расположенного в Шерабадском бекстве, назывались рабатакскими. Это селение состояло из 3 кишлаков — Шамал, Бай и Сары (в 1926 г.—всего 228 хозяйств [222, 267]). В прошлом о Рабатаке говорили так: «Арабы в триста дворов» (*уч йуз уйли араб*). Узбекоязычные арабы обитали также в двух кварталах г. Шерабада — в гузарах Тарахлы и Балхи. В Шерабадском

оазисе жили еще таджикоязычные арабы: в кишлаке Наушахр на юге оазиса и в кишлаке Арабхана на севере.

В литературе имеются упоминания еще о двух арабских селениях. В 1889 г. капитан Лилиенталь отметил кишлак Арабхана в 8 дворов в 6 верстах к югу от г. Хисара, в долине Кафирнигана [194, 354]. В 1964 г. 80-летний житель кишлака Кончи, расположенного в местности, указанной Лилиенталем, говорил мне, что среди жителей этого кишлака есть потомки арабов и узбеков-дурменов из Кабадиана, ныне слившиеся с таджиками. Автор статьи «Очерки Гиссарского края», скрывшийся за инициалами «Б. Л.», упоминает кишлак Джар возле Душанбе, населенный арабами, «держащимися совершенно отдельно от таджиков» [37].

У арабов, живущих на изучаемой мной территории, сохранялись следы деления на родовые группы. Большинство записанных нами названий обозначали семейно-родственные группы. Так, таджикоязычная часть кулябских арабов относила себя к роду *шолбоф*, который имел ряд подразделений: *гирдон, каттапо, карахони, курошири, кутикара, чилькапа, ходжадевана, обфуруш* и *тюрк*[48]. Жители входившего в состав Рабатака кишлака Шамал делились на роды: *бешкаль, карасаны, замбыртуда* и *шамшылла*. Среди обитателей двух других кишлаков Рабатака — Бай и Сары — имелись группы: *галабатыр, галатентак* и *галадевана*. Население кишлака Айвадж делилось на группы: *муллагули, карабеги, шерджан* и *мохиби*.

А. А. Семенов упоминает арабов племени *курайш* в долине р. Яхсу, на границе Дарваза [306, 74]. По-видимому, основываясь на этой работе, и Н. Г. Маллицкий говорит об арабах *бену-курайш* в долине Яхсу [211, 67]. Во время обследования 1949 г. нам с А. К. Писарчик не приходилось слышать об этих арабах, однако специально об этом мы не расспрашивали наших информаторов. Не исключена возможность, что перечисленные мелкие группы арабов Куляба относили себя в прошлом к племени курейш или же группы последних жили здесь в начале XX в., а позже ушли к своим соплеменникам в Афганистан. Следует заметить, что арабы, относившие себя к племени курейш, встречались в низовьях Кашкадарьи.

Ирани́й. Исследованиями Ф. Д. Люшкевич установлено, что термин ирани (иранец) стал общим этнонимом группы, сложившейся в течение последних трех-четырех столетий из вольных или невольных переселенцев с территорий, находившихся в различные периоды под иранским владычеством. Последние были и таджикоязычными, и узбекоязычными, шиитами и суннитами [205, 46]. На изучаемой территории я зафиксировала ирани

---

[48] Эти сведения записаны А. К. Писарчик в Пархарском районе в 1949 г. среди арабов, считавших себя выселенцами из Куляба [276, 87].

в очень небольшом количестве только в кишлаках Карлук и Кичи-Вахшивор (Денауское бекство). В кишлаке Карабаг (Байсунское бекство) была семейно-родственная группа, родоначальник которой, согласно преданию, был незаконным сыном одного чабана-ирани, поэтому за представителями этой группы закрепилось прозвище ирани.

Цыгане. К числу таджикоязычного населения относились и среднеазиатские цыгане (хотя все они владели и узбекским языком).

В южных районах Узбекистана и Таджикистана в конце XIX — начале XX в. жили как местные, так и пришлые группы цыган. Среди первых были представлены группы *джуги* (очень распространенное в других областях Среднеазиатского междуречья название *люли* здесь почти не употреблялось) и *тавокта-рош*. В 1924 г. цыгане были зарегистрированы под названием *каратаг-люли* только в районе Сариасия и Юрчи, общим числом 1418 человек [228, 267, табл. 7, 270, 271, табл. 8]. Переписью 1926 г. в основном они были учтены в Гиссарской долине и в северной части Сурханской (немногим более 100 хозяйств и немногим более 1 тыс. человек) [222, 257, 265, 266, 269; 223, 45, 46, 50]. Отражают ли эти данные хотя бы приблизительную численность и расселение в Хисаре обеих групп местных цыган, сказать трудно. Что касается пришлых групп цыган, то они, по-видимому, были включены в число афганцев.

Исследованиями И. М. Оранского установлено, что территория перекочевок хисарских джуги простиралась от долины Сурхоба на северо-востоке до района Денау на юго-западе, однако своей родиной эта группа считала район Хисара, где находилось ее родовое кладбище [259, 12]. По данным А. М. Варыгина и Кулябской этнографической экспедиции 1949 г., в начале XX в. джуги жили и в Кулябе [80, 774, 785; 276, 88]. Их кочевья (включая зимние стоянки) были и в Байсунском бекстве. Более детальных сведений об их расселении у меня нет.

Согласно записям 1964 г., которые я сделала от 83-летнего джуги Ташмурзы баба Байбекова из кишлака Кудукли Сариасийского района, хисарские джуги состояли из следующих родовых групп: *китоби* (т. е. китабцы), *сагбози, кукони* (т. е. кокандцы), *чагатай, бори* и *кул,* или *гулом* (т. е. потомки рабов). Китоби жили в районе Регара, сагбози и кукони — в районе Сариасия, а чагатай и кул — в районе Хисара. Места обитания группы бори мне неизвестны.

В южных районах Таджикистана и Узбекистана в конце XIX — начале XX в. находился ряд пришлых групп цыган. Как выходцы из Афганистана, они были известны среди населения под общим наименованием *афгон* (таджикско-узбекское население произносит обычно *аугон).* В 1924 г. их было записано 300 человек. Они жили разбросанно небольшими группами, в

сельской местности [228, 278, табл. 15; 260, 117—118]. Основываясь на материалах переписи 1926 г. [222, 257, 262, 265; 223, 44, 48, 50, 51, 73], я попыталась составить список кишлаков, в которых жили афгоны. По территории бывших Кулябского и Шерабадского бекств я дополнила его материалами моих поездок 1949 г. Всего оказалось 17 кишлаков: в Кулябском бекстве — 5 кишлаков (в одном из них они жили вместе с лярхоби и тюрками, в другом — с белуджами); в Хисарском бекстве — 6 (в одном они находились вместе с тюрками и таджиками, а в другом — в большом кишлаке Сариасия — составляли около половины населения, другую часть жителей составляли таджики и узбеки); в Денауском бекстве — 2 (жили вместе с узбеками) и в Шерабадском бекстве — 4 кишлака (вместе с узбеками).

Афгоны были вкраплены небольшими группами во многих городах и базарных селениях — мои информаторы называли Денау, Юрчи, Сариасия, Каратаг и Душанбе.

Этнические группы выходцев из Афганистана. Выходцами из Афганистана являлись собственно афганцы и ряд мелких групп — *лярхоби́, суджани́, чинаки́* и др. Собственно афганцы *(афгон)* встречались лишь в городах единичными семьями. Обычно это были купцы. Например, Н. А. Маев в 1875 г. встретил афганского купца, торговавшего в г. Шерабаде [207, 163].

К мелким группам этноним афгон не применялся. Одни из них были таджикоязычны, другие — узбекоязычны. Сведения о них был собраны в 1949 г. [276, 88] и затем отчасти дополнены мной в 1952 г. Наиболее многочисленной из таджикоязычных групп являлись *лярхоби́*. Они были преимущественно овцеводами, их зимовки находились в тугаях низовьев Яхсу и Кызылсу, побережья Пянджа и Вахшской долины. Об их этнической принадлежности нет единого мнения как среди местного населения, так и в литературе. Большинство местных жителей, как и сами представители этой группы, считают лярхоби́ самостоятельной народностью, некоторые информаторы — одним из арабских племен (этого мнения придерживался и П. И. Гаевский [97, 23]), а другие — аймаками Афганистана. К аймакам афганской провинции Каттаган относит их и Кушкеки [74, 52—54].

Таджикоязычные группы *суджани, чинаки, утабулаки* и *обсарина* были расселены в низовьях Яхсу и по побережью Пянджа. Так же в прибрежных районах они живут и в Афганистане [74, 51, 53, 54]. Группу суджани Кушкеки также называет аймаками [74, 51, 53].

К числу групп невыясненного происхождения относятся узбекоязычные группы *шаумари́* и *кундузи́*. Первая из них зафиксирована только в долине Джилги и в районе Сарайкамара,

вторая — вблизи г. Куляба, в районе Сарайкамара и Курган-Тюбе. Кундузи охарактеризованы моими информаторами как жители г. Кундуза и его окрестностей, приезжавшие в пределы Бухарского ханства на заработки.

В Кабадианском бекстве в кишлаке Башкала вместе с халачами жило несколько семей узбеков, самоназванием которых было *чахчиранчй,* т. е. чахчиранцы — их предки были из афганистанского города Чахчирана. Выходцами из Афганистана были и *хазара* и *белуджи,* которые небольшими группами были расселены преимущественно вдоль Пянджа. Представители обеих этих групп в начале XX в. говорили по-таджикски. Для предреволюционного периода я зарегистрировала 12 селений, в которых жили хазара; 7 из них располагались в Кулябском бекстве — в низовьях Яхсу и Кызылсу, 3 — в Кургантюбинском — в районе Сарайкамара и в Вахшской долине, 1 — в Кабадианском бекстве вблизи г. Кабадиана и еще 1 — в Хисарском бекстве, вблизи г. Душанбе [223, 63].

В 8 из указанных 12 селений находились исключительно хазара; в остальных они составляли меньшинство населения. Численность хазара установить не представляется возможным, так как почти все они в годы басмачества возвратились в Афганистан.

Белуджи жили в 3 кишлаках, наиболее крупный из которых, Балуч, находился в низовьях р. Джилги, второй был в районе Пархара, а третий — у слияния Яхсу с Кызылсу.

Индийцы издавна в небольшом числе (чаще без семей) жили почти во всех городах и крупных селениях с базарами [80, 774; 207, 268]. Это были исключительно ювелиры, торговцы и ростовщики [117, 63—69]. Только в г. Юрчи, по свидетельству старожилов, среди нескольких индийцев, живших здесь с семьями, был один лекарь *(табиб)* по имени Кабиль-хунду. В г. Кабадиане, по воспоминаниям старожилов, были купцы—выходцы из г. Пешавара. Одного из них упоминает А. П. Колпаков [180, 302]. Купцов-пешаварцев можно было найти в г. Кулябе. О встрече с ними в 1898 г. подробно рассказывает А. А. Семенов [303, 970, 981—984].

Ювелиры обычно работали на дому у заказчика. О судьбе четырех ювелиров-индийцев, изготовлявших украшения для дочерей локайских баев, рассказывал мне в 1949 г. старый таджик в кишлаке Отынкала Кызылмазарского района (ныне Советский) Кулябской области. В то время, когда мой информатор был подростком, эти мастера были без семей. Затем двое из них приняли ислам и обзавелись семьями, женившись на местных женщинах (один из них был женат дважды — первая жена его была узбечка, а вторая — таджичка из Ховалинга). Третий, уста Хушбахт, не принял мусульманства, жил один и здесь умер. Родственники приезжали к нему при его жизни и

звали на родину, но он не поехал. После его смерти родственники приехали и якобы сожгли его могилу. О судьбе четвертого мастера информатор ничего не слышал.

* * *

В конце XIX — начале XX в. в изучаемом районе кроме описанных выше групп, живших здесь издавна или относительно длительное время, были и такие, которые поселились недавно: русские, туркмены, казахи и среднеазиатские евреи.

Русские появились в южных районах Таджикистана и Узбекистана после установления протектората России над Бухарским ханством и включения Бухары в русскую таможенную черту. Первое на изучаемой территории русское поселение было основано в 90-х годах прошлого века — оно располагалось вблизи городища старого Термеза у кишлака Паттакесар [351, 16, 17]. В 1914 г. в русской части Паттакесара, нередко называвшейся Термезом [49], насчитывалось свыше 2,5 тыс. жителей [351, 17]. Здесь наряду с русскими находились армяне, татары и др. [228, 256, табл. 5]

Русские поселения доходили вверх по Амударье до Сарай-камара [42, 422]. В 1898 г. А. А. Семенов застал на юге Куляба, в Чубеке, где находилась русская таможня, несколько русских семей — таможенных чиновников, офицера и несколько солдат [304, 98, 99].

Туркмены. В конце XIX — начале XX в. туркмены жили в Шерабадском, Кабадианском и Кургантюбинском бекствах. В первых двух они были расселены вдоль Амударьи, а в третьем — на левом берегу Вахша, на Джиликульском плато.

В Кургантюбинском бекстве было два туркменских кишлака — Джиликуль и Каратуркман. По данным П. Гаевского, относящимся к 1910—1914 гг., в Джиликуле было 750 дворов, а в Каратуркмане — 200 [97, 26]. В материалах по районированию Средней Азии указано, что на Джиликульском плато живут 3705 *туркмен-эрсаринцев* [228, 238].

По сообщению моих информаторов в 1966 г., в Кабадианском бекстве в начале XX в. был всего один туркменский кишлак — Тешикташ в низовьях канала Катта-арык, выведенного из Кафирнигана для орошения левобережных земель. Там же, в кишлаке Джаркурган, среди арабов жило несколько туркменских семей [50].

---

[49] Термез вместе с кишлаком Паттакесар был причислен к категории городских поселений в 1928 г. [351, 17, 18].

[50] В материалах переписи 1926 г. кишлак Тешикташ вообще отсутствует; из 58 дворов кишлака Джаркурган, расположенного, подобно Тешикташу, на левом берегу Кафирнигана, 56 отмечены как туркменские. По сообщению моих информаторов, в Тешикташе жил крупный туркменский байскотовод из рода хатаб со своими сородичами. После установления Совет-

В материалах по районированию Средней Азии на правом берегу Амударьи, в районе Термеза, т. е. в бывшем Шерабадском бекстве, отмечено 3825 туркмен — 1190 человек племени *сарык*, 1015 — племени *эрсари* и 1620 племени *туркмен-шихов* [228, 237, 238] [51]. Старики информаторы в 1966 г. назвали мне 12 туркменских кишлаков. Все они были зарегистрированы и во время переписи 1926 г. [222, 271]. Самое крупное из них селение Паттакесар было заселено шихами, селение Учтут — потомками рабов *(гуламлар)*, ассимилированных туркменами. Потомки рабов жили еще в кишлаке Каракамар совместно с эрсаринцами рода *улудопа*. В остальных селениях обитали эрсаринцы родов *бекаул, кара, гонаш* и упомянутого выше улудопа. Только в кишлаке Катта-Джуиджангаль туркмены жили вместе с узбекоязычными чагатаями.

Казахи жили в Кургантюбинском и отчасти Бальджуанском бекствах и были кочевниками-скотоводами. Зимовали они в долине Вахша и в низовьях Таирсу, а остальное время года кочевали в горах Тераклитау и урочище Алимтай. Часть их на лето уходила в горы Бальджуана. О численности казахов сведения разноречивы: Н. Февралев (1892—1893 гг.) говорит о 800 юртах родов *адай, алым, балыкчи* и *табын* [349, 427]; П. Гаевский (1910—1914 гг.) отмечал, что их 180 кибиток [97, 27]; И. П. Магидович, ссылаясь на «военные сведения» (по-видимому, на данные Н. Февралева), указывает, что в прежнее время на Кургантюбинской равнине кочевало около 800 кибиток казахов, т. е. свыше 4 тыс. человек. По его данным, все они принадлежали к Малому жузу: среди них встречались группы *байулы* (адаевцы), *алимулы* и *жетиуру* (род табын) [228, 247]. По словам И. П. Магидовича, в 1924 г. численность их не удалось точно установить, учтены были, по-видимому, только рыбаки и обедневшие оседлые казахи (*джатаки*), всего в количестве 490 человек [228, 247]. По сообщению моих информаторов, богатые казахи-скотоводы вместе со своими сородичами в годы басмачества откочевали в Афганистан.

ской власти он бежал в Афганистан. Не исключена возможность, что оставшаяся часть населения Тешикташа переселилась в Джаркурган.

[51] По словам информаторов, смотрителями мазара Хакима Мухаммеда ибн Али Термези на городище старого Термеза были туркмены-шихи. Туркменское племя ших, согласно легенде, считалось потомством первого халифа — Абу-Бекра [33, 75, 76] и относилось к группе почитавшихся туркменских племен, объединяющим названием которых было слово *авлод* (эвлод) — «потомство», под которым подразумевалось потомство Мухаммеда и его сподвижников. Таким образом, шихи были одной из групп ходжей (см. стр. 148). Среди таджиков и узбеков в народной среде название «ших», «шейх» (араб. — «старец», «глава племени», «глава мистического ордена») обозначало смотрителя мазара. По-видимому, такое понимание этого термина возникло в связи с тем, что смотрителями многих мазаров являлись представители шихов, ходжей и сейидов, нередко считавшиеся потомством того, с чьим именем был связан данный мазар.

Киргизы. В 1924 г. в районе Регара были учтены 185 киргизов [228, 278, табл. 15]. Однако мне их встречать там не приходилось. В 1955 г., во время обследования карлуков долины Сурхана, вблизи карлукского селения Юкары-Тахчиян, мое внимание привлек топоним Кыргыз. Обследование на месте показало, что жители Кыргыз-кишлака — карлуки были потомками человека по имени Давлят, а по прозвищу Кыргыз (Давлят-Кыргыз), которое он получил по матери-киргизке, привезенной его отцом из Каратегина (в то время карлукские баи, угонявшие свои отары на летние пастбища на хребте Петра Первого, иногда брали жен из каратегинских киргизок и таджичек). Таким образом, можно считать, что в начале XX в. на изучаемой территории киргизов не было.

Евреи среднеазиатские начали переселяться из центральных районов Бухарского ханства в его восточные бекства только в середине XIX в.; тогда же, по данным Я. И. Калонтарова, впервые был основан еврейский квартал в г. Душанбе [252, 611, 612]. По рассказам моих информаторов, несколько евреев-торговцев с семьями жили в г. Байсуне. В 1924 г. они были зафиксированы только в г. Байсуне (36 человек) [228, 256, табл. 5]. О евреях в Паттакесаре (будущий Термез) писал в 1889 г. подполковник Галкин [98, 380].

* * *

Завершая описание этнического состава населения южных районов Таджикистана и Узбекистана в дореволюционный период, остановимся на общей характеристике этнического состава городского населения.

Еще первый исследователь Гиссарского края, Н. А. Маев, отмечал, что население городов здесь смешанное и что «узбеки перемешались с таджиками так, что провести какую-либо разграничивающую черту положительно невозможно». Однако, по словам того же Маева, начиная от г. Душанбе, к востоку «таджикский элемент постепенно начинает брать перевес» [207, 267—268].

Население Шерабада, Сариджуя, Денау и Курган-Тюбе в основном было узбекским, а Байсуна, Юрчи, Хисара, Каратага, Душанбе, Кафирнигана, Файзабада, Кабадиана, Бальджуана и Куляба — таджикским. Шерабад в материалах по районированию Средней Азии показан как город с преимущественно таджикским населением: 54,2% в нем составляли таджики, 28,9% — узбеки [228, 257]. Однако, как показывают мои полевые материалы, в число таджиков, по-видимому, были включены узбекоязычные чагатаи и часть каршиликов; к узбекам были отнесены лишь конграты. Собственно таджиков в Шерабаде не было. Эти сведения подтверждаются данными переписи 1926 г.

Не отметил таджиков и Васильев, побывавший в Шерабаде в 1889 г. [81, 400].

По сведениям Стеткевича, в городе Денау в 1889 г. внутри крепости было 60 дворов таджиков и 30 дворов узбеков [323, 274]. По моим полевым материалам, здесь преобладали узбекоязычные чагатаи и каршилики, а также туркман-джузы, которые составляли, как отмечалось выше, большинство сельского населения Денауского бекства.

В г. Курган-Тюбе жили преимущественно узбеки-катаганы— в 1924 г. их было там 800 человек, из них 690 относились к роду тас [228, 282, прим. 1].

О населении г. Байсуна подробно говорилось выше.

В г. Юрчи, по материалам Стеткевича, было 100 дворов таджиков и столько же дворов узбеков [323, 273]; по словам старожилов г. Юрчи, таджики (преимущественно чагатаи) там несколько преобладали. Большинство узбеков, живущих в этом городе, принадлежало к кальтатаям и карапчи. Встречались здесь также каршилики — выходцы из Каршинского оазиса, и несколько семей индийцев.

В г. Сариджуе, который в 1887 г. перестал быть центром отдельного бекства, по данным Стеткевича, было всего по 20 дворов таджиков и узбеков [323, 271]. Н. А. Маев, побывавший в этом городе в 1875 г., отмечает, что население его зимой доходит до 2 тыс. человек (т. е. до 400 дворов.— *Б. К.*), а на лето почти все они уходят в горы [207. 184].

По свидетельству моих информаторов, большинство населения г. Сариджуя принадлежало к тюркам-кальтатаям, из них же преимущественно состояло узбекское сельское население Сариджуйского бекства.

В г. Каратаге, по материалам того же Стеткевича, насчитывалось по 300 дворов таджиков и узбеков [323, 267], однако данные 1924 г. и перепись 1926 г. говорят о том, что Каратаг был населен таджиками [228, 277, табл. 14; 223, 156—157]. Е. М. Пещерева, изучавшая гончарное производство этого города, приводит свидетельства местных жителей о том, что в тот период, когда Каратаг был летней резиденцией хисарского бека (до землетрясения 1907 г.), население его было таджикским, а узбеки, представленные барласами и мусабазари, жили в его окрестностях [271, 135]. Собственных материалов о Каратаге у меня нет, но, по свидетельству жителей Дашнавада, поддерживающих родственные отношения с каратагцами, таджики этого города принадлежали в основном к чагатаям и ходжа.

Жители городов Душанбе, Кафирнигана и Файзабада были в основном таджики, но данных о том, к каким именно группам они относились, у меня не имеется.

Население г. Кабадиана состояло из таджиков-чагатаев (см. стр. 55, 56).

В городах Бальджуан и Куляб помимо таджиков, составлявших подавляющее большинство, жили и узбеки. В первом это были, по-видимому, локайцы, а во втором, согласно данным Г. А. Арандаренко,— кесамиры [27, 428]. Возможно, именно горожанами были узбеки-чагатаи, зарегистрированные в 1924 г. в Бальджуане (380 человек) и Кулябе (270 человек) [228, 281, табл. 16]. К какой группе — к чагатаем или кулоби — относилось таджикское население г. Бальджуана, остается неясным. Таджики г. Куляба, вероятно, были в основном кулоби (таджики-чагатаи в бассейне Яхсу в 1924 г. не зафиксированы). Из пришлых народностей в Кулябе М. А. Варыгин отметил несколько торговцев индийцев, а также армян [80, 774].

Таким образом, население большинства городов состояло из чагатаев и представителей преобладавшей в сельской округе данного города этнической группы и пришлых элементов, в основном из каршиликов (в городах бассейна Сурхана и в Шерабаде), афгонов и индийцев.

II.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Полевые исследования Гармской этнографической экспедиции Института истории АН Таджикской ССР выявили чрезвычайно интересное явление: оказалось, что в Каратегине и Дарвазе лишь весьма незначительная часть населения считает себя исконными насельниками того кишлака, где они живут сейчас, подавляющее же большинство называют себя потомками выходцев из других местностей. Р. Л. Неменова, автор главы о населении в коллективной монографии «Таджики Каратегина и Дарваза», различает три вида переселений: ранние переселения, датировать которые затруднительно и которые сейчас уже воспринимаются как легендарные,— среди мест, откуда выселились предки, называются более или менее отдаленные территории (Иран, Аравия, а из городов Средней Азии — Самарканд, Бухара); давние переселения, о которых по рассказам отцов и дедов хорошо осведомлены представители современного старшего поколения. Давность переселений — не более 200—300 лет, т. е. происходили они в период с конца XVII до начала XX в.,— родиной предков считают преимущественно сопредельные с Дарвазом и Каратегином области (Шугнан, Рушан, Куляб, Хисар и др.); поздние переселения, происходившие уже в XX в., в основном в послереволюционный период [331, 62].

Полевые этнографические материалы по южным районам Таджикистана и Узбекистана подтверждают сказанное выше: места своего обитания исконными считает меньшая часть населения, у большинства же предки выходцы из других местностей. Родиной предков называют местности, расположенные внутри изучаемой территории, и районы, сопредельные с ней. Среди последних чаще всего фигурируют Северный Афганистан, бассейны Кашкадарьи и Зеравшана.

Рассмотрим мои полевые материалы, освещающие историю сложения населения, по отдельным этническим и территориальным группам.

ТАДЖИКИ И УЗБЕКИ ЧАГАТАИ И ХОДЖА

Пути формирования таджикоязычных и узбекоязычных чагатаев, как и процесс сложения своеобразной сословно-этнической группы таджиков и узбеков ходжа, были едиными, поэтому всех чагатаев, как и всех ходжей, я рассматриваю вместе.

Чагатаи. Среди населения территории бывшего Бухарского ханства этническая группа с таким самоназванием была выделена в литературе в 1924 г.[1]. И. П. Магидович, первым пытавшийся объяснить происхождение как таджикоязычных, так и узбекоязычных чагатаев, считал их остатками чагатаидских монголов, т. е. монголов Чагатаева улуса. Таджикоязычных чагатаев он причислял к потомкам чагатаидских монголов, ассимилированных таджиками [228, 221, 222, 231, 232].

Н. Г. Маллицкий не сомневался, что под термином «чагатай» наряду с доузбекским тюркским населением скрываются и коренные таджики. Он писал: «Узбекам-завоевателям оказывали сильное сопротивление как тюрки, так и таджики. И те, и другие называли себя в противоположность узбекам, „чагатайским народом" (по имени сына Чингисхана, Чагатая, получившего от отца в наследство и в управление Среднюю Азию)» [211, 63]. Отметив далее, что в южных районах Таджикистана и Узбекистана в настоящее время (в конце 20-х годов) большое число таджиков и тюрков называет себя чагатаями, Н. Г. Маллицкий продолжал: «После окончательного покорения Средней Азии узбеками многие „чагатаи" тюркского и таджикского происхождения, особенно приверженные к роду Тимура, ушли за его потомками в Индию, где и до сих пор несколько десятков тысяч человек в окрестностях городов Агра и Дели причисляют себя к племенам Чагатай и Барлас» [211, 63].

По данным А. К. Писарчик, среди узбеков Куляба до наших дней (конец 40-х годов) сохранилось употребление термина «чагатай» в его раннем значении — чагатаями в некоторых местах называли всех потомков доузбекского населения, в первую очередь таджиков и карлуков [276, 81].

Раннее значение упомянутого выше термина сквозит и в традиционном выражении, которым определяли этнический со-

---

[1] В более раннее время о чагатаях как о потомках Чингиза, живших в Бухарском ханстве «в самой нищенской бедности», писал Александр Борнс [66, 366, 367]. Н. В. Ханыков после перечня названий узбекских племен, извлеченных им из книги «Насаб-наме-йи узбекийа», отмечал, что в Бухаре весьма часто ему приходилось слышать названия чагатай, «кочующие рассеянно с другими родами», аймак, карлык, каучин и курама. «Причислить сии роды, — писал он, — к главным отделениям узбеков мы не решились, потому что их нет в родовой книге, из которой мы извлекли вышеизложенный список». Н. В. Ханыков предполагал, что указанные этнические группы составляют подразделения одного из основных узбекских племен [356, 65, 66].

став населения Байсунского бекства, — «шесть родов тартулы и три рода чагатаев» (*уч уру чагатай, алты уру тартулы*). При этом под тремя родами чагатаев подразумевали таджиков чагатаев, ходжа и тагчи. Тартулы, как отмечалось, было подразделением узбеков-конгратов.

Н. А. Кисляков, основываясь на своих полевых наблюдениях 1940 г. близ Куляба, возражал И. П. Магидовичу и высказал иную точку зрения по интересующему нас вопросу. «Как нам представляется,— писал Н. А. Кисляков,— „таджики-чагатаи"— название, применяемое соседями к таджикам, живущим изолированно от других народностей, в горах, в отличие от „таджиков-узбек", т. е. тех таджиков, которые живут на равнине и в предгорьях и находятся в постоянном контакте с узбеками, воспринимая постепенно язык последних. Нам думается, что подразделение таджиков на чагатаев и узбеков возникло по аналогии с разделением самого тюркского населения края на собственно тюрок — древних обитателей края и узбеков — позднейших пришельцев» [171, 34, 35].

По-видимому, в Кулябе Н. А. Кисляков получил от местного населения такое же объяснение термина «чагатай», какое было им записано позже в Сайробе: чагатаи — это «таджики, рассеянные в горах» [174, 26]. Вероятно, такое объяснение связано с этимологией тюркского слова *чагат* — «горный склон» (солнечный склон — по-киргизски [372, 832]), бытующего в этих районах среди узбеков. Подобное объяснение неоднократно отмечено мной и среди местного узбекского населения.

Кто такие таджики-узбеки, которых упомянул Н. А. Кисляков? Мне уже приходилось затрагивать этот вопрос [158, 14—17] — он имеет самое непосредственное отношение к пониманию термина «чагатай». Полукочевые узбеки, употреблявшие термин «таджик» в широком значении, называли таджик-узбеками узбекоязычную часть оседлого населения оазисов, когда хотели их выделить из общей массы оседлого таджикско-узбекского населения. Следовательно, таджики-узбеки, которых встретил Н. А. Кисляков близ Куляба,— это, вероятно, те узбекоязычные чагатаи, которые в свое время были зафиксированы там Комиссией по районированию Средней Азии.

Возвращаясь к вопросу о происхождении термина «чагатай», следует подчеркнуть, что со времени своего возникновения и до наших дней он претерпел большие изменения. Его семантическая эволюция рассматривалась рядом ученых. Одной из последних работ на эту тему является статья Г. Ф. Благовой, в которой приведена подробная библиография по данному вопросу [63, 166—205]. Основные положения исследования Г. Ф. Благовой, которые я в общем разделяю, заключаются в следующем.

Территории Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана, составлявшие владение Чагатая, второго сына Чингис-

хана, согласно монгольской и тюркской традиции стали называться Чагатаевым улусом. У тюркоязычных народов было принято называть роды и родовые подразделения по имени родоначальника (или предводителя), поэтому не только потомки, но и ближайшее окружение, сподвижники и придворные Чагатай-хана стали причислять себя к роду чагатай. Таким образом, по мнению Г. Ф. Благовой, первоначально этим наименованием подчеркивалась привилегированность их положения в обществе.

Вскоре, после распада владения Чагатая на две части, название «Чагатаев улус» сохранилось лишь за Мавераннахром, а Семиречье и Восточный Туркестан стали называться Моголистаном. В Мавераннахре и в послемонгольский период на тюркской почве продолжала бытовать традиция, которая связывала название правящей здесь династии с именем Чагатая. Тимуриды рассматривали себя как преемников и непосредственных потомков чагатаидов, поэтому страна продолжала именоваться Чагатаевым улусом.

В XIV в. в Мавераннахре в результате взаимодействия кочевых тюрков и местного оседлого населения сформировался особый историко-культурный комплекс, носителей которого с XV в. стали именовать чагатайскими тюрками. К этому же времени относится сложение чагатайского языка и чагатайской литературы.

С чагатайским историко-культурным комплексом связано и употребление слова чагатай в значении, близком к этнонимическому, а также проникновение его в топонимию.

Даже после разгрома войсками Шейбани-хана последних осколков Тимуридского государства, подорвавшего всякую социальную основу наименования чагатай (с этого времени страна перестала именоваться Чагатаевым улусом), местное оседлое население — тюрки и таджики продолжали называть себя, в отличие от узбеков, чагатайским народом.

Таким образом, термин «чагатай» имел явную тенденцию к расширению своего значения и совпадению с терминами «тат» (в Хорасане), «таджик» и «сарт» (в Мавераннахре) [46, 527—529; 204, 25—32; 158, 14—17; 166, 47—55] с той лишь разницей, что последние три термина сначала прилагались к ираноязычным обитателям, а затем, по мере оседания тюрков и сложения в оазисах единого по культурно-бытовому укладу, но различающегося по языку населения,— ко всем жителям культурных оазисов Мавераннахра и Восточного Хорасана, независимо от языка. Термин же «чагатай» обозначал сначала тюрко-монгольское привилегированное окружение и гвардию Чагатай-хана и их потомков (XIII—XIV вв.), затем все тюркское население Мавераннахра и Восточного Хорасана (XV в.), а еще позже, в период борьбы Тимуридов с Шейбанидами,— все население Мавераннахра, как тюркское, так и таджикское [378, 10].

Обратимся к полевым этнографическим материалам, которые могут дать представление о том, как складывалась в позднефеодальный период та группа таджикско-узбекского населения, которая в Восточной Бухаре в начале XX в. достаточно стойко сохраняла самоназвание чагатай.

Таджиков-чагатаев по языку и общему культурному облику можно было считать типичными так называемыми равнинными таджиками, хотя часть их и жила в горах. В их материальной и духовной культуре, в том числе и в языке, совершенно отчетливо прослеживалась общность с таджиками бассейнов Кашкадарьи и Зеравшана. Тот же культурный облик был и у узбеков-чагатаев.

Чагатаи одних кишлаков и городов считали себя аборигенами, других — потомками выходцев из других мест.

Основное чагатайское население Шерабадского и Кабадианского оазисов, Байсуна и Дербента, некоторых селений восточного склона Кугитангского хребта и ряда других считало себя исконным, не пришлым.

Следует иметь в виду, что когда жителей того или другого селения называют его исконными насельниками, то речь идет обычно не обо всем населении, а о большинстве его, ибо нет ни одного более или менее крупного кишлака, в котором одна или несколько групп не были бы выходцами из других мест. Так, таджики-чагатаи кишлака Саят в Кабадиане считались местными, как и остальные таджики этого района, однако среди них были группы, предки которых происходили из других мест. Это видно из перечня семейно-родственных групп этого кишлака. Их всего четыре: потомство Батырша-мергана (*мерган* — охотник); потомство Карим-саркора *халачи́* (*саркор* — глава или почтительное обращение)[2]; *бадахшони́* (родоначальник был из Афганского Бадахшана) и *имамсахиби́* (родоначальник — выходец из Имамсахиба, небольшого города к западу от Балха).

Другим примером может служить кишлак Газарак, который приютился среди холмов южных предгорий Гиссарского хребта у небольшого горного ручья и славился виноградниками. Его населяли узбекоязычные чагатаи. В прошлом в нем было 400 дворов. Газарак делился на пять кварталов: Калъа-гузар, Юкары-гузар, Орта-гузар, Янги-кишлак и Каллык-гузар. Основная часть его жителей считала себя чагатаями, потомками сорока смелых воров (*кырк газар*), поселившихся среди тугаев свыше 400 лет назад. Наряду с этим существовало и другое представление — что часть жителей относилась к кальтатаям (они постепенно растворились среди оседлого населения), т. е. к той этнической группе, которая составляла большинство в

---

[2] Карим-саркор, возможно, был выходцем из селения Халач, расположенного на Средней Амударье.

Сариджуйском амлякдарстве Хисарского бекства, куда входил Газарак. Жители квартала Каллык-гузар сохраняли ясное представление о том, что они являются потомками некоего Имам-Карлыка, пришедшего сюда около середины XIX в. из карлукского кишлака Тахчиян, расположенного вблизи Газарака.

Почти все чагатайские кишлаки, в своем большинстве удобно расположенные по отношению к водным источникам — на берегу канала, у родника, вода которого может быть использована и для орошения, у горной речки или кяриза, производят впечатление давно обжитых мест. Сады и виноградники, огромные тутовые деревья и чинары еще более усиливают это впечатление. В прошлом у каждого кишлака обычно имелось одно или несколько почитаемых мест — дерево, камень, источник и т. п. или могил «святых» — мазаров, вокруг которых нередко располагались обширные кладбища, несомненно очень старые.

Наличие древних или средневековых тепе (остатков поселений) около большинства кишлаков свидетельствует о том, что эти удобные места были давно обжиты человеком, и если время от времени там и прекращалась жизнь, то ненадолго, при первой возможности она возрождалась вновь. Рассказами о том, как приходилось бежать от врагов в глубину горных ущелий, пестрят предания жителей горных кишлаков, да и в исторических источниках немало подобных сообщений [см., например, 240, 240, 266]. Значительная часть беженцев, видимо, потом возвращалась; частично же эти места заселяли выходцы из других мест, в частности с гор. Несомненно, что особенно интенсивно жители горных селений стали спускаться в долины и предгорья в последние 100—150 лет: прекращение войн между отдельными княжествами после окончательного присоединения их к Бухарскому ханству дало возможность постепенно освоить заброшенные когда-то орошаемые земли.

Таким образом, в большинстве случаев, когда жители того или иного крупного чагатайского селения считали себя потомками выходцев из других мест, то это могло касаться лишь отдельных групп родственных семей, основное же ядро являлось местным. К нему постепенно присоединялись пришлые элементы, среди которых немалое число составляли представители узбекских племен (особенно ранних), а также арабы, туркмены и группы других полукочевых народов.

Таким весьма сложным конгломератом представляется население группы чагатайских кишлаков, объединяемой названием Дахпаракент — Вандоб, Шержанд, Пашхурд, Зарабаг, Карабаг, Пенджоб, Сайроб, Дарбанд и др. (см. стр. 51 и сл.). Первые пять кишлаков располагались в Пашхурдской долине. Из них наиболее старыми считались таджикские кишлаки Вандоб и Шержанд. Население их называло себя аборигенами этих мест, правда, в одном из кварталов Вандоба жили узбеки-тагчи, потомки переселенцев из кишлака Хатак.

Центром долины считался кишлак Пашхурд. Предание гласит, что он был основан 200—300 лет назад. Не исключена возможность, что в какой-то мере это достоверно (разумеется, относительно современного кишлака, ибо археологические памятники, расположенные на его территории, говорят об очень давнем освоении человеком берегов Карачашмы). Бухарский историк Мир Мухаммед Амин-и Бухари, описывая события времени правления Убайдулла-хана Аштарханида (1702—1711), упоминает урочище Пашхурд, где происходило сражение между войсками эмира и мятежного балхского наместника Махмуд-бийя аталыка из племени катаган [232, 77, 79—81]. Правда, существование урочища отнюдь не исключает того, что под тем же именем имелось и селение — в Средней Азии очень часто урочища, горы и т. д. называются по имени населенного пункта (невысокие горы около Пашхурда также называются Пашхурдскими).

О возникновении Пашхурда и о сложении его населения существует предание, записанное мной в 1961 г. от старого кузнеца Уста Маматкула.

Два брата, юноши-туркмены из племени хидирэли из Каракуля, находились в услужении у одного ишана, жившего в кишлаке Бузругабад, расположенном к югу от Пашхурда. Однажды они выпросили у ишана маленький родник Карачашма, протекавший по необитаемой долине, покрытой дикими зарослями, чтобы оросить его водой клочок земли и развести там дыни и арбузы. Ишан решил сам посмотреть на этот родник. Юноши, сопровождавшие его, прихватили с собой барана, которого принесли в жертву у родника. После угощения ишан благословил дарованный им родник, и воды в нем прибавилось. Заслышав о воде, к роднику отовсюду стали стекаться люди, спустились и те из жителей Вандоба, у кого не было поливной земли. Но юноши не хотели давать им воду. Тогда в долину явился сам бек, резиденция которого была якобы в Вандобе, и сказал юношам, что низовьями они не могут распоряжаться, так как им принадлежит лишь начало воды [*Баш худ* (*баш* — узб.— начало, *худ* — тадж.— сам); отсюда будто бы и название кишлака Пашхурд]. Юноши поселились у родника, а их потомки освоили земли по обоим его берегам, вандобцы же заняли места, куда вода доходила только в том случае, если оставался ее излишек. Пришли туда и шержандцы, но им достались только капли воды в самых низовьях ручья, поэтому основанный ими кишлак стал называться Чакобом, что значит «капля воды», да и капли эти они покупали за деньги. Пришли туда узбеки: кутчи из Каршинского оазиса, баташ из Афганистана и хитай из одноименного селения, расположенного в Шерабадском оазисе, поселились рядом с потомками основателей кишлака (видимо, купили орошаемую землю) и стали причислять себя к собственно пашхурдцам — пашхурди́. Говорят, что последнее освоение под оро-

шаемое земледелие Пашхурдской долины произошло в XVIII столетии.

В первой четверти XX в. собственно пашхурдцев было 250 дворов, и они делились на четыре части — даха: две дахи туркмен (т. е. потомков основателей Пашхурда) и две — узбеков племен хитай, баташ и кутчи. Вандобцев в этом месте было уже 500 дворов, которые образовали две дахи — Шуркуль и Ханакагузар, а жителей Чакоба — 150 дворов. Последний считался отдельным кишлаком, но поскольку он получал воду из того же родника, что и Пашхурд, то вне Пашхурдской долины он рассматривался как один из его кварталов. Поэтому про Пашхурд говорили так: «сады в тысячу дворов» (*минг уйли кара чорвог*) или «сплошные сады в тысячу дворов» (*минг уйли туташкан богу-чорвог*).

Мой информатор Уста Маматкул баба подчеркивал, что со временем у собственно пашхурдцев перестала играть какую-либо роль принадлежность к разным народностям и племенам; хотя названия туркмен, баташ, кутчи, хитай и сохранялись, но уже воспринимались как наименования семейно-родственных групп, обычных для оседлого населения. Собственно пашхурдцы сохранили узбекский язык, на который перешли и туркмены, а таджики-чагатаи — вандобцы и шержандцы — говорили по-таджикски, но наравне с родным языком свободно владели и узбекским, а собственно пашхурдцы, как правило, таджикского не знали.

Предание об основании кишлака Зарабаг, расположенного вблизи Пашхурда, имеет более достоверный характер, чем легенда о возникновении Пашхурда. От уроженца Зарабага Чарьяркула Балтаева 1890 г. рождения мной в 1961 г. записано следующее предание.

Лет 300 назад местность, где располагается Зарабаг, представляла собой дикие заросли, в которых жили тигры. Однажды сюда пришли охотиться два брата из Пашхурда. Старшего задрал тигр, тогда младший брат, считая тигра своим кровным врагом, решил ему отомстить. Он зажег туган со всех четырех сторон логова зверя и спалил его. Сам охотник поселился поблизости от этого места, у сая, водой которого оросил небольшой участок земли. Постепенно к нему начали присоединяться люди из разных местностей, и воды не стало хватать. Тогда при жизни отца информатора (примерно в 1880 г.) был прорыт кяриз. Одним из инициаторов и организаторов этого дела был дед (с отцовской стороны) моего собеседника Артук-аксакал.

Информатор знал имена следующих своих предков: отца — Балта-баба, деда — Артук-аксакала, прадеда — Саид-аксакала, отца прадеда — Абдулла-аксакала. Отец информатора умер на 69-м году жизни в 1902 г., когда информатору был 13-й год. Таким образом, Балта-баба родился в 1834 г. Если каждое поколение считать по 30 лет, то Абдулла-аксакал родился примерно в 40-х

годах XVIII в., а легендарный основатель, младший из охотников, жил значительно раньше. Следовательно, возникновение Зарабага можно отнести к началу XVIII в.

Интересно, что в Зарабаге есть несколько больших чинар, и здесь, не в пример большинству местностей, известны имена тех, кто посадил каждое дерево: одно из них было посажено ишаном по имени Люнда-мион, по словам местных жителей, 4—5 пушт (поколений) тому назад, другое — Саид-аксакалом более 250 лет назад и третье дерево — Артук-аксакалом.

Жители Зарабага подчеркивают сложный состав населения своего кишлака. Значительную часть его составляло, в частности, потомство двух человек, выходцев из Балха, по имени Акибай и Кукибай. Известно, что в начале XVIII в. во время правления Убайдулла-хана Балхская область подверглась особенно жестокому разгрому и ограблению и многие жители города и его окрестностей, кто не погиб во время резни и грабежей, разбежались в разные стороны [232, 123—143 и сл.]. О сложном составе населения Зарабага говорят и названия восьми его частей: Ходжа, Кенагас, Кутчи, Катаган, Хазара, Хархур или Джуги, Хурузак и Ходжгани. Жители первого из перечисленных даха были ходжа, для которых родным языком был узбекский, представители второго, хотя давно стали чагатаями и перешли на таджикскую речь, не забывали, что они когда-то принадлежали узбекскому племени кенегес, а шахрисябзские ишаны приезжали к ним взимать дань во время «охоты за мюридами»[3]. Жители даха Кутчи считали себя потомством узбека из племени кутчи, а обитатели даха Катаган вели свой род от тагчи. Население даха Хазара называло себя потомками одного хезарейца, выходца из Северного Афганистана. Об остальных группах у меня сведений нет.

В 9 *км* от Зарабага, выше по саю, расположен небольшой кишлак Шалкан. В нем в числе первых жителей был дед моего информатора, упомянутый выше Артук-аксакал. Кроме его семьи там поселились по одной семье кутчи, хазара и катаган-тагчи, а также две семьи ходжа. В 20-х годах в Шалкане было уже 60 хозяйств.

В дахпаракентском селении Карабаг жили узбекоязычные чагатаи. Происхождение населения этого кишлака было также очень сложным, о чем говорят названия его семейно-родственных групп, записанные мною в 1966 г. в Термезе от уроженца Карабага Абдуллы Ачилова, много лет проработавшего научным сотрудником термезского историко-краеведческого музея, а также от группы учителей в Карабаге. По словам А. Ачилова, в этом селении жили 15 семейно-родственных групп (туда или авлод) различного происхождения.

---

[3] Основным местом расселения узбекского племени кенегес был Шахрисябзский оазис с прилегающими районами [228, 192—194; 329, 132—135].

Первая группа — *ходжа-ишаны* (в местном произношении — эшон), потомки ишана из Ташкента, который сначала переселился в Бухару, а затем в Карабаг; вторая — *бегон тудаси*, т. е. беки — потомство некоего Арбоб-баччи или Халифа-баччи, пришедшего вместе с ишаном из Ташкента (*арбоб* — староста селения; *халифа* — помощник, наместник ишана; *бачча* — мальчик, юноша); третья — *куллар*, т. е. рабы — потомство другого юноши, который также появился с ишаном. Свое название эта группа получила потому, что ишан женил этого юношу на своей рабыне; четвертая — *авлоди тирнаг* или авлоди *баймурад* — потомство выходцев «из степей Гузара». Первое название происходит, по-видимому, от прозвища родоначальника (*тирнак* — узб. ноготь; в переносном значении — дитя, потомок); пятая — *гаулар* или *гау-тода* — потомки выходцев из Шибиргана (город и район в Афганистане). Это название дано по прозвищу родоначальника (*гов* — по-тадж. бык, вол, корова); шестая — *кальтатай тудаси* — потомки пришельцев из Балха. По мнению информатора, это название было их прозвищем, а они сами по происхождению были тагчи, сродни хатакцам; седьмая — *калиияр авлоди* — потомки плешивого по имени Яр, приехавшего сюда из Шахрисябза более 150 лет назад; восьмая — *араблар* — происходила от некоего Шохи, араба из Давлятабада (в Афганистане), девятая — *кульбурун тудаси* — потомки чагатая из Байсуна. Кульбурун — прозвище представителей этой группы, так как они были потомственными кузнецами (*куль* — зола, *бурун* — нос); десятая — *этикчи* (этикчи — по-узб. сапожник) — потомство сапожника, перебравшегося сюда с берегов Сурхана; одиннадцатая — *калликорь авлоди* — потомки человека по прозвищу «Плешивый слепец», переселившегося в Карабаг из кишлака Чагатай Шерабадского оазиса; двенадцатая — ирани — потомки незаконного сына одного ирани (он был чабаном у местного ростовщика и с его дочерью прижил сына); тринадцатая — *шихлар* — по замечанию информатора, «наверно, из шихов»; четырнадцатая — *чурчур* — происхождение этой группы информатору неизвестно, однако существование родственной группы под таким названием среди жителей кишлака Ляйляган (см. ниже) дает основание думать о возможной связи между одноименными группами Карабага и Ляйлягана; пятнадцатая — *авлоди бегимкули* — потомство выходца из Хамкана, урочища в северной оконечности хребта Кугитанг, где были кишлаки конграт-каракалпаков, узбекоязычных ходжа и таджиков.

В перечне родственных групп, записанном от учителей, отсутствуют названия второй, четвертой и шестой групп, но есть названия групп, отсутствующих у А. Ачилова. Например, шестнадцатая группа — *бай-туда* — потомки человека по имени Саки из Зарабага; семнадцатая — *арсланбай*; восемнадцатая — *убадихур* и девятнадцатая — *кальходжалар* («плешивые ходжа»), название происходит от прозвища родоначальника.

Это собравшееся из разных мест население давно вступало между собой в браки (исключение, как и всюду, составляли ходжа), их говор, обряды и обычаи полностью совпадали. От своих соседей-зарабагцев, с которыми карабагцы также вступали в браки, они отличались только по языку, а от пашхурдцев не отличались ничем. Все они считались чагатаями.

В направлении к северу от Пашхурдской долины был расположен дахпаракентский кишлак Панджоб. О его жителях мне известно лишь, что они были таджики-чагатаи и постоянно вступали в браки с узбеками, обитателями кишлака Юкары (Верхний) Ляйляган[4]. Ляйляганцы имели орошаемые земли вблизи Панджоба и обычно летом жили там в своих садах.

Относительно происхождения населения кишлака Юкары Ляйляган существуют две версии: по одной — узбеки (конграты и тагчи) — соседи жителей этого кишлака считают их таджиками-чагатаями, переселенцами из Панджоба, несмотря на то что ляйляганцы не знают таджикского языка, по другой, которую излагают сами же ляйляганцы,— они являются потомками конгратов, рода *эльбеги*, переселившегося из кишлака Ходжабулган. В некоторых записанных мною родословных конгратов действительно фигурирует генеоним *эльбеги-таджик*, считавшийся в составе подразделения коштамгалы. Сходство же своих обычаев и обрядов с чагатайскими ляйляганцы объясняют тем, что они, издавна вступая в браки с панджобцами, уподобились таджикам-чагатаям. Полковнику Федорову, проехавшему Ляйляган в 1889 г., жителей этого кишлака назвали узбеками-чагатаями [350, 200].

Происхождение жителей этого большого селения (по свидетельству местного населения, в начале XX в. в нем было более 300 хозяйств) мне представляется достаточно сложным. Основное ядро его, вероятно, составляли таджики-чагатаи, переход которых на узбекскую речь происходил не столько под влиянием конгратов (говор ляйляганцев относится к карлукским, а конгратов к кипчакским наречиям узбекского языка), сколько под воздействием ранних племен. В пользу такого предположения говорит название одного из кварталов Ляйлягана — Могал (см. стр. 205 и сл.), из чего можно заключить, что когда-то жившие здесь моголы слились с чагатаями. Нельзя не обратить внимание и на то, что поблизости от этого кишлака (выше горной речки) находился большой массив узбеков-тагчи (кишлак Хатак и др.).

Следующим кишлаком из группы Дахпаракент-чагатай был Сайроб, раскинувшийся на восточном склоне невысоких гор

---

[4] Было два кишлака Ляйляган: один (Верхний) был расположен вблизи селения Хатак, а другой (Нижний) — на берегу Шерабаддарьи, вблизи кишлака Калламазар. В Нижнем кишлаке, стоявшем на большой караванной дороге из Гузара в Шерабад, был постоялый двор — сарай, поэтому его иногда называли Сараем.

Сусызтау, которые являются как бы продолжением на север Кугитангского хребта. Я уже писала о том, что из 10 кишлаков, известных под общим названием Сайроб, в двух жили ходжа и ишаны, а в остальных — чагатаи. Чагатаи состояли из четырех родственных групп: *кельдик, мардони, арбоби и етти-уруг* [158, 19]. Н. А. Кисляков, посвятивший специальную статью сайробским таджикам, зафиксировал 13 названий кварталов или небольших кишлаков: Илолик, Кабути, Ганда, Кабчугай, Чинор, Пайкум, Кали-Курган, Кызыл-Джар, Кудук, Кали-Мушкил, Обгир, Минджок, Бодомчилик. Н. А. Кисляков отмечает, что в первых 5 кварталах живет группа *нимдаха*, которая подразделяется на 2 подгруппы — *авлоди келдик* и *авлоди мардони*, в остальных кварталах — группа *туркони*, распадающаяся на подгруппы *авлоди эттурук* и *авлоди арбоб*. Отмечая смешанное тюркско-иранское происхождение перечисленных названий, Н. А. Кисляков приходит к заключению «о значительном тюркском влиянии, возможно, даже и о наличии тюркских элементов среди сайробских таджиков» [174, 26].

Сделанный выше обзор дахпаракентских кишлаков показывает, что население их имело очень сложное происхождение — основное ядро, состоявшее преимущественно из искони оседлых таджиков и узбеков, постоянно вбирало в себя все новые и новые элементы самого различного происхождения, среди которых преобладали полукочевые узбеки, в частности тагчи.

Чагатаи бассейна двух правых притоков Сурхана — Халкаяра и Сангардака — также явились результатом смешения преимущественно узбеков и таджиков. В 1966 г. в бассейне Халкаяра я посетила небольшой кишлак Хауз. Основным моим информатором там был местный житель Абдусалом-баба Аминов 1892 г. рождения.

Он рассказал, что основателями селения Хауз считаются два брата — таджики-чагатаи Кенджабай и Турсаат. Они пришли из соседнего кишлака Чинар примерно шесть поколений тому назад (т. е. в конце XVIII — начале XIX в.). К ним постепенно подселялись выходцы из разных местностей: из кишлака Ястюбе, расположенного на равнине к югу от г. Денау (в нем жили узбеки племени туркман-джуз), из конгратского кишлака Паданга, расположенного вблизи Байсуна, с берегов Обизаранга и даже из г. Бухары (потомство некоего муллы Артука). Все это разноплеменное и разноязычное население, постепенно слившееся с таджиками-чагатаями, внесло элементы своей культуры и закрепило двуязычие.

Наглядным свидетельством смешанного происхождения чагатаев может служить и родословная моего информатора. Абдусалом-баба помнит имена девятерых своих предков. Девятым был некий Хаджий, узбек-конграт подразделения тартулы рода тогыз. Он жил в Байсунском бекстве в конгратском кишлаке Паданг. Три поколения его потомков — сын Яри, внук Мир-

кул и правнук Боби — были еще узбеками-конгратами (один из них переселился в Хауз), а их потомки — Яркул, Мирзакул, Махаммади (прадед информатора), Якут (дед информатора) и Махаммади (отец информатора) — считали себя уже чагатаями и в семьях говорили по-таджикски, хотя все свободно владели и узбекским языком. Сам Абдусалом-баба женат на узбечке-тагчи из кишлака Алачапан; в его семье говорят по-таджикски, но все члены семьи свободно владеют узбекским языком.

В нашей беседе в доме Абдусалом-баба участвовал Суван Мухаммедов 1921 г. рождения из соседнего кишлака Чинар. По его словам, коренное население последнего — таджики-чагатаи, но его семейно-родственная группа ведет свой род из Ура-Тюбе, от узбеков-юзов (подразделение карапчи). Семья Мухаммедова была узбекоязычна, и переход ее на таджикскую речь происходит в наши дни: отец информатора 75 лет со своими детьми разговаривает по-узбекски (хотя его мать была таджичка и сам он женат на таджичке), а с внуками он говорит уже по-таджикски (невестка также таджичка).

В Денауском бекстве, в предгорьях, протянувшихся вдоль западной границы долины Сурхана, на небольших ручьях и родниках располагались чагатайские кишлаки Катта-Вахшивор, Кичи-Вахшивор, Сина, Кукабулак, Куяусу, Ушор, Дагана и др. Жители всех этих кишлаков (в результате браков они находились в родственных отношениях) по образу жизни и обычаям не отличались друг от друга, но для обитателей первых двух родным языком был узбекский, а для остальных — таджикский (в двух последних кишлаках часть населения составляли тюрки, говорившие по-узбекски).

Следует отметить, что таджики-чагатаи в равной мере знали и узбекский язык, в то время как вахшиворцы по-таджикски только немного понимали, но не говорили. Несмотря на различие в языке, чагатаев всех перечисленных кишлаков, включая и вахшиворцев, окружающее население считало таджиками, поскольку они были типично оседлыми и занимались земледелием, в частности виноградарством и садоводством.

Обитатели кишлака Катта-Вахшивор делились на несколько групп, названия которых в большинстве своем восходили к названиям тех местностей, населенных таджиками, выходцами откуда считались их предки: *магиони́* (Магиан — бассейн одноименного левого притока Зеравшана), *ушори́* (согласно преданию, родоначальник этой группы был женат на девушке из Ушора), *ургути́* (Ургут — крупное селение в Среднезеравшанской долине, до присоединения к России был центром одноименного бекства), *катари́* (Катар — долина левого притока Халкаяра) и, наконец, узбеки-тагчи — потомки выходцев из долины Сангардака. Таким образом, жители Катта-Вахшивора — также смешанного происхождения. Основное ядро его составляли узбеки, чагатаи и тагчи; по-видимому, поэтому таджики, селив-

шиеся здесь небольшими группами и разновременно, переходили на узбекскую речь. Большое значение имело и то, что Вахшивор был расположен на границе долины Сурхана — района сплошного узбекского расселения.

Еще более пестрым по происхождению было население Кичи-Вахшивора: помимо магиони, ушори, ургути и тагчи здесь были потомки выходцев из расположенного неподалеку кишлака Карлук (*калли́к*и́) и из Миankаля (Самаркандский оазис), имевшие прозвище *каллар,* узбеки-юзы (подразделение карапчи) из окрестностей Карлука, а также ирани и потомки рабов.

Местная легенда связывает основание кишлака Катта-Вахшивор с именем узбекского поэта-мистика Суфия Аллаяра (умер в 1720/21 г.) Это, несомненно, позднее наслоение, так как еще в самом начале XVI в. Вахшивор был значительным селением с густонаселенной округой: когда войско Шейбани-хана захватило Вахшивор и хан разрешил разграбить селение и его окрестности, то было якобы захвачено 50 тыс. рабынь, 110 тыс. баранов, 50 тыс. лошадей, 200 тыс. верблюдов и др. [330, рис. 138]. Если даже эти данные сильно преувеличены, остается несомненным, что Вахшивор в то время был в числе населенных пунктов, достойных упоминания. После опустошения, произведенного войском Шейбани-хана, некоторая часть уцелевшего населения этого кишлака и его окрестностей, по-видимому, была вынуждена навсегда покинуть родные места. При постепенном восстановлении средневекового Вахшивора (или, возможно, заселении этой территории заново) к местным жителям присоединялись выходцы из других районов.

Название Вахшивор — «Подобный Вахшу» [5] — позволяет предполагать очень древнее происхождение этого топонима и поставить вопрос о возможной связи его с именем божества текущей воды, в частности Амударьи, Вахшу или Вахш [99, 167]. Примечательно, что имеющийся там мазар, ныне приписываемый Суфию Алляру, в прошлом именовался Хазрати Вахшивор — Святой Вахшивор и, по-видимому, был местом древнего поклонения. С. П. Толстов обратил мое внимание на то, что название Вахшивор почти полностью совпадает с именем эфталитского царя Вахшунвара.

Предания о формировании населения чагатайских кишлаков Сина, Кукабулак, Куяусу, Ушор и Дагана сообщил мне в 1971 г. знаток истории этих мест, житель Сина Мулла [6] Мухитдин Умаров 1889 г. рождения.

Кишлак Сина, одно из наиболее крупных селений Денауского бекства (в 1889 г. здесь было 600 дворов) [323, 268],

---

[5] Интерпретация О. А. Сухаревой.

[6] Термином «мулла» («мулло») в прошлом обозначали грамотного человека. Этот термин в знак почтения обычно присоединялся к его имени, так же как термин «уста» (*усто* — мастер) — к имени мастера того или иного ремесла.

имел исконное таджикское население. По преданию, он возник 700 лет назад, однако при Убайдулла-хане был разорен, а жители насильственно выселены[7]. 400 семей переселилось в Шибирган (Афганистан), 300 в Касан (Каршинский оазис), а остальные разбрелись по разным местам. Большинство жителей впоследствии вернулось вместе с 40 тагчи под предводительством некоего богатого человека по имени Абдурахман-тагчи. Они пришли из Кундуза и пригнали с собой 2 тыс. овец. Эти тагчи женились на местных таджичках и постепенно слились с жителями Сина, поэтому последние — *синачи* считаются смешанными с тагчи.

Кишлак Кукабулак был выселком Сина, откуда лет 100 назад переселилось несколько семей, имевших здесь свои летние усадьбы (в основном виноградники), где до этого они проводили лето и осень. Виноградники орошались родником Кукабулак, название которого закрепилось и за новым кишлаком.

Селение Куяусу, по свидетельству Муллы Мухитдина Умарова (1971 г.), было основано приблизительно в середине XIX в. таджиками из Дараи-Нахона, урочища в верховьях Тупаланга: восемь человек получили тогда разрешение на поселение у главы таджиков Сина Исо-бия[8], но они оказались беспокойными соседями, поэтому их перевели на земли, орошаемые родником Куяусу.

Чагатайский кишлак Ушор имел исконное таджикское население. Туда в начале XX в. переехали таджики из Сангардака и тюрки.

В кишлаке Дагана помимо коренных его жителей — тюрков находились переселенцы из Сина. Перемещение произошло при эмире Музаффаре. У жителей тюркских кишлаков Дагана и Ойборик, расположенных при выходе речки из гор, было значительно больше земли, чем у обитателей Сина, раскинувшегося выше на той же речке. Синачи обратились к эмиру с просьбой, чтобы он приказал тюркам указанных кишлаков выделить им землю. Просьба была удовлетворена, и часть семей таджиков перебралась в Дагана. С тех пор население этих трех кишлаков — Сина, Дагана и Ойборика — сильно перемешалось.

Данные по истории чагатайских кишлаков бассейна Сангардака рисуют картину такого же глубокого взаимопроникновения тюрков и таджиков. Как указывалось выше (см. стр. 84), в Сангардакском ущелье жили в основном таджики-чагатаи и узбеки-тагчи, которые сильно смешались. В некоторых киш-

---

[7] По-видимому, это произошло при Убайдулла-хане Аштарханиде (1772—1811), при котором совершались походы на Хисар и Термез [232].

[8] В сообщениях информатора относительно времени жизни Исо-бия наблюдается некоторое несоответствие: по его мнению, Исо-бий жил при эмире Музаффаре (1860—1885) и в то же время — за 30—40 лет до взятия Денау эмирскими войсками (1866 г.).

лаках тагчи в начале XX в. уже говорили по-таджикски, но в самом селении Сангардак каждая из указанных групп сохраняла свой язык, при этом таджики были двуязычны, а из узбеков таджикский язык знали лишь те, у кого имелись свойственники-таджики.

Предания о происхождении этих групп связаны между собой. В 1966 г. житель Сангардака Мулла Рахматулла Ходжаназаров 66 лет рассказывал мне, что обитатели его родного селения и тагчинского кишлака Дуновги — потомки выходцев из кишлака Чакоб, расположенного ниже по ущелью. Их переселение произошло якобы 400 лет назад. Мой информатор считает, что из Чакоба в Сангардак переехал его предок в десятом колене, однако назвать он смог только четыре поколения: отца — Ходжаназара, деда — арбоба Сафара, прадеда — арбоба Одину и прапрадеда — Бултумахмуда.

О возникновении селения Чакоба тот же Мулла Рахматулла-баба сообщил мне в 1966 г. следующую легенду.

Основала Чакоб одна богатая узбечка-тагчи по имени Науруз-айим 700 лет назад. Вначале она жила в Афганистане в районе Балха в местности Науруздара, но после того, как умер ее муж, она стала причиной раздора среди мужчин, ближайших родственников мужа, каждый из которых, по обычаю, претендовал на нее[9]. Она не хотела выходить замуж ни за кого из них и решила бежать в такое место, где ее не могли бы отыскать. Вместе со своими служанками она переправилась через Амударью, углубилась в горы и поселилась в самых верховьях студеной реки Сангардак, в красивом ущелье, которое назвали ее именем — Наурузсай. От служанок этой женщины будто бы происходят таджики этого ущелья, а от нее самой — узбеки-тагчи. Ее прямым потомком считался некий Бабаказы-токсаба, который якобы жил на том месте, где ныне находится таджикский кишлак Хубон. По мнению информатора, большая часть жителей Хубона является потомством этого токсабы, остальные же пришли из разных мест, их-то и называют таджиками. Чрезвычайно интересно сообщение информатора о том, что среди жителей Хубона была группа, которая вела свое происхождение от барласов Илансая. Постепенно родным языком этих барласов стал таджикский язык.

По сведениям, записанным этнографом И. Хидоятовым, в Сангардаке есть группы, ведущие свое происхождение из Балха, Бухары и Шахрисябза [357, 132].

Легенды о происхождении населения Сангардакского ущелья я привела отнюдь не потому, что считаю их в какой-то мере достоверными, а потому, что в них находит отражение основная линия формирования таджиков-чагатаев — постоянное впитывание в свой состав ранних узбекских племен.

---

[9] Обычай левирата бытовал среди полукочевого узбекского населения еще в начале XX в.

Долина Сангардака, как и большинство ущелий Байсунских гор и Гиссарского хребта, обжита человеком с незапамятных времен, но и здесь периоды процветания сменялись запустением. Об этом говорят археологические памятники, которые встречаются в горных ущельях повсюду. Несколько лет назад вблизи кишлака Сангардака река размыла старое кладбище, до того неизвестное местному населению.

Селение Сангардак упоминалось еще Макдиси (X в.) как расположенное на расстоянии одного дня пути от столицы Чаганиана, которая находилась вблизи современного Денау [58, 180]. Исходя из этого, В. В. Бартольд предполагал, что древнее селение Сангардак размещалось в устье одноименной реки [50, 124]. Современник Макдиси Ибн Хаукаль называл два Сангардака — внутренний и внешний [50, 189]. Первый, видимо, располагался в Сангардакском ущелье, а второй — после выхода из него реки. В то время через долину Сангардака проходила одна из дорог, соединяющих Кеш (г. Шахрисябз) с городами Чаганиана (долина Сурхана) [50, 193]. Эта дорога функционировала вплоть до проведения железной дороги в Душанбе уже в советское время: сангардакцы, а также жители близлежащих районов отправлялись по ней пешком на заработки в Шахрисябзский и особенно Самаркандский оазисы.

В соседнем с Сангардаком ущелье Хонджиза мной также записаны предания о миграциях. Самым высоким кишлаком в этом ущелье был Ходжаасмин, а ниже более крупным — Хонджиза. Однако существует предание, что раньше кишлак Хонджиза располагался выше первого (время и причины переселения неизвестны).

И. Хидоятов записал предание, согласно которому селение Хонджиза было основано 300 лет назад выходцами из кишлаков Гурут и Чош (по моим сведениям, еще и кишлака Карш; первый находился в соседнем ущелье, в верховьях р. Малянд, а два других — в ущелье р. Чош), а также из Самарканда и Шахрисябза [357, 312]. Мои записи в основном совпадают с данными И. Хидоятова и лишь несколько уточняют их: одна из групп (по-видимому, та, которая считала себя происходящей из Самарканда) вела свое происхождение из «Лянгара самаркандского». Вероятно, имеется в виду кишлак Лянгар, расположенный к юго-западу от Самарканда, на южном склоне хребта, отделяющего Самаркандский оазис от Шахрисябзского и известный в прошлом своими мазарами [322, 42] и многочисленным ишанским родом. Возможно, выходцем из Лянгара был почитаемый в свое время ишан Ахун Абдукарим, потомство которого, по местным преданиям, составляет более половины населения Хонджиза.

Жители соседнего кишлака Ходжаасмин считали, что их предки обитали в долине Сангардака, в упомянутом селении Чакоб.

Население кишлака Деибадам, расположенного ниже Хонджиза, состояло из четырех авлодов: *карши́, дуобачи́, мукими́* и *саддики́.* Два первых составляли один гузар и имели свою мечеть, два последних — второй гузар с другой мечетью.

Карши и дуобачи, как показывают названия этих авлодов, были потомками переселенцев из кишлаков Карш и Дуоба, расположенных в соседнем ущелье. Представители авлода мукими считали, что их предки вышли из местности Тангибадам. Уроженец Деибадама Ахмат Бабамурадов говорил мне: «Где этот Тангибадам, мы не знаем. Наверно, в стороне Самарканда. Оттуда пришли не деды, а прадеды» (имеются в виду более отдаленные предки). Авлод саддики́ — возможно, ходжа, так как сиддики́ — название мнимых потомков халифа Абубакра, прозванного Сиддик — «Правдивый».

Прошло, наверное, не одно столетие с тех пор, как вдали от больших дорог, в труднопроходимом горном ущелье, у небольшого родника был основан кишлак Нилю. Заботами многих поколений родник превратился в глубокий квадратный водоем, обложенный камнями и затененный огромными чинарами. Также с незапамятных времен «священные» рыбы помогали людям содержать родник в чистоте. Население Нилю делилось на несколько групп. Коренные жители — *нилючи́,* по предположению одних информаторов, были потомками выходцев из кишлака Хуфар, расположенного в соседнем ущелье, а по мнению других — потомками давних переселенцев из кишлака на Ханакадарье, также называвшегося Нилю. Кроме нилючи здесь, в кишлаке, находились еще чакоби, катари, о происхождении которых говорилось выше (см. стр. 134, 138), а также *панномачи́* — жители таджикского кишлака Паннома, который размещался в этом же ущелье, выше Нилю, но в 1906 г. был разрушен горным обвалом. Обитатели его тогда обосновались около Нилю.

Следует заметить, что среди окружающего населения существует предетавление, что жители Нилю еврейского происхождения, так как говорят они, несколько растягивая гласные, как это характерно для говора среднеазиатских евреев. Возможно, эта особенность говора нилючи является результатом их генетических связей с таджиками Верхнего Зеравшана, для которых, по наблюдениям Е. М. Пещеревой, также характерно растягивание гласных. Связи же населения Сурхана с Верхним Зеравшаном, несмотря на высоту и труднопроходимость горных перевалов, были постоянными.

Об основании большого таджикского селения Хуфар, расположенного в горах на правобережье Тупаланага, я записала в 1966 г. следующее предание.

В давние времена эти места были безлюдны и покрыты густыми зарослями. Поселение находилось тогда на 15—20 *км* ниже современного Хуфара, на адырах возле кишлака Исаки. Порой у предков хуфарцев терялась в горах скотина, так как

осенью она паслась без присмотра и, забредая далеко, не возвращалась домой; ее находили через год, а то и два. Но однажды случилось так, что пропавших коров не могли найти в течение пяти лет, а когда их обнаружили, то увидели сразу целое стадо. Урочище, где отыскали коров, изобиловало хорошими пастбищами, снег там не задерживался, и скот мог пастись круглый год; были в том месте и земли, удобные для посевов, маловато было только воды, но зато дождей в горах было достаточно. Вот и переселились в это урочище два брата и назвали свой выселок Хуш бахр (*хуш* — приятный, хороший; *бахр* — удовольствие), отсюда якобы и произошло название Хуфар. Постепенно потомство братьев разрослось, и в селении стало 10—15 дворов. Стали думать о постройке мечети, но среди них не было грамотного человека, который мог бы стать имамом. Как-то увидели они путника, который нес свой халат, перекинув его через плечо. Он сказал, что ищет заработка. Они спросили у него, может ли он быть имамом. Путник ответил утвердительно и стал у них имамом. Со временем он женился и остался жить в Хуфаре. Но однажды в кишлак пришел какой-то человек и стал обвинять хуфарцев в том, что они украли у него раба. В руке он держал бумагу с печатью, подтверждающую, что имам хуфарцев действительно был его рабом. Хуфарцы уплатили тому человеку стоимость раба и оставили у себя своего имама. С тех пор будто бы прошло 400 лет. Часть обитателей Хуфара вела свое происхождение от этого имама и принадлежала к родственной группе *авлоди махсум* (*махсум*, или *махдум* — почтительное название духовных лиц и их потомков мужского пола). Постепенно здесь стали селиться люди из других мест — Гузара, Балха, Шахрисябза и Карши. Названия этих областей остались в наименованиях родовых групп жителей Хуфара. Так, среди них есть одна под названием *байсуни*. О ее происхождении я записала в Хуфаре следующее предание.

Два хуфарца, братья Сафарбай и Курбанбай, имели много овец; была у них и собака, приученная носить хлеб и другую еду чабану на далекие пастбища. Байсунские конграты, кочевавшие как-то летом вместе с овцами в горы, окружающие Хуфар (урочища Гурикальмок, Ходжазаранг, Хучака), убили эту собаку. Хуфарцы потребовали с них выкуп, и конграты были вынуждены за убитую собаку отдать девушку, но в отместку за это они убили Сафарбая. Тогда его брат Курбанбай с помощью своих односельчан смешал все 40 отар конгратских овец и избил всех их чабанов. После такой истории конграты стали бояться приходить в горы Хуфара, и летовками их стали пользоваться хуфарцы. По словам моего информатора Абдуманнона Бабакалонова, произошло это будто бы в 1896 г. Упомянутую девушку-конгратку выдали замуж за одного из сыновей Курбанбая. От нее будто бы и пошел род байсуни. (Случаи, когда родственная группа получала прозвище от названия этнической группы

жены родоначальника или места, откуда она была родом, нередко встречались как среди таджиков, так и среди ранних групп узбекских племен.)

Хуфарцам, переселившимся глубоко в горы, не удалось, однако, спокойно жить на новом месте: кроме конфликтов с конгратами из-за пастбищ их тревожили своими постоянными нападениями с целью грабежа локайцы. Чтобы было легче обороняться, хуфарцы переселились еще выше (примерно на 5—6 *км*) в горы, на крутой склон. Как мне рассказал в 1966 г. в Хуфаре 78-летний Махсум-баба, это произошло тогда, когда его деду было 9 лет. Следовательно, это переселение произошло не ранее начала XIX в. Кладбище хуфарцев осталось на прежнем месте.

По сведениям, собранным И. Хидоятовым, который родом из этого кишлака, предки хуфарцев переселились 280—300 лет назад из Сайроба, Балха, Бухары, Ханака и Самарканда. Он выявил 28 родовых групп, причем некоторые из них имели в кишлаке свой квартал, свой участок на кладбище, а также отличное от других общее занятие [357, 131—132]. Для нас представляет интерес название родовой группы *махмазамон*. Как уже отмечалось (см. стр. 77), махатзаман, или махматзамани,— это одно из крупных подразделений узбеков-кальтатаев, а последние из кишлаков Тельпакчинар, Кудаглик, Навасай, расположенных в окрестностях Сариасия, имели вблизи Хуфара, на правом берегу Тупаланга, летовку — урочище Дашти-Кальтатай и прикочевывали сюда на лето с семьями. Сюда же на лето спускались и хуфарские баи, у которых были рисовые посевы на пойменных землях. У большинства из них там имелась вторая семья (одна жена оставалась в верхнем кишлаке), а значит, и вторая усадьба и второй дом. Выходцы из Хуфара жили также в г. Сариджуе и в кишлаке Сариасия.

Среди чагатайских селений верхней части долины Сурхана наиболее крупными были Дашнавад, Шокишлак, Газарак, Ирман и др. Население их во время обследования, проведенного И. Хидоятовым и мной в 50-х и 60-х годах [357, 129, 130], было узбекоязычным, и только незначительная часть старшего поколения знала таджикский язык. Однако в 80-х годах прошлого столетия половину жителей каждого из указанных кишлаков составляли таджики [323, 270—272]. Следовательно, завершающий этап полной смены таджикского языка на узбекский падает на начало XX в. Не исключена, однако, возможность, что какая-то часть обитателей, названная таджиками в 80-х годах, уже была не только двуязычной, но и узбекоязычной, ибо в те годы национальная принадлежность населения отдельных кишлаков определялась амлякдарами и другими должностными лицами, исходя из тех понятий, какие вкладывались в то время в термины «таджик» и «узбек». Известно, что термином «таджик» обозначалось искони оседлое население, не имевшее родо-

племенного деления, независимо от языка, т. е. этот термин служил для обозначения населения определенного культурно-бытового облика.

По свидетельству старшего поколения жителей кишлаков Дашнавад, Шокишлак и Газарак, окружающие называли их таджиками, хотя большинство из них не знало таджикского языка. Интересен также и такой факт: жители селений Дашнавад и Шокишлак в списке кишлаков 1925 г., составленном на основе опроса сельской администрации, названы таджиками [319, 16, 17], а в списке, основанном на материалах переписи 1926 г., — узбеками [222, 256].

Переход жителей указанных выше селений с таджикского языка на узбекский произошел в результате не только экономических и культурных связей их с окружающим узбекским населением, но и в результате оседания узбеков, в частности кальтатаев (кишлак Газарак) и барласов (Дашнавад и Шокишлак), как вблизи этих кишлаков, так и непосредственно в них. Это приводило к росту смешанных браков и, как результат, к смешению таджикского и узбекского населения.

Наглядным примером сказанного может служить чагатайский кишлак Дашнавад. Он располагался при выходе р. Обизаранг из горного ущелья и в прошлом был крупным укрепленным поселением, окруженным стеной и глубоким рвом [325, 72, 73]. Он являлся одним из торгово-ремесленных и административных центров Хисарского бекства (здесь были резиденции амлякдара и казия), и сами жители Дашнавада называли его городом, хотя официально он не считался таковым. В начале XIX в. жители Дашнавада, бесспорно, были таджиками. В долине же Обизаранга выше и ниже Дашнавада располагались зимовья тюрков-барласов. Некоторые из этих зимовок по мере оседания последних превратились в постоянные кишлаки. Кишлак барласов возник и рядом с Дашнавадом — эти два кишлака разделял только ров. Постепенно барласы восприняли у дашнавадцев занятия ремеслом — среди них было немало ткачей, мыловаров, мясников и др. Развели они и сады, стали выращивать и гранаты, которыми издавна славился Дашнавад.

Рядом с кишлаком Барлас образовался еще квартал торговцев-каршиликов — выходцев из Каршинского оазиса, а также из Гузара, Шахрисябза, Китаба и Самарканда, большинство которых было узбекоязычно. Жители Дашнавада, Барласа и Байгузара жили в тесном общении и часто вступали между собой в браки. Барласы же не порывали экономических и родственных связей со своими сородичами, продолжавшими кочевать. Через них укреплялись связи с кочевниками у жителей Дашнавада. Следствием всех этих процессов и была постепенная смена языка у дашнавадцев.

Чагатаи и ходжа, составлявшие основное ядро населения Дашнавада, считали себя одного происхождения с жителями

г. Каратага — потомками переселенцев из Дахбида и Самарканда. Однако обитатели Каратага сохранили таджикский язык, ибо на восток от него среди населения предгорьев Гиссарского хребта значительно преобладали таджики.

О Каратаге у меня нет собственных материалов. По данным Е. М. Пещеревой, в нем живут таджики, часть которых также считает своих предков выходцами из Дахбида, однако говорит, что они были узбеками-найманами. «Последнее „устроение" города,— пишет Е. М. Пещерева,— они приписывают ишану Салих Ходже, который, по их словам, получил иршод — право на руководство мюридами от Аппак Ходжи [10] и сам был родом из Намангана» [271, 135]. Последнее обстоятельство позволяет заключить, что какая-то группа жителей Каратага, несомненно, связывала свое происхождение с названным ишаном и, следовательно, приписывала себе сейидское происхождение. Что касается предания о найманском происхождении предков части каратагцев, то оно не лишено основания, так как к югу и юго-западу от Дахбида простиралась полоса преимущественного расселения узбекского племени найман [105, 201—203]. Зафиксированы узбеки-найманы и в долине Каратагдарьи [228, 201].

Исследователь каратагского говора Л. В. Успенская пишет о происхождении каратагцев следующее: «До революции одним из городов, культура и язык которого являлись образцом для населения обоих описываемых сельсоветов (имеются в виду Пуштимионский и Каратагский. — *Б. К.*), был Самарканд. Считая своих далеких предков выходцами из окрестностей Самарканда, каратагцы всегда стремились поддерживать связь с этим городом» [347, 9, 10].

Группы переселенцев из Самаркандского оазиса и из самого г. Самарканда, по-видимому издавна обосновавшиеся в Каратаге [11], вероятно, пополнились беженцами в первой четверти XVIII в., что нашло отражение в исторических источниках и неоднократно отмечалось в литературе [12]. Возможно, в этом круп-

---

[10] Хидайаталлах (Аппак)-Ходжа — правнук Махдум-и А'зама, похороненного в Дахбиде.

[11] В этой связи хочется привести полные горечи слова Навои из его послания к своему другу Саиду Хасан-и Ардашеру:

Развеял жителей Герата ветер бедствий,
Разлетелось словно ветер месяца Дея население Самарканда

[62, 124]. (Дей — самый холодный месяц, соответствующий декабрю — январю. Прим. Е. Э. Бертельса).

[12] П. П. Иванов, ссылаясь на бухарского историка Мухаммеда Вефа, автора сочинения «Тарихи Рахим-хани», пишет, что, когда бухарский хан Мухаммед Рахим мангыт в 1757 г. овладел Хисаром (т. е. Гиссарским краем), он приказал всем жителям, переселившимся в Хисар из Бухары, Самарканда и других центральных городов и районов ханства, возвратиться на свои прежние места. В результате этого произошло переселение 20 тыс. семейств [135, 102—103, 230].

ном ремесленном, торговом и административном центре [13] было немало выходцев и из других местностей, однако основное ядро жителей Каратага, по-видимому, составляло коренное население Хисара. Каратаг, расположенный при выходе из гор Каратагдарьи, одной из наиболее крупных рек этого края, был местом давней оседлости и городской культуры [14] — в таких местностях редко происходит полная смена населения.

Е. М. Пещерева в 1940 г. записала в Каратаге еще одно интересное предание.

В эмирское время между каратагцами и барласами, жившими ниже по течению реки, постоянно шла вражда из-за мест на кладбище. Барласы считали эти места своими и поэтому настаивали на своем праве хоронить покойников на кладбище, находящемся на правом берегу реки выше Каратага, а горожане, каждый род которых имел там свой участок, не желали допускать туда барласов. В начале XX в. после очередного инцидента барласы были вынуждены основать свое кладбище ниже города [271, 135].

Известно, что в XV в. в Хисаре жило много барласов и они занимали привилегированное положение (см. стр. 180). Поэтому в то время им, вероятно, принадлежали удобные земли подгорной равнины у подножия Гиссарского хребта. По традиции барласы могли продолжать считать эти земли своими и позже, но это отнюдь не исключает возможности бытования здесь издавна ремесленного и торгового центра, населенного таджиками.

Приведенные выше материалы показывают, что формирование населения чагатайских кишлаков было сложным процессом. В результате кровопролитных феодальных войн и набегов кочевников многие селения и города неоднократно полностью или частично разрушались и восстанавливались вновь. Все эти события приводили к смене населения — часто к основному ядру исконных жителей данного селения или города присоединялись беженцы из других мест, иногда отдаленных. Это были люди, в силу ряда причин оторвавшиеся от своих близких, — ищущие заработка крестьяне и ремесленники, торговцы, беглые рабы, лица, скрывавшиеся от кровной мести, и т. д. Они принадлежали к различным этническим группам. Однако наиболее заметную роль в формировании населения чагатайских селений играли, несомненно, тюркские племена, оседавшие и постепенно сливавшиеся с исконным оседлым населением, главным образом таджиками.

Ранее я (на основании лингвистических данных и близости культур) высказала предположение, что таджики-чагатаи образовались в результате ассимиляции местным населением

---

[13] До землетрясения 1907 г. в Каратаге была летняя резиденция хисарского бека.

[14] Еще в кушанское время вблизи современного Каратага находился большой город [111, 76, 77].

изучаемой территории выходцев из Зеравшана и Кашкадарьи, где значительная часть таджиков и узбеков также называлась чагатаями [156, 97]. Однако полевые исследования последующих лет заставили меня пересмотреть эту гипотезу о ведущей роли в формировании таджиков-чагатаев таджиков, переселившихся из северо-восточных областей Мавераннахра. Эти исследования напомнили о традиционных связях населения рассматриваемого района с Балхом и другими провинциями, расположенными на левобережье Амударьи. В. В. Бартольд в свое время подчеркивал, что «в Чаганиане, как и в других горных областях слева и справа от верховьев Окса, культурная жизнь находилась более под влиянием Балха, чем Бухары и Самарканда» [53, 558]. О политической и культурной связи Южного Таджикистана с Балхской областью в течение многих веков, а также о местных корнях таджикского населения этих стран писал и А. Ю. Якубовский [377, 8, 9].

Для нас чрезвычайно важен вывод исследователей о том, что распространение таджикского языка (языка фарси) на территорию Северного Тохаристана и Мавераннахра шло из городов Северного Хорасана, в том числе Балха [214, 72—75; 251, 147; 179, 84—86; 99, 372—375]. В арабских источниках X в. имеются прямые указания на то, что диалекты Тохаристана и Термеза были близки к балхскому [см. 214, 74]. Следовательно, говоры таджиков западных областей Тохаристана и Согда были близкими еще в период распространения таджикского языка на территорию Мавераннахра. Близость культуры таджиков-чагатаев и оседлого таджикско-узбекского населения Кашкадарьинской и Зеравшанской долин, а также Северного Афганистана объясняется не только их взаимовлиянием в поздний период, но и тем, что все эти оазисы с их многочисленными городами в средние века жили общей культурной жизнью. Но это не значит, что перемещения жителей из северо-западных областей в Хисар, зафиксированные письменными источниками и этнографическими данными, не играли роли в процессе сложения населения изучаемых районов.

Процесс оседания издавна живших здесь тюркских племен, по-видимому, принял более интенсивный характер после того, как обширные пространства принадлежавших им ранее пастбищ были заняты узбекскими племенами. Это произошло вследствие завоевания Хисара, Куляба и Балха Шейбани-ханом, а также в связи с возрастанием в последующие века феодальной эксплуатации и переходом не только пахотных земель, но и пастбищ в распоряжение, а порой и в частную собственность отдельных феодалов и богачей[15].

---

[15] Об этом свидетельствуют мои полевые записи, основанные на воспоминаниях представителей старшего поколения местных жителей или на семейных преданиях, а также данные, собранные другими исследователями [354, 49—71; 375, 55—64].

Оседание тюрков в оазисах и предгорьях приводило к двуязычию: таджики усваивали узбекский язык, а тюрки и узбеки (последние в значительно меньшей степени) — таджикский. По мнению местного населения, именно двуязычие было характерно для культурного облика таджиков-чагатаев в конце XIX—начале XX в. Приведу высказывания нескольких информаторов. Салам-баба, таджик-чагатай из кишлака Зарабаг, в 1961 г. говорил мне: «Народ, называемый чагатаями, — таджики. Называют их чагатаями потому, что они одинаково говорят и на узбекском и на таджикском языках. Конграты разговаривают на одном языке, а мы на обоих».

Хабибулла Мамадшоев 1905 г. рождения, таджик-чагатай из бывшего г. Кабадиана (ныне кишлак Носир Хисрав), в 1966 г. рассказывал: «Здешних таджиков называют чагатаями. Для них одинаково родной как узбекский, так и таджикский языки. Несмотря на то что их говор наиболее близок к литературному языку, каратегинские таджики называют их узбеками».

Барат Яхшиев 75 лет, узбек-дурмен из кишлака Ахча близ бывшего г. Кабадиана, говорил мне в том же, 1966 г.: «Внутри города живут чагатай-таджики — они говорят и по-узбекски, и по-таджикски»[16].

Итак, в конце XIX — начале XX в. в Восточной Бухаре чагатаями называли оседлое население больших и малых культурных оазисов. Характерной чертой их было двуязычие. При этом двуязычие являлось не результатом простого влияния окружающего узбекского населения на местных таджиков, а результатом слияния этих двух народов, т. е. двуязычными становились не только таджики, но и узбеки (преимущественно ранние племена). В зависимости от конкретных условий в некоторых местах произошла полная утрата узбекского или таджикского языка. В бассейнах Каратагдарьи, Сурхана и Шерабаддарьи, где был большой массив узбекского населения ранних и поздних племен, в оазисах и предгорьях было особенно развито двуязычие, а местами и переход только на узбекскую речь. На востоке же от г. Каратага, на южных склонах Гиссарского хребта, а также далее на восток и юго-восток, в Бальджуане и Кулябе, где в горах и предгорьях таджики жили сплошным массивом, преобладал процесс полного перехода узбеков на таджикскую речь.

О том, что чагатаи сформировались в результате слияния таджикского оседлого и узбекского преимущественно кочевого населения и что этот процесс продолжался еще и в начале XX в. (поскольку среди узбеков, живших на изучаемой территории, сохранялись кочевые традиции), свидетельствует и хозяйствен-

---

[16] Внутри города — значит, в собственно городе, а не в пригородных селениях (см. стр. 38, 39).

но-бытовой уклад чагатаев: среди них встречались владельцы стад, откочевывавшие на весенний период в степь; в качестве летнего жилища была широко распространена узбекская юрта, при этом остов ее нередко изготовляли мастера-таджики, а необходимые принадлежности к ней — таджикские женщины. Еще в 1889 г. капитан Стеткевич зарегистрировал в Каратагском амлякдарстве 300 дворов кочевников-таджиков [323, 269]. Однако следует подчеркнуть еще раз, что в хозяйственно-бытовом укладе чагатаев, без сомнения, господствовали черты культуры искони оседлого населения.

Особенности языка и быта чагатаев в какой-то мере отличали их от горных таджиков (кулоби, каратегини и др.), поэтому население Восточной Бухары было склонно считать собственно таджиками только последних, подобно тому как это наблюдалось (хотя и в очень пережиточной форме) в Фергане, в районе Ходжента, где еще в начале 20-х годов М. С. Андреев зафиксировал «исчезающие воспоминания» таджиков о том, что они сарты и что хотя они и говорят по-таджикски, но настоящими таджиками не являются, истинные таджики — это горцы Матчи и Дарваза [23, 157].

Правда, представители поздних узбекских племен также называли чагатаев таджиками, но при этом термин «таджик» они употребляли не в качестве этнонима, а в более широком значении, обозначая им определенный культурный тип, т. е. исконное оседлое население этих мест. Таким образом, «таджик» в устах потомков даштикипчакских узбеков являлся эквивалентом терминов «сарт» и «тат», которые в изучаемых мною районах не бытовали[17].

Антропологические исследования, проведенные К. Наджимовым в Сурхандарьинской области УзССР, показали, что таджики здесь являются типичными представителями брахицефальной европеоидной расы Среднеазиатского междуречья. Среди обследованных К. Наджимовым 270 таджиков и 1008 узбеков только 19 таджиков и 27 узбеков назвали себя чагатаями. Однако перечень районов, где работал К. Наджимов, показывает, что большинство изученных были чагатаями, но исследователь не выявил их и включил в общее число таджиков и узбеков без родо-племенного деления. В результате анализа собранных материалов ученый пришел к заключению, что узбеки без родо-племенного деления по своему антропологическому типу ближе к таджикам, чем к узбекам конграт, юз, дур-

---

[17] Термин сарт обозначал оседлое население культурных оазисов и был распространен в Южном Казахстане, Фергане, Ташкенте и Хорезме (в этих оазисах он служил и самоназванием оседлого населения — в основном узбеков, не имевших родо-племенного деления), а термин тат — в Хорасане и Иране [204, 25—32]. Термин таджик в широком значении употреблялся помимо Восточной Бухары в бассейнах Кашкадарьи, Зеравшана и Санзара [158, 14—17].

мен и др. [247, 88]. «Из всех исследованных узбеков области,— писал он, — единственно они (т. е. узбеки, не имеющие родоплеменного деления.— *Б. К.*) такие же типичные европеоиды, как и их соседи — таджики» [247, 87]. В предварительном сообщении о своих работах в Сурхандарье К. Наджимов писал, что узбеки горных районов (чагатаи, ходжа и без родовых делений) по антропологическому типу мало чем отличаются от таджиков Сурхандарьи, среди которых также есть чагатаи и ходжа. Далее он же отмечал, что в некоторых сельсоветах Байсунского района (например, Зарабагском, Пашхурдском и Янгиабадском) таджикское и узбекское население так между собой смешалось, что не отличается по типу и является двуязычным [246, 34, 35] (см. рис. 5, 6).

Таким образом, говоря словами Л. В. Ошанина, «в целом результаты антропологического исследования вполне согласуются с результатами этнографических исследований» [264, 49].

Ходжа. Среди таджиков и узбеков обособленные группы составляли ходжа и сейиды; население часто объединяло их общим наименованием ходжа. Ходжа и сейиды не этнические, а скорее сословные группы. В Бухарском ханстве, как и в других мусульманских странах, они относились к числу привилегированных сословий. Особым почитанием пользовались сейиды, считавшиеся потомством Мухаммеда от его дочери Фатимы и ее мужа Алия — двоюродного брата Мухаммеда. Сейиды, которые вели свое происхождение от их сына Хусейна, назывались *хусейни́*, а потомство второго сына, Хасана,— *хасани́*. Ходжа вели свое происхождение от сподвижников Мухаммеда или каких-нибудь «святых».

Каждый род сейидов и ходжей имел родословную — *шаджара,* подтверждавшую его происхождение от пророка и его сподвижников. Большинство этих родословных были поддельными и значительно более поздними по времени, чем арабское завоевание и их владычество в Средней Азии [42, 276; 136, 48, 49].

Социальное положение всех ходжей и сейидов не было одинаковым: одни из них были простыми тружениками и не обладали реальными привилегиями, хотя и считали себя людьми знатного происхождения и выдавали своих дочерей только за ходжа; другие относились к высшему духовенству, получали с наследственных вакуфов огромные доходы и владели крупными земельными наделами [328, 66, 67].

Собственно ходжа делились на группы, названия большинства которых происходили от имени или прозвища легендарного родоначальника.

В районе, который мы рассматриваем, жили многочисленные группы сейидов и ходжей. При проведении полевых исследований я не ставила перед собой задачу специального их

изучения. Приведу все же те немногие сведения, которые имеются в моих полевых записях.

Термез среди городов Мавераннахра был известен как «жилище (*макон*) святых (*авлия*) и сподвижников (*сахаба*) пророка» [361, 272]. Здесь жил и был погребен (в 869 г.) один из первых по времени суфиев Мавераннахра — Абу Абдаллах Мухаммад бен Али ал-Хаким Термези, основатель дервишского ордена хакими́. Известные в средние века термезские сейиды, считавшиеся его потомками, вели свой род от Хусейна, сына Алия [305, 3—20; 49, 504—507]. В конце XIX — начале XX в. потомки термезских сейидов жили в кишлаке Салихабад (местное население произносит обычно Салли-абад), вблизи Термеза.

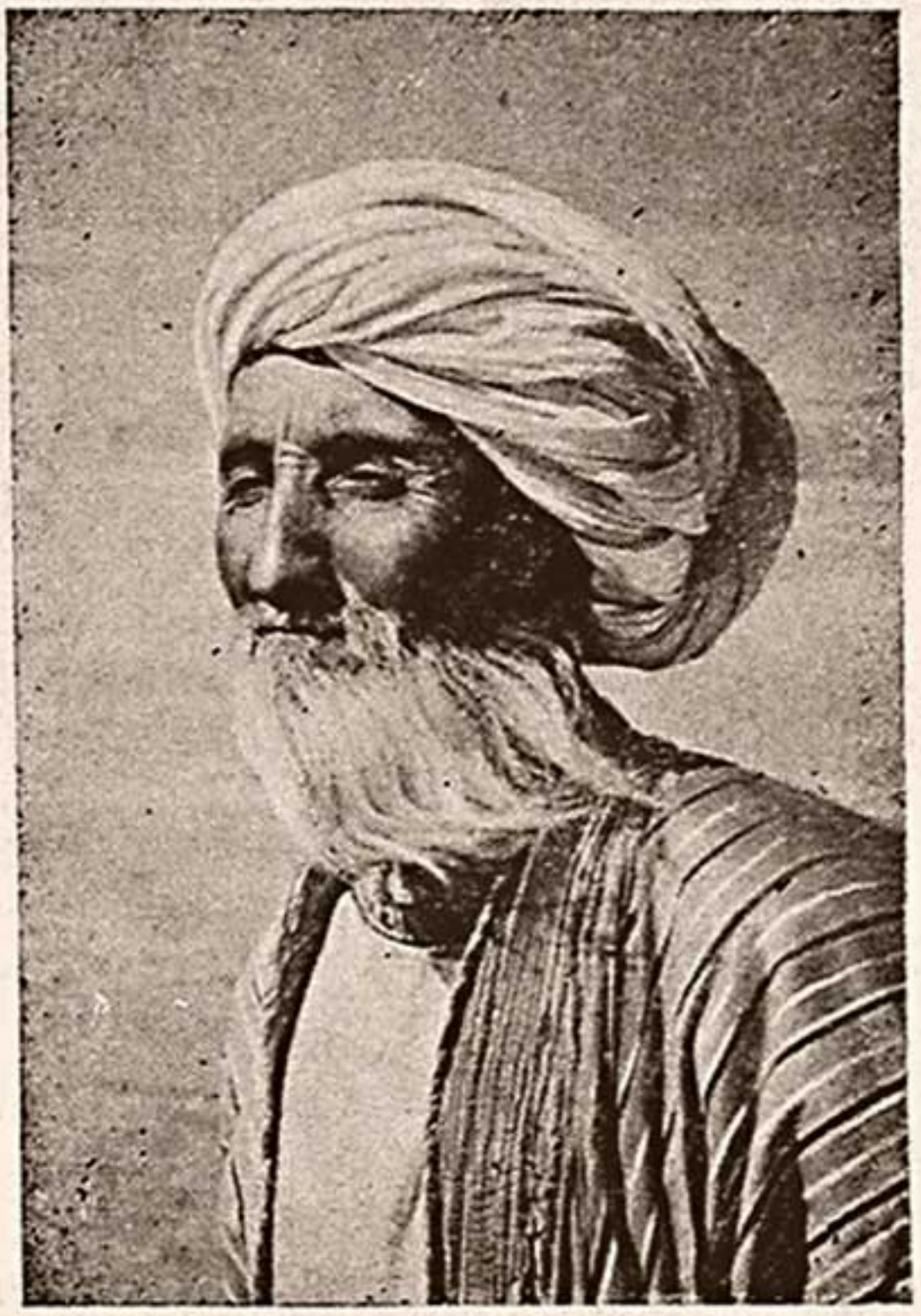

Рис. 5. Узбек-чагатай. Кишлак Ляйляган Байсунского района. ИЭ 440-9. Фото Н. С. Кармазина

Сейиды кишлака Аманхана, расположенного в центре Байсунского бекства, согласно легенде, были потомством некоего подвижника Хазрата Султана Вали (т. е. «Святой Султан»), который якобы был родом из Балха. Он будто бы приехал в Термез, чтобы стать учеником Мухаммада Али Хакима Термези. Последний направил его для прохождения испытания в горы, в местность Аманхана, где, как повествует легенда, жил сахаба Султан Сиддик[18], живым ушедший в землю — *гойиб болган.*

Сейиды Аманханы имели обширные вакуфные земли, якобы подаренные их предку Тимуром. Из их среды происходили потомственные ишаны — руководители суфийской общины, мюридами которых из поколения в поколение являлись таджики-

---

[18] По-видимому, имеется в виду первый халиф — Абубекр, прозванный Сиддик — Правдивый. Представление о том, что «святые» при желании (например, при приближении врагов) исчезают, уходят в землю, было чрезвычайно распространено. Обычно это представление было связано с теми местами, которые считались кадамджой какого-либо святого (*кадамджой* — «место, где ступала нога святого», т. е. место, где он делал остановку или какое-то время жил). В большинстве своем это были места древнего почитания — пещеры, причудливые скалы, водопады, бьющие из скал родники и т. п.

чагатаи горных ущелий Катара, расположенного вблизи Аманханы[19].

Сейиды кишлака Зарабаг (Байсунское бекство), по рассказам местных жителей, вели свой род от Хусейна и назывались *ходжагони́ гули сурх* — «ходжи красной розы». Они были шейхами при местном святилище — мазаре. Весной, в начале года (начало года отмечалось примерно в день весеннего равноденствия), когда в течение трех дней в Зарабаге у мечети устраивались ритуальные праздничные гуляния — *гули сурх,* шейхи в честь праздника устанавливали перед мазаром шест с бунчуком (*туг кутаради*). После этого в течение трех месяцев к мазару совершалось паломничество жителей окрестных селений. Таким образом, материалы Зарабага подтверждают предположение О. А. Сухаревой о том, что название группы *ходжагони гули сурх* — «ходжей красной розы» — объясняется родственными связями этих ходжей с устроителями мазаров, на которых совершались в прошлом ритуальные гуляния — «праздник красной розы» [328, 66] [20].

Одним из наиболее почитаемых мест Кабадианского бекства был родник Чилучорчашма, который давал жизнь Бешкентскому оазису. Здесь, у родника, в качестве шейхов обосновались семьи ходжей. В начале XX в. их было около 60 хозяйств, из которых 8 относились к группе миён (тадж.— середина). По мнению одних информаторов, название это связано с тем, что род этот вел свое происхождение от Омара, который считался средним из правоверных халифов, если первое место отвести самому Мухаммеду. По мнению других — эта группа, ведя свою родословную по прямой линии от Омара, а по боковой от Алия, занимала как бы промежуточное положение между сейидами и ходжами[21].

По словам моего информатора, миёнам Чилучорчашмы, в качестве наследственного вакуфа, принадлежала вода этого родника. По-видимому, в их пользу шли налоги с полей, орошавшихся его водой. Большие доходы им поступали также в виде подношений от многочисленных паломников.

---

[19] Отдельные семейно-родственные группы оседлого населения, порой жители целых кишлаков, а то и небольших районов, из поколения в поколение считались мюридами ишанов из определенного ишанского рода. Н. А. Кисляков зафиксировал такое явление среди таджиков Вахио-боло [175, 18—19], а М. С. Андреев—среди ягнобцев. Ягнобцы считали себя мюридами матчинских и гиссарских ишанов на том основании, что их прадеды были мюридами этих ишанов, при этом ягнобцы не избирали в качестве духовного наставника кого-либо одного из ишанов этой семьи, а считали себя потомственными мюридами всех их и делали подношения тем из них, кто приезжал за ними время от времени [21, 146].

[20] О празднике гули сурх есть данные у А. Х. Хамраева, О. А. Сухаревой и Г. П. Снесарева [353, 72, 73; 328, 35; 311, 210, 211].

[21] О высоком положении миёнов в Кокандском ханстве сообщает Ч. Ч. Валиханов [78, 367].

К миёнам относились и шейхи при мазаре Ходжамашад. Мазар этот приписывали некоему сподвижнику Мухаммеда (*сахаба*), переселившемуся в низовья Кафирнигана из Мешхеда [22].

Ходжи кишлака Авлод, расположенного вблизи г. Байсуна, считались потомством Зайналобиддина, мифического внука Мухаммеда. Среди них были и ишаны. Потомственными мюридами этих ишанов были узбеки-тагчи всего Байсуна и соседних бекств.

На изучаемой территории отмечено несколько кишлаков под названием Карахани: в группе кишлаков Карезат (на юге Пашхурдской долины), в пригородах г. Денау [323, 274], в районе Каратага [223, 53] и в Бальджуанском бекстве в районе Кангурта [223, 87, 92, 93]. По свидетельству информаторов, в двух первых кишлаках жили ходжа, называвшиеся *карахани́,* о населении остальных у меня нет сведений.

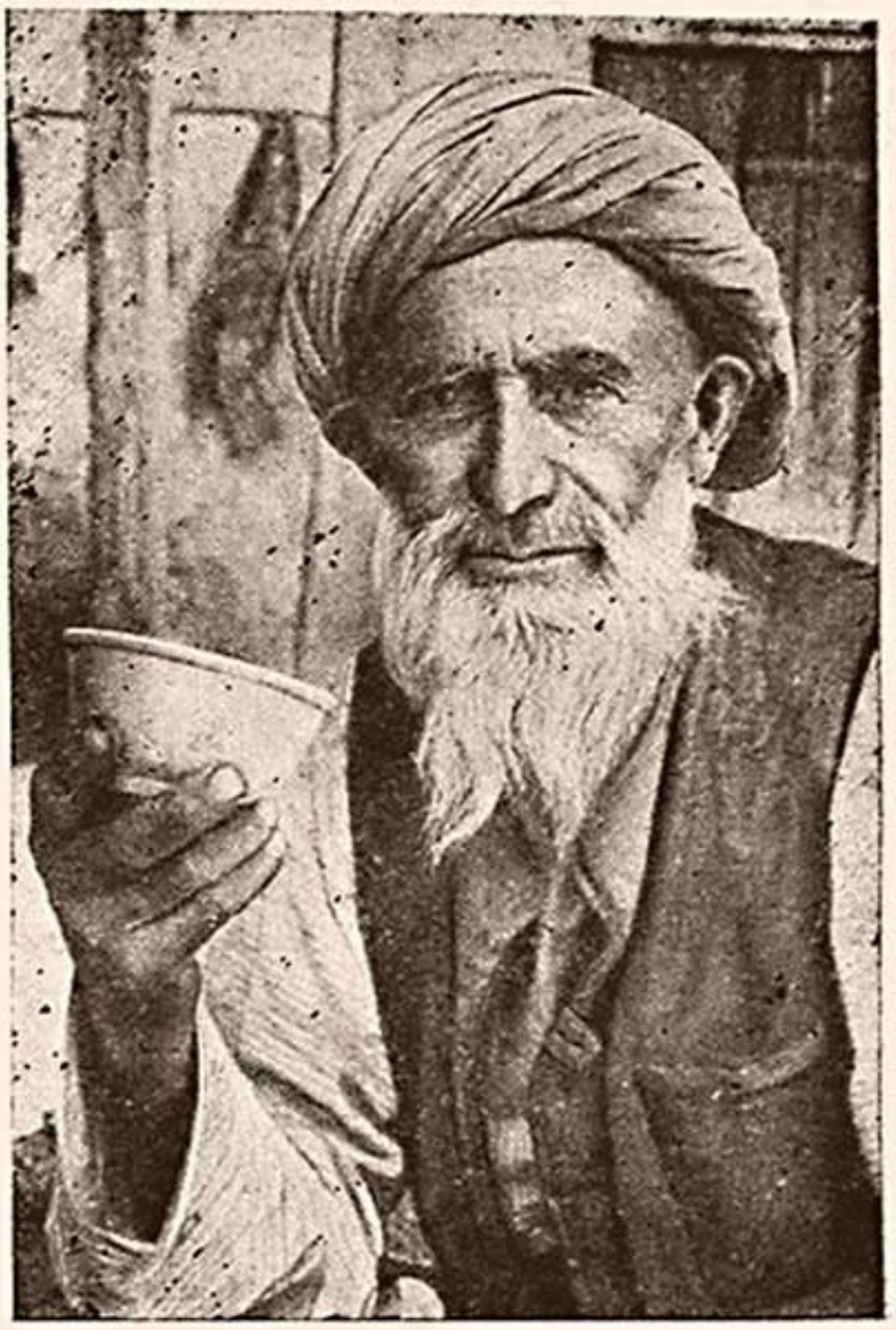

Рис. 6. Таджик-чагатай. Байсун. ИЭ 71-470-14. Фото Г. А. Аргиропуло

Название Карахани, или Карахан, встречается и среди топонимов Зеравшанской долины. Оно там также связано с родом ходжей карахани. Жители кишлаков с указанным названием принадлежали к роду последних. Как мне сообщила узбекская фольклористка Музаяна Алявия, род карахани считал себя потомством «святого» Карахана, известного в народе как Аулия-ата — «Святой отец», мазар которого находился в г. Джамбуле (поэтому в прошлом этот город назывался Аулия-ата) [39, 340]. Согласно их легендарной родословной, этот святой являлся якобы потомком Алия в шестом колене [152, 5].

Многие роды ходжей считали своих предков выходцами из селения Дахбид, расположенного вблизи Самарканда. В этом кишлаке обосновался крупный ишанский род, считавшийся потомством похороненного здесь известного шейха Махдуми А'зама (умер в 1542 г.), происходившего из ферганского селе-

---

[22] О. А. Сухарева считает, что название Машад в топонимии Средней и Передней Азии связано с древним культом страдающих божеств [328, 33, 34].

ния Касан. Из Дахбида вели свой род, например, ходжи Ховалинга [276, 77], Каратага, Дашнавада и других мест. Ходжи кишлака Люччак в Катаре считали своего предка переселившимся из Ховалинга, а значит также причисляли себя к потомству Махдуми А'зама.

Местное население делило ходжей на две части: на тех, кто «охотился за мюридами», и тех, кто «не охотился за мюридами»[23]. Первые принадлежали к различным суфийским орденам, и из их среды выходили руководители суфийских общин— ишаны[24]. Согласно представлениям населения изучаемых районов, ишаны были преимущественно из сейидов и миёнов[25].

В. В. Бартольд неоднократно подчеркивал, что различные мистические учения оказывали на кочевников несравненно большее влияние, чем книжная мусульманская наука, и что поэтому суфийские общины строили свои обители *ханака* преимущественно в местностях, непосредственно примыкающих к степи. В числе таких местностей наряду с Хорезмом, Бухарой и средней Сырдарьей В. В. Бартольд называл Термез и Чаганиан [51, 32]. Действительно, не только в средние века, но и в начале XX в. там было немало ишанских родов и крупных ишанов, имевших до 1 тыс. мюридов [354, 68]. Помимо названных выше сейидов Аманханы, Саллиабада и других ишаны были среди сейидов и ходжей Сайроба, Зарабага, Каратага, Хисара, Рохати, Пистамазара, Нилькона, Ховалинга и ряда других мест.

Мне уже приходилось говорить, что в прошлом полукочевые узбеки каждого определенного узбекского племени (или его подразделения) были наследственными мюридами ишанов из определенного рода [167, 14]. Это было правилом, и поэтому, если во время наших бесед старики сомневались в принадлежности или близости к их племени (или его подразделению) того или иного рода, они решали этот вопрос, исходя из того, был ли с ними в прошлом этот род *пирдаш*, т. е. были ли они мюридами ишанов из одного и того же рода.

Один старый цыган-джуги в кишлаке Узун Сариасийского района говорил мне, что в прошлом не существовало человека,

---

[23] Об «охоте за мюридами» можно прочесть в книге О. А. Сухаревой [328, 64].

[24] О термине «ишан» писал в свое время В. В. Бартольд [44, 675].

[25] В. Л. Вяткин отмечал, что, подобно тому как среднеазиатские правящие династии для авторитетности своего рода доводили свои родословные до Чингисхана, так и роды ишанов (руководство суфийской общиной обычно переходило от отца к сыну; в результате образовались целые ишанские роды) путем введения промежуточных звеньев (вымышленных лиц) устанавливали свое происхождение от таких родов, непреложность происхождения которых от первых халифов считалась общепризнанной [95, 3]. А. А. Семенов также указывал, что многие дервишские общины и сами руководители дервишских братств — ишаны были из ходжей [305, 14]. О. А. Сухарева отмечает, что «к именитым ходжам принадлежали многие ишаны» [328, 67].

у которого не было бы пира — в глазах простых людей это было бы равносильно отходу от мусульманства.

Что явилось причиной и почему каждое узбекское племя (или его подразделение) и каждая группа оседлого населения становились мюридами определенного ишанского рода, мне неизвестно. Этот и ряд других сложных вопросов, тесно связанных с проблемой генезиса сословия сейидов и ходжей в Средней Азии, требуют специального изучения.

ТАДЖИКИ

Кулоби́. Таджики, расселившиеся почти сплошным массивом в горах и предгорьях бассейнов Яхсу и Кызылсу, безусловно, являются исконными жителями области Куляба. Это типичные горные таджики, которых общность культуры объединяет с каратегинцами, дарвазцами и припамирскими народностями[26].

Говоры кулоби́ и каратегинцев составляют южную группу таджикских говоров [286, 161].

Значение термина *кулоби́* («кулябцы») в конце XIX — начале XX в. варьировалось в зависимости от того, какая группа населения его употребляла: для жителей собственно области Куляб, когда они находились за ее пределами, а также для потомков давних выходцев из Куляба, проживавших в сопредельных с этой областью местностях, он служил самоназванием [254, 10; 258, 69]. Этим же именем называло их и окружающее население. Вне пределов Восточной Бухары термин кулоби приобретал более широкое значение. Так, в Самаркандской области он нередко обозначал выходцев не только из Куляба, но и из Каратегина [370, 35], а в г. Бухаре — выходцев со всего Горного Таджикистана [327, 130].

Основные этнографические данные по истории расселения таджиков-кулоби́ были опубликованы в 1953 г. [276, 76—78]. По этим данным, таджики окрестностей г. Куляба, а также Муминабада, Дашти-Джума, Ховалинга, Сарихасора, Бальджуана и Кангурта в подавляющем большинстве считали себя исконными жителями этих мест.

Разумеется, имелись группы, ведшие свое происхождение из других районов. Так, среди ховалингских таджиков в 1949 г. А. К. Писарчик записала предания о выходе некоторых их групп из Дахбида и других мест [276, 77]. Вероятно, предание о происхождении части таджиков из Дахбида было записано среди потомков ишанов Ховалинга.

---

[26] На общность культуры и единство происхождения припамирских народностей, таджиков Каратегина, Дарваза, Хисара и предположительно Куляба указывал в свое время Н. А. Кисляков [170, 314—319]. Почти полная неизученность в то время Хисара и Куляба в этнографическом отношении еще не позволяла говорить о существовании в этих областях двух этнографических групп таджиков.

Как я уже отмечала выше (табл. 3, кент Чубек), в южной и центральной частях Куляба в конце XIX — начале XX в. таджики встречались изредка и небольшими группами. А. А. Семенов в своих путевых очерках 1898 г., характеризуя обитателей долины р. Яхсу, писал, что в ее верхней части население однородно — здесь господствуют «иранский тип» и таджикская речь, а в средней и нижней — «смешение национальностей невообразимое»: местные таджики, узбеки и туркмены различных племен, казахи[27], афганцы, бадахшанские таджики, тюрки из Афганского Туркестана и, наконец, цыгане, индусы и евреи [303, 962, 963]. Эти разнообразные народности, каждая из которых была представлена в небольшом числе, по словам А. А. Семенова, были выходцами из Афганистана, которым бухарское правительство отвело место для поселения здесь, «на пространстве громадных, почти безлюдных пустырей» [303, 962, 963].

В конце XIX — начале XX в. во всей южной равнинной части Восточной Бухары, где обширные болота и туги по низовьям рек перемежались пустынными пастбищами, население, как отмечалось, было чрезвычайно редким и состояло в основном из полукочевых групп — выходцев из Афганистана. На всем пространстве от Келифа на западе и до Чубека на востоке таджики сохранялись только в Кабадиане. А некогда они заполняли здесь многочисленные города и селения. Об этом свидетельствуют письменные источники и археологические памятники.

Особый рост городов наблюдался в IX—XII вв., в период формирования таджикской народности. К этому времени относится расцвет таких городов, как Хульбук — столица Хутталя [56, 109—127], Термез — один из древнейших городов Средней Азии. Хульбук перестал существовать в XII в. По предположению Б. А. Литвинского и Е. А. Давидович, причиной этого были неоднократные опустошительные набеги на Хутталь Караханидов, горцев-кумеджиев и сельджуков [200, 51, 52]. Термез был разрушен Чингисханом, но вскоре был отстроен на другом месте. Средневековый Термез окончательно перестал существовать, по-видимому, в середине XVIII в. в результате феодальных междоусобных войн [217, 7—9].

В эти трудные времена в поисках спокойных мест таджики уходили в горы или перебирались в соседние районы. Расселение по сопредельным территориям жителей Куляба — области, где был один из наиболее крупных массивов таджикского населения, — происходило, несомненно, издавна и постоянно, но особенно интенсивно, по-видимому, в XVIII и первой половине XIX в., в период наибольшего обострения феодальных

---

[27] А. А. Семенов называет киргизов, однако, несомненно, имеются в виду казахи.

междоусобиц, разрухи и разорения населения. Особые опустошения этот город претерпел в 1832 г., когда он вместе с Курган-Тюбе и Кабадианом был завоеван правителем Кундуза Мухаммад Мурад-беком. По свидетельству доктора Лорда, побывавшего в Кундузе во время правления Мурад-бека, тотчас после завоевания в Кулябе вспыхнуло восстание, подавить которое Мурад-беку удалось лишь после того, как он срыл город до основания, а жителей изгнал «на дорогу из Кундуза в Ханабад» [203, 270]. Доктор Лорд писал, что Куляб, Курган-Тюбе и Кабадиан часто были местом кровопролитных войн и что в Кулябе все население было истреблено. Попытки Мурад-бека завоевать Бальджуан не увенчались успехом [203, 271].

По мнению П. П. Введенского[28], одной из существенных причин переселений таджиков Бальджуана за пределы бекства в начале XX в. было «выталкивание» их «родовыми группами» (так называет П. П. Введенский полукочевых узбеков), в первую очередь локайцами, которые из Яванской долины «выбрасывали излишки в соседний Бальджуанско-Ховалингский район» [83, 58]. Переселения локайцев в бассейн Кызылсу подтверждаются и этнографическими данными. Однако передвижения как таджиков, так и локайцев происходили в этих районах, по-видимому, неоднократно.

Весьма ценные сведения собраны по данному вопросу Р. Л. Неменовой в таджикских кишлаках, расположенных по берегам Вахша от границы с современным Обигармским районом и до Нурека (в так называемом *лебобе,* т. е. прибрежье[29]). Здесь сохранились предания о том, что эти местности 200—250 лет назад были кочевьями локайцев. Постепенно таджики стали вытеснять их, занимая земли, удобные для распашки. Вытеснение сопровождалось кровопролитными столкновениями. Локайцы постепенно продвигались на юг, в Дангаринскую долину, или уходили в Афганистан, выходцами откуда были в свое время. В подтверждение сказанного старики указывали на узбекские названия ряда таджикских кишлаков в прибрежных районах среднего течения Вахша.

Среди таджиков, живущих в горах Сарсарак (хребет, протянувшийся к югу от Туткаула вдоль левого берега Вахша), в 1949 г. были записаны предания о том, что их предки переселились сюда несколько сот лет назад из Канибадама и посте-

---

[28] П. П. Введенский был членом Комиссии по делам Таджикистана, которая была образована в 1926 г. Среднеазиатским экономическим бюро и направлена в Таджикистан с целью изучения народного хозяйства молодой республики. Результаты были изложены в специальном сборнике «Народное хозяйство Таджикистана», изданном Госпланом ТАССР в 1926 г.

[29] Различные значения термина *лебоб* рассматриваются в работах С. Атаниязова [34, 161] и моей [162, 216]. Как любезно сообщила мне Е. М. Пещерева, в Каратаге этот термин употребляется для обозначения всей прибрежной полосы Пянджа — Амударьи.

пенно, к концу XIX в., были оттеснены узбеками, главным образом локайцами, из предгорий в горы [276, 76].

Приведенные материалы позволили Р. Л. Неменовой прийти к заключению, что в конце XVII — начале XVIII в. локайцы вытеснили из привахшского района таджиков, а позже, в XIX в., сами были вытеснены последними[30]. В упомянутом выше донесении доктора Лорда локайцы отмечены как жители Куляба, Бальджуана и Сангтуда [203, 271—273], следовательно, в конце 30-х годов прошлого века они жили в тех же пределах, что и в начале XX в., а постепенное их переселение из привахшских районов в более южные происходило раньше.

О продвижении таджиков Куляба и особенно Бальджуана на запад и юго-запад, в низкогорные районы Южного Таджикистана, и о вытеснении ими локайцев и карлуков сообщали и мои информаторы (см. стр. 189 и сл.).

Заселение низкогорий Южного Таджикистана таджиками—выходцами из Бальджуана, Куляба и Файзабада наблюдалось и далее на запад, о чем свидетельствуют мои записи среди таджиков-газымалеки.

Газымалеки. Согласно преданиям, долина Кафирнигана к югу от г. Хисара и горы Газымалек 150—200 лет назад были заселены узбеками-дурменами. Таджики пришли туда в последние полтора-два столетия из разных местностей, преимущественно из Кулябского и Бальджуанского бекств, а также из пограничных с Бальджуаном кишлаков Файзабада, в частности из Ёнахша. Старики помнят рассказы отцов и дедов о том, что земли они купили у узбеков.

Из кишлаков, расположенных на левом берегу Кафирнигана, наиболее старым считался Кухнабай (он находился вблизи устья р. Ханака). В 1964 г. уроженец этого кишлака, 80-летний Мурад-баба Файзуллаев, рассказывал мне, что его дед, умерший в возрасте 118 лет, будто бы сорокалетним мужчиной переселился в Кухнабай из Бальджуанского кишлака Даштак, отчего, по мнению информатора, за потомством его деда закрепилось название *даштаки*[31]. Дата смерти деда, к сожалению, у меня не записана, но, учитывая возраст самого Мурад-баба, можно предполагать, что переселение из Бальджуана произошло приблизительно в середине XIX в.

Когда дед информатора переселился в Кухнабай, таджикских кишлаков Латабанд, Джартепа и Чинарисухта еще не было. Капитан Лилиенталь, посетивший эти места в 1889 г.,

---

[30] Материал взят из неопубликованных данных Р. Л. Неменовой, собранных ею среди таджиков привахшских селений.

[31] Выше уже говорилось, что термином даштаки жители горных районов Бальджуана обозначали население предгорных и равнинных местностей, в частности таджиков Кангурта и Дангары. Однако мой информатор, у которого связи с родиной деда утеряны, этого уже не знал.

уже называет эти кишлаки (в первом было 30 дворов, во втором — 3 двора, в третьем число дворов не указано, но отмечено, что это селение небольшое), а также Кухнабови (12 дворов)[32] и ряд других селений, протянувшихся по берегам Кафирнигана [195, 354].

По рассказам (1964 г.) стариков таджиков из кишлаков Айбулак, Мингичар, Наубад, Киргач и Аличабулак, их деды и прадеды переселились в эти места 100—140 лет назад из Куляба и Бальджуана.

На недавнее переселение из Бальджуана и Куляба указывает, как отмечалось, и говор таджиков-газымалеки, который сохранил не только название кулоби, но и характерные особенности кулябских говоров [346, 77].

Довольно компактное расселение таджиков — носителей кулябских говоров в долине Кафирнигана и горах Газымалек среди инонационального окружения (узбеки племен дурмен и локай) со временем привело к образованию особой группы таджиков — газымалеки, у которой сложились свои (хотя и незначительные) особенности в быту и культуре: одни из них (заимствованные у соседей или привнесенные выходцами из других мест) в какой-то мере отличали их от земляков, оставшихся на родине; другие (еще сохранившиеся элементы культуры, свойственные прежней группе, например, женское гончарство) — от местных таджиков Хисарского бекства, в частности чагатаев.

На новых землях далеко не всегда и не всем удавалось прочно укрепиться, тем более по соседству со склонным к аламанам[33] племенем локай. Приходилось неоднократно переселяться в поисках спокойных мест. Так, небольшая группа таджиков-газымалеки, по моим материалам, жила среди тюрков-мусабазари в кишлаке Гульхас на южном склоне Гиссарского хребта (в бассейне р. Обизаранг). Житель этого кишлака Джалил Уталов, 1926 г. рождения, рассказывал, что, по семейным преданиям, его прадед с отцовской стороны Нияз жил в Газымалеке, но из-за постоянных набегов локайцев вынужден был переселиться в кишлак Калаиджавр, расположенный в верховьях Ханакадарьи. Но и там не было покоя от локайцев. Тогда он переселился в Гульхас, где его потомки образовали квартал Таджик-махалля. Жители этого квартала со временем стали двуязычными и считались уже одним из родов мусабазари под названием *калаиджаври*. Сын Нияза — Хал (дед информатора) родился уже в Гульхасе и умер в возрасте 95 лет. Ин-

---

[32] Кишлак Кухнабови — несомненно, современный Кухнабай. Название Кухнабай было зафиксировано и в 1926 г. [223, 38], но мне все же представляется, что Лилиенталь правильно записал первоначальное наименование этого кишлака, ибо для него характерно точное воспроизведение местных географических названий.

[33] А л а м а н — набег с целью грабежа.

форматор родился, когда деда уже не было в живых. Исходя из этого, можно заключить, что переселение Нияза из Газымалека произошло не позднее 30-х годов прошлого века.

Среди кулоби той части Гиссарской долины, которая непосредственно примыкала к территории газымалеки, также сохранились предания о том, что предки их пришли из Бальджуана [346, 5].

В бассейне Каратагдарьи и Сурхана таджики-кулоби, вероятно, были разбросаны небольшими группами, отчего и растворились среди остального населения. Следы их пребывания можно усмотреть лишь в названии кишлака Куляб, зафиксированного в 1926 г. в Сариасийском районе, а также в наименовании каменистого ложа небольшой горной речки к югу от современного Тахчияна — Куляби-сайнак. Это название самим местным населением связывается с жившими здесь когда-то таджиками-кулоби.

Изложенные материалы позволяют считать, что П. П. Введенский, за недостатком данных, несколько однобоко осветил миграционные процессы в южных районах Восточной Бухары, подчеркнув лишь активное передвижение на восток «родовых узбеков», прежде всего локайцев [83, 58]. Этого, конечно, отрицать нельзя, но наряду с этим шел, несомненно, процесс переселения таджиков Куляба и Бальджуана на юг и юго-запад в предгорные районы этих бекств и в Хисар.

Думается, что прекращение феодальных междоусобиц после установления протектората России над Бухарой дало таджикам возможность покидать районы, где ощущался большой недостаток пахотных земель, и расселяться по предгорьям и низкогорьям, где было много земель, удобных для возделывания. Об этом свидетельствуют материалы Р. Л. Неменовой по Варзобу [257, 35].

В а р з о б й. Исследователь населения бассейна Варзоба Р. Л. Неменова в результате анализа собранных ею этнографических и диалектологических данных высказала предположение о том, что основным и исходным компонентом современного населения Варзоба являются таджики, связанные своим происхождением с Самаркандским Согдом, главным образом с районами Верхнего Зеравшана, и что именно они составили ядро группы варзоби, так же как и таджиков, населяющих горную часть долины Каратага и Ханакадарьи [257, 43]. Однако в заключительной части своей статьи Р. Л. Неменова, подчеркнув неразработанность вопроса формирования населения южных склонов Гиссарского хребта, отметила, что ядро этой группы, возможно, составили исконные засельники долины Варзоба, к которым присоединились последующие переселенцы из бассейна Зеравшана, что и отложилось в народной памяти

[257, 44]. С последним высказыванием Неменовой следует согласиться как с более правильным.

Языковая и этнокультурная близость таджиков Хисара (включая бассейн Сурхана и Шерабаддарьи) и таджикского населения Согда несомненна. Она не только результат миграций, но и следствие того, что обитатели указанных областей и оазисов в бассейне правых притоков Амударьи в течение многих веков жили общей культурной жизнью, о чем уже не раз говорилось выше. Однако решить проблему формирования таджикского населения южного склона Гиссарского хребта, как отметила Р. Л. Неменова, будет возможно только после проведения этнографического и диалектологического исследования всего этого района и сопоставления полученных данных с результатами изучения населения сопредельных областей [257, 44].

Кухистоний. Большинство кухистоний считали себя исконными жителями селений, расположенных в скалистых ущельях верховьев Тупаланга, но среди них было немало групп, которые утверждали, что предки их жили прежде в других местах — в верховьях Кашкадарьи и Зеравшана. Некоторые группы таджиков, считавшие себя пришлыми, вели свое происхождение от узбеков-тагчи.

О связях таджиков верховьев Тупаланга с таджиками бассейна Верхнего Зеравшана свидетельствуют и говоры населения некоторых кишлаков. Так, по свидетельству моих информаторов, жители кишлаков Шатруд и Хурватан, подобно нилючи, растягивают гласные, отчего окружающее население также приписывает им еврейское происхождение.

Некоторые группы кухистоний считали своих предков выходцами из Ургута и Самарканда.

Таджики-кухистоний имели тесные связи с жителями равнинных районов. Это объясняется тем, что во времена нашествий и войн последние прятались в горах и какая-то часть их обосновывалась там, с другой стороны, и горцы нередко переселялись в равнинные районы. Об этом свидетельствуют материалы о составе жителей некоторых селений верхней и средней частей долины Сурхана. Я уже упоминала о кишлаке Карши в районе Юрчи, в котором обитали таджики-кухистоний, переселившиеся из кишлака Карш, расположенного в верховьях Тупаланга, а также о селении Куяусу вблизи Сина, жители которого происходили из Дараи-Нахона в верховьях Тупаланга. При выходе из ущелья реки Тупаланг размещались два кишлака — Тиргиболо (верхний) и пас (нижний). Оба они, по рассказам жителей, существовали давно. Большинство обитателей этих кишлаков считало себя потомками выходцев из лежащих выше селений: в первом — из кишлаков Шатруда, Малянда, Чоша и особенно Загхана, а во втором — из Шатруда и Хурватана.

Среди жителей селения Сариасия, расположенного вблизи устья Тупалангдарьи, также были группы, которые вели свое происхождение от переселенцев из верхних кишлаков — Шатруда и Хурватана.

Хардурй. Основная масса их жила в бассейне Гузардарьи. Они делились на жителей оазиса и гор. Последние по быту были близки к полукочевым узбекам, среди которых находились. Этим можно объяснить и то, что в материалах Комиссии по районированию Средней Азии хардури показаны как узбеки (228, 211, 212). Правда, среди хардури встречались и узбекоязычные (например, обитатели кишлака Юкары-Мачай), но их было немного. В основном же они были таджикоязычны, но знали и узбекский язык. Нередко в горных кишлаках женщины только понимали по-узбекски, но не говорили на этом языке.

Трудно высказать достаточно обоснованное суждение о происхождении таджиков-хардури и о путях их формирования без проведения специальных этнографических исследований.

Во время изучения говора таджиков-хардури диалектолог М. Эшниязов собрал ценные этнографические сведения об этой группе [371, 5—26], но их все же еще недостаточно.

Прочие группы таджиков. В эту группу мной были включены каратегини, рогй и ягнобй, а также группы, которые в 1924 г. к названию своей национальности «таджик» прибавляли еще наименование того или иного узбекского племени. Изучением этих групп я не занималась, поэтому приведу лишь краткие сведения, имеющиеся о них в этнографической литературе.

Как показали исследования Гармской этнографической экспедиции, выселения таджиков из Каратегина не носили массового характера, однако в результате чрезвычайно развитого здесь отходничества происходило просачивание каратегинцев — каратегинй в соседние бекства, в частности в Хисар, а также в более отдаленные области [331, 62, 63]. Исследования, проведенные Р. Л. Неменовой в Варзобе, свидетельствуют, что выходцы из Каратегина селились на новом месте компактно и в течение жизни нескольких поколений сохраняли свой диалект и особенности быта. Переселенцы новому кишлаку порой давали название того селения, откуда они пришли [257, 39, 42, 43].

У таджиков рогй в 1949 г. было записано предание о том, что они в конце прошлого века пришли из Афганистана, из пограничного с Кулябом района Рог. Согласно этому преданию, предки рогй жили когда-то в Кулябе, но «во времена Чингисхана» были вынуждены переселиться в Рог. Опираясь на это предание, А. К. Писарчик считает, что переселение рогй в Куляб является возвращением их на родину предков [276, 77, 78]. Приведенное предание скорее является отражением не раз повторявшихся вынужденных миграций населения с одного берега

Пянджа на другой в период длившихся не одно столетие феодальных войн. Миграции неизбежно способствовали этническому смешению. Об этом свидетельствуют говоры таджиков припянджских районов Кулябской области (г. Куляба и районов, расположенных к востоку и юго-востоку от него), выделенные лингвистами в особый южнокулябский диалект таджикского языка, занимающий промежуточное положение между севернокулябским и рогским диалектами [286, 161].

Народные предания относят наиболее раннее переселение ягнобцев в бассейн Варзоба примерно к началу XVIII в. Первоначальным местом их пребывания был кишлак Коктепе — один из самых верхних кишлаков в долине Варзоба, располагавшийся у Анзобского перевала. В дальнейшем постепенно происходили, с одной стороны, приток новых переселенцев из Ягноба, с другой — расселение более ранних групп по бассейну Варзоба [257, 40, 41].

Как отмечалось, в 1924 г. были учтены отдельные группы таджиков с узбекскими племенными наименованиями. И. П. Магидович связывал их происхождение с процессом слияния узбеков с таджиками [228, 231]. Отмечу еще один возможный путь возникновения таких групп. Во время полевых исследований было установлено, что в тех районах, где полукочевые узбеки составляли большинство населения, малочисленные группы таджиков при несении различных государственных повинностей, а также при участии в конноспортивной игре купкари включались в состав того узбекского племени (или его подразделения), среди которого они жили. В качестве примера можно привести таджиков Кабадианского бекства. Здесь в начале XX в. население было сосредоточено в двух оазисах — в долине Кафирнигана и в Бешкентской долине. В первом оазисе преобладали узбеки-дурмены, во втором — узбеки-джиланны. Когда устраивали купкари с приглашением любителей этой игры со всего бекства, то таджики Бешкента выступали на стороне джиланны, а таджики Кабадиана — на стороне дурменов. Если же таджикские джигиты участвовали в купкари вне своего бекства или же купкари происходило с участием узбеков соседних бекств (катаганов Кургантюбинского бекства, конгратов Бабатага), то они (таджики) выступали как дурмены, ибо политическое господство в Кабадиане длительное время (XVIII — первая половина XIX в.) принадлежало племенной верхушке дурменов. Кабадиан же, как отмечалось раньше, был юртом узбекского племени дурмен.

Постепенно включение таджиков в состав преобладавшего или господствовавшего в данной местности узбекского племени оказывало влияние и на другие сферы общественной жизни и на этническое самосознание. Так, старики таджики кишлака Саят бывшего Кабадианского бекства в 1966 г. уверяли меня, что в прошлом они считались «чистыми дурменами», а 70-лет-

ний Хаймат-баба, узбек-чагатай из кишлака Чарбак, в 1971 г. говорил мне, что жители его родного селения являлись «дурменскими чагатаями» *(дурменнинг чагатайы эдик)*.

УЗБЕКИ

В советской исторической литературе ныне считается доказанным, что основной процесс формирования узбекской и таджикской народностей протекал в оазисах Среднеазиатского междуречья. Именно здесь в течение многих веков в тесном взаимодействии складывались две народности, разные по языку, но близкие по культуре, — таджики и узбеки. Древнейшими предками как таджиков, так и узбеков были исконные обитатели Среднеазиатского междуречья, с которыми постепенно сближались различные тюркские племена и народности, проникновение которых в Среднюю Азию, начавшееся еще в первой половине I тысячелетия до н. э., приняло более интенсивный характер с VI в. н. э.

По мере оседания тюрков в культурных оазисах это сближение перерастало в слияние тюркоязычного и ираноязычного населения. В зависимости от численности и политической роли указанных двух компонентов в том или ином районе побеждал язык аборигенного населения или тюркский. Однако этот процесс не был простой ассимиляцией или сменой языка — в результате синтеза двух культур формировались две народности, культура каждой из которых, при всей близости друг к другу, не была полностью идентичной. На периферии изучаемого района часть тюрков продолжала заниматься кочевым скотоводством, а в горах ираноязычное население длительное время сохраняло свои древние языки и специфику культуры.

Первоначальное ядро узбекской народности формируется в IX—X вв., однако узловым историческим периодом сложения этнического ядра узбекской народности является время вхождения Мавераннахра в государство Караханидов (XI—XII вв.) [336, 304], когда особенно усилился приток в Среднеазиатское междуречье тюркских племен и оседание их в оазисах. Тюркоязычное оседлое население составляло здесь уже не отдельные островки, а значительные массивы. Ведущую роль среди тюркских племен государства Караханидов играли карлуки и уйгуры, язык которых лег в основу языка узбекской народности.

Процесс консолидации узбеков, сформировавшихся в рамках Караханидского государства, продолжался и позднее. Такие крупные миграционные процессы, как передвижения огузов и туркмен с берегов Сырдарьи в глубь Средней Азии, кипчаков с берегов Иртыша в Приаралье и особенно вторжения тюрко-монгольских кочевых племен в период завоевания и владычества монголов, оказали очень большое влияние на формиро-

вание узбекской народности. Однако завоеватели, стоявшие на более низкой, чем жители Мавераннахра, ступени социально-экономического развития, постепенно воспринимали хозяйственно-культурные традиции местного населения, а также их язык. Не только тюрки, но и монголы быстро восприняли язык узбекской народности. Таким образом, переселение новых тюркских и отчасти монгольских племен значительно расширило этнический состав узбеков [251, 171]. Эти племена, частично сохранившие традиции кочевого быта, будучи основной военной силой Чагатаева улуса, играли большую роль в государстве Тимура и Тимуридов.

Последний значительный приток кочевых тюркоязычных племен в Среднеазиатское междуречье был на рубеже XV и XVI вв. — это племена кочевых узбеков Дашти-Кипчака в составе войск Шейбани-хана, завоевавшие Тимуридское государство[34]. Переселение этих племен в Среднюю Азию продолжалось в течение всего XVI в. [239, 80]. В исторической и этнографической литературе долгое время господствовала гипотеза о прямом происхождении узбекского народа от этих степных племен. Советские ученые единодушно отвергли этот, по словам А. Ю. Якубовского, наивный и примитивный взгляд [341, 8] и выдвинули тезис о том, что переселение узбекских племен хотя и было важным событием, но не явилось принципиально новым, узловым моментом в истории узбекского народа [99, 547]. Этот тезис основан на результатах комплексных исследований проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии, Казахстана и сопредельных стран с привлечением данных истории, лингвистики, археологии, этнографии и антропологии.

Письменные источники позволили установить, что пришедшие в Мавераннахр кочевники-узбеки были представлены в значительной мере теми же племенами, которые уже жили в Средней Азии [299, 36; 82, 52, 53; 99, 547]. Лингвистические исследования показывают, что грамматический строй узбекского языка и его основной словарный фонд дошли до наших дней приблизительно в том виде, в каком они установились в XIV—XV вв., т. е. с приходом кочевых узбеков они не претерпели коренных изменений [368, 109]. Археологические и этнографические материалы говорят о преемственности культуры населения Среднеазиатского междуречья. Антропологические данные со всей убедительностью показали, что «в основе антропологического типа узбеков лежит местный древний европеоидный расовый тип, а монголоидные признаки лишь примешаны к нему» [101, 132, 133].

---

[34] Я не касаюсь здесь происхождения этнонима *узбек*, ибо этот вопрос с привлечением исторических источников и литературы уже освещен Б. А. Ахмедовым [35, 11—17].

Таким образом, формирование узбекской народности было весьма сложным процессом. Основным компонентом в составе узбекской народности являлось исконное среднеазиатское население. Все новые и новые племена, вливавшиеся в ее состав, обусловили существование в ее среде различных этнографических групп, многодиалектность узбекского языка и разнообразие физического типа (в пределах расы Среднеазиатского междуречья).

В XIX — начале XX в. носители древней оседлой культуры составляли население большинства городов и крупных кишлаков оазисов Среднеазиатского междуречья. Основными занятиями их были многоотраслевое интенсивное ирригационное земледелие, ремесла и торговля. Говоры городского населения легли в основу современного узбекского литературного языка.

В горных и предгорных районах Бухарского ханства, Туркестанского края, а также Северного Афганистана достаточно четко выделялись остатки некогда многочисленных кочевых тюрков, потомков тюркских племен Тимуридского государства. Их основным занятием оставалось овцеводство и отчасти земледелие. Среди них были группы, для которых овцеводство было единственным занятием. Тем не менее благодаря многовековым хозяйственно-культурным связям и смешанным бракам их духовная культура была близка культуре оседлого населения. Их говоры, относившиеся к тому же карлукскому наречию узбекского языка, что и говоры оседлых узбеков, сохраняли ряд черт, характерных для староузбекского (чагатайского) языка. Оседание кочевых тюрков и слияние их с носителями древней земледельческой культуры продолжались достаточно интенсивно. Эту группу в составе узбекской народности мы называем в данной работе ранними племенами.

Одну из крупных этнографических групп узбекской народности составляли потомки кочевых узбеков. За четыре века, протекшие со времени поселения их в Мавераннахре, значительная часть их постепенно растворилась в среде носителей древней земледельческой культуры (в том числе и жителей городов).

Вместе с тем заметная часть их даже в начале XX в. сохраняла традиции полукочевого быта и пережитки родо-племенной структуры. В отличие от ранних племен, в их хозяйстве в этот период помимо скотоводства большую роль играло земледелие, преимущественно зернового направления. В быту этой группы были сильны кипчакские традиции, указывавшие на их генетические связи с казахами, ногайцами, каракалпаками, башкирами и др. Однако эти черты у отдельных племен были представлены не в одинаковой степени. Говоры их относились к кипчакскому наречию узбекского языка. Напомню, что в настоящем исследовании полукочевых узбеков мы называем поздними племенами.

Ранние племена

Давнее поселение тюрков в Мавераннахре подтверждается антропологическими данными — по степени монголоидности потомки тюрков тяготеют к таджикам и узбекам, не имевшим родо-племенного деления, или же полностью тождественны им [379, 14; 113, 73; 264, 34, 35; 247, 77—82]. Лингвистические данные также подтверждают давность их пребывания на данной территории — их говоры, относящиеся к «окающим» и «йокающим» несингармоническим диалектам узбекского языка, сохранили некоторые формы, характерные для староузбекского (чагатайского) литературного языка [64, 92—106][35].

Представления тюрков, что они являются аборигенами Узбекистана и Таджикистана, значительное смешение их с таджиками, переход части их на таджикскую речь также являются показателями очень давнего проживания этой группы узбеков на территории современного обитания. Весьма существенным доказательством этого является и родовой состав отдельных тюркских племен. В отличие от генеалогии собственно узбекских племен, которые, подобно казахским, состоят из четырехпяти звеньев, а названия их родов и подразделений нередко доносят до нас имена средневековых народностей и племен Дашти-Кипчака и Центральной Азии или названия их родовых тамг и уранов, генеалогии тюрков, как показали материалы предыдущего раздела, не разветвлены, названия их подразделений в подавляющем большинстве не связаны со средневековыми этнонимами, а происходят от наименований семейно-родственных групп и нередко носят таджикскую форму или происходят от таджикских слов, служивших именем или прозвищем родоначальника.

Рассмотрим записанные мной сведения о происхождении и истории расселения тюрков в южных районах Таджикистана и Узбекистана.

Среди тюрков была популярна легенда об их мифическом родоначальнике Тюрки-Тугъяне, который якобы жил во времена Мухаммеда и однажды со своей дружиной будто бы спас пророка и его войско от поражения и в благодарность получил его благословение. Легенда эта книжного происхождения: она полностью совпадает с легендой о происхождении узбеков, приведенной А. П. Хорошхиным из книги «Кытмыр» [360, 504, 505][36], и, по-видимому, восходит к сочинению XVI в. «Маджму

---

[35] Высказывания Я. Р. Виникова об утрате тюрками Ферганы своего языка и переходе их на узбекскую речь [88, 397] могут навести читателя на мысль о том, что у тюрков еще недавно был свой, отличный от узбекского язык. Но это не соответствует действительности — диалекты предков тюрков легли в основу современного узбекского языка [64].

[36] Выписка из книги «Кытмыр», содержащая упомянутую легенду и перечень 92 узбекских племен, встретилась и Х. Даниярову [118, 74, 75].

ат-таварих» Муллы Сайф ад-Дина Ахсикенди [225, 202]. С именем этого легендарного родоначальника связано представление некоторых групп тюрков об их принадлежности к роду тюрки-тугъян.

Собственно тюрки: В Кулябе и Бальджуане, где жили тюрки, перешедшие на таджикскую речь, мне не удалось выявить преданий о каких-либо больших переселениях и передвижениях этой группы в дореволюционный период. Их потомки считают себя исконными жителями мест своего обитания, и это свидетельствует о том, что они с очень давних времен обосновались в бассейне Яхсу и Кызылсу.

Среди большинства тюрков Ромита (восточной части Гиссарской долины) — тюрков-ромити́ также существовало твердое убеждение в том, что они коренные жители этой местности [37]; лишь у некоторых из групп сохранялись предания о приходе их предков из других районов. Роды варгони́ и чилькаль считались потомками двух братьев — Халбая и Халниязбая, переехавших из Кашгарии. По преданию, они были овцеводами и пришли сюда в первой половине XIX в. в поисках пастбищ и остались здесь жить. Видимо, это предание основано на реальном факте. Мне представляется вполне вероятным переселение какой-то небольшой группы из Кашгарии.

Политические, торговые и культурные связи Кашгарии с Бухарским ханством, как известно, существовали издавна; вполне реальны и непосредственные контакты овцеводов Бухары и Кашгарии на высокогорных пастбищах Памиро-Алая. Об этом свидетельствует целый ряд распространенных здесь топонимов и этнонимов, а также тот факт, что среди таджикского населения соседнего Каратегина встречаются родовые группы под названием кашкари и кашкариё [172, 37, 38; 331, 58]. Таджикский кишлак Кашкари зафиксирован переписью 1926 г. между Кафирниганом и Иляком [223, 79]; кишлак Кашкарихо («Кашгарцы»), населенный карлуками, был отмечен в Яванской долине [223, 72].

Вторая линия переселения тюрков идет с верховьев Зеравшана. Как любезно сообщил мне историк М. Хамраев, среди жителей тюркского кишлака Чарбаг, расположенного на востоке Гиссарской долины, существовало представление о том, что предки их выселились из Матчи. Известно, что население южного склона Гиссарского хребта называло матчинцами (*мастчои*) всех приходивших с севера. Тюрки жили в верховьях Зеравшана не только в районе Пенджикента, Магиана и Фараба (где их было много), но и значительно выше. Летовки же их

---

[37] Здесь особый интерес представляет находка каменной бабы тюркского типа близ поселка Ромит, о чем любезно сообщил мне Б. А. Литвинский.

простирались до самых истоков этой реки. Таким образом, тюрков — выходцев из долины Верхнего Зеравшана с полным правом можно было назвать масчои [38].

Среди названий родов собственно тюрков восточной части Гиссарской долины, т. е. тюрков-ромити́, привлекают особое внимание три — *авлоди-киргиз, авлоди-джата* и *алакузи.*

Родоначальником группы авлоди-киргиз не обязательно должен был быть киргиз (хотя киргизы жили в соседнем Каратегине вплоть до Оби-Гарма [172, 34—41; 331, 52, 57—59]), ибо значительно чаще подобные прозвища давались потомкам человека, женившегося на женщине из другого народа (в данном случае на киргизке), или человека, жившего долго среди другого народа (в данном случае среди киргизов). Группа джата, возможно, является ответвлением барласов, утратившим родовое название, ибо барласы-джата находились поблизости от тюрков-ромити́, в долине Каратагдарьи. Тюрки алакузи — это, видимо, карлуки, утратившие этноним карлук и сохранившие лишь родовое название и обобщающее наименование «тюрк». Такое предположение основано на том, что в этом районе вперемежку с тюрками жили карлуки рода алакузи. Утрате племенных наименований на востоке Гиссарской долины способствовало бытовавшее здесь представление о том, что собственно тюрки, карлуки и барласы являются одним народом.

Предания о небольших передвижениях собственно тюрков зафиксированы и в Байсунском бекстве: тюрки двух соседних ущелий — Мачая (верховья Шерабаддарьи) и Башчарвага (верховья Кичи-Урядарьи) [39] — считали своих предков переселенцами из кишлака Дахана, расположенного перед выходом р. Сангардака из горного ущелья. В 1954 г. в Башчарваге я записала об этом переселении вполне достоверное предание. Некий Хайиткул-доккы (*доккы* — грубый), находясь на летних пастбищах в горах Сангардака, поссорился со своим отцом Сарыхбаем и дедом Нарбаем по прозвищу Корь («Слепой») и, забрав своих овец и семью (у него было четверо сыновей), откочевал с ними. Один из сыновей обосновался в долине р. Мачай

---

[38] Тюрки районов Пенджикента, Магиана и Фараба обследованы мной в 1960 г. Таджикский этнограф М. Рахимов любезно сообщил мне, что в начале 60-х годов во время работы Зеравшанской экспедиции ИИАЭ АН ТаджССР вблизи Урмитана был зарегистрирован один тюркский кишлак. Кроме того, в кишлаке Кумарг (выше современного Айни) вместе с таджиками также жили тюрки, которые сообщили М. Рахимову, что их предки 300 лет тому назад переселились из Хисара.

[39] Под названием «Башчарваг» объединялось 11 кишлаков, протянувшихся цепочкой по одноименному ущелью в верховьях Кичи-Урядарьи. Один из них (Тюрк-кишлак) был населен тюрками, а остальные — таджиками-хардури́.

Башчарваг и расположенный ниже по этой реке Бейлибайли (группа кишлаков, населенных узбеками-конгратами) относились к Гузарскому бекству, но временами включались в состав Байсунского бекства.

и занялся земледелием, а сам Хайиткул с остальными сыновьями поселился в Башчарваге и продолжал заниматься овцеводством. Потомством этого Хайиткула и являются тюрки Мачая и Башчарвага. Они живут в этих местах уже девять поколений и хорошо помнят свою генеалогию: Хайиткул — Барат — Розыбай — Нармурад — Джаббар — Наркул — Нарпулат (мой информатор) — Муллаали — Сайдулла. Со времени моей записи (17.IX.1954 г.) прошло свыше 20 лет.

Можно предположить, что переселение произошло в конце XVIII в. Достоверность изложенного предания и генеалогии подтверждается тем, что эта группа продолжает общаться и вступать в браки с родственниками, оставшимися в Дахана.

О происхождении группы собственно тюрков Шерабадского оазиса говорит предание, записанное в кишлаке Гегирдак, в котором, как отмечалось выше, тюрки жили вместе с узбекоязычными чагатаями, мало от них отличались по быту и поэтому причислялись окружающими узбеками-конгратами к чагатаям.

Уроженец кишлака Гегирдак Джаббар Тагаев, 1927 г. рождения, в 1954 г. рассказывал мне, что предки гегирдакских тюрков в количестве шести семей жили раньше в Каракуле, но эмир изгнал их оттуда за то, что они отказались платить налоги. Тогда они были вынуждены перебраться в Шерабадский оазис. Сначала они поселились в местности Карагачата (несколько южнее селения Гегирдак), но земли у них там не было. Во время какого-то сайля (народного гуляния) один из этих тюрков вышел победителем в борьбе. В качестве приза ему предложили землю (во время больших сайлей раздачей призов обычно ведал бек) и спросили, где бы он хотел ее получить. Он указал на местность Гегирдак, и там ему дали землю для шести хозяйств[40]. Переселение из Каракуля произошло в последней четверти прошлого столетия. Имя победителя в борьбе хорошо известно: его звали Уста Кабиль, и он был кузнецом. Его сын Турдыали во время моего пребывания в Гегирдаке в 1954 г. был еще жив.

Есть основания считать эту группу по происхождению карлуками, которые, живя в отрыве от соплеменников, утратили свое племенное имя. Так, тюрк-карлуки ряда кишлаков южных склонов Гиссарского хребта называли себя каракульцами (*каракулй*), т. е. выходцами из Каракульского оазиса. Среди их потомков бытует то же предание о ссоре с эмиром за неуплату налогов и о бегстве в Хисар. Согласно преданию, записанному мной от представителей этой группы, живущих в кишлаке Ду-

[40] С последней четверти XIX в. в Шерабадском оазисе начался процесс повторного освоения земель, опустевших в годы феодальных войн предшествующих столетий. Эмирские власти были заинтересованы в оседании кочевников и в притоке населения в Шерабадский оазис.

чинара (в Гиссарской долине на берегу Ханакадарьи), самые бедные из перебравшихся в Хисар, не имевшие вьючных животных, остались на правобережье Тупаланга у Сариджуя; кто был побогаче, расселились по южному склону Гиссарского хребта, часть же ушла в Яван и Дангару, и постепенно связь с ними прекратилась.

Мной в 1954 г. было установлено, что в Каракульском оазисе действительно жили небольшие группы карлуков, а собственно тюрков там не было. В кишлаке Карлык Алатского района Каракульского оазиса от узбека-карлука Аллакула Рузиева я записала семейное предание о том, что его дед до революции, занимаясь извозом на верблюдах, ездил в Хисар и там встретил однажды 124-летнего старика карлука, который назвал деда своим сородичем. Возможно, что упомянутые выше шесть семей присоединились в Гегирдаке к своим ранее ушедшим соплеменникам.

Постепенная утрата во многих местностях тюрками-карлуками, барласами, кальтатаями и мусабазари (в прошлом, несомненно, и многими другими племенами) своих племенных названий и сохранение ими только собирательного имени «тюрк» наводит на мысль о том, что это наименование у собственно тюрков не есть племенное имя и что собственно тюрки составились из тех групп, которые утратили племенные названия. Установить справедливость такого предположения сейчас уже трудно, так как почти полностью забыт их родо-племенной состав. Среди окружающего населения в начале XX в. они были известны только под собирательным именем «тюрк», которое являлось и их самоназванием. Вообще былую племенную принадлежность удается выявить лишь путем длительных расспросов. Особенно это относится к барласам Гиссарской долины, которых как окружающее население, так и они сами называли просто тюрками. Это же явление замечено мной среди всех тюрков Самаркандской области, а С. С. Губаевой — в Фергане [108, 68].

Бытование среди мусабазари, тюрков-карлуков и особенно кальтатаев представления о мифическом родоначальнике Тюрки-Тугъяне дает основание предполагать о преимущественно кальтатайско-карлукском происхождении тюрков-ромитй, а, возможно, и тюрков Бальджуана и Куляба. В формировании собственно тюрков несомненно также участие барласов.

Как явствует из мемуаров Бабура, в конце XV в. в Герате и Балхе (т. е. во владениях Султана Хусейна), в Хисаре с Хутталяном при дворе Султана Махмуда мирзы и его сына Султана Мас'уда мирзы, а позже Байсункара мирзы (двоюродного брата Бабура) и его временщика Хусраушаха эмиры из племени барлас имели очень большой вес. Одно время Хуттaлян был отдан Султаном Мас'удом в полное владение своему тестю Шейху Абдаллах Барласу, который «вместе со своими сыновья-

ми забрал при дворе полную власть и в большом, и в малом» [38, 71; 129, 114, 115]. Бесспорно, барласы явились в эту область в составе войск отдельных Тимуридов, но жили они здесь постоянно (Бабур не раз говорит о хисарских барласах). Возможно, впоследствии значительная часть их ушла из этих мест с Бабуром, а еще раньше с Хусраушахом, но все же какое-то их число продолжало жить в Хисаре и Кулябе, а также в Шахрисябзе, Ура-Тюбе, Самарканде и, вероятно, в Фергане. Часть их, несомненно, вошла в состав собственно тюрков. В этом плане представляет интерес полученное мной сообщение о том, что барласы кишлака Кульписта вблизи Душанбе издавна вступали в браки с собственно тюрками-ромитй. Интересно также, что одна часть тюрков-ромитй была мюридами тех же ишанов, что и карлуки, а другая — ишанов барласов (к последним ишаны приезжали из Ходжента, Джизака и Самарканда).

Среди тюркских селений Кулябского бекства был упомянут кишлак Кипчак. То же название носили еще два таджикских кишлака: один — в районе размещения тюрков-ромитй, другой — западнее, на правобережье р. Ширкант. В Средней Азии, как известно, нередки случаи, когда в селении, носящем название того или иного народа или племени, живут люди совершенно другой этнической принадлежности. В большинстве случаев это объясняется сменой населения или постепенной утратой жителями своего прежнего этнического названия в результате ассимиляции их преобладающим в данной местности этносом.

В рассматриваемом случае напрашивается предположение, что когда-то в этом кишлаке обитали кипчаки, которых потом сменили тюрки. Возможно, так оно и было. Однако не исключено, что смены населения не произошло, а свое название кишлаки получили по небольшим группам кипчаков, живших в этих пунктах, но потом растворившихся среди преобладавших здесь тюрков.

Участие кипчаков в формировании тюрков вполне вероятно, ибо о пребывании кипчаков в сопредельном Хорасане еще в XI в. имеются свидетельства письменных источников [15, 202]. Из мемуаров Бабура также видно, что в его время кипчаки не были недавними поселенцами в интересующих нас районах. Упоминавшийся выше Хусраушах, который длительное время фактически безраздельно правил обширной территорией от Куляба и Бадахшана до Балха и Термеза, был из туркестанских кипчаков [129, 84], и не подлежит сомнению, исходя из условий того времени, что его соплеменники были в числе его войска[41]. Бабур пишет, что, как только Хусраушах завладел областью Хисар, он посадил там правителем Байсун-кара мирзу, а

---

[41] Это находит подтверждение в словах Мухаммада Салиха о том, что при бегстве Хусраушаха из Кундуза и Баглана в крепости оставались несколько туркестанцев [240, 263].

Хутталян отдал своему брату Вали [129, 115]. Среди своих приближенных, последовавших за ним в Индию, Бабур в своих мемуарах дважды упоминает некоего кипчака Турды Мухаммеда [129, 294, 303]. О присоединении кипчаков к войску Бабура при наступлении Шейбани-хана на Хисар, Хатлан (Куляб), Кундуз и Баглан писал Мухаммад Салих, современник (а возможно, и участник) этих событий [240, 262, 263]. Название Кипчак встречается и в топонимии Хорасана того времени — перевал Кипчак в горах Гиндукуша [129, 188], Кипчакские ворота в г. Герате [129, 255].

В начале XVIII в. большая группа кипчаков жила в районе Балха. Эмиры их весьма активно участвовали в феодальных распрях правителей Хорасана и Мавераннахра [241, 170—174]. В районе Балха и в других местностях Северного Афганистана кипчаки живут небольшими группами и в настоящее время [384, 65, 66]. Без специальных исследований трудно сказать, являются ли они потомками ранних кипчаков или к ним влилась еще новая волна кипчаков из Хорезма или из присырдарьинских районов. Таким образом, не исключена возможность, что и отдельные группы кипчаков пополнили состав тюрков изучаемой территории.

Собственно тюрки, по-видимому, поглотили живших на изучаемой территории тюрков-анди. А. К. Писарчик в очерке по исторической топографии г. Андижана приводит перечень селений Средней Азии с названием «Андиджан» (современная форма) или «Андиган» и «Андукан» (более древние формы) [274, 158]. Три из них находятся на интересующей нас территории: Андиджан — вблизи г. Денау в долине Сурхандарьи, Андиган — на левом берегу Кафирнигана в районе расселения тюрков-ромитй, Андиджан — на правобережье Пянджа в районе Сарайкамара. А. К. Писарчик обращает также внимание на сообщение В. П. Наливкина о том, что, согласно народным преданиям, город Андижан будто бы получил свое наименование от тюрков-анди, занявших его якобы еще в домусульманские времена. «До сего времени, — пишет В. П. Наливкин,— наманганские жители нередко называют андижанских узбеков именем Анди, причем утверждают, что они, Анди, одного происхождения с теми тюрками, которые и поныне населяют город Туркестан и его окрестности» [249, 6].

Вполне вероятно, что и приведенные топонимы — следы пребывания на изучаемой территории тюрков-анди.

В состав собственно тюрков, как и в состав чагатаев и узбеков, вошли и такие ранние племена, как *сулдуз* и *аргун,* или *аргын,* которые в XIV—XV вв. играли большую роль в истории стран, лежащих в бассейне верхнего течения Амударьи. Однако к началу XX в. следы их пребывания в правобережных районах сохранились только в топонимии. Так, в Денауском бекстве, в низовьях р. Сангардак был кишлак Аргун [323, 273], а в

Бальджуанском бекстве — два кишлака Сулдуз — Сулдузи-боло и Сулдузи-поён [207, 214; 223, 99].

Сулдуз — монгольское племя, отюреченное в XIII—XIV вв. в Азербайджане, Иране, Хорасане и Мавераннахре. При дворе Чингисхана и Чингисидов эмиры из сулдузов (потомки Соркан-Ширэ, вызволившего Чингиса из тайджиутского плена) занимали высокие посты и пользовались большим почетом. Часть этого племени во главе со своими эмирами находилась в Монголии при ставке каана, другая часть служила Чингисидам в Китае, а третья — в составе войск Хулагу-хана пришла в Иран [288, 174, 175; 289, 275, 276, 278], где при Хулагуидах эмир Чупан из сулдузов возглавил самую сильную группировку тюрко-монгольской военно-кочевой знати. Будучи регентом при Абу-Саиде, эмир Чупан стал правителем Ирана и основал династию Чупанидов [288, 22; 289, 268; 334, 146; 70, 200, 201; 54, 629]. В 50-х годах XIV в. сулдузы жили в районе Балха. После смерти эмира Казагана частью Балхского вилаета владел Улджайбука сулдуз, по предположению А. Ю. Якубовского, глава племени сулдуз [147, 311]. Последние играли видную роль в государстве Тимура и Тимуридов, а также в Моголистане, в войсках они составляли отдельные подразделения [334, 117, 162, 170, 171; 226, 516; 240, 263; 373, 53]. Сулдузы переходили на службу и к Шейбани-хану [240, 208].

Наименование «сулдуз» встречается в списках узбекских племен, приводимых в средневековых письменных памятниках [225, 213, 214], однако среди узбекских родо-племенных названий начала XX в. оно не зафиксировано. Это значит, что к этому времени сулдузы полностью растворились среди остального населения Мавераннахра и Хорасана. Этноним этот сохранился в Иранском Азербайджане в качестве одного из подразделений шахсевенов [315, 630].

Вопрос о существовании особого племени с самоназванием тюрк не решен не только для позднего средневековья, но и для более раннего периода. Так, И. И. Умняков, аннотируя «Историю» Фахрэддина Мубаракшаха (сочинение автора начала XIII в.), приводит перечень упомянутых там тюркских племен. Первым в этом списке автор источника называет племя тюрк. И. И. Умняков высказывает предположение, что слово тюрк помимо общего названия тюрков в XII и XIII вв., а возможно, и раньше служило также наименованием особого тюркского племени, хотя у Махмуда Кашгарского и нет такого племенного имени [345, 155]. Между тем в комментариях к своему переводу на узбекский язык словаря Махмуда Кашгарского С. М. Муталлибов отмечает, что слово тюрк Махмуд Кашгарский употребляет и в качестве собирательного названия для большого числа племен, и как наименование небольшого племени, отличного от других, когда речь идет о некоторых особенностях языка [231, 489].

По мнению А. М. Щербака, в Караханидском государстве термин тюрк закрепился в качестве объединяющего наименования, но с более узким этническим содержанием, чем тюрк вообще. В те времена этим именем обозначали себя (наряду с племенными и родовыми названиями) уйгурские племена, карлуки, аргу, тюргеши, ягма и др. Отличал тюрок от огузов и кипчаков и Махмуд Кашгарский. Позднее, как считает А. М. Щербак, Бабур называл тюрками оседлых жителей Мавераннахра, противопоставляя их сартам — иранскому (частью отюреченному по языку) населению Мавераннахра — и кочевым узбекам низовьев Сырдарьи. Противопоставление узбекам чагатаев в более позднее время, по мнению А. М. Щербака, отражало первоначальное разграничение тюркоязычного населения Мавераннахра на оседлых тюрок и кочевников-узбеков [368, 107, 108].

Тот факт, что наименование тюрк в качестве этнического самоназвания в начале XX в. сохранилось лишь за кочевой и полукочевой частью потомков тюрок Тимуридского государства, ставит под сомнение предположение А. М. Щербака о том, что тюрками называлась только оседлая часть тюркского населения Тимуридского государства; не дает оснований для такого предположения, как мне кажется, и «Бабур-наме».

Мне представляется, что процесс утраты отдельными группами тюрок своих племенных названий был длительным, многовековым и что группы, утратившие племенные названия и считавшие собирательное наименование тюрк своим племенным именем, имелись уже во времена Махмуда Кашгарского, не говоря о XVI в.

Кальтатай. Происхождение этого племени, упоминания о котором в письменных источниках мне не встречались, весьма туманно. Кальтатаев нельзя считать мелкой местной группой, так как они были широко расселены — от Ферганы и Ташкента до Афганского Бадахшана. В Фергане их потомки отмечены в Араванском районе близ г. Ош[42]. В Шайхантаурской части г. Ташкента наряду с кварталами Тюрк, Тюрктепа была махалля Кальтатай [210, 113]. В Ташкентской области до сих пор живут тюрки, племенная принадлежность предков которых мне неизвестна. Согласно моим полевым материалам, в начале XX в. кальтатаи были расселены также на северных склонах Туркестанского, Зеравшанского, Нуратинского и Каратепинского хребтов и Мальгузарских гор. Два кальтатайских кишлака находились в верховьях Кашкадарьи (ныне Китабский район). Большинство записей о происхождении кальтатаев и о времени их расселения в Восточной Бухаре сделано мной в

---

[42] В 1971 г. потомки кальтатаев были выявлены С. С. Губаевой и мной в Араванском районе.

районе наиболее компактного расселения кальтатаев в кишлаках, расположенных при выходе Тупаланга из ущелья. Город Юрчи считался их крепостью, и можно было бы думать, что эта территория была в свое время юртом этого племени. Однако старики говорили мне о недавнем поселении здесь своих предков, пришедших из Шахрисябза и Самарканда. Это подтверждается также данными А. Д. Гребенкина, который писал, что во время присоединения края к России часть тюрков, кочевавших по Каратепинскому хребту, «в числе 100 кибиток откочевали к Гисару, в амударьинский бассейн» [105, 79]. Однако следует указать, что, как правило, племена откочевывали не в совершенно незнакомые места, а к своим сородичам. Мной же установлено на месте, что каратепинские тюрки в основном были представлены кальтатаями и барласами.

Предания, записанные в долине Сурхана, говорят о более раннем, чем 60-е годы прошлого века, времени переселения кальтатаев из Шахрисябза и Самарканда в Хисар. Так, Батырбаба, 1880 г. рождения, из кишлака Орта-Корук Сариасийского района Сурхандарьинской области, говорил мне в 1964 г., что кальтатаи обосновались здесь семь поколений тому назад, т. е. в начале XIX в. В «эмирские времена», по его словам, еще ездили в Шахрисябз на сайли, но позже с тамошними родственниками связи прекратились.

В Фергане [108, 68, 69] и в бассейне Зеравшана местом, откуда пришли предки кальтатаев, называют районы Ура-Тюбе и Заамина, А. Д. Гребенкин писал, что тюрки «пришли в Зеравшанский округ лет 50 тому назад, при самаркандском беке Давлеткуш-беги, из ура-тюбинских гор, что тянутся от Ура-Тюбе к Джизаку. Откуда тюрки прикочевали в горы, предания их умалчивают» [105, 78, 79]. Как выяснено мной в 1971 г., среди тюрков Ура-Тюбе названия «кальтатай» не сохранилось, но один из родов тюрков этого района назывался махаттари, что совпадает с наименованием одного из крупных родов кальтатаев.

В бассейне Зеравшана распространено представление о Ташкенте как о родине тюрков, в том числе и кальтатаев. Так, в кишлаке Паски-Огиляк Пенджикентского района Ленинабадской области от узбека-кальтатая Ибатуллы Сарымсакова 64 лет я записала в 1960 г. предание, в котором говорится, что предок кальтатаев происходил из ташкентских тюрков. В то время, когда он жил в Ташкенте, там произошла битва. Победили тюрки, которые были воинственными кочевниками. Один из них во время боя оказался верхом на «кальтатае»[43]. Когда на-

---

[43] *Кальтатай* (по узб. *кальта* — короткий, *тай* — жеребенок) — жеребенок по второму году. Называют его так потому, что у него в этом возрасте подстригают хвост, гриву и челку (термин этот соответствует русскому «стригунок»).

род стал спрашивать, кто же победил в этой битве, то ответили: «Вон тот, который на кальтатае». Так за ним и за его потомством закрепилось это прозвище. Согласно преданию, с тех пор как предки современных кальтатаев пришли в исследуемый нами район, прошло 14 поколений (т. е. примерно 400 лет). Места прежнего обитания они покинули потому, что правитель брал с них слишком большие налоги.

Среди тюрков района Джизака Х. Данияров записал предания о переселении их предков из Андижана лет 250—300 назад [64, 92].

Как видно из изложенного выше, тюрки Ферганской долины ведут своих предков из Ура-Тюбе и Джизака, а тюрки Джизака, наоборот, — из Ферганской долины.

Приведенные материалы, а также многочисленные предания об основании отдельных кишлаков тюрков и о формировании их населения, записанные мной от пожилых или знающих людей, говорят о бесчисленных вынужденных переселениях тюрков из одной области в другую (из-за войн, поборов правителей, поисков более свободных земель и пастбищ). Однако надо отметить, что, по преданиям, эти перемещения происходили в пределах Мавераннахра, включая Ташкентскую область и Фергану. Это является еще одним подтверждением очень давнего проживания тюрков, в том числе кальтатаев, на территории современного обитания.

Все услышанные мной легенды о происхождении названия племени «кальтатай» связывают его со словом «кальтатай» — «стригунок» и считают прозвищем предка или предков. К. Наджимов записал в 1951 г. в долине Сурхандарьи подобное объяснение термина кальтатай. Рассказывают, что один человек или все предки из-за бедности во время битвы или козлодранья ездили верхом на жеребятах. К. Наджимов предполагает, что в этом рассказе есть доля правды, так как среди населения «был широко распространен обычай называть представителей других родов по какому-нибудь признаку. Видимо, слово „кальтатай" является прозвищем, присвоенным одной частью самих тюрков другой части этого племени». В подтверждение такого мнения К. Наджимов приводит ряд родовых названий тюрков, также происшедших от прозвищ родоначальников [247, 80, 81]. Общеизвестно, что многие тюркские родо-племенные названия берут свое начало от имен или прозвищ отдельных лиц. Однако в случае с кальтатаями (как и во многих других) у нас нет надежных данных, подтверждающих правильность народной этимологии.

Об относительной давности проживания кальтатаев в Мавераннахре говорит родословная (шеджере) его подразделений— махатзамани и мурза-кальтатай, — обнаруженная мной в 1959 г. в кишлаке Чеп Ургутского района Самаркандской области у Хидир-баба Хайдарова 1892 г. рождения. Родословная

была в свое время записана дядей Хидир-баба на последней странице рукописной книги. Дядя информатора, Мулла Турсун Мухаммад-Садык, записал перечень своих предков по восходящей линии вплоть до тринадцатого поколения с указанием каждый раз, что предыдущий — сын (ибн) последующего.

Приводим этот перечень:

Мулла Турсун Мухаммад-Садык	Артыкбай
Мулла Баймухаммад	Тагбузарбай
Мулла Турсун-Мухаммад	Мирза-Бадальбай
Тагай-Суфий	Мерган
Мухаммад-Шариф	Мирзабек аксакал
Худайберди Бешбармак	Амантурды мерган
Тангриберди	Мухаммад-Заманбай

Мухаммад-Заманбай и был, по словам Хидир-баба, родоначальником рода махатзамани или, как нередко произносят, муаззамани. Отец моего информатора Хидира Хайдарова был сыном Муллы Баймухаммада. Таким образом, если от Мухаммад-Заманбая до моего информатора прошло 14 поколений, т. е. минимум 400 лет, и если учесть возраст самого Хидира Хайдарова, то получится около 500 лет. Стало быть, Мухаммад-Заманбай жил не позднее конца XV в.[44].

Далее в генеалогии указывается, что у Мухаммад-Заманбая был брат Мирза-Мунгаймас (неясно, было ли слово *мунгаймас* — «неунывающий», «беспечальный» — его именем или прозвищем), который и был известен как Мирза-Кальтатай. Затем идут слова: «Вот они сыновья (Мирзы-Мунгаймаса) — Мугайбай и Тугайбай».

Хидир-баба Хайдаров уверял меня, что род махаттари, о котором упоминалось выше, не входил в состав кальтатаев, однако все другие мои собеседники ни разу не высказывали сомнения относительно принадлежности этого рода к кальтатаям. Все три кальтатайских рода (махатзамани, мурза-кальтатай и махаттари) были мюридами ишанов из одного и того же рода, а это всегда может служить свидетельством их близости по происхождению.

Подытоживая все сказанное о кальтатаях, мы можем сделать вывод, что они — конгломерат из остатков различных тюркских племен Мавераннахра. Так, в кишлаке Майката (на правом берегу Зеравшана выше Пенджикента) среди родовых подразделений кальтатаев я отметила название *аллот*, т. е. арлат. Этноним этот хорошо известен, он является названием одного

---

[44] Обращает на себя внимание, что среди кашкайских племен Ирана есть род мохаммед земанлу [134, 143, 144, 146, 148]. Если это не случайное совпадение, то можно думать, что какие-то осколки кальтатаев попали и в Фарс.

из четырех монгольских племен, данных Чингисханом своему сыну Чагатаю. Племя это поселилось в северной части нынешнего Афганистана [51, 34] и впоследствии играло большую роль в этой части государства Тимуридов. В Мавераннахре арлатов, видимо, было немного, однако по традиции они были в числе влиятельных племен. Это выражалось, например, в том, что они участвовали в церемонии возведения бухарских ханов на престол [228, 220].

В 1924 г. на территории бывшего Бухарского ханства было 225 арлатов (алот), они были зарегистрированы только в Бухарском оазисе. В 1954 г. среди жителей кишлака Моголан в низовьях Кашкадарьи я встретила потомков арлатов. Судя по топонимии, в прошлом они встречались и в других местах,— кишлаки под названием Алат есть в Каракульском оазисе и на южном склоне Актау (по Тусунсаю в Самаркандской области), но население их не помнит этого племенного имени.

По сравнению с мусабазари и барласами кальтатаи в начале XX в. меньше сохранили кочевые традиции, поэтому процесс утраты племенного имени шел среди них более интенсивно (они влились в состав собственно тюрков, чагатаев — таджиков и узбеков и др.). Выше мы уже говорили, что часть населения чагатайского кишлака Газарак относила себя по происхождению к кальтатаям. Таджики-сугути́ Варзоба считали себя тюрками, в частности кальтатаями, но утратили родной язык [257, 38]; один из авлодов таджикского кишлака Хуфар назывался махмазамон [357, 132], т. е. носил имя крупного кальтатайского рода[45]. Это же название записано мной среди авлодов таджиков в кишлаке Фариш на северо-восточном склоне Нуратинского хребта [168, 8]. На южных склонах Гиссарского хребта кальтатаи кое-где сливались со своими соседями — мусабазари, о чем говорит существование авлодов кальтатай среди последних.

В 70-х годах прошлого века А. А. Кушакевич зафиксировал род кальтатай среди киргизов Ходжентского уезда, хотя тюрки-кальтатаи в этом месте им не отмечены [191, 231].

О сильном смешении кальтатаев с таджиками не раз говорили мне как они сами, так и их соседи.

Антропологические данные подтверждают длительность процесса смешения кальтатаев с таджиками. К. Наджимов, исследовавший группу «тюрк» в долине Сурхана, отмечает, что «в расовом составе исследованных нами тюрков (карлюков, кальтатай и барласов) лежит в основном раса Среднеазиатского междуречья с очень незначительной примесью монголоидных признаков. Такая примесь у тюрков-барласов выражена сильнее, чем у тюрков-карлюк и тюрков-кальтатай» [247, 82].

---

[45] *Махмазамон, махатзаман* — сокращенные формы от Мухаммад Заман.

Мусабазари. Сведений о происхождении этого племени, а также о времени обоснования его на южных склонах Гиссарского хребта немного. Несомненно лишь то, что в формировании мусабазари, как и кальтатаев, приняли участие ранние тюркские племена и горные таджики [221, 44]. Как они сами, так и окружающее их население причисляло мусабазари к тюркам. Только в кишлаке Нандек в верховьях Ханакасу (один из истоков Кашкадарьи)[46] мусабазари мне говорили, что тюрками их называли таджики и другие соседи, а что сами они называли себя только племенным именем (нередко просто *мусо́*). Объяснение этого этнонима самими его носителями самое примитивное: родоначальником был некий Муса или Мусабай, который очень любил ездить на базар, и, когда спрашивали у его домашних, где хозяин, те неизменно отвечали, что Муса уехал на базар.

Мусабазари Хисара считали себя местными жителями. В чагатайском же кишлаке Дашнавад в Хисаре мне говорили, что предки мусабазари кишлаков Ханака, Карони, Анджир и Гульхас пришли из Шахрисябза. В этой связи интересно отметить, что среди жителей кишлака Нандек, относившегося в прошлом к Шахрисябзскому бекству, сохранилось предание (запись 1957 г.) о том, что семейно-родственные группы урумбадаль и калляр переселились сюда из Хисара восемь-девять поколений назад, т. е. в конце XVII в. Это предание подтверждает рассказы о том, будто бы ишаны приезжали к ним за ежегодными приношениями также из Хисара. Эти отрывочные данные позволяют все же прийти к заключению, что мусабазари, подобно остальным группам тюрков, неоднократно переселялись из Хисара в Шахрисябз и обратно в поисках мест, где можно было продолжать заниматься своим традиционным занятием — овцеводством.

Названия отдельных родов мусабазари в большинстве своем происходят от имени или прозвища родоначальника разросшейся семейно-родственной группы (к таким названиям относятся *чори́, юльма* и, возможно, *кулоби́*) или местности, откуда был выходцем родоначальник (роды *ортабози, калаиджаври, дегой* и др.). В 1961 г. в кишлаке Гульхас я записала предание о происхождении одной из групп мусабазари.

Однажды два брата вместе с семьями попали в Куляб. Старшего звали Неъматулла, а младшего Мусо. Жена последнего родила сына, и тогда Мусо обратился к старшему брату с просьбой дать имя младенцу. Старший брат назвал племянника Кулоби́, поскольку он родился в Кулябе. От этого мальчика будто бы пошел род кулоби́. Через несколько лет у Мусо родился еще один сын. Он был так красив, что его назвали

---

[46] Судя по моим полевым материалам, верховья Ханакасу были одним из мест наиболее компактного расселения мусабазари [ср. 342, 96—103].

Чори [47]. Впоследствии Кулоби и Чори поженили своих детей. От одного из внуков Мусо пошел род ортабози[48], а от другого — юльма. Последнее название было его прозвищем и означало «драчливый» (от узб. *юлмак* — выдергивать, выщипывать). Все предания о происхождении мусабазари подобного рода.

Барласы, кальтатаи, тюрк-карлуки жили по склонам гор ниже мусабазари, ближе к городским центрам, отчего больше общались с окружающим населением. Мусабазари жили глубже в горах, более изолированно. Остальные тюрки считали их более темными, неотесанными и относились к ним с некоторым пренебрежением. Это дает основание предположить, что скорее всего мусабазари — остатки одной из наиболее ранних частей кочевых тюркских племен Мавераннахра, оттесненных в горы.

Барласы были наиболее многочисленным и широко расселенным тюркским племенем. Их племенное название известно со времени Чингисхана: предводитель одной из 4 тысяч коренного монгольского войска, выделенного Чингисханом своему сыну Чагатаю, был из этого племени [289, 257]. А. Ю. Якубовский, как и В. В. Бартольд, не сомневался в том, что барласы (как и джалаиры, входившие в состав этих 4 тыс.) были монголами. Он писал, что «в 30-х и 40-х годах XIII в. это (барласы и джалаиры.— *Б. К.*) действительно были монголы, однако в 60—70-х годах XIV в. ни джалаиры, ни барласы такоВыми уже не являлись. Даже наиболее привилегированные воины Тимура из чагатаев, носившие косы (что было не свойственно тюркскому населению), говорили уже только по-тюркски» [378, 10]. В предисловии к первому изданию «Истории народов Узбекистана», где А. Ю. Якубовский повторяет ту же мысль, в примечании редакции указывается, что вопрос о монгольском происхождении барласов и джалаиров является спорным и в науке еще не разрешен [341, 11]. Что послужило основанием для такого замечания, я не знаю, ибо до сих пор нет ни специальных исследований, ни более обоснованного высказывания, дающих основание оспаривать монгольское происхождение барласов. А. Ю. Якубовский, вероятно, опирался прежде всего на Рашид-ад-дина, который неоднократно говорит о принадлежности последних к монголам [288, 78, 184; 289, 29, 269]. Джалаиры же, как теперь установлено исследованиями Ю. А. Зуева, действительно были не монголами, а тюрками [132, 178—185]. Говоря о барласах XV в., А. Ю. Якубовский вполне справедливо подчеркивает, что они были «потомками не только

---

[47] *Чори* — валух по четвертому году (по-тадж. *чор* — четыре). Упитанные валухи этого возраста высоко ценились повсюду в Средней Азии.

[48] Географический термин ортабоз (*орта* — середина, *боз* — целина) обозначает возвышенное место среди полей, оставшееся невспаханным или окруженное болотистой низменностью.

монголов, но и того тюркского населения, которое жило до прихода барласов в Кашкадарьинском районе» [378, 10].

Барласы поселились в долине Кашкадарьи в первой половине XIV в., и эта область стала их уделом [51, 33, 34]. Расселение их по другим местностям началось во времена Тимура, так как его соплеменники были надежной опорой завоевателя не только в начале его карьеры, но «верно служили ему до конца его жизни» [51, 41] и поэтому, несомненно, входили в состав чагатаев — основной военной силы его империи[49]. И. П. Магидович высказал мнение, с которым нельзя не согласиться, что барласы были вытеснены из своего удела кенегесами во время узбекского завоевания, т. е. в начале XVI в. [228, 200]. Несомненно, именно в то время часть барласов попала в Хисар и долину Сурхана. Однако и в предшествующий период они в большом числе жили в областях как правобережья, так и левобережья Амударьи. Известно весьма привилегированное положение барласских эмиров в государстве Тимурида Султана Хусейна [298, 204, 205; 62, 138]. Известно также, что много барласов ушло вместе с Бабуром в Индию [129, 232—236 и сл.; 30, 317]. В силу привилегированного положения в государстве Тимура и Тимуридов племя это, бесспорно, разрослось за счет иноплеменных включений. Однако к началу XX в. барласов было сравнительно немного. Отдельные группы барласов представляли собой остатки этого некогда многочисленного племени; основная же их часть растворилась среди оседлого населения Мавераннахра, Хорасана (включая современный Афганистан), Северо-Западной Индии (включая Пакистан) и Восточного Туркестана. В Бухарском ханстве часть барласов продолжала вести полукочевую жизнь и сохраняла свое племенное имя, а также традиции единства. Это выражалось в предпочтении внутриплеменных браков, помощи соплеменнику в выплате виры за кровь, а также в воспоминаниях о существовании своего рода пароля, произнося который барлас мог подтвердить свою принадлежность к племени. Традиционный ответ барласов был записан мною в 1957 г. в кишлаке Ташкалак Китабского района Кашкадарьинской области:

Хон тоган баллос	Барлас — ханский дядя (по матери).
Мардикорга бормас,	Он не ходит на мардикорство[50].
Улушим яммаш,	Моя доля — подвздошная кость[51],

---

[49] Только один раз (в 1959 г.) я слышала название чагатай в приложении к барласам: жителей кишлака Барлас, расположенного в ущелье Тарагай (см. ниже), называли чагатай барласами.

[50] *Мардикор* — в данном случае особая повинность по очистке оросительных систем, ремонту бекских крепостей, исправлению дорог и другим работам [см. 301, 6; 173, 114].

[51] У казахов принято угощать гостей вареным мясом специально зарезанного для них барана, причем подвздошную кость (верхняя часть таза) —

Ултиришим дангаль.[52]	Мой способ сидения — друг против друга.

Другой вариант:

Хон тоган баллос	Ханский дядя барлас
Мардикорга бормас,	Не ходит на мардикорство,
Бури йемас,	[Его] не ест волк.
Закот бермас,	Не уплачивает [он] закет,
Юриши джангаль,	Он бродит по зарослям[53],
Ултириши дангаль.	Способ его сидения — друг против друга[54].

Народные предания и представления позволяют следующим образом прокомментировать приведенную формулу.

Ни барласы, ни другие группы местного населения не причисляли Тимура к барласам — считается, что барласом был его дядя по матери (*тога*), причем не родной ее брат, а названый[55], при этом ссылаются на рукописную книгу «Тимурнаме», которую мне не приходилось видеть. Рассказывают, что однажды, когда мать Тимура ехала по шахрисябзской степи, на нее напали враги, убили ее спутников, ей же удалось спастись, спрятавшись в колодец. Некий эмир Шауки барлас спас ее, достал из колодца, а затем удочерил. У этого эмира был сын, который, как названый брат матери Тимура, приходился

жамбас — подают второму по уважению гостю, первому подается голова [91, 80]. Среди узбеков обычай подавать гостю голову барана сохранялся только среди поздних племен, да и то преимущественно в районах, прилегающих к Казахстану. Тюрки и оседлая часть узбеков голову и ножки съедали только в кругу своей семьи. По данным К. Шаниязова, у карлуков и кипчаков самым почетным считались голени задних ног барана, а также грудинка и ребра [366, 107].

[52] Не указывает ли слово «дангаль» в данном случае на то, что барласы во время приемов сидели напротив правителя? Л. Будагов дает следующий перевод этому слову: «общество», «собрание людей, сидящих друг против друга» [73, 568], «заседание». У киргизов *денгел тушунда* означает «как раз напротив» [372, 192].

[53] В Восточной Бухаре зимовки барласов располагались преимущественно в тугаях Гиссарской долины.

[54] Аналогичная формула зафиксирована у карлуков низовьев Кашкадарьи. Как сообщает К. Шаниязов, в ответ на традиционный вопрос при встречах незнакомых людей: «Откуда ты? Кто ты родом?» — карлуки должны были произнести следующую формулу:

Атим кулон,	Конь мой подобен кулану,
Камчим илон,	Нагайка моя, как змея.
Утиришим чорбагиш,	Сижу я, положив под себя ногу,
Еймишим пичча билан туш.	Ем я грудинку и край.
Асли элим сурасанг,	Если спросишь, откуда я родом,
Чингизхонли калликман.	То скажу, что я карлук страны
[367, стр. 41].	Чингисхана.

[55] У меня имеется всего одна запись, утверждающая принадлежность Тимура к барласам. Она сделана в кишлаке Барлас, расположенном в ущелье, носящем имя отца Тимура — Тарагай и считающемся родиной последнего. Ущелье это находится к западу от перевала Тахтакарача, на пути из Самарканда в Шахрисябз.

последнему тога. Существует также представление о том, что Тимур был не сыном, а внуком Тарагая (сыном его дочери).

Как известно, главой племени барлас и, как пишет В. В. Бартольд, «князем Кеша» (нынешнего Шахрисябза) был не отец Тимура — Тарагай, а другой представитель барласов — Хаджи. Кем он приходился Тимуру и кто была по происхождению мать Тимура — Текина-Хатун, источники ничего определенного не сообщают [51, 38—40]. Р. Н. Набиев на основании стиха из «Бахр-ал-асрар» Махмуда бен Вали высказал предположение о том, что эмир Хаджи был дядей Тимура [245, 33]. Однако, по мнению М. Е. Массона, это место «Бахр-ал-асрар», «очевидно, следует понимать в переносном смысле, поскольку прямой старший родственник Хаджи-барласа происходил, согласно Хондемиру, от сына Карачара, по имени Тангу-мангу, а предком Тимура был другой сын Карачара, по имени Анджиль» [219, 23; 51, 39].

Учитывая все это, можно предположить, что народные предания под дядей Тимура подразумевают Хаджи-барласа.

Как гласит предание, дядя Тимура прославился в народе тем, что просил своего племянника освободить родное ему племя от повинности выставлять мардикоров. Тимур не удовлетворил просьбу дяди и казнил его, живым закопав в землю. Но потом Тимур все же даровал барласам освобождение от повинностей. Таким образом, по представлению моих собеседников, дядя Тимура своей кровью выкупил для них освобождение от повинности выставлять людей на общественные и казенные работы. Вот почему о барласах говорили *«мардикорга бормас»*. Барласы будто бы действительно были освобождены от этой повинности. Как рассказывал мне в 1955 г. старый узбек-барлас Батыр-баба из кишлака Орта Корук Сариасийского района, никто не мог гнать барласов на мардикарство, а сами барласы участие в этих работах считали для себя постыдным.

Было бы интересно проверить по письменным историческим источникам, пользовались ли при Тимуре и Тимуридах определенными привилегиями наряду с барласской знатью и рядовые представители этого племени [56], и если да, то сохраняли ли они эти привилегии и при узбекских династиях.

Как понять третью строку первого варианта приведенного стихотворного определения барласов?

Как известно, у полукочевых узбеков, как и у казахов, существовал обычай, согласно которому представитель того или иного племени имел традиционное право на определенную часть туши забитого для гостей барана. Барласы, как видно, имели право на подвздошную кость — ямбаш (барласы произносят

---

[56] Думается, что привилегии, предоставленные Тимуром чагатаям, о которых мы узнаем из дневника Клавихо, в равной мере относились и к барласам, ибо последние, как отмечалось, входили в их состав [177, 220, 221].

яммаш), которая подавалась уважаемому гостю, как это было принято у киргизов [372, 225][57] и казахов [107, 8][58].

По поводу последней строки разбираемого определения могу сказать лишь то, что, судя по карлукскому и барласскому материалам, по-видимому, каждое племя во время приемов, устраиваемых ханом, согласно дворцовому этикету, имело не только строго определенное место относительно трона правителя [52, 389—399], но и предписанный ему способ сидения. Это напоминает этикет мужских увеселительных сборищ, сохранившихся до наших дней. По обычаю, в подражание этикету дворцовых приемов строго следят, чтобы не нарушался почтительный способ сидения, поджав ноги [313, 155—205].

Потомки барласов Хисара хорошо помнят, что их предки перебрались из Шахрисябза. Они называют разные даты переселения, в том числе и такую, как 500 лет назад, и говорят о вытеснении своих предков узбекскими племенами, водворившимися в Мавераннахре в конце XV в. Иногда в качестве первоначальной родины называют Самарканд.

Барласы Шахрисябзского оазиса и примыкающих к нему районов Самаркандской области, наоборот, считают, что их недавние предки (прадеды современных стариков) после длительного пребывания в Хисаре вернулись в исконные места своего обитания. Так, в кишлаке Юкары-Тарагай существует предание, что жители ущелья после смерти Тарагая покинули эти места и переселились в Хисар. Ущелье Тарагай покрылось зарослями, так как узбеки, любившие открытые места, не стали там селиться. Вновь на Тарагае барласы появились якобы только в начале XIX в. Поселились же они в этом ущелье не потому, что здесь была земля их предков, а потому, что все удобные как для кочевания, так и для возделывания земли были уже заняты узбеками кенегесских родов — киянны и чиют. Не исключена возможность, что переселение барласов из Хисара в Шахрисябз и Самарканд было связано с насильственным возвращением из Хисара на прежние места обитания 20 тыс. семей при Мухаммаде Рахиме мангыте в середине XVIII в. [135, 102, 103].

Достоверность преданий о переселениях барласов из одних местностей в другие, на мой взгляд, подтверждается тем, что у них всюду (бассейны Зеравшана, Санзара, Кашкадарьи и Сурхана) одинаковый родовой состав.

Барласы в своей среде различали две группы близких родов — шашбачча и кальхопизи. Шашбачча (по-тадж. *шаш* — шесть, *бача* — мальчик, парень) — потомство шести братьев, старшего из которых звали Талиббачча, а младшего — Шаш-

---

[57] К. К. Юдахин дает два значения слова *джамбаш* — подвздошная кость с мясом и бедро (как часть туши).

[58] Н. И. Гродеков переводит это слово как «бок»; лишь это значение дано в узбекско-русском словаре [344, 144].

бачча. Имена остальных записаны мной в двух вариантах. Согласно первой записи, их звали Козыбачча, Полатбачча, Ахсакбачча и Негматбачча. Вторая запись гласит, что у родоначальника барласов было семь сыновей: Талиббачча, Ниязбачча, Качальбачча, Шербачча, Негматбачча, Козыбачча и Шашбачча. Один из них, Козыбачча, не имел потомства, а от остальных произошли шесть родов барласов.

В 1952 г. уроженец Тарагая, в детстве переселившийся в Регарский район Таджикистана, 45-летний учитель Турсунали Мингбаев, предки которого относили себя к роду талиббачча, показал мне родословную, выписанную им из шаджара (по его словам, она еще существовала у тарагайцев в 30-х годах). Родословная эта представляет некоторый интерес, так как является генеалогией и всего рода шашбачча, хотя в ней, несомненно, имеются пропуски и неизбежные неточности (например, Карачар назван дядей Тимура, а Тарагай и вовсе не упоминается, ибо он, по мнению Т. Мингбаева, был мангытом). В родословной перечислены имена следующих шестнадцати предков информатора (по восходящей линии):

Мингбай (отец информатора)	Махманазир
Махмадали (дед информатора)	Суфи-Мирджан
Бегмат	Суфи-Нурджан
Козыбек	Мир-Ахмат
Ташмаматбай	Мир-Сайид-Мухаммад
Ниязбек	Мир-Сайид-Камал
Махматталиббай	Мир-Сайид-Джамал
Талиббачча (старший из шести братьев, родоначальник одноименного рода)	Мир-Амир-Карачар (дядя Тимура по матери)

Все роды, входившие в состав шашбачча, были пирдаш, т. е. имели одних и тех же ишанов, которые приезжали к ним из Ходжента. Самат Кадыров 1886 г. рождения из Тарагайского ущелья назвал имена некоторых из них — Ходжа-Джехан, Пашша-ходжа, Данияр-ходжа, Муса-ходжа и др. По словам информатора, они в прошлом объезжали всех шашбачча, вплоть до Афганского Бадахшана.

Роды группы кальхопизи не были пирдаш с группой шашбачча, т. е. ишаны их были из другого рода. Название «кальхопизи», по преданию, происходит от прозвища родоначальника. По одной версии, он был сыном Негматбаччи, одного из упомянутых шести братьев. В кишлаке Юкары-Тарагай я записала следующую легенду. Однажды во время перекочевки, когда группа переправлялась вброд через реку, лошадь, на которой ехала с ребенком жена Негматбаччи, стало уносить во-

Рис. 7. Узбек-барлас. Сариасийский район Сурхандарьинской области. ИЭ 522-451. Фото Н. С. Кармазина

дой. Негматбачча мысленно обратился к своему ишану, говоря: «Если конь благополучно выйдет из реки, я отдам его пиру, а сына, когда он вырастет, отдам ишану в услужение». Конь благополучно перебрался на другой берег, и Негматбачча выполнил свой обет: отдал пиру коня, а сына послал в Самарканд в услужение ишану. Мальчик этот был плешивым (*каль*). В Самарканде он учился и со временем стал певцом — *хафизом* (в узбекском произношении — *хапиз*). Его потомство якобы и есть род кальхопизи.

Из всех этих преданий можно сделать вывод, что названия барласских родов относительно недавнего происхождения и не связаны с известными тюрко-монгольскими этнонимами древности и средневековья. Это является одним из доказательств того, что барласы вобрали в себя так много исконного населения, как таджиков, так и тюрков, что могут считаться коренными жителями Мавераннахра. Этот вывод подтверждается и

антропологическими данными — потомки барласов являются типичными представителями расы Среднеазиатского междуречья. По степени монголоидности они занимают промежуточное положение между европеоидными карлуками и монголоидными локайцами [264, 43, 49] (см. рис. 7).

Как было сказано выше, в начале XX в. в Хисаре и в других областях Среднеазиатского междуречья жил немногочисленный род джатта, причислявшийся к барласам. Считалось, что этот род выделился задолго до времени жизни указанных шести братьев и не был пирдаш с их потомками. Иногда принадлежность джатта к барласам ставилась под сомнение. Это примечательно, так как говорит о зерне истины в народных преданиях. Известно, что джете («разбойник») было презрительным прозвищем, которое тюрки Мавераннахра дали моголам — кочевому тюрко-монгольскому населению Моголистана (Восточного Туркестана и Семиречья) [51, 36].

Карлуки принадлежат к наиболее ранним по времени поселения в Средней Азии тюркским племенам [386]. Мысль о том, что современные карлуки левобережья Амударьи являются потомками тохаристанских карлуков, была высказана еще в 1926 г. В. В. Бартольдом. Он писал: «Появление турок в областях к югу от Аму-Дарьи относится к гораздо более раннему времени, чем завоевательные движения X в., и возможно, что в некоторых случаях потомки этих турок живут в этих же местах и теперь. Арабские завоеватели уже в VII в. нашли в Бадахшане карлуков; и теперь в Бадахшане из узбекских родов живет именно род карлук; это совпадение заставляет полагать, что после завоевания Бадахшана узбеками в XVI в. в состав узбеков вошли турки, жившие там раньше» [41, 89][59].

Гуннар Ярринг также склонен видеть в карлуках Афганистана и Северо-Западной Индии потомков древнего тюркского племени карлук, однако он, возражая В. В. Бартольду, считает, что узбеков и карлуков следует рассматривать как два разных народа, или, по крайней мере, племени [384, 72]. Его поддерживает венгерский лингвист Л. Лигети [193, 113]. На мой взгляд, каждый из ученых по-своему прав: В. В. Бартольд в этноним «узбеки» вкладывал более широкое понятие, а Гуннар Ярринг — более узкое.

Н. Г. Маллицкий хотя и считал карлуков в основном потомками тюркских племен караханидского времени, но отмечал, что арабы встречали карлуков в Бадахшане «уже более тысячи лет назад» и что «как самые старые тюркские пришельцы в край (Таджикистан и Афганистан. — *Б. К.*) карлуки сильно

---

[59] Проникновение карлуков в Тохаристан современные исследователи относят ко времени ранее VIII в. [213, 159; 178, 143; 367, 26—30]. По мнению Заки Валиди, карлуки появляются впервые на исторической арене Тохаристана значительно раньше как эфталитский род в Бадахшане [389, 33].

смешались с таджиками и по типу своему значительно отличаются от прочих тюрков своим высоким ростом, густой бородой и овальными лицами» [211, 61, 62].

Мне уже приходилось отмечать, что этнографические данные позволяют говорить об очень давнем обитании карлуков в местах современного расселения. Это особенно относится к карлукам Южного Таджикистана, т. е. территории исторического Тохаристана [167, 9, 10; 159, 184—190].

Различия в говорах, в физическом типе, а также в некоторых чертах быта и культуры, существующие между карлуками Южного Таджикистана и тюрк-карлуками, отрицание в большинстве случаев представителями обеих групп родственной близости и отсутствие в прошлом брачных связей между ними наводят на мысль об их различном происхождении. Близость тюрк-карлуков к другим племенам группы тюрк и в значительной мере к узбекам, не имевшим родового деления, позволяет рассматривать их как потомков карлуков караханидского времени.

Следует указать, что часть карлуков еще в XIV в. продолжала жить в степях Дашти-Кипчака — они были в числе племен, на которые опирался Абулхайр-хан, дед Шейбани-хана [299, 24—26, 36], однако позже значительная часть их, вероятно, ушла вместе с Шейбани-ханом в Мавераннахр (или в Моголистан) и слилась со своими соплеменниками, оставшиеся же полностью растворились среди казахов и киргизов, ибо в генеалогиях этих народов этнонима «карлук» нет.

Говоря о собственно тюрках, я отмечала, что часть тюрк-карлуков южного склона Гиссарского хребта считала своих предков выходцами из Каракульского оазиса. Тахчиянские карлуки прежним местом своего обитания называли Бухару, т. е. Бухарский оазис, где Комиссией по районированию Средней Азии, а позднее, в 1954 г., и мной была зарегистрирована маленькая группа, сохранившая смутные воспоминания о принадлежности своих предков к племени карлук. Судя по топонимии и литературным данным, в Бухаре еще в прошлом веке, не говоря о более раннем времени, было значительно больше карлуков [367, 37—39]. Как считают мои информаторы, в поисках пастбищ они из Бухары переселились в Хисар.

Среди карлуков верховьев Кафирнигана бытовали предания о переселении их предков в середине XVIII в. из Ура-Тюбе. Одно такое предание записано мной в 1954 г. в кишлаке Чиллямазар от упомянутого выше Турды-баба Расулова.

Некий Мир-Дастан, карлук из Багдада[60], поселился в Бухаре. Один из его потомков переехал из Бухары в Самарканд. Позже один из потомков Мир-Дастана во втором или третьем

---

[60] По-видимому, речь идет о ходжах, ассимилировавшихся среди карлуков.

колене обосновался в селении Ниджани к северу от Ура-Тюбе. Здесь его потомство размножилось. Один из карлуков этой группы, юноша по имени Утабадаль, со своими отарами перевалил через хребты и попал в Хисар (по другой версии — он направился совершить хадж). В Хисаре Утабадаль попал в плен к ромитскому правителю — шо. Шо Ромита оказал покровительство пленнику, и тот стал разводить овец, выпасая их между реками Кафирниган и Иляк. Зимовка его была в основанном им кишлаке Явроз. Однажды два купца из Ура-Тюбе, сородичи Утабадаля, приехали туда закупить овец и, увидев его, воскликнули: «Тебя там родичи ищут, а ты, оказывается, здесь!» — и стали уговаривать его вернуться на родину. Он отказался, мотивируя это тем, что намерен поехать в Шоми-шариф (Сирию).

Тогда ромитский шо решил женить его на девушке из хорошего дома и выбрал ему в жены дочь таджика-ишана из кишлака Тунихарф (кишлак этот был расположен невдалеке от Явроза, ныне не существует). Так и остался Утабадаль жить в Яврозе. Впоследствии и те два купца переселились в эти края. На дочери одного из них Утабадаль женил своего сына Бурибая, у него родился сын Артыкбай. Впоследствии Артыкбай женился на карлучке из кишлака Лиджджак и основал кишлак Дахана на левом берегу Кафирнигана. Он имел от нее двух сыновей — Алибая и Муллу Коку. Последний был основателем кишлака Чиллямазар. Он имел шестерых сыновей. Его потомство расселилось по всей Гиссарской долине и основало множество карлукских кишлаков: Чинар, Дехинава, Лянгар, Акджар, Ширкант, Ташкалак и другие — вплоть до Тахчияна и Карлука Денауского бекства. Правнуком этого Муллы Коку и является мой информатор. Мне неоднократно говорили и в других кишлаках южного склона Гиссарского хребта, населенных потомками тюрк-карлуков, о том, что их предки переселились в Хисар из Ниджани[61].

Ко всем тюрк-карлукам ишаны приезжали из Самарканда и Ура-Тюбе. В этой связи интересно отметить, что как среди тюрков Самарканда (которые, по данным А. Д. Гребенкина, выселились из Ура-Тюбе в начале XIX в. [105, 78, 79]), так и Ура-Тюбе есть род лолаки [96, 6]. Последний существовал и среди тюрк-карлуков Тахчияна. Это свидетельствует о былом родстве этих групп. Возможно, самаркандские и уратюбинские тюрки-лолаки по происхождению карлуки, но утратившие свое племенное имя.

Таким образом, тюрк-карлуки называли своих предков выходцами из Бухарского оазиса (включая Каракуль) и из Ура-Тюбе лет 200 назад, т. е. в середине XVIII в., в период наиболее массовых передвижений населения. Не исключена возмож-

---

[61] В 1971 г. я посетила Ниджани, там о карлуках теперь уже не помнят.

ность, что эти группы карлуков перебрались именно сюда, прослышав о том, что в Хисаре издавна живут их соплеменники— карлуки Явана, Нурека и других мест Южного Таджикистана.

Предания карлуков гласят, что карлуки Южного Таджикистана (т. е. Яванской и Дангаринской долин) занимали когда-то более северные районы изучаемой территории. В кишлаке Тахчиян мне рассказывали, например, что невдалеке от него, в местности Бабазерак, где сохранилось старое кладбище, когда-то жили яванские карлуки. Это представление было основано на рассказах, слышанных моими информаторами от своих дедов. Старики говорили, что в прошлом, когда им случалось попадать в Яванскую долину, древние старухи из яванских карлуков всегда спрашивали их, существует ли местность Бабазерак, где погребены их предки.

О том, что зимовки карлуков примерно до середины прошлого столетия располагались в более северных предгорных местностях, рассказывали мне и старики карлуки в Яванской и Дангаринской долинах. Кишлаки яванских карлуков находились тогда в верховьях Явансу, в урочищах Ташахур, Даштгирак, Камбари и др.; в Яванской же долине и на склонах Каратау (невысокого хребта, отделяющего Яванскую долину от Вахша, текущего здесь в скалистом ущелье) были локайские кочевья.

Еще в прошлом веке локайцы покинули эти места (постепенно перекочевали за Вахш, в Дангаринскую долину), а на их место продвинулись таджики из районов Нурека и Файзабада, в результате чего на севере Яванской долины и на склонах Каратау образовалось до 40 таджикских кишлаков, в том числе и кишлаки в упомянутых урочищах Ташахур, Даштгирак и Камбари. Таджики, расширив посевы, стали препятствовать карлукам зимовать со скотом вблизи своих селений, и карлуки были вынуждены спускаться для зимовки непосредственно в долину — в безводную степь левобережья Явансу (небольшой речки с горько-соленой водой). Правобережная часть степи по-прежнему принадлежала локайцам. В те времена, как сообщали старики, Яванская долина и склоны Каратау были покрыты зарослями диких фисташки и верблюжьей колючки.

По рассказам стариков карлуков из кишлаков Пушинг и Муноскуль (1948 г.), лет 100 назад (т. е. в середине XIX в.) Дангаринская долина представляла собой пустую знойную степь, только на севере ее были карлукские зимовки. Ни таджиков, ни локайцев тогда в Дангаре не было. Локайцы стали переселяться сюда только со второй половины XIX в. из Явана, а таджики стали спускаться с гор Кангурта, Сарихасора и Бальджуана и заселять восточные предгорья Себистантау и южную оконечность Вахшского хребта только с начала XX в. Карлуки были вынуждены передвинуть свои летовки ближе к Дангаре.

Лет 100 с лишним назад летовки карлуков Дангары были севернее Бальджуана, на Вахшском хребте в районе таджикских селений Хазлагат, Дашманди и Сарихасор. Когда же таджики тех мест стали расширять посевы, карлукам пришлось оставить прежние летовки и довольствоваться лишь ближайшими пастбищами, расположенными в южной части Вахшского хребта. Чтобы расширить весенне-осенние пастбища, они стали проводить зиму непосредственно в маловодной Дангаринской долине, а прежние зимовки отвели под весенне-осенние пастбища[62]. Здесь, на травянистых склонах вблизи Кангурта, во второй половине мая 1875 г. Н. А. Маев встретил многочисленные табуны «узбеков лакай и хуллук, богатых лошадями» [207, 212].

Предания карлуков Южного Таджикистана о более раннем времени своей истории разноречивы. Одни, записанные мной в Нуреке, гласят, что карлуки — исконные жители этого района, другие, распространенные в Яванской долине, повествуют о том, что предки карлуков, предводительствуемые неким Батыр-ханом, во времена Чингисхана бежали из-под Самарканда, при этом одна их часть осталась в Хисаре, другая, переправившись через Пяндж, ушла в Бадахшан. Предания, записанные в Кулябе, а также в Яванской долине, свидетельствуют о том, что предки карлуков перекочевали сюда из Бадахшана (имеется в виду Афганский Бадахшан). Как видно из изложенного выше, предания не ведут карлуков за пределы Мавераннахра и Бадахшана, т. е. областей, где в течение почти полутора тысяч лет протекала богатая событиями история этого некогда многочисленного и могучего народа. Давность проживания карлуков в южных районах Таджикистана подтверждает и значительная смешанность карлуков с горными таджиками, наличие в их быту черт, присущих как горным таджикам, так и переднеазиатским кочевникам, а также принадлежность их физического типа к расе Среднеазиатского междуречья и наличие среди них лиц с чертами, свойственными переднеазиатскому типу [264, 130, 131], а по моим впечатлениям, и с чертами индо-афганской расы (см., например, рис. 8). Это следовало бы проверить более детальными, с применением новейших методов, антропологическими исследованиями.

Интересно отметить, что карлуки не вступали в браки не только с представителями соседних узбекских племен дашти-кипчакского происхождения, но и с арабами, тюрками, моголами и другими, исключение составляли лишь таджики Южного Таджикистана и отчасти Каратегина (где карлуки бывали

---

[62] Эти свидетельства информаторов подтверждаются тем, что в Хазлагате находился мазар почитаемого карлуками «святого» и обширное кладбище вокруг него. Еще в 30-х годах карлуки Дангары возили туда хоронить всех своих покойников, даже младенцев.

Рис. 8. Узбечка-карлук. Кишлак Парчасай Яванского района. ИИ АН ТаджССР. Фото П. Г. Чучева

на летних пастбищах). Карлуки издавна и охотно женились на таджичках, но своих девушек за таджиков обычно не выдавали.

В 1954 г. в кишлаке Парчасай Яванского района карлук Барат Курбанов 1887 г. рождения говорил мне: «По сути мы таджики, так как прабабка наша была таджичкой (родоначальники карлуков, проживавших в верховьях Явансу, братья Гульпалван и Хол-палван тоже были женаты на таджичках), да и потом наши предки часто женились на таджичках. Следовательно, таджики — наши дяди по матери, а они нас, карлуков, называют племянниками со стороны сестры (*хохарзода*)». Примечательно, что карлуки Явана среди своих прабабок называют не только местных таджичек, но и таджичек и карлучек из Читрала и Кандахара.

Об общем происхождении и общих исторических судьбах карлуков Южного Таджикистана (исключая тюрк-карлуков) и Афганского Бадахшана (т. е. всего Тохаристана) говорит и тот

факт, что они являлись мюридами одного и того же ишанского рода, жившего в Читрале[63].

Приведенные выше данные (стр. 81 и сл.) о родовом составе карлуков Южного Таджикистана показывают, что их многочисленные роды, которые карлуки называли авлод, так же как и роды тюрков, не сохранили имен древних народов и племен. Названия карлукских подразделений — это преимущественно имена и прозвища (большей частью таджикские) предков, иногда даже по женской линии (например, имя отца бабки-таджички или ее прозвище, связанное с названием кишлака, откуда эта таджичка была родом, и т. п.). О происхождении названий этих подразделений я записала несколько преданий.

По сообщению одного из информаторов, упомянутые выше братья Хол-палван и Гуль-палван (Хол и Гуль — мужские имена, характерные для горных таджиков) жили в местности Гашьён (по мнению информатора, она находится где-то в Шахрисябзе). У одного из братьев был сын Кутуз, который женился, и у него родилось четверо сыновей — Кокуль, Аваз, Чанна и Качпой (у троих из них таджикские прозвища). Затем Кутуз с сыновьями ушел в Афганистан и там взял себе еще одну жену, кандахарку, которая родила ему сына Партаукула (имя, типичное для горных таджиков). После рождения Партаукула отец с сыновьями вернулся на правобережье Пянджа и посе-

---

[63] Как рассказывали мне в 1954 г. в кишлаке Парчасай, два раза в год ишан, представитель этого рода, навещал кочевья и кишлаки всех карлуков Южного Таджикистана. Обычно он приезжал осенью, когда стада возвращались с летовок. Сначала месяца два он жил у карлуков Кулябского бекства, а затем приезжал в Яван. Основной целью его была «охота за мюридами», т. е. получение подношений, которые его подопечные обязаны были ему делать как своему пиру. Кочевники «добровольно» подносили пиру скот, в частности баранов. Пир обычно оставлял для себя только 20—30 голов, остальных тут же превращал в звонкую монету, продавая ургутцам-скотопромышленникам.

Незадолго до революции с «высокочтимым духовным наставником» произошел весьма забавный случай, который в народе получил название «пир талаш» — «спор пиров». Однажды, когда ишан из Читрала безмятежно гостил у карлуков Яванской долины, неожиданно явился ишан из Самарканда (по другой версии, из Шахрисябза), который был пиром тюрк-карлуков и барласов, и стал доказывать, что только он, как его предки, имеет право быть пиром карлуков, а бадахшанского ишана объявил вором (*огры ишан*). Он и ранее приезжал к тюрк-карлукам, но, «чтобы не иметь дела с грубостью гальча-карлуков», не переваливал через горы в Яван. Теперь же, когда утвердилась власть бухарского эмира, он решился на это.

Яванские бан не дали в обиду прежнего ишана — новоявленного выставили из Явана. Однако на следующий год он явился снова, поставил вблизи карлукских кишлаков свой голубой шатер и предъявил местному духовенству ярлык со многими печатями, удостоверявший его право быть пиром карлуков. Затем он обратился к прежнему ишану со словами: «А ты покажи свой ярлык». Однако у того руки были пусты. Противостоять письменному документу никто не смог. В результате приняли компромиссное решение — ишаны чередовались, приезжая через год.

лился в обширном урочище Дашти-Бедана, в верховьях р. Иляк (сюда, как отмечалось, яванские карлуки в дореволюционные годы перекочевывали на лето). Когда Партаукул вырос, он женился на дочери таджика Мири Тухпа, обитавшего на берегу Вахша, к югу от Дашти-Бедана. Вместо калыма Партаукул работал на тестя (пас его скот) в течение нескольких лет, а затем с женой перебрался в Яванскую долину и основал там зимовку Кунчи. Его потомством и являются карлуки рода партаукул.

Обращает на себя внимание название кишлака Кунчи. Этот топоним встречается в южных районах Таджикистана помимо отмеченного еще четыре раза: два кишлака Кунчибулак в Кулябской области на правобережье Яхсу в районе расселения карлуков, Кунчи-кишлак в районе Сарайкамара (на юге Кургантюбинского бекства) и кишлак Мулла-Кунчион в районе Ховалинга в Бальджуанском бекстве. Возможно, этот топоним имеет этнонимическое происхождение, ибо *кунчи* — название одного из могольских племен [373, 54, 55; 224, 194, 196]. Примечательно, что вблизи Кунчи был таджикский кишлак Санги-могол, что значит «Камень могола».

Этнографические, антропологические и диалектологические [374] данные позволяют присоединиться к мнению В. В. Бартольда и Гуннара Ярринга о том, что карлуки Афганского Бадахшана и Южного Таджикистана ведут свое происхождение от тохаристанских карлуков. Несомненно, за более чем тысячелетнюю жизнь в бассейне Пянджа основная часть их растворилась среди окружающего населения, а та часть, которая донесла до наших дней свое имя, настолько смешалась с коренным населением, что давно превратилась в глубоко местную группу.

* * *

Завершая раздел о тюрках и карлуках, следует еще раз подчеркнуть, что их должно рассматривать не как пришлое, а как коренное население Мавераннахра. В. Л. Вяткин в своей оставшейся неопубликованной рукописи «К вопросу изучения узбеков в Средней Азии. XVI в.», хранящейся в архиве Республиканского музея истории культуры и искусства УзССР в Самарканде (ф. III, д. 334, стр. 29), писал, что тюрки настолько обжились здесь в течение столетий, что их можно считать аборигенами Мавераннахра.

В своей работе В. Л. Вяткин (стр. 26) останавливался и на весьма важном вопросе о причинах резкого уменьшения численности тюрков после занятия Мавераннахра даштикипчакскими узбеками. По его мнению, господствующее привилегированное положение узбеков в стране способствовало тому, что

они вобрали в себя с течением времени значительную часть местных тюрков, близких им по языку и этническому составу.

Того же мнения о причинах убыли тюрков придерживался и другой исследователь позднефеодального периода истории Средней Азии — П. П. Иванов. Он отмечал, что об интенсивности процесса ассимиляции тюрков можно судить по тому факту, что в письменных источниках конца XVI в. (как и при Тимуридах) все население Бухарского ханства делится на тюрков и таджиков, а столетием позже, в конце XVII в., источники упоминают уже только узбеков и таджиков [135, 72].

Нарративные источники, о которых говорит исследователь, по-видимому, рассказывают о событиях, происходивших в крупных оазисах в центральных частях среднеазиатских ханств, где процесс слияния оседлых тюрков с узбеками протекал, несомненно, весьма интенсивно. В документах, относящихся к окраинам ханств, тюрки упоминаются наряду с узбеками и таджиками позже XVII в. На это указывает, в частности, обнаруженная А. З. Валидовым в Маргелане грамота конца XVII или начала XVIII в., выданная Субханкули-ханом Мир Сайиду Имаму Хусейну об утверждении его на тарханство. В этом документе есть слова: «Волю хана исполнять должны *узбеки, тюрки* и *таджики* селения Ахсы и Ангаранского тумана» (курсив мой.— *Б. К.*)» [77, 73].

Наряду со смешением оседлой части тюрков с узбеками, которое происходило в основном в оазисах, в горах и предгорьях шел не менее интенсивный процесс слияния кочевых и полукочевых тюрков с таджиками. Я подчеркиваю слияние узбеков даштикипчакского происхождения именно с оседлой частью тюрков (т. е. тюркоязычной частью оседлого населения оазисов). Тюрки по отношению к поздним узбекским племенам держались замкнуто. Браки между этими группами заключались весьма редко. Таким образом, слияние этих двух групп населения происходило путем оседания и утраты представлений о былой обособленности своих этнических групп.

Халачи. Продолжая изложение моих материалов о ранних узбекских племенах, следует остановиться на небольшой группе халачей, которые зафиксированы только в пяти небольших кишлаках (на территории бывшего Кабадианского бекства).

Согласно преданию, записанному мной в 1971 г. в кишлаке Башкала от Юлдаша Баратова 1903 г. рождения, предком всех кабадианских халачей был некий Байманбай. Он жил в селении Халач на средней Амударье, но потом с девятью сыновьями на каюке отплыл в низовья Кафирнигана и стал жить в Шахкишлаке, в самом нижнем селении на левом берегу реки. Потом, оставив там одного сына, он перебрался несколько выше — в Джаркурган. Здесь же поселился и другой его сын, а Бай-

манбай переехал еще выше по Кафирнигану, в местность Басыз вблизи Ляйлякуя. Там остались жить еще двое его сыновей. а он сам с остальными сыновьями переселился в соседний Кият. Здесь устроились четверо его сыновей, а он с младшим сыном окончательно обосновался в районе нынешнего кишлака Башкала, одного из самых верхних селений Кабадиана. В то время в этом районе еще не было дурменского кишлака Кабла — самого верхнего на левобережье Кафирнигана после выхода реки из горного ущелья.

Байманбай вывел из Кафирнигана канал Канджига-арык, который протянулся до Мирас-Тюбе, что ниже г. Кабадиана, и занялся земледелием. На ближайшем тепе он построил дом с чордара (комнатой на втором этаже с четырьмя дверьми) и назвал его укрепленным замком — кала.

Младшего сына Байманбая звали Нурбай. У него было два сына, одного из которых звали Досбай. У него был сын Арманбай. Сын Арманбая — Хайталибай был дедом моего информатора. Эта родословная свидетельствует, что переселение Байманбая из Халача произошло девять поколений, т. е. около 250 лет, назад.

Дед информатора, Хайталибай, жил в середине XIX в., в период, который известен среди населения как «узбекское время» (*узбек заман*). В этот период изучаемая нами территория была разделена на ряд самостоятельных феодальных владений (Хисар, Кабадиан, Бальджуан, Куляб и др.), управляемых феодальной верхушкой узбекских племен, постоянно враждовавших между собой [354, 26]. Старики вспоминают рассказы своих отцов и дедов о том, что в «узбекское время» хисарский бек напал на Кабадиан, взял в плен его правителя и подчинил себе жителей, заставив их переселиться со всем их имуществом в Хисар. Именно тогда дед Юлдаша Баратова, Хайталибай, некоторое время пробыл в Хисаре.

Пока часть жителей Кабадиана была в плену, а часть скрывалась в окрестных горах, ирригационные сооружения пришли в негодность, поля и сады засохли. Возвращавшееся население постепенно восстановило ирригационные сооружения и каналы.

Среди обитателей Кабадиана существует легенда о том, что когда-то халачи были идоло- и огнепоклонниками и что в горах к востоку от Шаартуза, которые называются Кухи-халач или Халач-таг, у них были кумирни. Теперь в этих местах остались только заросли гранатов, которые называют «гранатами идолопоклонников», местонахождение же идолов, по поверью, может быть открыто лишь при помощи волшебства.

Мой информатор Юлдаш-баба Баратов расшифровывает эту легенду так: когда Байманбай жил в местности Басыз под Ляйлякуя, он якобы каждое утро после утреннего намаза, выйдя из мечети, смотрел на восток, на гору, где в пещере Такакамар им были спрятаны ценности. Чтобы замаскировать вход

в пещеру, он посадил возле него гранаты. Когда люди спрашивали его, почему он смотрит в ту сторону, он отвечал, что там в горах есть кумирня халачей и он молится, глядя в ту сторону. Поэтому эти горы будто бы назвали Кухи-халач, т. е. Халачскими горами.

Вот те немногие сведения о халачах, которые мне удалось записать от одного из наиболее знающих людей из их среды и от их соседей. Материалов по говору халачей у меня нет. Могу лишь сказать, что говор их близок к говору карлуков Южного Таджикистана.

Как известно, халаджи (халадж, халач, калач) — одно из древних тюркских племен, поселившихся (вместе с карлуками, а может быть, и ранее) в странах к югу от Амударьи — в Тохаристане, Систане и соседних с ними областях примерно с VI в. В последующие века халаджи в значительной мере растворились среди местного населения этих стран. Они, в частности, сыграли определенную роль в формировании афганского племени гильзаев, название которого, по мнению исследователей, идет от халаджей [106, 850, 851, 856; 385, 417—437; 215, 271]. Однако часть халаджей, живущая в Иране, донесла до наших дней не только свое наименование, но и свой язык [385, 434—437; 116, 89—96; 381; 369, 111—115]. В 1929 г. халаджи были зафиксированы и на юге Азербайджанской ССР [4]. По рассказам моего информатора Юлдаша Баратова, халачи есть и в Северном Афганистане — в Рустаке. До революции рустакские халачи навещали своих кабадианских соплеменников.

Тот факт, что название «халач» закреплено в низовьях Кафирнигана в оронимии, заставляет думать, что халаджи в этих местностях были отнюдь не случайными пришельцами. Они наряду с моголами и другими упоминаются Мухаммадом Салихом в низовьях Вахша при описании событий начала XVI в. [240, 175]; историк начала XIX в. говорит о халаджах как об одном из туркменских племен средней Амударьи [227, 422].

Следы пребывания халаджей в Мавераннахре сохранились в топонимии (крупный населенный пункт Халач на средней Амударье[64], кишлак Халач в верховьях Кашкадарьи [222, 289], селение Халадж [320, 76] и Тутхаладжан [360, 155] в Зеравшанской долине). Название халач как этноним я записала в качестве наименования одного из авлодов у таджиков в кишлаке Моджурум на Нуратинском хребте [168, 8].

Тагчи часто называли себя катаганами, но, несмотря на это, основываясь на антропологических и этнографических дан-

---

[64] Есть ли среди нынешних жителей селения Халач Чарджоуской области Туркменской ССР группа, ведущая свое происхождение от халачей, остается неизвестным; в работе Я. Р. Винникова, посвященной родо-племенному и этническому составу населения этой области, ничего не говорится о халаджах [87, 5—110].

Рис. 9. Узбечка-тагчи. Кишлак Кызылнаур Байсунского района (Мачай). ИЭ 440-4-24. Фото Н. С. Кармазина

ных, я отношу их к числу ранних племен. Их физический тип, как и других групп узбеков, неоднороден, однако в целом они значительно менее монголоидны, чем конграты, и среди них встречается немало лиц, близких по типу к горным таджикам (см. рис. 9, 10). В Байсуне они славились своей красотой, а в верховьях Мачая даже существовало поверье о том, что среди их предков были рожденные от пери, чем и объясняли красоту их женщин[65]. Мужчины-тагчи обычно высоки и статны, в прошлом среди них было много признанных борцов-палванов.

Говор тагчи близок к говорам тюрков и карлуков Южного Таджикистана, тогда как говор собственно узбеков-катаганов, расселенных в южных районах Таджикистана, подобно говорам других узбеков даштикипчакского происхождения, относится к кипчакскому наречию узбекского языка.

У тагчи в отличие от узбеков даштикипчакского происхождения не было разветвленной генеалогической структуры (см. стр. 84). Названия основных их родов — *сарыбаш* и *чубаш* —

---

[65] *Пери* — по представлениям местного населения, это духи, способные влюбляться в людей и вступать с ними в супружеские отношения, являясь им в образе человека: мужчинам в виде красавицы, а женщинам в виде молодого красавца. Считалось, что пери добивались не только любви, но и служения им — избранные ими люди должны были стать шаманами [328, 41—42].

напоминают такие родовые названия тюрков Ферганы, как *кокалябаш* и *япалакбаш* [108, 70—72][66].

Как уже отмечалось, хотя тагчи и называли себя катаганами, но противопоставляли себя узбекам—конгратам, дурменам, локайцам и юзам. Браки они заключали преимущественно внутри своей группы, делая в некоторых местностях исключение лишь для таджиков и тюрков. Окружающее население рассматривало их как самостоятельную этническую группу, близкую к тюркам и таджикам. Приведу некоторые материалы из своих полевых записей.

В селении Джатта-кишлак Регарского района Таджикской ССР жили тагчи и барласы рода джатта. По сообщению пожилой женщины из этого кишлака, обе группы считались «ветвями одного и того же народа» и издавна вступали между собой в браки, но за узбеков (дурменов, юзов, конгратов и локайцев), живших в том же районе, своих дочерей не выдавали (запись 1952 г.).

Жителей большого тагчинского селения Хатак, расположенного на восточном склоне Кугитангского хребта, узбеки-конграты этого района называли хатакскими таджиками или катаган-таджиками. Хатак входил в число десяти кишлаков, относившихся к Дахпаракент-чагатаю — кишлакам, населенным в основном таджикоязычными и узбекоязычными чатагаями. Хатакцы вступали в браки с таджиками-чагатаями дахпаракентских селений, в которых было немало групп, происходивших от тагчи, в частности от хатакцев. Тагчи Хатака вступали в браки и с жителями кишлака Саят, расположенного на противоположном склоне хребта Кугитанг. Обитатели Саята были узбеками племени саят, по культуре и быту они были близки к чагатаям и считались аймаками, т. е. аборигенами этого района [164, 32—34].

Мой информатор, пожилой узбек-конграт, разъясняя мне (в 1966 г.), кто такие тагчи, сказал о тех из них, которые жили в горах Байсуна: «Горных таджиков, говорящих по-узбекски, мы называем катаганами». Напомню также, что в Байсунском бекстве тагчи числились в составе чагатаев.

Тагчи считали своих предков выходцами из Кундуза, Ташкургана и Балха (как известно, юрт узбекского племени катаган был в Кундузе). В Пашхурдской долине потомки тагчи в 1961 г. рассказывали мне, что в начале XX в. в некоторых селениях у них существовали (правда, уже затухавшие) связи с родственниками, оставшимися в левобережных районах Амударьи. О достоверности этих воспоминаний свидетельствует то,

---

[66] Киргизский этнограф К. Калилов любезно сообщил мне, что род япалакбаш был и у тюрков Узгенского района Киргизии. Этот этноним зафиксирован мной среди тюрков Ургутского района Самаркандской области в форме ялпакбаш (*япалакбаш, ялпакбаш* — плоскоголовый).

Рис. 10. Узбек-тагчи в горах Байсуна. ИЭ 440-4-14. Фото Н. С. Кармазина

что катаганы рода сарыбаш (относившегося к подразделению мунос этого племени) зафиксированы как в изучаемых районах, так и в Афганистане [384, 20].

Сообщения информаторов о времени прихода сюда предков тагчи самые разные — от 200—300 до 700—800 лет назад. А. Д. Гребенкин в конце 60-х годов XIX в. записал у катаганов Самаркандской области предание о том, что их предки переселились из Кундуза при Абдулазиз-хане (годы правления — 1645—1680) [105, 85, 86]. Этот период, а также последующие два столетия были заполнены кровопролитными феодальными войнами и в Бухарском ханстве, и особенно в находившемся от него в номинальной зависимости Балхском вилаете, куда входил и Кундуз, а временами и Бадахшан. Во время этих междоусобиц Балхская область постоянно подвергалась грабежам и опустошениям, временами в ней не оставалось «и следов населенных мест», жители разбегались, в частности перебирались в Мавераннахр [241, 97 — 101; 141, 85, 86].

Достоверными представляются также предания, записанные мною в ряде кишлаков, где жили тагчи, о бегстве их предков из Балха и Ташкургана «во времена хана Махмуда». Махмуд-бий аталык (умер в 1708/09 г.) был главой племени катаган и наместником в Балхе и Бадахшане при бухарских эмирах Субханкули-хане и Убайдулле-хане. Он проводил независимую от эмира бухарского политику. Междоусобные войны разгорелись при нем еще больше, чем прежде, и бедствиям народа не было границ. В период правления Убайдулла-хана страшному разгрому подвергся Кундуз, юрт катаганов [241, 124 и сл.; 141, 89—92], и, возможно, именно тогда часть населения Кундуза бежала в Хисар.

Следует подчеркнуть, что если потомки узбеков-катаганов, живущие на юге Куляба, связывают приход своих предков в правобережные районы со временем завоевания Афганского Туркестана афганцами в 60-х — 70-х годах XIX в., то потомки тагчи относят его к более раннему времени.

Наряду с достоверными преданиями, приведенными выше, существуют легендарные. Так, в Байсунском и Сариасийском районах распространено мнение о том, что тагчи являются самыми ранними насельниками той или иной местности. В Байсуне мне рассказывали, что первоначальными жителями города и его окрестностей были тагчи, которые со временем растворились среди чагатаев. В кишлаке Туда, расположенном близ Байсуна и населенном узбеками-конгратами, отдельные участки пахотных земель еще недавно были известны по именам их прежних владельцев — тагчи. По свидетельству знатока местной истории учителя Батыра Хошмурадова 1919 г. рождения, тагчи продали свои земли конгратам несколько поколений назад и ушли (запись 1971 г.). И в других кишлаках под Байсуном старики рассказывали, что тагчи были вытеснены конгратами и что между этими двумя группами всегда шла борьба за земли и пастбища.

Представление о том, что тагчи были одними из наиболее ранних насельников (пришедшими, однако, после тюрков), записаны мной в 1971 г. и в верховьях р. Халкаяр, в Кызыл-кишлаке. Таджики-катари и узбеки-конграты, живущие там вперемежку с тагчи, считаются более поздними поселенцами. Об этом, в частности, свидетельствуют семейные предания, говорящие о постепенном, начиная с середины прошлого столетия, вытеснении тагчи таджиками. Хотя эти предания являются лишь отражением постоянной борьбы отдельных групп за пахотные земли и пастбища и не могут рассматриваться как достоверные свидетельства аборигенности каких-то групп тагчи, мы все же не можем считать все группы тагчи потомками относительно недавних пришельцев. Значительный период их формирования действительно протекал на изучаемой территории, здесь они вобрали в свой состав немало местных тюрков и таджиков и

сами вошли в состав местных этнических групп. Сказанное подтверждается сообщениями доктора Лорда [203, 265, 266] и Кушкеки [74, 9]. Оба автора, видимо, опираются на сообщения местных историков или на предания катаганов Афганистана о том, что катаганы до переселения в Кундуз какое-то время жили в Хисаре (подробней см. стр. 240). Можно было бы думать, что в этих преданиях речь идет только о собственно катаганах, однако в версии Кушкеки тем местом в Хисаре, где пребывали последние и где «это племя объединилось», назван Дашнавад (на северо-востоке долины Сурхана). Неподалеку от него в конце XIX — начале XX в. жила небольшая группа тагчи, составлявшая население нескольких кишлаков на южном склоне Гиссарского хребта (см. стр. 85).

Как рассказывали мне в 1954 г. жители кишлака Тахчиян, в более раннее время в окрестностях Дашнавада было значительно больше тагчи и наиболее крупным их кишлаком был этот самый Тахчиян. Здесь они занимались выплавкой чугуна и литьем сошников и котлов. Рассказывают, что в прошлом в том кишлаке якобы была гора, называвшаяся Катаган, откуда жители добывали руду, но будто бы гора обвалилась и тагчи покинули эти места. Освободившиеся земли заселили таджики и тюрк-карлуки. Память о пребывании тагчи в этих местах сохранилась в названии селения. Согласно преданию, они жили и значительно выше Тахчияна, в местности Зардолю-кутан, где сейчас находят много железного шлака.

Предание, приведенное Кушкеки, о том, что катаганы до прихода в Кундуз жили в окрестностях Дашнавада, а также существование здесь большой группы катаганов-тагчи дают как будто основание предположить, что тагчи — одна из ранних тюркских групп бассейна Сурхана и Шерабаддарьи, примкнувшая к катаганам и с ними переселившаяся на территорию современного Северного Афганистана; устойчивое же представление о том, что предки тагчи перебрались из Афганистана в правобережные районы, связано с многочисленными феодальными войнами, во время которых группы тагчи вновь обосновались на прежней своей родине. Во время пребывания их в левобережных районах к ним могли примкнуть и тюрки Катагана и Бадахшана.

В числе основных занятий тагчи наряду с разведением коз, овец и отчасти земледелием были добыча руды, выплавка чугуна на древесных (арчевых) углях, литье сошников из чугуна, выжигание и продажа угля и устройство водяных мельниц. По свидетельству информаторов, добыча руды и выплавка чугуна прекратились в бассейне Сурхана в начале XX в., а в Хатаке значительно раньше. То, что чугуноплавильное дело было одним из основных занятий тагчи, нашло отражение и в наиболее распространенной легенде о переселении их предков в бассейны Сурхана и Шерабаддарьи.

Эта легенда, записанная мной в 1961 г., гласит о том, что однажды 40 молодцов-катаганов, не желая подчиниться правителю, бежали из Балха в Самарканд (в некую местность Гурдара). Там они женились, обзавелись семьями и стали жить, промышляя грабежом. Однажды в поисках потерявшихся лошадей они попали в горы Кугитанга и Байсуна. Им там понравилось, и они перевезли туда семьи. В один из дней к ним приехал ишан из Балха и назвался их пиром. Для того чтобы испытать его чудотворную силу, тагчи посадили его в печь для выплавки чугуна и подожгли, и ишан сгорел. Затем к ним явился ишан не то из Дахбида, не то из Ургута, они и этого ишана посадили в печь и подожгли, но он не сгорел — он будто бы спокойно сидел в печи среди пламени и молился. Тагчи уверовали в его святость, признали его своим пиром и сделали ему подношения.

По другому преданию, ишана пытались сжечь в обычном помещении, а он, не сгорев, научил тагчи выплавке чугуна (*камб биширии*) и повелел, чтобы упомянутые 40 молодцов вместо грабежа занялись этим ремеслом. Однако ишан не простил нанесенной ему обиды и проклял катаганов словами: «Пусть из вашей среды не будет ни падишаха, ни бека, ни военного предводителя, пусть топоры всегда будут на ваших плечах» (*Силардан пашша чикмасин, бек чикмасин, саркарда чикмасин; энглэрингизда балталарингиз тушмасин*). С тех пор якобы среди тагчи не было людей чиновных, все они жили в горах по верховьям рек, занимались выплавкой чугуна и отливкой сошников. При этом они использовали древесный уголь, стало быть, топоры для рубки леса были всегда при них.

В приведенной выше легенде подчеркивается отсутствие у тагчи людей с чинами; это же отмечали в беседах со мной потомки карлуков и тюрков, говоря, что в прошлом сила была на стороне узбеков. Последние были нукерами, из их знати выдвигались военные предводители (*саркарда*) и поборники племенной чести (*уругпараст*), из чагатаев выходили чиновники (*амальдор*), а карлуки и тюрки ничего не хотели знать, кроме своих овец. Как видим, и эта черта объединяла тагчи с ранними племенами.

Думается, что в легенде о 40 молодцах Самарканд фигурирует не случайно: большая группа таджиков, расселенная к северу от него, на Нуратинском хребте, среди жителей соседних районов была известна под названием тагчи [168, 7—9]. Исследователи давно обратили внимание, что среди этих таджиков были группы, которые считались по происхождению узбеками и даже относили себя к отдельным узбекским племенам. В частности, была группа, называвшая себя племенем сарай [168, 7—9]. В этой связи интересно отметить, что в Яккабагском районе Кашкадарьинской области в 1924 г. была зафиксирована группа тагчи в 245 человек, считавшаяся подразделе-

нием именно племени сарай [228, 178, табл. 7, № 121] [67]. Небезынтересно также то, что узбеки племени сарай, подобно тагчи, вели своих предков из Балха [105, 89], где они в конце XIX в. действительно находились в близком соседстве с катаганами [228, 192]. Эти материалы наводят на мысль о возможном участии узбеков-тагчи наряду с кальтатаями и халаджами (см. стр. 177, 196) в формировании таджиков Нуратинского хребта. Напомню, что на Нуратинском хребте тюрки жили в непосредственном соседстве с таджиками [221, 37—47]. Следует также отметить, что таджики Нуратинского хребта, подобно таджикам-чагатаям и тагчи, в постоянных жилищах находились только зимой, в остальное же время года жилищем им служил наряду с решетчатой юртой полусферический шалаш карлукского типа (*алачик*), который был характерен и для племен группы тюрк (собственно тюрков, кальтатаев, мусабазари, барласов и моголов) [154, 13—23].

Приведенные данные позволяют заключить, что в формировании тагчи определенную роль сыграли и группы ранних тюркских племен горных районов Северного Афганистана, позднее утратившие свои племенные названия. В качестве же их объединяющего этнического наименования утвердилось название тагчи — «горец». В период, когда в Кундузе происходило формирование крупного политического объединения под главенством катаганов, тагчи в условиях господства родо-племенных традиций стали одним из подразделений этого племени.

Переселение тагчи в бассейны Сурхана и Кашкадарьи происходило издавна. Здесь, оказавшись в том же этническом окружении, что и на родине, предки тагчи вступали в контакты с тюрками и таджиками; это приводило, с одной стороны, к включению в их состав отдельных местных групп, а с другой — к постепенной ассимиляции тагчи в среде местного населения.

В связи с изучением происхождения тагчи следует напомнить о тагликах — горцах Восточного Туркестана, впервые открытых Б. Л. Громбчевским в 1889 г. в отрогах Западного Куэньлуня в верховьях Холастандарьи (правого притока Яркендарьи). Б. Л. Громбчевский писал, что высокогорные долины в верховьях Тизнафа, одного из истоков Холастандарьи, «населены совершенно особым племенем, не имеющим ничего общего ни оседлым населением Кашгарии, ни с кочевыми племенами киргиз, живущих в горах. Племя это называет себя тогликами, т. е. горцами. По типу тоглики напоминают жителей Юго-Западной Кашгарии (Яркенда, Каргалыка), хотя встречаются между ними лица очень красивые, чистого таджикского типа» [85, 94].

---

[67] В табл. 7 район расселения не помечен, однако на стр. 191 в горном районе отмечены сараи в том же числе (245 человек), что и в табл. 7. Не может быть никакого сомнения в том, что это одна и та же группа.

Название «таглик» в Восточном Туркестане, подобно наименованию «тагчи», не было лишь собирательным именем населения определенного ландшафта, а служило этнонимом. Об этом свидетельствует, например, описание состава войск одной из враждующих сторон, данное автором XVIII в. Мухаммадом Садыком Кашгари: «Оно состояло из войск нескольких городов: Кашгара, Янги-Гисара, Аксу, Уча, Кучи, Сайрама, Бая, Даулана, а также из калмыков, китайцев, горцев (таглик) и из нескольких киргизских племен» [297, 121].

Таглики Восточного Туркестана, подобно тагчи и тюркам, были в основном овцеводами. Суровые природные условия ограничивали их возможности занятия земледелием, но посевы все же были у всех. Интересно, что Б. Л. Громбчевский при посещении одного из покинутых поселений тагликов обнаружил там остатки железного шлака [85, 98]. Жилищем, в котором таглики находились бóльшую часть года, Б. Л. Громбчевский называет юрту киргизского типа, однако, судя по фотоснимку, приведенному А. Стейном, видно, что у тагликов бытовал и шалаш того самого типа, который был характерен для карлуков, тюрков и тагчи [388, 204, рис. 67][68]. По-видимому, таглики заимствовали юрту у киргизов. Это же наблюдалось и у тагчи, зажиточная часть которых жила в юртах, характерных для полукочевых узбеков даштикипчакского происхождения, однако исконной формой своего жилища они считали шалаш карлукского типа. Изложенные материалы наводят на мысль, что таглики высокогорных районов Восточного Туркестана, подобно тагчи верховьев Амударьи, представляют собой остатки древних тюркских насельников этой страны (карлукских и уйгурских племен), утративших свои племенные наименования, но сохранивших в несколько трансформированном виде свои исконные занятия, включая выплавку и обработку металлов, пережитки кочевого быта, в том числе древние формы переносного жилища [154, 22]. Как таглики, так и тагчи впитали в себя ираноязычных аборигенов, изменили свой антропологический облик, восприняли черты культуры аборигенного оседлого населения (Б. Л. Громбчевский отмечает, например, что таглики одеваются, как жители оазисов Кашгара, Яркенда, Хотана и др.; одежда тагчи ничем не отличалась от костюма таджиков-чагатаев, в то время как костюм узбеков даштикипчакского происхождения имел ряд своеобразных черт).

Проблема происхождения узбеков-тагчи рассмотрена мной в общих чертах, поскольку изучение их только начато. Пока остаются неисследованными группы тагчи, а также катаганы, жившие в начале XX в. в других районах Узбекистана.

---

[68] Краткие расспросные сведения еще об одной группе тагликов, относящиеся к началу 40-х годов, приводит С. М. Абрамзон [8, 334].

Выяснение этногенеза тагчи представляет большой интерес не только потому, что позволит выявить места расселения и историю формирования еще одной ранней тюркской группы, сыгравшей определенную роль в этногенезе узбекского и таджикского народов, но и потому, что без выяснения места этой группы в составе катаганов не может быть правильно освещена проблема происхождения последних, являвшихся в XVIII—XIX вв. одним из крупнейших узбекских племен.

Моголы по своему самосознанию и по представлению окружающего населения были особой этнической группой, не относившейся ни к тюркам, ни к узбекам. Могол (*мугул* в произношении населения Южного Таджикистана, *могал* — жителей Самаркандской области) — буквально значит «монгол». Однако моголы Восточной Бухары и других областей Бухарского ханства, а также небольшие их группы, жившие в начале XX в. в различных районах Туркестанского края, подобно моголам, живущим ныне в Афганском Бадахшане в районе Аргу, расположенном между Файзабадом и Кишмом[69] [387, 99—101], говорили на узбекском языке[70]. По культуре они были близки к тюркам и карлукам. Так, в частности, исконной формой их кочевого жилища был полусферический шалаш из гнутых ивовых жердей, крытый войлоком или камышовой циновкой, т. е. шалаш, названный мной переносным жилищем карлукского типа. Он остается единственным видом летнего жилища у моголов района Аргу [387, 100, 101]. Среди моголов Восточной Бухары в начале XX в. он бытовал лишь у бедняков, зажиточные же люди заимствовали у узбеков юрту — более совершенное и более дорогостоящее кочевое жилище.

О моголах, живших в большом числе в Хисаре, Хуттале и Бадахшане, пишет в своих мемуарах Бабур. В его время моголами называли тюркские племена Моголистана, выступавшие, по справедливому заключению В. П. Юдина, «как особый этнический коллектив» [373, 58], хотя в составе моголов в значительной степени были представлены те же племена, что и в составе тюрков Мавераннахра. Еще И. П. Магидович высказал предположение, что моголы, отмеченные в составе узбекской народности начала XX в., как и моголы Афганского Бадахшана, были потомками выходцев из Моголистана [228, 221, 222], которые во времена Тимуридов постоянно перекочевывали в

---

[69] Среди моголов других районов Афганистана Г. Ф. Шурманн отмечает группы, говорящие по-монгольски [387, 14].

[70] Известный исследователь узбекского языка В. В. Решетов отнес говор моголов к числу джокающих говоров узбекского языка [290, 67]. Материалов по говору моголов южных районов Таджикистана у меня недостаточно, чтобы уверенно судить о его характере, но те немногие записи, которые сделаны мной в поле, свидетельствуют о другом — о близости говора моголов Южного Таджикистана к йокающим говорам карлуков и тюрков.

Мавераннахр и далее на юг, на левобережье Амударьи вслед за своей феодально-племенной знатью, переходившей то к одному, то к другому из Тимуридов и их эмиров. Данные Куляб-ской этнографической экспедиции [276, 82, 83] и мои полевые исследования в Самаркандской области полностью подтверждают это. К такому же заключению пришел и Г. Ф. Шурманн о происхождении моголов района Аргу [387, 101].

До недавнего времени не занимались специальным исследованием средневековых моголов, игравших в XIV—XVII вв. важную роль в истории Средней и особенно Центральной Азии, поэтому их этническая и языковая принадлежность оставалась неясной. Хотя и были известны названия ряда племен, но никто не пытался по возможности полнее извлечь из нарративных источников того времени названия могольских племен. Эта работа весьма своевременно и с большой тщательностью была выполнена В. П. Юдиным [373, 52—65]. Не вызывает сомнения принадлежность моголов Моголистана по языку, а большинства их племен и по происхождению к тюркам[71].

Приведенные выше родовые наименования моголов Восточной Бухары ведут свое начало от имен или прозвищ родоначальников отдельных семейно-родственных групп, причем некоторые из этих этнонимов происходят от таджикских слов. Исключением являются лишь два названия — *алимогол* и *отранчи,* встречавшиеся в качестве этнонимов и у других народов. Так, одно из подразделений казахов племени адай именовалось *мугал,* а одно из его родов — *али* [30, 380; 92, 88, 89, родословная таблица адаев]. Адаевцы, принадлежавшие к Младшему жузу, в начале XX в. занимали Мангышлак и Устюрт, однако с XV и до начала XVIII в. они жили в западной части Семиречья [92, 86, 87], т. е. в Моголистане, и, возможно, с этим связано появление среди их родовых названий наименования могал.

Название отранчи, возможно, восходит к утарчи или итарчи — наименованию племени, представители которого упоминаются среди нукеров Абулхайр-хана (отца Шейбани-хана) [330, рис. 263; 224, 17]. Бабур упоминает также имена двух лиц из племени утарчи, причем в обоих случаях это выходцы из Моголистана [129, 161, 312]. Опираясь на «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммада Хайдара, В. П. Юдин считает итарчи одним из могольских племен [373, 54]. В начале XX в. название утарчи встречалось среди родов узбекских племен хитай [105, 100] и локай.

---

[71] На первый взгляд на их монгольское происхождение указывает замечание Бабура о том, что люди моголистанского хана были одеты по-могольски [129, 160]. Однако у Бабура речь идет о знати, окружавшей хана. Как известно, по настоянию этой знати хан Моголистана старался сохранять кочевую жизнь, а также традиции монгольского двора Чингисхана.

Таким образом, безусловно, что моголы Узбекистана, Таджикистана и Афганского Бадахшана являются остатками могулистанских тюркских племен. Те из них, которые встретили в Мавераннахре своих соплеменников (канглы, карлук, арлат, кушчи, бахрин), видимо, влились в их состав, остальные же сохранили объединяющее наименование «могол».

Среди моголов бассейна Варзоба, большинство которых было кочевниками-овцеводами, деление на более мелкие группы не отмечено. Здесь в 1954 г. жители двух кишлаков, расположенных в долине р. Лучоб, сообщили мне, что их предки примерно в середине XIX в. переселились сюда из Самаркандской области. В Самаркандской области в начале XX в. моголы обитали в основном в долине Санзара и в Булунгурском районе. В 1960 г. я записала у них два родовых названия в качестве основных — *мирза-могол* и *сарт-могол*.

В 1949 г. во время работы Кулябской этнографической экспедиции среди кулябских моголов еще можно было услышать предания о приходе их предков из Северного Афганистана во второй половине XIX в. Якка-моголы, в частности, считали, что их предки выселились из кишлака Яккатут (по-видимому, имелось в виду большое селение Яккатут вблизи Рустака, к северу от него [276, 83]). Г. Ф. Шурманн среди моголов района Аргу зафиксировал роды *чунг, хафиз-могол, кара-могол* и *али-могол*. Хафиз-моголы были больше известны под названием *якка-могол* [387, 100]. Али-могол и якка-могол, составлявшие большинство и в Кулябе, вероятно, были наиболее крупными родами у моголов Афганского Бадахшана.

М. С. Андреев, по-видимому, во время посещения в 1902 г. Памира и Припамирья [273, 7] записал ряд названий родов моголов Афганского Бадахшана. Отмечая, что моголы состоят из 30 подразделений, М. С. Андреев, к сожалению, привел названия лишь трех из них (наиболее многочисленных) — *чирикчи-могол, али-могол* и *якка-могол* [26, 5]. Упомянуты им и утранчи как часть тюркского рода *чингиз,* который в Узбекистане и Таджикистане не зафиксирован. Примечательно, что, по свидетельству М. С. Андреева, моголы наряду с барласами, кальтатаями, карлуками и родами чингиз и чунг входили в число шести тюркских родов [26, 5]. Это подтверждает правильность наблюдений Г. Ф. Шурманна, подчеркивающего, что моголы — тюрки не только по языку, но и по антропологическому типу [387, 100].

Г. Ф. Дебец во время проведения антропологических исследований в Афганском Бадахшане моголов не выделил — они фигурируют у него в одной группе с карлуками и чингизами. Всю эту группу Г. Ф. Дебец противопоставляет узбекам, говорящим на джокающем диалекте (племена конграт, кенегес и др.) [114, 2]. Судя по приведенным им данным, первая группа менее монголоидна, чем вторая [114, 8—20].

Меришкары относятся к числу групп, происхождение которых остается неизвестным, хотя принадлежность их к ранним племенам не вызывает сомнения. Впервые в качестве одного из узбекских племен они были выделены И. П. Магидовичем. Он привел данные об их расселении [228, 220], но ничего не смог сказать об их происхождении. В таблице, где все узбекские племена разбиты им на группы по их происхождению, меришкары отнесены к прочим [228, 270].

Диалектолог С. Ибрагимов, описавший говор населения кишлака Меришкар в низовьях Кашкадарьи, ничего не говорит о родо-племенной принадлежности предков жителей указанного селения, воспринимая его название только как топоним [133]. Интересен такой факт: жители кишлака Наматан Китабской волости в 1924 г. со слов аксакалов были записаны кенегесами, на следующий же год они назвали себя меришкарами [228, 194][72].

Следует отметить, что О. А. Сухарева при проведении полевых этнографических исследований в г. Шахрисябзе обратила внимание на то, что часть информаторов была склонна относить все узбекское население Шахрисябзского оазиса к кенегесам. Она высказала предположение, что это могло быть результатом былого политического объединения разнородных этнических групп вокруг последних [329, 133—135].

Эта мысль О. А. Сухаревой подтверждается тем, что в Бухарском оазисе меришкары считались одним из родовых подразделений узбеков-мангытов[73]. Как известно, в Бухарском и Каршинском оазисах мангыты составляли крупное политическое объединение, вобравшее в свой состав разнородные этнические элементы. Примечательно, что меришкары были подразделением рода курама, само название которого (*курама* — лоскутный, составленный из разнородных частей) свидетельствует о сборном характере этого рода.

Исследования Кулябской этнографической экспедиции на юге области того же названия, а также распространенность топонима «Меришкар» в качестве названия населенных пунктов как в Средней Азии, так и в Северном Афганистане [74, 108] не оставляют сомнения в том, что меришкары представляли собой этническую группу. Не исключена возможность, что некогда они были не этнической, а социальной или даже, судя по их названию, профессиональной группой, со временем приняв-шей этнический облик.

---

[72] Экономисты, обследовавшие Китабскую волость в 1924 г., также называют меришкар в числе «отделов» племени кенегес [316, 11].

[73] Генеалогическая таблица узбекского племени мангыт приложена к рукописи кандидатской диссертации Д. Г. Вороновского, хранящейся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Д. Г. Вороновский, «Гульшен-аль-мульк» Мухаммеда Я'куба Бухари, Ташкент, 1947).

Записанные в 1949 г. на юге Куляба родовые названия меришкаров не являются по происхождению этнонимами. Два из них *хисори* и *кудуки* — происходят от названий кишлаков на левобережье Пянджа, откуда прибыли родоначальники этих групп. Согласно преданиям, все меришкары юга Куляба были выходцами из Афганистана — из селений Хисор, Кудук, Сарихасор, Нурова, Люсак и др., переселившимися на правый берег в середине XIX в. Как рассказывали наши информаторы в 1949 г., лет 150—200 назад холмы на юге Куляба (бассейн Джилги) были заняты локайцами, но потом они покинули этот район, а спустя некоторое время на их место пришли меришкары и другие группы.

Меришкары юга Куляба не причисляли себя к узбекским племенам и предпочитали браки внутри своей группы. Они вели оседлую жизнь и занимались в основном земледелием. К началу XX в. меришкары всюду значительно смешались с окружающим оседлым населением[74]. В некоторых местностях (в частности, в Китабском районе) они утратили четкое представление о самостоятельности своей группы. Все это, а также их «йокающий» говор позволяет относить их к ранним племенам.

Подытоживая все материалы о тюрках, карлуках, барласах и других группах ранних узбекских племен, приходишь к заключению, что мысль С. П. Толстова, высказанная им еще в 40-х годах, о том, что тюрки Тимуридского государства — результат слияния скифо-сарматских и тюркских кочевников древности и раннесредневекового Узбекистана, вполне справедлива [335, 7].

Поздние племена

В результате распада Золотой Орды в 20-х годах XV в. в восточной части Дашти-Кипчака (т. е. на обширных землях к востоку от Волги и к северу от Сырдарьи) образовалось государство кочевых узбеков — Узбекский улус. Основателем его был Абульхайр-хан, дед Шейбани-хана. Государство это просуществовало немногим более 40 лет. На его территории издавна жили в основном кочевые тюркские племена, по отношению к которым источники того времени употребляли собирательное название «узбек», имевшее тогда не этническое, а политическое значение, так же как и термин «казак», который стал прилагаться к той части племен Дашти-Кипчака, которая откололась от Абульхайр-хана и откочевала в Хорезм, Чуйскую долину и Семиречье [35, 5, 6, 11—17]. Источники сохранили названия большинства племен, обитавших тогда в Узбекском улусе [326, 10]. В значительной своей части это были те племена, из кото-

---

[74] В 1938 г. в таджикском селении Нурата А. К. Писарчик встретила меришкаров, говоривших по-таджикски и считавших себя таджиками [276, 86]. Не исключена возможность, что это были потомки выходцев из кишлака Меришкар, расположенного вблизи Нураты (к югу от нее).

рых составились не только узбеки и казахи, но и каракалпаки, башкиры, ногайцы, южные алтайцы, отчасти киргизы и некоторые другие тюркские народы.

На рубеже XV—XVI вв. часть кочевников Узбекского улуса в составе войск Шейбани-хана вторглась в Мавераннахр и обосновалась там. Относительно численности пришедших в Среднеазиатское междуречье кочевых узбеков среди исследователей нет единого мнения: одни рассматривают это вторжение как массовое переселение кочевников [135, 50; 99, 547], другие, наоборот, считают, что в Мавераннахре осталась относительно небольшая группа кочевых узбеков [239, 74, 79; 326, 11, 12], третьи занимают среднюю позицию, говоря о «значительном наплыве» кочевых скотоводческих племен [82, 51]. Тот факт, что четыре столетия спустя, когда значительная часть потомков кочевых узбеков уже слилась с местным оседлым населением, все еще существовали и были широко расселены среди узбекского сельского населения многочисленные группы, сохранившие пережитки родо-племенного деления и специфику даштикипчакской культуры, позволяет предполагать, на мой взгляд, что кочевые узбеки, пришедшие в Мавераннахр вместе с Шейбани-ханом, были многочисленны. В то же время нельзя и преувеличивать их численность. Исследователи справедливо обращают внимание на свидетельства источников, в которых говорится, что некоторые племена были расселены как в Дашти-Кипчаке, так и в Мавераннахре еще задолго до походов Шейбани-хана и вошли в состав завоевателей уже в Мавераннахре.

Просачивание отдельных групп кочевого населения из Дашти-Кипчака в Мавераннахр продолжалось в течение всего XVI в. и позже [239, 80]. Эти новые группы поддерживали численность потомков даштикипчакских узбеков и как бы обновляли даштикипчакские культурные традиции. Такую же роль играли близкие по культуре к кочевым узбекам казахи и каракалпаки, переселявшиеся в Мавераннахр в начале XVIII в. и постепенно сливавшиеся с узбеками.

В конце XIX — начале XX в. потомки даштикипчакских узбеков, находясь в тесном взаимодействии с окружающим населением и смешиваясь с ним, обрели общий культурный облик жителей Мавераннахра, хотя в какой-то мере сохраняли многие черты своей традиционной культуры и свои говоры. В Восточной же Бухаре, где скотоводческое хозяйство и связанная с ним родо-племенная организация продолжали в значительной степени сохранять свою силу и где вплоть до второй половины XIX в. политическая власть (а следовательно, и влияние на общественно-культурную жизнь) оставалась в руках знати узбекских племен, всегда выступавшей в роли поборника старых устоев родо-племенной организации, многие элементы их традиционной культуры устойчиво сохранялись и оказывали весьма заметное воздействие на окружающее оседлое население. Поэтому харак-

терный для центральных областей Мавераннахра процесс слияния потомков даштикипчакских узбеков с оседлым населением оазисов здесь не был ведущим. В этих местах происходило поглощение полукочевыми узбеками отдельных групп оседлого населения, что еще больше осложняло и без того сложный и пестрый родо-племенной состав узбеков.

По традиции считалось, что существует 92 узбекских племени даштикипчакского происхождения — *токсан экки баулы узбек уруги*[75]. Сравнительный анализ известных ныне списков узбекских племен показал, что эти списки включают названия большинства тюркских и некоторых нетюркских племен и народов, населявших территорию Средней Азии во времена господства в ней узбеков [326, 15; 225, 202]. На эту сложность родоплеменного состава узбеков и ранее указывали многие исследователи. Она выявляется еще более ярко при анализе родового состава каждого племени в отдельности. К сожалению, большинство узбекских племен в историко-этнографическом аспекте плохо или совсем не изучено.

Как отмечалось выше, в Восточной Бухаре в конце XIX—начале XX в. из поздних узбекских племен жили конграты, юзы, локайцы, катаганы, семизы, кесамиры, дурмены и др.

Конграты. К вопросу о родовом составе конгратов, об их происхождении и расселении в местах современного обитания исследователи обращались неоднократно. Большинство их не сомневалось в том, что по своему происхождению они — одно из племен монголов, давно отюреченных в степях Дашти-Кипчака. Казахский диалектолог С. Аманжалов придерживался мнения о тюркском происхождении конгратов [18, 62—64].

Для нас не имеет особого значения, монгольского или тюркского происхождения конграты, ибо, как неоднократно указывалось в различных исследованиях, если то или иное племя и было когда-то монгольским, то ко времени переселения в Мавераннахр в начале XVI в. оно давно уже было тюркизировано по языку, культуре, да и по этническому составу. Это объясняется тем, что вокруг первоначального монгольского ядра сконцентрировались части или осколки многочисленных тюркских племен, отчего со временем монгольским оставалось фактически одно лишь название. Это особенно относится к такому племени, как конграт, к которому стремились примкнуть более слабые или малочисленные племена. Конграты выделялись среди осталь-

---

[75] В. В. Бартольд в 1926 г. обратил внимание, что в источниках до 1781 г. речь идет о 32 узбекских племенах, а после — о 92. Этот факт он объяснял распадением племен [47, 465]. Однако изучение сочинения XVI в. «Маджму ат-таварих» Муллы Сайф ад-Дина Ахсикенди показало, что представление о 92 племенах существовало уже в то время [326, 10—16]. Ныне в народной среде бытуют представления о 32, 36, 92 и 96 племенах.

ных племен своим особым положением — из них брали себе жен Чингисхан и его сородичи [30, 370].

По справедливому предположению исследователей, два племени — кият, из которого происходил Чингисхан, и конграт, из которого происходила его мать, — были связаны фратриальными узами [123, 118; 126, 337, 341]. Известно, что браки между этими двумя племенами заключались еще задолго до Чингисхана [288, 103, 104]. Как явствует из сочинений Алишера Навои, эта традиция браков между ними продолжалась и в Тимуридское время. Навои неоднократно говорит о том, что ханы предпочитают брать в жены девушек из племен кият и конграт [сведения взяты из работы Х. Даниярова — 118, 30]. Еще в начале XX в. кияты и конграты составляли в Хорезме одну группу и браки внутри нее были традиционными [126, 336, 337].

И. П. Магидович, сопоставляя родовые названия племени конграт у узбеков и казахов, пришел к правильному, на мой взгляд, заключению, что «одноименные союзы в обеих народностях составились из неодинаковых частиц основных тюркских племен. По-видимому, тюркские элементы объединились вокруг частей одного и того же монгольского ядра, известного еще со времен Чингисхана, но в различное время и в различных местах» [228, 189].

И. П. Магидович считал, что предками большинства хорезмских узбеков являются конграты, жившие там еще до узбекского завоевания, а казахский конгратский союз образовался позднее, не ранее XV в., в завоеваниях же Шейбани-хана участвовал именно хорезмский конгратский союз, а не казахский. Подтверждением этого он считал, помимо указанного несовпадения родовых названий казахских и узбекских конгратов, предание конгратов Восточной Бухары, записанное Н. Ф. Ситняковским в начале XX в., о том, что они выходцы из Хивы и перекочевали в Бухару около 400 лет назад, т. е. как раз во время завоевания Мавераннахра Шейбани-ханом. О достоверности этого предания, по мнению И. П. Магидовича, свидетельствуют одинаковые названия родов у хорезмских и бухарских конгратов. Однако последний не отрицает генетической связи узбеков-конгратов и казахов всего Среднего жуза. Узбеки-конграты, по его мнению, сложились из частиц всех племен (кроме кипчаков), из которых (по Аристову) составился и Средний жуз, только в отличие от казахов-конгратов среди узбеков-конгратов имелась значительная примесь групп туркменского, каракалпакского и иранского происхождения, а также элементы, вошедшие в состав Большого и Малого жузов позднее, и, кроме того, группа невыясненного происхождения — аинлы (айны) [228, 189, 190].

Сравнение родового состава узбеков-конгратов Хорезма и каракалпакских конгратов, проведенное Т. А. Жданко, показало, что большинство названий их родов совпадало. Сходными оказались и предания об их приходе в Хорезм из бассейна Сыр-

дарьи, и имя родоначальника, а также многие элементы культуры — обряды, верования, некоторые элементы материальной культуры, в частности одежда. Все это позволило Т. А. Жданко выдвинуть гипотезу о том, что «общность в данном случае имеет глубокое значение, и истоки ее следует искать не только в известной общности исторических судеб узбеков и каракалпаков конгратов, но и в этнических связях между ними» [123, 121]. К выводу о генетической связи между указанными племенами пришла и В. Г. Мошкова. Она отмечала, что включение одинаковых этнических элементов теми и другими «произошло одновременно из одного источника на территории Хорезма и прилегающего к нему бассейна Сырдарьи» [236, 156].

Сопоставление родовых названий у конгратов Восточной Бухары и у их соплеменников в Хорезме, а также у всех каракалпакских родов[76] выявило наличие восьми этнонимов, общих для этих трех групп: ачамайлы, балгалы, богаджели, канджигалы, каракурсак, коштамгалы, тартулы и тогыз (каракалпакский род тогызга караган означает «относящийся к тогызу»). Помимо этого у конгратов Восточной Бухары совпадают с хорезмскими узбеками-конгратами еще пять этнонимов — барак, борбай, джилантамгалы, карабура, ногай, а с каракалпаками — айынны, акпычак, баймаклы, казаяклы, казак, кайчылы, канчы, карабойын, карга, колдаулы, копиш, куйин, курама, тараклы, урус, хандекли, чауджайлы, чоллик, чомичли, ыргаклы, туркман. Не вызывает сомнения идентичность еще трех названий у конгратов Восточной Бухары и каракалпаков: ауыз-бачча — абыз (авыз), дудал — добал, саккиз — сегизак.

Таким образом, совпадений с хорезмскими конгратами всего 13, а с каракалпаками — 32. Укажу также, что группы, называемые *каракалпак,* имеются в составе двух крупных родов конгратов Восточной Бухары.

Перечисленные выше этнонимы свидетельствуют о том, что в сложении конгратов Бухарского ханства большую роль сыграли племена Приаралья и Присырдарьинских районов, принявшие участие в формировании как других узбекских племен, так и каракалпаков. Мне бы хотелось привести одно знаменательное предание рода каракалпак, входившего в состав узбеков-конгратов. Оно гласит, что их предки были выходцами из Присырдарьинских районов, при переселении их меньшая часть ушла в Коканд [339], бóльшая — в долину Зеравшана, на Джамбай, причем от последних лет 250 назад отделилась группа во главе с неким Алтынбашем и его тремя (по другим сведениям, шестью) братьями и укочевала сначала в местность Фачкамар в Гузарской степи (и даже провела там арык), а позже, в конце XVIII в., заняла урочища Хамкан и Киршак, располо-

[76] По родовому составу конгратов Хорезма я привлекаю данные К. Л. Задыхиной [126, 338], а по родовому составу каракалпаков — Т. А. Жданко [123, 161—168] и каракалпакско-русского словаря [153, 780—787].

женные в самом центре низкогорий между Гузаром и Шерабадом. Связь с каракалпаками, оставшимися на берегах Зеравшана, эта группа поддерживала длительное время, но постепенно она прервалась, хотя время от времени делались попытки ее возобновить.

У конгратов Восточной Бухары с каракалпаками Самаркандской области совпадают всего три этнонима — ачамайлы, бешбала и карабойын [105, 99], а с каракалпаками Бухарской области — девять: ачамайлы, балгалы, добал, казаяклы, кандекли, карабойын, тулянгит, чауджайлы, чомичли [338, 46], т. е. преимущественно те этнонимы, которые устойчиво сохранялись у ряда тюркоязычных народов; часть их происходит от названий тамг. Предания самаркандских и бухарских каракалпаков также говорят о переселении предков с берегов Аральского моря, Жаныдарьи и Сырдарьи в XVIII в. [338, 44—47; 340, 35, 36]. Самаркандские каракалпаки помнят о том, что часть их сплеменников ушла на юг, в пределы нынешней Сурхандарьинской области, и что с ними в прошлом поддерживались связи [340, 36].

До недавних пор оставался открытым вопрос о происхождении рода аинны, который каракалпаки не считали своим коренным родом: его родоначальник, согласно преданию, был по отцу из байсунских узбеков-айынны [123, 58, 60]. Среди узбеков помимо конгратов этот род был зафиксирован (в форме айтамгалы) только у так называемых нуратинских туркмен — узбекского племени *туркман,* расселенного в Нуратинской межгорной котловине и прилегающих горах [236, 148].

Плодотворные изыскания Р. Г. Кузеева в области этногенеза и этнической истории башкир дали интересные материалы для разработки проблемы формирования узбекских племен вообще и рода айынны в частности. Предания башкир рода айле[77] говорят о приходе их предков из Средней Азии, с отрогов «Башкортских гор», а рода сарт-айле — из-за Сырдарьи [186, 236]. Родственный айлинцам башкирский род барын-табын (ср. узбекское племя *бахрин,* название которого обычно в народе произносится *баарин*) ведет своих предков «со стороны Бухары» [186, 236]. Анализируя эти сведения, Р. Г. Кузеев за-

---

[77] В основе названий *айынлы, айынны, айлы, айле, айны* лежит слово *ай* — луна; тамга этого рода, имитируя полумесяц, изображалась в виде скобы. Указанные пять форм значат «имеющий луну», форма айтамгалы — «имеющий тамгу [в виде] луны». Этот этноним в форме *ай* бытовал только у башкир [188, 54].

Узбеки-конграты, в том числе айынны, утратили свои тамги, но память о них сохранилась в названии одного из подразделений этого рода — айтамгалы. Тамги в пережиточной форме сохранялись лишь у узбеков-локайцев, одним из основных занятий которых было коневодство [359, 220; 165, 19]. Одной из причин исчезновения тамг у узбекских племен, на мой взгляд, является то, что после переселения их в Мавераннахр табунное коневодство перестало быть у них одной из ведущих отраслей хозяйства.

мечает, что данные о приходе из Бухары «надо воспринимать не в буквальном значении, а как косвенное свидетельство политической зависимости кочевников от одного из крупных среднеазиатских мусульманских центров эпохи средневековья» [186, 237]. Однако в данном случае башкирские предания можно считать достаточно достоверным источником, так как. мне думается, есть основания отождествлять с легендарными Башкортскими горами Пашхурдские горы Восточной Бухары — невысокую гряду, у подножия которой расположено уже упоминавшееся селение Пашхурд. Для утверждения достоверности событий, запечатленных в башкирских преданиях, было бы недостаточно одного созвучия географических названий, если бы в этом районе не жили конграты-айынны и если бы не было башкирско-конгратских параллелей в родовых названиях [78].

Потомки башкирского рода тырнаклы (одного из родов племени ай) говорили Р. Г. Кузееву, что в прошлом их называли сырдарьинскими башкирами. Приводя это высказывание, Р. Г. Кузеев замечает, что полуостров на Аральском море, несколько северо-западнее устья Сырдарьи, называется Кок-тырнак [186, 236]. Примечательно, что это же наименование носила одна из семейно-родственных групп конгратов — тартулы в Байсуне. Она относилась к тому подразделению тартулы, которое называлось орь. Последнее наименование также имелось у башкир, только в составе другого племени — не ай, а усерген: закреплено оно и в топонимии — один из притоков Урала называется Орь.

У конгратов-тартулы есть роды *тогыз* и *тулькичи,* эти же названия (второе в форме *тульке)* имеются среди подразделений рода кошсы башкирского племени ай. В составе конгратов-вахтамгалы изучаемых районов была семейно-родственная группа гобаляк-туджа. Первой части этого названия соответствует башкирский этноним кубаляк в составе рода табын, родственного племени ай. О том, что эти совпадения не случайны, что эти этнонимы не возникли разновременно и самостоятельно у башкир и у узбеков-конгратов, свидетельствует наличие их и среди других тюркоязычных кочевников. Название тогуз было зафиксировано у казахов [30, 380] и, как было отмечено выше, у каракалпаков, а также у алтайцев [282, 23, 24], а название туджа — у тувинцев [281, 73]. У исследованной мною группы узбеков-конгратов указанная семейно-родственная группа гобаляк-туджа вместе с кара-туджа составляли подразделение туджа рода чаныкчлы. Последний, по мнению Н. А. Аристова, алтайского происхождения [32, 405].

---

[78] По родовому составу башкир привлекались данные из работ Р. Г. Кузеева [188, 48—57; 55]. Здесь я не могу приводить узбекско-башкирские параллели по всем племенам. Отмечу лишь, что названия *башкурд* и *бачкир* сохранились в топонимии Узбекистана и в преданиях узбеков, а также в одном из опубликованных списков 92 узбекских племен [118, 75].

Все эти данные дают основание утверждать, что в преданиях башкирского рода айле отразились какие-то подлинные передвижения предков башкир и узбеков-конгратов. О генетических связях их свидетельствует еще ряд совпадений — общими для башкир и узбеков-конгратов были также этнонимы ырыс, мавлиш, карга, казаяаклы, каракалпак, туркман. Эти совпадения могут рассматриваться как следы протекавших в средние века на обширных пространствах от Центральной Азии до Дуная сложных процессов дробления кочевых племен и народностей и объединения их в новых комбинациях.

Как уже говорилось, тамга башкирских айлинцев — полумесяц [190, 199]. Р. Г. Кузеев предполагает, что эта группа — огузского происхождения и что до переселения на Урал айлинцы входили в состав Дашти-Кипчака, а затем Золотой Орды [190, 198, 199]. Вопрос же о происхождении конгратов-айынны требует дальнейших исследований. Трудно пока сказать, когда они обосновались в районах Южного Узбекистана — пришли ли вместе с основной массой конгратов в начале XVI в. или жили здесь до них. Отсутствие этой группы в составе хорезмских узбеков-конгратов и инородность их среди каракалпаков, а также башкирские генеалогии позволяют думать, что айынны — потомки более ранних, чем остальные конграты, обитателей южных районов Узбекистана. Возможно, они пришли сюда вместе с основной волной огузов, которые, как известно, жили здесь подолгу и должны были оставить следы и в этническом составе местного населения, и в топонимии.

В этой связи следует обратить внимание на этноним хандекли, который существовал у туркмен средней Амударьи [87, 32], а также у узбекских и каракалпакских [153, 784, 787] конгратов. Его соблазнительно связать с хандаками, гузским народом, жившим в X в., согласно Идриси, в долине р. Руза [226, 220, 221], которую С. Г. Агаджанов отождествляет с р. Чу [15, 65—70]. Если бы это название было только у конгратов Бухарского ханства и у соседних с ними туркмен, можно было бы допустить, что это какая-то местная группа, вышедшая из средней Амударьи и вошедшая со временем в состав как узбеков, так и туркмен. Наименования туркменских селений — Хандак, Чукур-Хандак, Кескен-Хандак [87, 32] — и ясная на первый взгляд этимология этого слова (*хандак* — крепостной ров, окоп, яма; *чукур* — глубокий; *кескан* — выкопанный) также свидетельствуют в пользу местного происхождения носителей этого этнонима, однако наличие такого названия и у каракалпакских конгратов заставляет считать проблему о происхождении этой группы, как и указанных топонимов, нерешенной.

Выше приводились слова И. П. Магидовича о том, что узбеки-конграты имеют иранские примеси. В этом плане прежде всего бросается в глаза наличие у конгратов-тартулы родового подразделения хорасани. Предположения о происхождении этой

группы могут быть, конечно, самые разные: можно думать, что она является потомством выходцев из соседнего Хорасана, перебравшихся на правобережье Амударьи, или что это могло быть прозвищем группы конгратов, в какое-то время жившей в Хорасане (на их пребывание там указывает, например, то, что накануне наступления войск шаха Исмаила правителем Астрабада был конграт Ходжа Ахмад [227, 47]). Однако есть основания думать, что конграты-хорасани связаны по происхождению с моголами. Рассматривая этнический состав населения Моголистана, В. П. Юдин обратил внимание на записанные Н. М. Пржевальским в оазисах Восточного Туркестана предания о принадлежности одной из групп населения к племени ардбюль, а другой — к племени хурасан, причем среди последних сохранялись предания о том, что их предки пришли в Восточный Туркестан в давние времена из Афганистана [283, 362]. По мнению В. П. Юдина, указанные группы ведут свое начало от моголов, служивших во владениях Тимуридов в Ираке и Иране и вернувшихся обратно в Моголистан, в частности в Кашгарию, в XV в. Наименование группы ардбиль В. П. Юдин связывает с названием г. Ардебиль, а группы хурасан — с областью Хорасан. Этот же автор отмечает также, что в исторических источниках Восточного Туркестана город Аксу называется еще и Ардебиль, и предполагает, что это название городу дали моголы-ардебильцы, пришедшие с Юнус-ханом [373, 62, 63].

Связь восточнотуркестанской группы хурасан с конгратами-хорасани подтверждается тем, что среди дурменов Кабадиана я обнаружила группу адербиль (несомненно, искаженное ардбиль). Следовательно, какие-то осколки моголов указанных групп, очутившиеся в южных районах Узбекистана, вошли в состав узбекских племен, обосновавшихся здесь. Есть сведения, что узбеки-хурасан жили также в районе Джизака [221, 38] [79].

Конгратский говор по сравнению с говорами потомков остальных узбекских племен даштикипчакского происхождения более полно сохранил кипчакские черты, в частности девять гласных и шесть падежей [118, 88].

Антропологически узбеки-конграты Сурхандарьинской области в основном относятся к расе Среднеазиатского междуречья, но монголоидная примесь у них выражена больше, чем у потомков остальных этнических групп узбекского населения данной области [247, 77] (см. рис. 11, 12).

---

[79] И. П. Магидович, автор вводного раздела «Материалов Всероссийской переписи 1920 г.», высказал предположение, что группа хурасан пришла в Джизак из Кашгара. Видимо, он опирался при этом на приведенные выше данные Н. М. Пржевальского. Следует отметить, что первым на сведения, содержащиеся в труде последнего, обратил внимание Н. А. Аристов и использовал их при характеристике этнического состава тюрков Восточного Туркестана [30, 441].

Исследовавший их К. Наджимов, опираясь на сведения о родовом составе и на этнические и исторические предания, высказал предположение, что конграты пришли из Хорезма, а часть их, возможно, и «из более восточных областей» [247, 77]. По моим же полевым материалам, только род караконграт или карангырат считается пришедшим из Хорезма 400 лет назад, среди потомков остальных конгратских родов, как и других узбекских племен, больше распространено представление о приходе их предков из Арка-юрта, т. е. страны Арка. По-видимому, под этим названием подразумевается территория, на которой во времена Абулхайр-хана располагалось государство кочевых узбеков, т. е. центральная, восточная и северная части современного Казахстана и прилегающие к нему районы Западной Сибири [80]. Этим же, несомненно, объясняется и тот весьма существенный факт, что по родовому составу аналогии большинству узбекских племен и их подразделений мы находим среди казахов Среднего жуза, который в основном размещался на указанной территории [92, 56; 35, 47, 48].

Примечательно, что, по моим полевым материалам, среди узбеков, выводящих свой род из даштикипчакских племен, например среди конгратов, сохранились представления о родстве с казахами, так же как среди казахов осталась память о родстве с узбеками [81].

Мне неоднократно приходилось слышать от узбеков-конгратов, что их предки пришли из Арка-юрта (для разъяснения обычно добавляли, что из Казахстана). Однако они не считали Арка-юрт родиной своих предков: опираясь на эпическую поэму «Алпамыш», исконными землями своих предков старики называли низкогорья между Гузаром и Байсуном (эту территорию они называют Гузар-Байсунской степью — *Гузар-Байсун чули*), а Казахстан — страной, куда откочевала на время часть конгратского эля. Те же представления бытовали и у каракалпакского племени конграт [123, 131]. Таким образом, переселение конгратов из казахских степей в Мавераннахр рассматривается узбеками-конгратами как возвращение на родину, в Джийдали-Байсун [82].

---

[80] Этому вопросу посвящена специальная статья, написанная мной совместно с Дж. Х. Кармышевой. «Что такое Арка-юрт? (К исторической географии Казахстана)», которая будет помещена в готовящемся к публикации сборнике «Ономастика Востока».

[81] Эти представления особенно были распространены среди потомков тех групп казахов, которые относились в прошлом к Среднему жузу.

[82] Джийдали-Байсун — обетованная земля в казахских преданиях и легендах [151, 372] и легендарная родина предков в каракалпакских преданиях [339, 22—26]. Относительно локализации Джийдали-Байсуна среди исследователей нет единого мнения: одни считают, что он располагался в Приаралье, а другие отождествляют его с Байсуном Сурхандарьинской области (библиография по этому вопросу приведена в статье С. И. Сагитова [294, 130—133]).

Рис. 11. Узбек-конграт. Кишлак Байбича Сариасийского района. ИЭ 531-17-9. Фото М. Б. Смирина

Среди исследователей распространено также мнение, что на обширное пространство между Кашкадарьей и Сурхандарьей конграты пришли не ранее времени завоеваний Шейбани-хана. Данные письменных источников позволяют думать,что какие-то части этого племени неоднократно бывали на этой территории и ранее. По Рашид-ад-дину, в числе 4 тыс. монгольского войска, выделенного Чингисханом своему сыну Чагатаю, была тысяча Мугэ-нойона из племени конграт. Следовательно, можно допустить пребывание конгратов в бассейнах Кашкадарьи и Сурхана уже в середине XIII в.

В конце XIII в. конграты в составе монгольского войска находились в пределах Бадгиса и Балха [289, 275]. Направляясь туда, как известно, приходилось переправляться через Амударью у Керки, Келифа или Термеза, а это значит, что войско, в составе которого были, несомненно, соплеменники военачальника с семьями и скотом (как это было принято в то время при дальних походах), прошло по территории, впоследствии ставшей юртом конгратов.

Последние (в составе войска) были в этих местах и в 1503 г., когда Шейбани-хан послал в Хисар войско, в числе эмиров которого одним из первых источник называет Саидахмада из племени конграт [240, 159]. Таким образом, не исключена возможность, что конграты заранее облюбовали себе место будущего удела. Остается не совсем ясным, получили ли они в юрт эту территорию от самого Шейбани-хана или позже от его преемников (в последнем случае часть их должна была перебраться в новый удел уже из Хорезма).

Рис. 12. Узбечка-конграт. Кишлак Туда Байсунского района. ИЭ 71-467-34. Фото Г. А. Аргиропуло

Как известно, переселившиеся в Мавераннахр узбекские племена, являясь основной военной силой, которой распоряжались Шейбани-хан и его преемники, находились в завоеванной стране в привилегированном положении и стремились занять лучшие земли [149, 552]. Конграты были, по всей видимости, одним из узбекских племен, богатых скотом и наиболее сохранившим кочевнические традиции, и этим объясняется выбор ими места для поселения. Вряд ли был прав Н. Ф. Ситняковский, который, опираясь на предания самих конгратов, считал, что они, как «позднейшие пришельцы (переселившиеся из Хорезма лет 400 назад, т. е. позже остальных узбекских племен.— *Б. К.*) заняли плохую территорию ханства» [309, 29]. Эта территория, наоборот, была очень благоприятной для постоянного содержания скота на подножном корму.

Среди потомков узбеков-конгратов Сурхандарьинской области широко бытует легенда о том, что их родоначальник получил Гузар-Байсунские степи от самого Чингисхана. Сходная легенда была записана фольклористом Х. Зарифовым в 1928 г. Извлечение из этой записи было опубликовано Л. П. Потаповым [280, 38, 39]. Многократно записанные мной варианты легенды (более 40 лет спустя) повторяют с той или иной полнотой содержание легенды, записанной Х. Зарифовым. Они в основном сводятся к следующему.

Однажды Чингисхан (или некий хан страны, где жил родоначальник конгратов) со своей дружиной совершил набег на соседнюю страну, но был побежден и бежал. Ехал он по степи, конь его устал, и враги стали его настигать. В это время ему повстречался старик верхом на темно-буром коне *(конгыр ат)*. Старик (некоторые информаторы называют его Конгыр-бий)

предложил Чингисхану своего коня со словами: «Если я погибну, я всего-навсего один старик; если ты погибнешь, расстроятся дела государства». Чингисхан взял коня и сказал старику, чтобы он через некоторое время явился к нему во дворец. Старик возразил, что стража не пропустит безвестного старика во дворец, и Чингисхан сказал старику, чтобы он, подойдя к его крепости, бросал вверх шапку и кричал. Чингисхан был спасен. Когда старик выполнил его наказ, Чингисхан признал его, пригласил во дворец, угостил, развлекал танцами девушек и предложил, чтобы старик высказал свои желания. Старик попросил у хана, чтобы он дал ему овец, широкую степь, чтобы он мог спокойно пасти свои отары, а также одну из тех девушек, что перед ним танцевали. Чингисхан удовлетворил все три его просьбы. От этого старика, владельца темно-бурого коня, и пошло будто бы племя конграт. Степь, подаренная Чингисханом, и была Гузар-Байсунской степью.

В завоеванной стране конграты поселились, конечно, не на пустых местах. Об этом наглядно свидетельствует топонимия, изобилующая названиями таджикского происхождения, значительно реже встречаются топонимы, связанные с наименованиями ранних тюркских племен. Таким образом, конграты наряду с вытеснением прежних жителей поглощали отдельные группы местного населения. Правда, некоторые из них продолжали жить на своих прежних местах, сохраняя в той или иной степени особенности своей культуры и быта.

По сообщениям стариков конгратов, первоначальным местом расселения их предков были степи по обе стороны хребта Кугитанг. Затем постепенно они распространились на запад и на восток, где заняли Шерабадский оазис и холмистые степи предгорий Байсунского хребта. Летовками им служили окрестные горы. По данным Н. А. Маева, до 1868 г. весь берег Амударьи к югу от Шерабада был заселен конгратами. В 1868 г. старший сын эмира Музаффара Абдулмалик, отложившийся от отца, выжег и разорил поселения конгратов, и они были вынуждены бежать в горы [207, 155]. Непосредственно долина Сурхана им не принадлежала, так же как и ее левобережная часть. Только в последней четверти XIX в. конгратский род канджигалы, обитавший в основном в Гузарских горах к югу от современного Дехканабада, в поисках пастбищ и пахотных земель продвинулся значительно на восток. Конгратские роды улус и колдаулы заняли постепенно и левобережье Сурхана, и западные склоны Бабатага — улусы остановились в северной части этой территории с центром в Ходжамульки, а колдаулы — в южной с центром в урочище Карагазза на Бабатаге. Небольшая группа колдаулы перекочевала далее на восток, в низовья Кафирнигана. Здесь, в окрестностях арабского кишлака Айвадж, Ф. Жуков в 1880 г. встретил конгратов, кочевавших вместе с туркменами [125].

Когда конграты-улусы обосновались на высокой безводной террасе левобережья Сурхана и таких же безводных, изрезанных глубокими оврагами склонах Бабатага, местное население, состоявшее в основном из узбеков-юзов, не дало им орошаемых земель в долине Сурхана, поэтому улусы завели богарные посевы на самом плато Бабатаг. Заселение этих мест конгратами, по мнению стариков, стало возможным только после разгрома юзов и других племен Восточной Бухары войсками эмира Музаффара в 1870 г. Конграты поддерживали эмира и выступали основной силой в его войске, видимо стремясь при его помощи завладеть нужными им пастбищами. Их продвижение на восток продолжалось вплоть до установления Советской власти, особенно интенсивным оно стало в засушливые 1915—1917 гг., когда население, спасаясь от голода, направилось в низовья крупных рек, где можно было засевать пойменные земли, а в тугаях прокормить скот.

Приведенные материалы дают основание прийти к заключению, что первоначальное ядро той группы узбеков-конгратов, которая в конце XIX — начале XX в. занимала обширную территорию от низовьев Кашкадарьи до низовьев Кафирнигана, сформировалось еще в степях Дашти-Кипчака, в частности в Приаралье и средней Сырдарье. Однако основной и решающий этап сложения этой группы конгратов приходится на период их жизни в Мавераннахре. Здесь в их состав неоднократно вливались все новые этнические компоненты как из местного населения, так и из пришлых кочевников, среди которых одними из поздних были каракалпаки.

Изучение происхождения и процесса формирования такого крупного и сложного объединения (жившего во многих районах), каким являлись узбеки-конграты в целом,— большая самостоятельная проблема. Здесь я лишь слегка коснулась некоторых вопросов этнической истории только одной из групп этого объединения.

Юзы были одним из крупнейших узбекских племен в конце XIX — начале XX в. В то время они были расселены в двух местах: одна их часть, называемая в источниках хисарскими юзами, обосновалась в Сурханской и Гиссарской долинах, другая — уратюбинские юзы — в обширных степях, начиная от берегов Зеравшана в районе Пенджикента на западе и кончая берегами Сырдарьи (в районе Бекабада и Ходжента, включая Ура-Тюбе) на востоке [118, 83, 84]. Родство этих двух групп не подлежит сомнению — их родовой состав в основном совпадает[83].

---

[83] Генеалогия племени юз впервые была записана А. Д. Гребенкиным [105, 93], затем А. И. Макшеевым [209, 39], названия основных подразделений и родов этого племени приведены Х. Данияровым [118, 83—86]. Подробная генеалогия зафиксирована мной во время поездки по Самаркандской и Джизакской областям в 1959, 1960, 1971 гг.

Близость хисарских и уратюбинских юзов подтверждается и тем, что как в Хисаре, так и в Ура-Тюбе хакимы (правители области) были из одной династии: Фазыл-бий, ставший в 1749 г. первым хакимом Ура-Тюбе из племени юз, был праправнуком Кулика-бия, родоначальника правящей династии из юзов в Хисаре [244, 18].

Феодальная верхушка племени юз утвердилась у власти в Хисаре, по-видимому, в начале XVII в. [40, 401]. Время же поселения здесь всего племени остается невыясненным. Видимо, различные части его — марка, карапчи и туркман-джуз — обосновались в Хисаре не одновременно. Создается впечатление, что марка пришли сюда позже остальных групп, ибо они, подобно юзам, жившим в Джизаке и прилегающих к нему районах, наиболее отчетливо сохраняли в своем типе, говоре и культуре черты, роднящие их с казахами. Это было следствием расселения в Присырдарьинских районах Мавераннахра большого числа казахов после разгрома, нанесенного им джунгарами в 1723 г. Как известно, большая часть казахов позже вернулась в свои прежние кочевья, но часть осталась в Мавераннахре и слилась с полукочевыми узбеками.

Н. А. Маев писал, что марка перекочевали в Хисар в 1866 г. из-под Ура-Тюбе и Джизака [207, 197]. Однако мне не приходилось слышать от потомков марка и их соседей преданий о сравнительно недавнем поселении рассматриваемой группы в Гиссарской долине. Возможно, в 1866 г. какие-то их группы перекочевали из-под Джизака и Ура-Тюбе в Хисар, чтобы присоединиться к своим сородичам, обосновавшимся здесь значительно раньше.

Наличие в составе марка и карапчи этнонимов найман и баганалы свидетельствует о том, что в их состав влились группы найманского происхождения. Это могло произойти как в районе Джизака (здесь среди юзов также были отмечены группы указанных наименований [209, 39]), так и в Хисаре, где найманы жили по крайней мере с XVII в. и где в их состав неоднократно вливались новые группы этого сильного и многочисленного племени. Существование в составе марка наряду с найманами и группы уйгур дает основание, на мой взгляд, предположить, что какие-то осколки хивинских узбеков найман и уйгур поднялись вверх по Амударье, когда они, спасаясь от резни, бежали в разные стороны — часть их ушла к ногайцам, часть — к казахам, а часть — в пределы Бухарского ханства [45, 607, 608].

Карапчи в начале XX в. были в основном оседлыми. В городах и крупных селениях они в значительной степени смешались с чагатаями и каршиликами. Характерной чертой их культуры и быта была близость к городским формам. Трудно сказать, происходило ли это вследствие их давнего приобщения к быту оседлого населения культурных оазисов или объяснялось их знатным происхождением — они были из рода бегов

(*беглар*)[84]. По моим наблюдениям, культура и быт групп бегского происхождения (они имелись среди большинства узбекских племен) отличались близостью к городской культуре: их речи, манерам и поведению были присущи те черты, которые в узбекском языке обозначаются термином *сипойи* — «благовоспитанный, степенный» (от *сипойи. сипохи* — представитель служилого сословия, чиновник при дворе эмира, хана).

Среди потомков карапчи также распространены предания о переселении их предков из Джизака и Ура-Тюбе примерно 200—300 лет назад.

Вопрос о происхождении группы туркман-джуз очень сложный. Последние представляются одним из наиболее ранних по времени поселения в Хисаре подразделений племени юз. Местное население считает их аборигенами долины Сурхана, ибо здесь они имели собственную территорию — Туркмандашт с сильной крепостью Денау, здесь верхушке юзов, под которыми местное население понимало прежде всего группу туркман, длительное время принадлежало политическое господство.

В основной своей массе туркман-джузы подобно карапчи были уже оседлыми (перекочевки их сводились к переездам из кишлаков в сады и на бахчи) и в значительной степени смешались с чагатаями, что сказалось на их типе — они были менее монголоидны, чем конграты [247, 83] (см. рис. 13 и 14).

Записанные мной предания о первоначальном месте обитания предков туркман-джузов и о времени их поселения в долине Сурхана разноречивы. В основном бытовали три варианта таких преданий: первое — стереотипное для узбекских племен даштикипчакского происхождения представление о приходе предков из Арка-юрта; второе — о приходе предков из Ура-Тюбе и Нураты во времена Тимура, в качестве доказательства показывается искусственный холм (*тепа*) в Туркмандаште, считающийся крепостью отца Тимура, Тарагай-бахадура; третье — представление о том, что 100 семей туркмен было приведено в Туркмандашт султаном Санджаром Мази, отсюда якобы и название туркман-джуз (джуз, юз — «сто»). По мнению информаторов, это утверждение подкрепляется тем, что под г. Денау был мазар (*кадамджай*), приписывавшийся султану Санджару[85].

Все три предания имеют историческое основание. Туркман-джузы как по самосознанию и самоназванию, так и по говору, физическому типу и бытовому укладу были типичными узбеками даштикипчакского происхождения. Об этом же свидетель-

---

[84] Местное население различало термины *бег* и *бек:* первым обозначали должностное лицо, назначаемое эмиром для управления отдельной областью, вторым — наследственный титул отдельных групп знатного происхождения.

[85] В народных представлениях в Средней Азии (несомненно, не без участия мнимых ходжей и сейидов) султан Санджар и Махмуд Газневи, как «борцы за веру» считались «святыми».

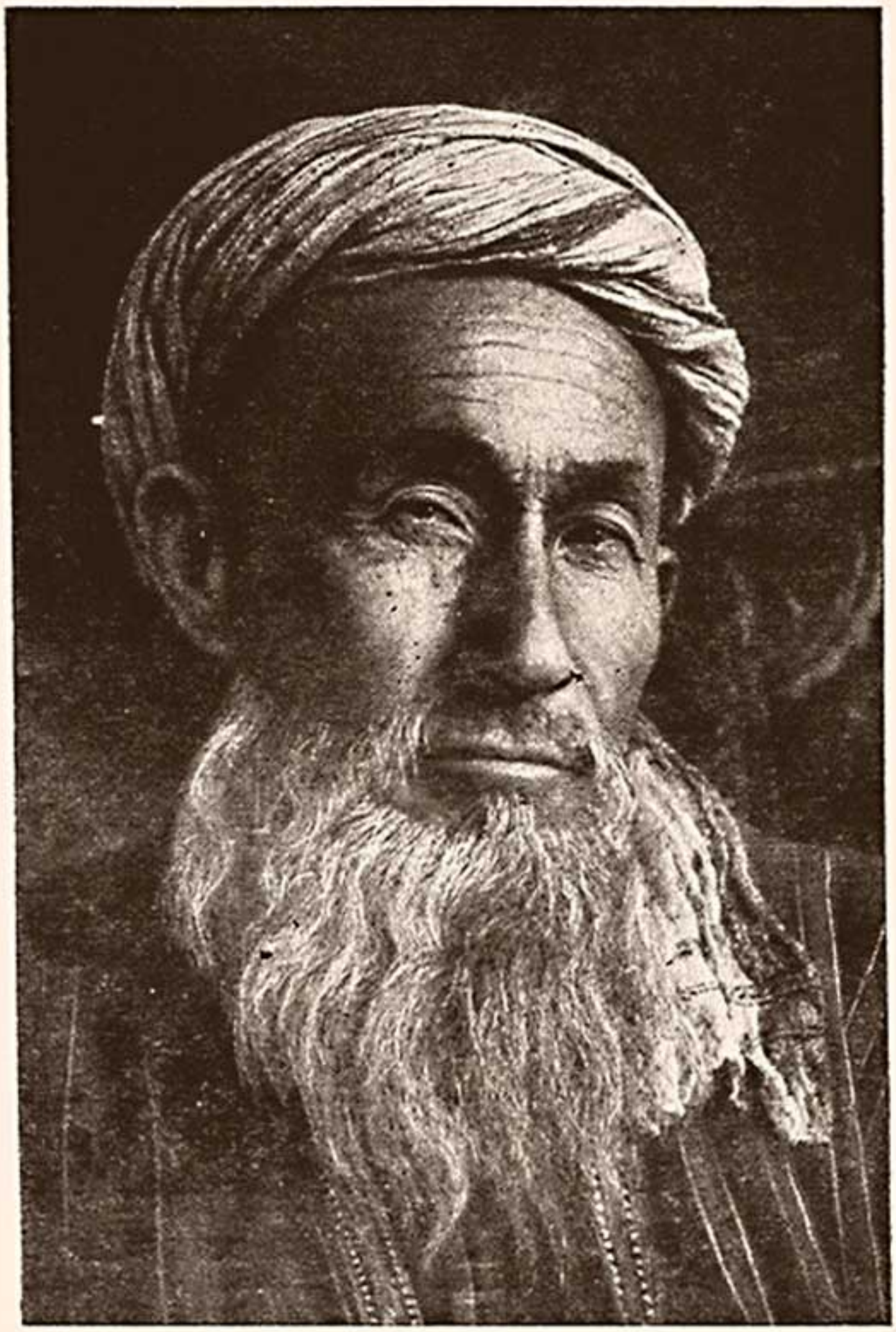

Рис. 13. Узбек-туркман-джуз. Кишлак Баташ Шурчинского района. ИЭ 594-17-8. Фото М. Б. Смирина

ствует ряд сходных с другими группами узбеков генеонимов. Наибольшее число совпадений наблюдалось с конгратами (вахтамгалы, джилантамгалы, балгалы, кесаули, тараклы, казаяклы, богаджэли, казак, куса), с найманами (вахтамгалы, казаяклы, джиланлы, казак) и с юзами Самаркандской и Джизакской областей (вахтамгалы, балгалы, куса). Имели они сходные этнонимы и с казахами главным образом Среднего жуза — тараклы, балгалы, яс (*джас-табан* — «плоскостопый» у казахов) [86]. Сюда следует добавить еще этноним кузтамгалы, который происходил от названия тамги казахского племени аргын — кузтамга, имевшей форму восьмерки, повернутой на 90° [92, 71].

Таким образом, туркман-джузы сложились в значительной степени из осколков тех же племен и родов, что и многие дру-

---

[86] В качестве сравнительного материала привлекались данные, содержащиеся в работах А. Д. Гребенкина [105, 81, 93], А. И. Макшеева [209, 39] и Н. А. Аристова [30, 352, 355, 393].

гие узбекские племена. Поэтому они наравне с остальными имели полное основание говорить о приходе своих предков из Аркаюрта, а те группы, названия которых совпадали с генеонимами марка и карапчи, могли считать своих предков выходцами из Ура-Тюбе.

Упоминание в преданиях туркман-джузов Нураты в качестве местопребывания предков, по-видимому, также не случайно. Как известно, Нуратинское междугорье и прилегающие к нему районы в начале XX в. были территорией наиболее компактного расселения узбекского племени туркман, за которым в литературе закрепилось название «нуратинские-туркманы»[87]. О генетической связи туркман-джузов с узбеками-туркман Нураты свидетельствуют не только наименование туркман, но и шесть сходных генеонимов — казаяклы, джилантамгалы, балгалы, богаджэли, куса (у узбеков-туркман Нураты каракуса) и яс (у последних — яставан), а также записанное Х. Данияровым в Нуратинском районе предание о принадлежности узбеков-туркман к племени юз и о приходе их предков в Нурату «со стороны Хисар-Куляба» [118, 86] (этим термином население Самаркандской области обозначает бывшую Восточную Бухару).

Думается, что изложенные выше данные свидетельствуют о генетических связях туркман-джузов и узбеков-туркман Нуратинского района и о возможных неоднократных перемещениях из Нураты в долину Сархана и обратно отдельных, входящих в их состав групп. Тем не менее говорить, как это делает Х. Данияров, о полном тождестве туркман-джузов и узбеков-туркман Нураты еще нет достаточных оснований. У обеих рассматриваемых групп сходными являются те самые генеонимы, которые были общими и для ряда других узбекских племен, в том числе конгратов и найманов (непосредственных соседей туркман-джузов), следовательно, они могли войти в состав этой группы в долине Сурхандарьи, а не считаться переселенцами из Нураты.

Предание, записанное Х. Данияровым, является единственным опубликованным сообщением о вхождении узбеков-туркман Нураты в состав юзов. Все предшествующие исследователи, основываясь на представлениях местного населения, считали их самостоятельной этнической единицей в составе узбеков, т. е. одним из узбекских племен [см. 236, 136—142]. Это подтверждается вхождением названия туркман в большинство списков 92 узбекских племен [356, 61; 225, 211, 212, 216; 118, 75]. Следует также заметить, что информатор Х. Данияров, рассказывая о принадлежности этой группы к узбекам-юзам, уточнил, что относились они к Среднему жузу [118, 86]. Понятие же о принадлежности к Среднему жузу (о котором обычно имеются весь-

---

[87] О происхождении узбеков-туркманов и об их родовом составе и расселении см. труды В. Г. Мошковой [237, 15—17; 236, 135—158].

Рис. 14. Узбек-туркман-джуз. Денауский район. ИЭ 71-503-30. Фото автора

ма смутные представления) зафиксировано мной среди потомков и ряда других узбекских племен даштикипчакского происхождения. При этом информаторы старшего поколения нередко говорили: казахи — это Старший (Улу) жуз, узбеки — Средний (Орта) жуз, а киргизы — Младший (Кичи) жуз. Сказанное, однако, не исключает того, что в какой-то период нуратинские узбеки-туркманы могли входить в состав такого пестрого объединения, каким являлось узбекское племя юз.

Вопрос о характере генетических связей туркман-джузов и узбеков-туркман, расселенных в районе Нураты и в прилегающих к нему районах, может быть окончательно решен после проведения тщательных этнографических, диалектологических и антропологических исследований среди обеих групп.

Вернемся к третьему циклу преданий туркман-джузов, согласно которому они якобы произошли от семей туркмен, обосновавшихся в Туркмандаште во времена султана Санджара. Этот вопрос нельзя рассматривать в отрыве от сложной проблемы генезиса узбекского племени туркман в целом, и пре-

жде всего той группы этого племени, которая жила в районе Нураты. Проблема происхождения узбеков-туркман Нураты уже разрабатывалась в историко-этнографической литературе, однако к единому мнению ученые еще не пришли: одни исследователи полностью отрицают генетические связи этой группы с собственно туркменами (И. П. Магидович и Х. Данияров), другие, наоборот, допускают эти связи (В. Г. Мошкова и др.).

Х. Данияров, слишком категорически решая этот вопрос, заявляет, что В. Г. Мошкова «в результате того, что не знала точно истории узбекских племен и различий между ними, считала туркменами узбеков, живущих в Нурате и называющих себя туркмен-узбеками» [118, 59], и что А. Д. Гребенкин, Н. В. Хорошхин, как позже и В. Г. Мошкова и другие ученые, считали нуратинских туркмен туркменами, исходя «только из их названия» [118, 85]. Этим высказыванием Х. Данияров вводит в заблуждение читателей, ибо он ничего не говорит о записанных исследователями (А. Д. Гребенкиным [105, 105, 106], М. С. Андреевым [22, 125, 126], В. Г. Мошковой [236, 142, 143 и сл.]) преданиях самих нуратинских туркманов о генетической связи их с собственно туркменами и о том большом историко-этнографическом материале, которым обосновывала свои выводы В. Г. Мошкова [237, 15—17; 236, 135—158]. При этом она отнюдь не считала нуратинских узбеков-туркманов наших дней собственно туркменами; В. Г. Мошкова называла их узбеками (каковыми они действительно являются как по самосознанию, так и по языку и культуре), имеющими, однако, общие корни с закаспийскими туркменами [236, 135, 147, 152], и убедительно обосновала эту гипотезу. Совершенно отчетливо выражена эта точка зрения и в ее книге о коврах Средней Азии, в частности в главе «Ковроделие узбеков племени туркман Нуратинского междуречья» [235, 67], которая была написана ею в 1946—1947 гг. [235, 6], т. е. тогда же, когда и упомянутая выше ее работа об этой группе.

Согласно гипотезе В. Г. Мошковой, сложение узбекского племени туркман в Нуратинском междуречье и прилегающих к нему районах Бухарской и Самаркандской областей представляется в следующем виде. Первоначальное этническое ядро его составили огузы и туркмены, жившие на территории современного Южного Казахстана (область Сыгнака и предгорья Каратау). В конце X — начале XI в. эти две группы вместе с огузами низовьев Сырдарьи вошли в сельджукское объединение и двинулись на запад и юго-запад. Бóльшая часть их постепенно переселилась за Амударью, меньшая обосновалась в Нуре Бухарском (так называют район Нураты средневековые письменные источники). Переселение огузов и туркмен из Присырдарьинских районов в Мавераннахр, в том числе в Нур Бухарский, продолжалось и в последующие века.

На протяжении почти тысячелетнего периода жизни огузов и туркмен в этих районах в их состав в разное время вошло огромное число самых разных этнических элементов, прежде всего из среды местных жителей Мавераннахра. Это способствовало в конечном счете сложению единого культурного облика, характерного для всего населения Мавераннахра, а впоследствии и вхождению их в состав узбекской народности в качестве одного из узбекских племен, при сохранении некоторых особенностей культуры, сближающих их с туркменами. Исследования В. Г. Мошковой убедительно доказали, например, что в орнаменте ворсовых ковров узбеков-туркман сохранились основные и в то же время наиболее древние элементы племенных узоров туркменских групп сарык, теке, эрсари и др. [235, 73—76].

Одновременно с этнографическими работами В. Г. Мошковой В. Я. Зезенкова проводила антропологическое изучение рассматриваемой группы, которое подтвердило сложность ее происхождения и несомненную связь некоторых ее частей с закаспийскими туркменами [130, 18—20].

Справедливость гипотезы В. Г. Мошковой подкрепляют и плодотворные исследования С. Г. Агаджанова по истории средневековых огузов и туркмен Средней Азии. На основании широкого круга исторических, эпиграфических и этнографических источников С. Г. Агаджанов с большой тщательностью прослеживает исторические судьбы огузов и туркмен Средней Азии в период IX—XII вв., в частности подробно освещает их продвижение в составе сельджукского объединения из Присырдарьинских районов в Нур Бухарский и Согд Самаркандский и далее в бассейны Кашкадарьи и Амударьи (в том числе и в изучаемые мной районы), а также в Хорасан.

Приведенные С. Г. Агаджановым историко-эпиграфические материалы неопровержимо доказывают, что уже в начале второй половины X в. некоторые группы, входившие в это объединение, обосновались в Нуре [15, 183, 184]. Расселение же сельджукских племен в Мавераннахре началось позднее, в конце X — начале XI в., и продолжалось вплоть до монгольского завоевания включительно [15, 183 и сл.]. Когда же значительная часть сельджукских племен была вынуждена переселиться в Хорасан и далее на запад, часть их все же оставалась на прежней родине, в Присырдарьинских районах, а также в Мавераннахре, в частности в Нуре Бухарском. Некоторые группы ушедших на запад порой возвращались на свои прежние места обитания. Таким образом, начиная с середины X в. огузы и туркмены стали играть большую роль в исторических судьбах Мавераннахра. Как хорасанские, так и хорезмские и присырдарьинские туркмены во все последующие века постоянно просачивались в Мавераннахр и вступали в тесные взаимодействия с его народами, в частности с узбеками. Именно поэтому в составе большинства узбекских племен были группы с названием туркман,

а также этнические группы, носившие наименования туркменских племен и родов.

Чем же обосновывает Х. Данияров свое категорическое отрицание генетических связей нуратинских туркман с собственно туркменами? Он никакого конкретного материала не приводит, лишь в общей форме замечает, что проводившиеся (по-видимому, им) комплексные этнографические и диалектологические исследования показали, что население Нуратинского района, называемое туркменами, не туркмены, а узбеки даштикипчакского происхождения (им принят термин «кипчак-узбеки»), ибо особенности их говоров соответствуют особенностям языка других узбеков даштикипчакского происхождения, а огузские элементы в них почти отсутствуют [118, 85, 86]. Далее он приводит уже упоминавшиеся слова своего информатора о принадлежности нуратинских узбеков-туркман к юзам. Но что примечательно: название родного кишлака информатора (Караабдаль), несомненно, связано с наименованиями известных туркменских родов кара и абдаль! [252, 19].

Полностью разделяя мнение Х. Даниярова о необходимости считаться с данными диалектологии, хочу высказать пожелание, чтобы диалектологи при сборе материалов имели в виду деление узбеков-туркман Нураты на пять крупных групп (казаяклы, канджигалы, айтамгалы, богаджилю и беш ата мангышлау), которые, вероятно, имели неодинаковое происхождение, и попытались бы выявить специфику говоров каждой из них. Причем в каждой из этих групп в отдельности следует провести также этнографические и антропологические исследования, на необходимость которых указывали еще В. Г. Мошкова и В. Я. Зезенкова.

Возвращаясь к вопросу о сложении группы туркман-джуз в долине Сурхана, следует напомнить, что территория южных районов Узбекистана и Таджикистана была издавна обжита туркменами. Если в 1034 г. огузы и туркмены, участвуя в походе на Хорасан илек-хана Али-тегина, дошли до пределов Термеза и Кабадиана[88] [13, 390; 15, 199, 200], то немногим более столетия спустя, в середине XII в., значительная их группа, вытесненная из Мавераннахра кара-китаями, уже прочно обосновалась в Хутталяне, Чаганиане и районе Балха. Вместе с тохаристанскими карлуками и халаджами они подняли стихийное антифеодальное восстание, разгромили войско султана Санджара, взяли его в плен и захватили Мерв. Часть их впоследствии ушла в сопредельные страны, а остальные продолжали жить в Балхской области, в которую в тот период входили Хуттал‌ян и Чаганиан [226, 355, 356, 388 и сл.; 169, 117—121].

---

[88] По-видимому, отголоском этих событий является сообщение Абул-[illegible]и об уходе части огузского иля со средней Сырдарьи «в горы Хисара» [184, 68].

Бабур в своих мемуарах постоянно упоминает туркмен, живущих в Хисаре и Восточном Хорасане, вплоть до Бадахшана. Одни из них выступают у Бабура как местные кочевники [38, 186, 228, 247], другие — как пришлые группы. Бабур рассказывает, например, что в конце 60-х годов XV в. в Хисаре поселилось 4—5 тыс. семей туркмен кара-коюнлу, покинувших Ирак и Азербайджан после того, как власть в этих странах захватила группировка ак-коюнлу [38, 40]. Туркмены, в том числе туркестанские (из районов средней Сырдарьи), постоянно находились на службе у Тимуридов. Тимуриды нередко роднились с туркменской знатью посредством браков [38, 40, 204]. Среди эмиров и нукеров Бабура было немало туркмен, некоторые из них вместе с ним ушли в Индию [38, 433].

На основании приведенных сведений можно прийти к заключению, что огузы и туркмены сыграли определенную роль в этнической истории областей, расположенных по верхнему течению Амударьи. Вряд ли будет ошибкой допустить, что процесс формирования узбеков-туркманов протекал не только в Нуратинском междугорье и прилегающих к нему районах Бухарской, Самаркандской и Сырдарьинской областей, но и в долине Сурхандарьи. Сказанное отнюдь не исключает возможности неоднократных перемещений отдельных групп узбеков-туркманов (как в составе юзов, так и до вхождения их в это объединение) из одних районов их расселения в другие.

Л о к а й ц ы. Вопрос о происхождении этого племени и о времени его поселения на правобережье Амударьи неоднократно рассматривался не только в историко-этнографической, но и в зоотехнической литературе в связи с изучением известной локайской породы лошадей.

К началу 50-х годов наметились две гипотезы о происхождении локайцев и о времени их поселения в местах современного обитания. Исследователи, придерживающиеся первой гипотезы, считали локайцев одним из родов даштикипчакских узбеков, пришедших в бассейн правых притоков Амударьи, в частности в южные районы современного Таджикистана, в начале XVI в. вместе с Шейбани-ханом [66, 367; 360, 512; 202, 53; 267, 90]. При этом некоторые авторы, ссылаясь на предания локайцев об их происхождении от одного из чингисхановых военачальников по имени Локай, допускали возможность их прихода в Среднюю Азию в конце первой четверти XIII в., т. е. вместе с полчищами Чингисхана [137, 28; 16, 62; 359, 222]. Исследователи, выдвинувшие вторую гипотезу, отвергая принадлежность локайцев к даштикипчакским узбекам, связывали их происхождение с карлуками и относили их появление в бассейне правых притоков Амударьи ко времени, предшествующему завоеванию Средней Азии арабами [228, 198; 218, 53].

Этнографическое изучение локайцев, проведенное мной в 1945 — 1950 гг., позволило установить, что они являются типичными представителями узбеков даштикипчакского происхождения, наиболее ярко сохранившими в своей культуре черты, роднящие их с казахами [155, 11 — 29; 165; 157, 121 — 159]. Для выяснения происхождения локайцев я прежде всего обратилась к их генеонимам. Сравнительный анализ их показал, что наименование локай у других тюркских народов и племен пока не встречено. Можно предполагать, что оно возникло относительно поздно, во время окончательного сложения локайского союза уже на современной его территории, и происходит от имени или прозвища предводителя какого-то рода или племени, сыгравшего большую роль в организации союза, как об этом говорят локайские предания.

Из зарегистрированных мною 155 названий локайских родо-племенных подразделений 69 обнаружены среди других тюркоязычных кочевников.

Локайцы почти не имели общих этнонимов с ранними узбекскими племенами Южного Таджикистана, за исключением двух названий весьма сомнительного созвучия — локайского *шекей* и *шакайди* карлуков Афганистана и совпадения одного элемента этнонима *тентекавлод* с барласскими — *крыктентак* и *элликтентак* (совпадение может быть и случайным, так как слово *тентак* — придурковатый, глупый, сумасбродный — часто употребляется в разговорной речи).

Больше всего сходных этнонимов (38) у локайцев было с казахами, в частности, с племенами аргын, найман, керей, кыпчак, входившими в Средний жуз (28). При внимательном анализе названий казахских родов, входивших в Старший и Младший жузы, оказалось, что некоторые из них, совпадавшие с локайскими, происходят также от указанных четырех племен, образовавших Средний жуз. Следовательно, совпадений локайских этнонимов с этнонимами племен Среднего жуза, в частности аргынов, фактически больше.

Н. А. Аристов доказал, что роды *туртоул* и *суюндук* являются аргынскими, а в состав других племен они попали в результате передвижений и смешений [30, 358 — 366]. Наименование *байрам* у казахов не встречалось. Однако Н. А. Аристов привел аргынское сказание о том, что у одного из потомков Алаша, родоначальника всех казахов, был сын Аргын, старшая жена которого родила сына Майрама [89], а у него родились два сына — Кувандык и Суюндук [30, 363]. У казахских аргынов существовал род *кувандык*, который И. П. Магидович отождествлял с локайским куюндук [228, 198]. Последнего названия среди локайцев мне не приходилось встречать, хотя в 20-х годах попадалось какое-то мелкое подразделение куюн-

---

[89] У казахов, как и у узбеков, слово майрам произносится двояко: майрам и байрам.

дук. У локайцев же распространено собственное имя Кувандык. Таким образом, локайское название байрам может считаться аргынским. Род кувандык (куюндук, зарегистрированный в 1924 г.) также аргынского происхождения.

И. П. Магидович отождествлял локайский этноним *бурундук* с аргынским *бегендик,* который был и у туркмен племени теке. Однако мне такое отождествление кажется сомнительным, так же как его же отождествление локайского *девет* с туркменским *дат.*

Локайское родовое название *джака,* созвучное с *джакай (джакау)* казахов Младшего жуза, можно рассматривать как аргынское, так как у казахов этот этноним относился к подразделению рода каракисяк, который, как доказал Н. А. Аристов, являлся аргынским.

Среди этнонимов Старшего жуза казахов я обнаружила 11 названий, сходных с локайскими. Из них только два — *кармыш* и *кунту* — не имеют аналогий среди этнонимов Среднего и Младшего жузов. Однако название кармыш встречалось также среди родовых подразделений киргизского племени кыпчак, и, следовательно, род кармыш по происхождению был связан с кипчаками Среднего жуза казахов, к которому относились и аргыны [90].

Из всех известных мне киргизских этнонимов 19 совпадают с локайскими, причем 5 из них встречаются и среди этнонимов Среднего жуза, в числе последних такие древние наименования, как *тума* и *чура.* Среди остальных, т. е. не имевших аналогий в этнонимах Среднего жуза, есть уже отмеченный мной род кармыш.

Из всего сказанного становится очевидным, что значительная часть локайцев сложилась из тех же этнических компонентов, что и казахи Среднего и частично Младшего жузов.

Следует остановиться еще на одном этнониме. У локайцев под названием *курдек* был известен многочисленный род из группы эсанходжа. Группы с таким же названием существовали у тобольских и тарских татар [30, 350; 285, 25], которые жили в непосредственном соседстве с казахами Среднего жуза, имели с ними некоторое родство в происхождении и общую историческую судьбу на длительном отрезке времени, когда они входили в улус Джучи, его сына Шейбана, а позже — Абулхайра. В. В. Радлов считал, что роды курдек, туралы и аялы с древности живут в Сибири, и отмечал, что курдеки по сравнению с туралы мало смешались с пришлыми «бухарцами».

Некоторые мои информаторы-локайцы считали курдек самостоятельным родом. Житель кишлака Шурча Яванского района Кувандык Алишев в 1949 г. рассказал мне предание о том, что родоначальник эсенходжинцев Эсанходжа женился на жен-

---

[90] Аргынским по происхождению был и киргизский род кесак [30, 378].

щине, имевшей сына от первого брака, которого звали Курдек. Потомство Курдека, согласно преданию, не принадлежало к числу собственно эсанходжинских родов. Видимо, осколок рода курдек сибирских татар пристал в свое время к одному из аргынских родов, вошедших впоследствии в состав локайцев. В домонгольскую и монгольскую эпоху территория расселения аргынов простиралась от оз. Балхаш до границ Сибири, а в XIV — XVI вв. их кочевой путь лежал от Сырдарьи на север до низовьев Ишима и Иртыша [92, 69]. Еще Н. А. Аристов заметил такое как бы правило, что если какой-либо род или осколок племени присоединяется к другому или если какое-либо племя мельчает, распадается, то в народном сознании это находит отражение в виде преданий, в которых родоначальник чуждого по происхождению (присоединившегося) племени считается приемным сыном или сводным братом родоначальника основного племени.

Имеется еще несколько других совпадений локайских этнонимов с этнонимами народов Южной Сибири. В этой связи хотелось бы еще отметить, что название р. Мрассу, бассейн которой населяют шорцы, созвучно с локайским этнонимом мраз.

Обращает на себя внимание и такой факт: среди этнонимов узбекских племен встречается очень мало совпадений с локайскими генеонимами. Это объясняется, возможно, недостаточностью материала по узбекской этнонимике, а возможно, и тем, что локайцы по сравнению с другими узбеками составились из несколько иной группы даштикипчакских племен, в частности из аргынов, которые почти не были представлены в составе других узбекских племен, как подметил еще И. П. Магидович [228, 198].

Выше я подчеркивала, что локайцы выделялись среди других узбеков близостью своей культуры к казахам. Эти наблюдения подтвердились антропологическими и диалектологическими исследованиями. Выяснилось, что даже среди потомков других узбекских групп даштикипчакского происхождения локайцы, подобно марка, выделяются своей монголоидностью и в этом отношении близки к казахам [265, 17] [91] (см. рис. 15); говор же их, как и говор марка, характеризуется значительно большей близостью к казахскому и каракалпакскому языкам, чем говоры остальных джокающих групп узбеков [374, 8—11, 15 и сл.]. Не указывают ли эти особенности на то, что локайцы переселились в Мавераннахр позже остальных узбекских племен? Такое предположение допустимо, так как казахи-аргыны, с которыми у локайцев несомненны генетические связи, жили накануне джунгарского нашествия на Сырдарье (на юге — до пределов Нураты и Самарканда), но

---

[91] Выводы Л. В. Ошанина подтвердились исследованиями А. Н. Пестрякова начала 70-х годов (А. П. Пестряков любезно ознакомил меня с рукописью своей работы, за что приношу ему большую благодарность).

под натиском последних были вынуждены частью уйти на север, а частью — на юг, к Самарканду [92, 69].

В XVII в. отдельные группы аргынов могли продвинуться далеко на юг, а позже, после 1723 г., к ним могли присоединиться ряд других групп казахов из числа тех, которые входили в Младший жуз, ибо есть свидетельства о том, что тогда остатки Младшего жуза откочевали в пределы Бухарского и Хивинского ханств [192, 69, 70]. Однако достоверных данных о времени поселения локайцев в бассейне Амударьи нет. Предания самих локайцев, записанные мной в 40-е годы, гласят о том, что первоначально они были одним из 16 подразделений узбекского племени катаган и жили в Балхе. При правителе Махмуд-хане (по-видимому, Махмуд-бий аталык катаган, фактически полновластно правивший Балхом в конце XVII в.) они перебрались в Хисар, откуда часть их перекочевала в Бальджуан. По другой версии, они сначала обосновались в Бальджуане, а затем часть их перекочевала в Хисар [165, 22—26; 155, 24, 25]. Принимая каждое поколение за 30 лет, переселение локайцев из Балха в Хисар и Бальджуан можно отнести к концу XVII — началу XVIII в. В то время в состав Балхского вилаета входил не только Кундуз, но и правобережные владения — Куляб, Курган-Тюбе, Кабадиан, Термез и временами Хисар [241, 9].

Рис. 15. Узбек-локай. Кишлак Кокташ Кокташского района. ИИ АН ТаджССР. Фото П. Г. Чучева

Доктор Лорд, член экспедиции А. Борнса, британский политический представитель в Северном Афганистане в 30-х годах XIX в., приводит генеалогию племени катаган, извлеченную им из письменных документов предположительно конца XVII — начала XVIII в. В ней локайцы указаны как одно из 16 под-

разделений (уруг) племени катаган, при этом отмечено, что они в числе 5 тыс. семейств живут в Кулябе и Сангтуда [203, 273], местности на берегу Вахша по дороге из Курган-Тюбе в Дангару. По свидетельству доктора Лорда, во время его пребывания в Кундузе, когда там правителем был Мурад-бек (по данным Кушкеки, прямой потомок Махмуд-бия аталыка [74, 9—11]), локайцы жили в Бальджуане [203, 271].

Завершая раздел о локайцах, следует подчеркнуть, что хотя в их культуре, быте, физическом типе и говоре в начале XX в. еще ярко выступали черты, указывающие на родство с казахами, но все же они, бесспорно, относились к одному из узбекских племен даштикипчакского происхождения. В их культуре преобладали черты, характерные для узбекского народа в целом, антропологически они были представителями расы Среднеазиатского междуречья и говорили на одном из диалектов узбекского языка. Все это свидетельствует о том, что локайцы за время жизни в Мавераннахре вобрали в свой состав немало местных этнических компонентов различного происхождения. Не исключена возможность, что в состав локайцев в период их пребывания в Балхе вошли отдельные группы тех аргынов, которые жили здесь задолго до прихода узбекских племен из Дашти-Кипчака и, по свидетельству Бабура, принимали самое активное участие в бурных событиях в государстве Тимуридов. Браки на таджичках, нередкие среди локайцев, внесли в них таджикские элементы не только антропологические, но и культурно-исторические. Есть основания предполагать, что этнические элементы киргизского происхождения также вошли в состав локайцев в основном в бассейне Амударьи (см. стр. 245).

Семизы и кесамиры в начале XX в. рассматривали себя как два близких между собой, но самостоятельных племени [161, 106, 107]. Мои информаторы отрицали былое родство этих групп с локайцами и катаганами. Однако в генеалогии катаганов, приведенной Лордом, мы находим обе эти группы. Более того, по свидетельству последнего, правитель Кундуза Мурад-бек принадлежал к кесамирскому роду *карлыгач* [203, 273, 274]. Это подтверждается свидетельством моих информаторов о том, что Сары-хан, прямой потомок Мурад-бека, правивший Кулябом и Бальджуаном с 1850 г. вплоть до ликвидации самостоятельности Кулябского владения в 1870 г., был из кесамиров.

И. П. Магидович считал семизов одним из родов племени найман [228, 201]. Мне неизвестно, чем руководствовался И. П. Магидович, без колебаний относя семизов к найманам: тем ли, что в 20-х годах текущего столетия, когда собирались материалы для Комиссии по районированию Средней Азии, семизы, возможно, еще помнили свою принадлежность к найманам, или тем, что этноним семиз был среди казахов-найманов [30, 393]. Как бы

то ни было, мнение И. П. Магидовича представляется мне правильным.

По казахским преданиям, группа под названием семиз появилась в составе найманов примерно в середине XVII в. [343, 71, 72], поэтому можно предположить, что семизы оказались в верховьях Амударьи среди казахов, которых Субханкули-хан привел в Балх в составе своего войска в начале XVIII в. [241, 162]. Какая-то часть найманов, в том числе семизы, могла остаться в Балхской провинции, присоединившись к обосновавшимся здесь ранее узбекам-найманам. Могли они прийти и позже, в конце первой четверти XVIII в., когда разгромленные джунгарами казахи растеклись по всему Мавераннахру.

Как отмечалось выше, в начале XX в. узбеки-найманы жили в Кулябской области, где они занимали всего один кишлак в долине Кызылсу. Эти найманы, как и семизы, вероятно, являлись осколком узбеков-найманов, продвинувшихся далеко на восток или при завоевании изучаемых районов Шейбани-ханом, или позже, в период распрей между найманами и конгратами в XVII — начале XVIII в.

Кесамиры были включены И. П. Магидовичем в группу невыясненного происхождения. Сравнительный анализ их генеонимов позволил установить, что в формировании этого племени определенную роль сыграли группы найманского и мангытского происхождения. По-видимому, найманским был род карлыгач, так как одноименный род встречался и среди казахов-найманов [343, 72; 238, 75]. К мангытским группам я отношу роды *кишкчи* и *ногай*. Согласно генеалогической таблице узбекского племени мангыт, группа кишкчи являлась подразделением рода *курама* [92]. Это подтверждается и косвенным свидетельством капитана Быкова, который сообщил, что в кишлаке Ходжахайран-Кишкчи, расположенном на левобережье средней Амударьи, жили узбеки-курама, «родственные племени мангыт» [76, 50]. О принадлежности обитателей этого кишлака именно к роду кишкчи есть указания и у других авторов [182, 286; 349, 427]. Таким образом, можно утверждать, что кишкчи являлись осколком той части мангытов, которая составилась из представителей различных родов путем их объединения в сложную по составу группу — «курама», само название которой (сборный, лоскутный) говорит о ее неоднородности.

Второй мангытский по происхождению этноним кесамиров — *ногай*. Как известно, мангыты были одним из основных компонентов, из которых сложилась ногайская народность [90, 76, 77].

В составе кесамиров мною отмечены роды *таз* и *кульдеман*. По-видимому, какие-то группы одноименных катаганских родов

---

[92] См. Генеалогическую таблицу узбекского племени упомянутой выше (стр. 208) кандидатской диссертации Д. Г. Вороновского.

поселились среди кулябских кесамиров и со временем стали считать себя кесамирами.

О времени расселения семизов и кесамиров в Кулябе у меня нет достоверных данных. В генеалогии катаганов, записанной Лордом, указывается, что из 5 тыс. семей семизов 2 тыс. жили в Кундузе, а 3 тыс. — в Кулябе и Бальджуане, кесамиры же указаны лишь в левобережных районах — 2 тыс. семей в Кундузе и Ханабаде. Поскольку, по свидетельству Лорда, в 30-х годах прошлого века в Бальджуане правил родственник кесамира Мурад-бека [203, 271, 272], то можно предположить, что там в это время находились не только локайцы и семизы, но и кесамиры. В начале XX в. рассматриваемые две группы обитали в Кулябском бекстве. Из Бальджуана, возможно, они были вытеснены локайцами.

Катаганы были в конце XIX—начале XX в. одним из наиболее крупных узбекских племен. Они были расселены отдельными небольшими островками в Хорезме [229, 100], в Ташкентском, Ходжентском и Самаркандском уездах [220, 39; 221, 40; 105, 87; 120, 16], несколько бóльшими группами в бассейне Кашкадарьи и в Бухарском оазисе [228, 268, табл. 8], а также на изучаемой территории. Основная же масса катаганов находилась в Северном Афганистане, главным образом в районах Кундуза и Ташкургана [228, 195]. Эта территория, именуемая в средневековых источниках Кундузом, а позже Катаганом, в XVII—XVIII вв. была их юртом. Именно отсюда вышли их предки, расселившиеся в южных районах Таджикистана и Узбекистана.

Происхождение узбекского племени катаган хотя и не послужило темой специального исследования, но отдельные высказывания по этому вопросу в литературе имеются. Ч. Ч. Валиханов, приводя казахское народное предание о легендарном родоначальнике казахов Старшего жуза, говорит, что от одного из сыновей этого родоначальника якобы пошли катаганы, от другого уйсуны, от третьего канглы. Он же замечает, что катаганы впоследствии вошли в состав «нового народа узбеков» (т. е. кочевых узбеков Дашти-Кипчака), образовав их «главный род» [79, 109]. В комментариях к упомянутой работе Ч. Ч. Валиханова составители первого тома его сочинений отмечают, что катаганы были древним племенем, обитавшим на территории Южного Казахстана и Средней Азии, и что в начале XVII в. они составляли основную силу ташкентского владетеля Турсун-хана, а с середины XVII в. часть их вошла в состав узбекского народа, часть слилась с казахским племенем чанышклы [79, 627].

Появление катаганов в составе узбеков исследователи обычно связывают с тем трагическим событием, которое разыгралось в Ташкентском владении в 1628 г., когда казахский хан Иším убил ташкентского владетеля Турсун-хана и разгромил ката-

ганов, составлявших тогда основную военную силу Турсун-хана. При этом, по мнению ученых, часть катаганов была истреблена, часть под названием *чанышклы* вошла в состав казахского племени канглы, а часть бежала на юго-запад за Сырдарью и вошла в состав узбеков [32, 405, 343, 7].

В. П. Юдин, касаясь указанного события, находившихся в подчинении казахского хана Турсуна катаганов называет казахами [224, 326], хотя Абулгази, на труд которого опираются исследователи, не уточняет их этническую принадлежность. Он пишет: «Ишим-хан убил Турсун-хана, истребил катаганов» [383, 306].

И. П. Магидович, анализируя материалы Комиссии по районированию 1924 г., высказал предположение о возможной генетической связи узбеков-катаганов с одноименной группой киргизов. Отметив, что у киргизов группа катаган является подразделением племени саяк, И. П. Магидович писал: «К саякам относят себя и киргизы рода катаган, живущие в северо-восточной части Афганистана. Если удастся установить их непосредственное родство с афганскими и бухарскими узбеками-катаганами, то окажется, что основу одного из самых многочисленных узбекских племен составляет древний народ, известный у китайцев под именем „се", а у греков и римлян — под именем „саков"» [228, 195]. Мне представляется, что приведенные высказывания не противоречат, а скорее дополняют друг друга, ибо в каждом из них содержится доля истины.

Среди узбекских племен, непосредственно участвовавших в завоевании Шейбани-ханом Мавераннахра, катаганы в доступных мне письменных источниках не упоминаются. Это может свидетельствовать о том, что если в числе войск Шейбани-хана и были катаганы, то в небольшом числе. Немного спустя, в середине XVI в., катаганы уже фигурируют среди тех групп, родоплеменная верхушка которых находилась в войсках Шейбанидов [361, 171, 176].

Переселение катаганов в шейбанидские владения после разгрома их Ишим-ханом в 1628 г. подтверждается преданиями. Так, Н. Г. Маллицкий в своей неопубликованной объяснительной записке к этнографической карте Ташкентской области приводит предание, записанное им в Чиназском районе той же области о прибытии туда лет 300 назад узбеков родов туркман и катаган. По моим полевым материалам 1954 г., одна из групп жителей большого селения Катаган, расположенного в низовьях Кашкадарьи, считала родиной своих предков местности Куктерак, Таллиругун и Чиназ близ Ташкента. Старики из этой группы рассказывали мне, что их предки, выходцы из окрестностей Ташкента, сначала поселились в Балхе, а затем перебрались сюда; позже одна группа катаганов ушла отсюда в Самаркандскую область, где обосновалась частью в низовьях канала Даргом, частью у канала Нарпай.

К числу преданий, свидетельствующих о переселении катаганов из Ташкентского владения сначала в более северные районы Шейбанидского государства и передвижении их оттуда в более южные его районы, вероятно, можно отнести сведения Лорда и Кушкеки, основанные, по-видимому, на рассказах катаганов Кундуза или на сочинениях местных историков. Доктор Лорд в 1838 г. писал, что в Хисарском владении лет 150—200 назад, т. е. примерно в конце XVII в., правил независимый хан Мурад-бек «из катаганского племени узбеков». Ему наследовал сын Мухаммадхан-бек, который за разбойничьи набеги на соседей был изгнан из своих владений эмиром бухарским. С горстью оставшихся приверженцев он занял Куляб, а затем, переправившись через Пяндж, овладел Хазрати-Имамом, Кундузом, Таликаном и Рустаком и «положил основание царству, которое с тех пор не выходило из его рода» [203, 265, 266].

По сведениям Кушкеки, катаганы жили сначала в Дахбиде близ Самарканда, а оттуда переселились в Хисар, в местность Дашти-Набат, где, как я уже отмечала, объединились и, избрав своим главой Бекмурад-хана, заняли сначала Кундуз, а затем Куляб. Кушкеки даже указывает дату смерти Бекмурад-хана — 1698/99 г.— и говорит, что последнему наследовал сын, небезызвестный впоследствии Махмуд-бий аталык катаган [74, 9]. Как видим, сведения обоих авторов в общем совпадают, если не считать имен и некоторого перемещения событий. Однако А. А. Семенов в своих комментариях к труду Кушкеки, выказывая сомнение относительно достоверности данных этого автора, подчеркивает, основываясь на поэтической хронике «Субхан-кули-наме» Мухаммад-Салаха, что в 40-е годы XVII в. катаганы уже находились в Балхском вилаете, в частности в Кундузе, и выступали как одно из сильных и беспокойных племен. При этом они, по-видимому, отнюдь не воспринимались там как пришлая группа, ибо А. А. Семенов подчеркивает, что «это племя упоминается в числе обитателей Северного Афганистана наряду с хезарейцами, аймаками и другими» [74, 9].

Народные предания, а также данные Лорда и Кушкеки могут рассматриваться как свидетельство того, что катаганы за два десятилетия, прошедших после разгрома, нанесенного им в 1628 г., не только дошли до Кундуза и обосновались там, но и выросли численно, объединив вокруг себя какие-то группы местного населения. Вместе с тем сведения А. А. Семенова подсказывают и иное объяснение — какая-то группа катаганов жила в Кундузе ранее событий 1628 г., а позже усилилась за счет притока из Мавераннахра новых групп соплеменников.

Прямых данных о проникновении катаганов в Кундуз ранее начала XVII в. нет, однако не исключено, что какие-то их группы могли попасть туда еще в конце XVI в. через Кашгарию, куда, по сообщению Махмуда бен Вали, часть их ушла в то время [224, 326, 367]. В предисловии к публикации на русском

языке извлечений из сочинения Махмуда бен Вали «Бахр ал-асрар» В. П. Юдин указывает, что часть казахов племени катаган в конце XVI в. ушла в Кашгарию, а оставшиеся, которые находились в подчинении Турсун-хана, были полностью истреблены Ишим-ханом. С тех пор катаганы в родо-племенном составе казахов отсутствуют [224, 326]. «Столь легкое уничтожение племени,— пишет В. П. Юдин,— повлекшее его бесследное исчезновение, стало возможным, очевидно, лишь потому, что в результате миграции части его в Кашгарию оно стало малочисленным» [224, 326] [93].

Причину исчезновения катаганов из состава казахов Н. А. Аристов видел в том, что это малочисленное племя сложилось в районе средней Сырдарьи довольно поздно из осколков разных племен — канглы, чанышклы и др. — под главенством и защитой какого-то влиятельного бека из катаганов, приняв имя последних [94]. С распадением же союза, вследствие гонений Ишима и других причин, отдельные части его вошли в состав других казахских племен или возвратились вновь в состав тех племен, от которых в свое время откололись, а также ушли в Мавераннахр и вошли в состав узбеков [32, 405].

Я полагаю, что катаганы, находившиеся в начале XVII в. в подчинении Турсун-хана, были не казахами, а киргизами.

Рассмотрим материалы, подтверждающие принадлежность катаганов XVI—XVII вв. к киргизам.

В родословных казахов катаганы отсутствуют. Правда, это название фигурирует в некоторых из них как имя родоначальника племенных групп канглы и чанышклы, но что интересно — Катаган назван в них «безродным человеком», которого усыновил родоначальник казахского племени уйсун [32, 395]. Примечательно также, что чанышклы, с которыми большинство исследователей отождествляют катаганов, в некоторых родословных считаются чужим, неизвестным народом, присоединившимся к казахскому племени канглы [32, 395]. Это нашло отражение и в тамге этой группы — тамга чанышклы не только совершенно отличается от тамги канглы, но не имеет себе подобных в тамгах ни одного из казахских племен, и вместе с тем она имеет полное сходство с тамгами киргизских племен бугу, сарыбагыш и др. [92, 55]. Есть данные, свидетельствующие об алтайском происхождении чанышклы [32, 405].

---

[93] В. П. Юдин считает, что для отождествления катаганов с чанышклы нет достаточных оснований.

[94] Говоря о катаганах, Н. А. Аристов имел в виду монголов-нирунов рода катакин или хатагин, которые вели свое происхождение, согласно Рашид-ад-дину [288, 178], от Букун-катаки, старшего сына Алан-Гоа, мифической родоначальницы чингисова рода. На этом основании Н. А. Аристов предполагал, что катаганы пришли в бассейн Сырдарьи в малом числе и относительно поздно — лишь во время Чингисхана, в составе «полка» Чагатая [32, 405].

По историческим преданиям, катаганы были одним из древних киргизских племен. Как повествует киргизский героический эпос «Манас», катаганы не только входили в число 40 коренных киргизских племен, но и считались главным племенем среди них, о чем свидетельствуют следующие строки из этого эпоса:

Башкы уругу катаган,
Кыргыздан чыгып ушул эл.
Баары да бир атадан [212, 104].

С главным племенем своим катаганом
Народ сей вышел из киргизов.
И все они — одного отца потомки [95].

С этого этнонима начинается перечень 40 киргизских племен, извлеченный С. М. Абрамзоном из одного неизданного варианта эпоса «Манас» [7, 124], а также список 92 узбекских племен, записанный С. М. Абрамзоном на территории Киргизии от информатора-киргиза [225, 216]. Примечательно также, что знатоки киргизских генеалогий относили катаганов к числу древних киргизских племен. С. М. Абрамзон, однако, считает, что для этого нет достаточных оснований [9, 42]. Видимо, он имеет в виду монгольские предания, записанные Рашид-ад-дином, которые относят катаганов к числу этнических групп, вошедших в состав киргизов в XII—XIV вв. [9, 47].

Думается, что вопрос о происхождении группы «катаган» в составе киргизов требует дальнейших исследований. Однако известно, что в начале XX в. катаганы среди киргизов не были самостоятельным племенем. Это название носила немногочисленная группа в составе племени чекир саяк, расселенная на Тянь-Шане [12, 46, рис. 6]. Народная традиция прямо не связывала катаганов из племени чекир саяк с древним племенем катаган [12, 43]. У киргизов было предание, согласно которому первые являлись потомством дочери хана Турсуна из племени катаган, выданной замуж за киргиза из племени чекир саяк. На этом основании киргизская народная традиция считала катаганов Тянь-Шаня не собственно катаганами, а «племянниками» последних, ушедшими в Восточный Туркестан, в местность Кебез-тоо, куда, по преданию, Ишим-хан после разгрома Турсун-хана изгнал подчиненных ему катаганов [12, 43; 10, 68—70].

Как видно из киргизского предания, оно перекликается с изложенными выше историческими данными об участии киргизов в войнах между ханами Ишимом и Турсуном [9, 67].

Примечательно также, что в Восточном Туркестане, у подножия хребта Кебезтоо (к югу от Ташкургана), жило около 2 тыс. семей киргизов-катаганов, у которых сохранялись смутные воспоминания о пребывании их предков на Тянь-Шане. Это сообщил

---

[95] Перевод Дж. Х. Кармышевой.

С. М. Абрамзону один из его информаторов, лично побывавший там в 1937—1938 гг. [10, 70, 71].

Как отмечалось выше, в начале XX в. одна группа киргизов-катаганов жила в Афганистане в непосредственном соседстве с Кундузом. Об этой группе довольно подробные сведения дает Кушкеки. Согласно им, киргизы жили компактной группой в 2 тыс. семей в самом северо-восточном высокогорном углу Афганистана, в так называемых Больших и Малых Памирах [74, 159—167]. К сожалению, Кушкеки не отмечает племенную принадлежность этой группы киргизов, но, как уже говорилось, И. П. Магидович (не ссылаясь на источник) утверждает, что киргизы Северо-Восточного Афганистана относятся к роду катаган племени саяк [228, 195].

Трудно сказать без специальных исследований, пришли ли эти киргизы-катаганы с востока [96] и были ли они потомками катаганов, изгнанных из Тянь-Шаня Ишим-ханом, или потомками каких-то более ранних групп или же их предки были в числе тех 12 тыс. семей киргизов, которые зимой 1635/36 г. через Каратегин пришли в Хисар, а через месяц были приняты узбекским ханом в Балхе [48, 464], как об этом повествует Махмуд бен Вали, живший в то время в Балхе [224, 321].

У киргизов Тянь-Шаня сохранилось предание о том, что их предки два раза переселялись в Фергану и лежащие к югу от нее районы. Первое — по преданию, произошло лет 300, второе — лет 200 назад. Во время последнего перемещения киргизы якобы пробыли на Алае, в Каратегине, Хисаре и Кулябе 17 лет, а затем в течение 15—20 лет перекочевывали обратно на Тянь-Шань.

Это предание было записано П. П. Ивановым в г. Фрунзе в 1927 г. [172, 36], следовательно, первое их переселение на юг происходило примерно в начале второй четверти XVII в., а второе — на столетие позже. Исходя из этого, Н. А. Кисляков предполагал, что известие Махмуда бен Вали было связано с первым из этих перемещений, а второе, по его мнению, произошло в результате вытеснения киргизов с Тянь-Шаня ойратами [172, 36]. Однако, анализируя ряд записанных им преданий и опираясь на данные о расселении киргизов в Южной Киргизии и в сопредельных областях, С. М. Абрамзон приходит к заключению, что упомянутые 12 тыс. семей киргизов принадлежали не к племенам правого крыла, расселенным на Тянь-Шане, а к племенам, составляющим объединение ичкилик, которые двигались не из Тянь-Шаня, а из Восточного Туркестана, где жили ичкилики, в направлении Каратегина и Хисара [10, 78].

---

[96] Киргизы Северо-Восточного Афганистана, несомненно, поддерживали связи с киргизами района Ташкургана. Как сообщает Кушкеки [74, 161], афганские киргизы имели торговые связи не столько с внутренними районами страны, сколько с кашгарскими городами — Яркендом и Ташкурганом. До первого из указанных городов они добирались верхом за семь дней, а до второго — за четыре дня.

Это положение подтверждается историческими преданиями, записанными мной в 1954 и 1957 гг. среди каратегинских киргизов — потомков ичкиликов. Население ряда их кишлаков называет среди своих предков выходцев из Хисара, Куляба [160, 27] и Балха [97]. Можно также предположить, что упомянутые Махмудом бен Вали киргизы потому и направились через Каратегин в Хисар и Балх, что в этих областях еще раньше обосновались или бывали их соплеменники.

Достоверные данные о пребывании киргизов в более ранний период есть пока лишь относительно Каратегина. Письменные источники рассказывают о том, что киргизы жили здесь уже в 30-х годах XVI в. Они, видимо, пришли из Восточного Туркестана, так как находились под властью Кашгара [224, 234, 235, 518]. Большой интерес в этой связи представляет сообщение Махмуда бен Вали, относящееся к 30—40-м годам XVII в., о том, что Хатлан (Хутталь) на востоке примыкает к территории киргизских племен [224, 323; 36, 16].

Вместе с тем есть данные, свидетельствующие о пребывании в Балхе (под которым обычно понимается обширная провинция, включающая и Кундуз) не только ичкиликов, но и северокиргизских групп, к которым относились, как известно, интересующие нас катаганы. Например, в одном из преданий киргизов Центрального Тянь-Шаня говорится, что в Афганистане живут киргизы, которые приходятся им дальними родственниками [10, 74].

Небезынтересно также отметить совпадение названия кишлака Кошой, расположенного в Каратегине, с именем легендарного героя катаганов Восточного Туркестана [10, 71, 81]. Правда, во время моего обследования в 1957 г. в этом кишлаке жили потомки ичкиликов, которые считали своего предка выходцем из Балха. Учитывая, что на северо-востоке Афганистана живут киргизы-катаганы, можно предположить что указанное совпадение не случайно. Но самым веским аргументом в пользу моего предположения о проникновении северных групп киргизов в Хисар, Куляб, Балх и Кундуз является присутствие в составе узбеков-катаганов Кундуза группы под названием басыз. Этого этнонима нет в генеалогиях ни у казахов, ни у узбеков, а у киргизов племя басыз, относившееся к левому крылу, считалось одним из древних [7, 124]. По данным Лорда, басызы (басуз) были

---

[97] По одному из преданий, записанному мной в 1957 г., из Балха пришел киргиз-ичкилик по имени Ак-бий из рода кызылаяк племени кесек. Мой информатор Исмат Арзиев из кишлака Сайрун 1885 г. рождения назвал своими предками (по восходящей линии) имена следующих лиц: Арзу (отец моего информатора) — Мукум — Мурад — Партоу — Уркунчи — Шаурук-бий — Даурук-бий — и, наконец, Ак-бий. В конце XIX в. потомки Ак-бия жили в 15 кишлаках, расположенных в бассейне Сурхоба, начиная от низовьев Муксу и кончая районом Гарма. По моим полевым записям, сделанным в селении Кошой в 1954 г., обитатели этого кишлака, как и жители соседнего селения Птеукуль-Балх, считали себя потомством человека, лет 200—300 тому назад переселившегося из Балха.

одним из 16 родов узбеков-катаганов и жили они в числе тысячи семей в Кундузе [203, 273]. Интересно заметить, что в одном из приведенных С. М. Абрамзоном исторических преданий киргизов, записанных от потомка басызов, среди местностей, где разместились предки киргизов после ухода с берегов Енисея, упоминается и Кундуз [10, 68] [98]. Разумеется, я не рассматриваю эту легенду как абсолютно достоверный факт. Она интересна тем, что в ней в числе мест давнего расселения киргизов фигурирует и Кундуз.

Среди потомков узбеков-катаганов, перебравшихся в прошлом веке из Кундуза в южные районы Таджикистана, группу басыз я не встретила, однако в низовьях Вахша и Кафирнигана местные жители указывали мне несколько местностей, где в начале XX в. обитали басызы, которые в годы басмачества вернулись в Афганистан к своим сородичам. При этом мои информаторы утверждали, что басызы были узбеками. Следовательно, басызы настолько давно обосновались в Кундузе, что успели к началу XIX в. (если не ранее, так как, по предположению Лорда, документы, из которых он извлек данные о родовом составе катаганов, относились примерно к концу XVII в. [203, 273]) полностью слиться с узбеками. Из приведенных мной генеонимов узбекского племени катаган шесть совпадают с киргизскими: кутчи, сакау, барак, канглы, таз, сары. Трудно сказать без специальных исследований, пришли ли эти группы в верховья Амударьи в составе кочевых узбеков или в составе киргизов.

У локайцев, считавшихся одним из подразделений узбеков-катаганов, в XIX в. было около 20 генеонимов, совпадающих с киргизскими. Большинство этих названий относилось к северо-киргизским племенам, в том числе и к племени саяк [165, 17, 18, табл. 2], т. е. к тому самому племени, к которому, как указывалось, относили себя в начале XX в. киргизы-катаганы Северо-Восточного Афганистана [228, 195]. Интересно в этой связи, что в записанном мной предании о происхождении локайского рода алтмыш предводитель его назван Аннакул-саяк [165, 18].

Мне хочется обратить внимание еще на два этнонима из числа упомянутых в эпосе «Манас» 40 древних киргизских племен — это *набат* и *тагылык* [7, 124]. Я отмечала выше, что местом, где в Хисаре поселились катаганы и где они объединились, Кушкеки называет Дашти-Набат [74, 9] (ныне Дашнавад), что значит Набатская степь. Не связано ли это наименование с указанным выше киргизским этнонимом? Аналогии этому мы видим в расположенных рядом с Дашнавадом урочищах, которые именуются — тоже по жившим там племенам — Дашти-Кальтатай и Туркмандашт. Название же тагылык, вероятно, указывает, что в состав киргизов вошли уже упомянутые мной таглыки — тюр-

---

[98] Представления киргизов о Енисее как их прародине С. М. Абрамзон считает результатом книжного влияния.

ки горных районов Кашгарии, подобно тому как в состав узбеков-катаганов вошли тагчи.

Все эти материалы, мне кажется, достаточно убедительно раскрывают участие киргизов в формировании этнического ядра узбекского племени катаган. Однако решающую роль в сложении крупного политического объединения под названием катаган, бесспорно, сыграли узбекские племена найман, мангыт, эчки, темаз [99] и другие, как об этом свидетельствуют данные об этническом составе узбеков-катаганов, локайцев, семизов и кесамиров. От процесса сложения этого объединения не остались в стороне и тюрки Мавераннахра, издавна жившие в Кундузе, Бадахшане, Хисаре и Кулябе и в прилегающих к этим областям высокогорных районах Восточного Туркестана в близком соседстве и тесных контактах с киргизами.

Рассмотренные выше материалы не оставляют сомнения в том, что узбекское племя катаган как крупное политическое объединение сформировалось в бассейне верхнего течения Амударьи.

Многовековой интенсивный процесс слияния киргизов как с оседлым, так и с полукочевым населением Средней Азии и Восточного Туркестана протекал, следовательно, и в Кундузе.

Считаю нужным подчеркнуть, что предположение о формировании узбекского племени катаган на территории Кундуза и Балха при участии в этом процессе киргизов выдвинуто мной лишь в качестве рабочей гипотезы для дальнейших специальных исследований проблемы происхождения узбеков-катаганов.

Дурмены, монгольское по происхождению племя, было в числе тех узбекских племен, которые в XV в. участвовали в церемонии избрания ханом Абулхайра в Дашти-Кипчаке, а позже постоянно поддерживали Шейбани-хана и вместе с ним пришли в Мавераннахр [229, 24, 29] [100]. В установлении власти узбеков в Мавераннахре они играли не последнюю роль и поэтому пользовались почетом [240, 45]. Большое число дурменов участвовало и в походе Шейбани-хана на моголов [240, 207]. При дворе Аштарханидов они продолжали сохранять свое почетное положение [52, 390—396] [101].

---

[99] Племена *эчки* и *темаз* (в форме таймас) отмечаются источниками в составе узбеков Дашти-Кипчака времен Абулхайра [299, 24]; эчки были и в числе тех племен, на которые в основном опирался Шейбани-хан при завоевании Мавераннахра [299, 29]. В начале XX в. их названия сохранились лишь за небольшими группами в составе объединения катаган.

[100] Какие-то части племени дурмен, вероятно, если не в Мавераннахре, то в Иране жили еще во времена владычества монголов. Как известно, из дурменов был Пулад-чинсан, один из основных информаторов Рашид-ад-дина, «командующий войсками Ирана и Турана», представитель великого хана при дворе иль-хана Газана [288, 67, 187].

[101] Традиция почетного положения дурменов при дворе правителей шла, несомненно, со времен Чингисхана. Рашид-ад-дин пишет, что отец упомя-

В начале XX в. узбеки-дурмены были разбросаны в разных местах: в Балхе, долине Зеравшана, бассейне верхнего течения Сырдарьи и в Хорезме. Наиболее компактно они жили в Кабадиане — в долине Кафирнигана по его нижнему течению. Старики из потомков этой группы узбеков считают своих предков выходцами из Афганского Туркестана. Не исключена возможность, что отдельные группы узбеков-дурменов поселились в Афганском Туркестане еще в период завоевания Балха и Кундуза войсками Шейбани-хана, ибо одним из первых узбекских правителей Кундуза был некий Урус-бек дурмен (1511 г.) [299, 115].

Первое известное мне упоминание о дурменах как о жителях Кабадиана относится к концу XVII — началу XVIII в. [241, 204], что было отмечено и Н. Г. Борозной [67, 27].

В начале XVIII в. дурмены жили и в Курган-Тюбе [232, 71]. Их поселения на берегах Вахша видел Н. А. Маев в 1875 г. [207, 229]. Предание о судьбе дурменов рода ахча, перебравшихся в Курган-Тюбе из районов Меймене и Шибергана, рассказывал мне в 1966 г. происходивший из этой среды Ташман-баба Ишманов 1889 г. рождения, житель кишлака Ахча, расположенного вблизи бывшего г. Кабадиана. По преданию, это переселение произошло в первой четверти XIX в. В Курган-Тюбе предки Ташман-баба прорыли канал Хальпа-арык и оросили поля. Затем эту освоенную землю они продали катаганам, а сами обосновались на Арале — болотистой равнине к северу от г. Курган-Тюбе. Здесь они тоже прорыли канал и завели посевы. Но климат был здесь неблагоприятный, отчего дети стали болеть и умирать. Тогда большая группа ахчинцев переехала в местность Ябу (низкие горы на запад от Уялы), но там им тоже не понравилось, так как не было речной воды, которую они, по словам информатора, привыкли пить. Тогда они, говоря: *«Арал бизди алдады. Ябыдан кунглимиз калды»* (Арал нас обманул, на Ябу мы обиделись), переселились в Кабадиан. Здесь они расчистили от кустарников участок земли по соседству с чагатаями, вывели из магистрального канала Джуйбар арык Джайнауз, завели посевы и посадили тутовые деревья (некоторые из них якобы сохранились до сих пор).

Согласно материалам Н. Г. Борозны, долина Кафирнигана, севернее Кабадиана, была заселена дурменами в основном в конце XVIII в. — они продвинулись туда из Кабадиана [68, 92].

О разделении дурменов на две части (кабадианских и хисарских) сохранились предания, в которых эти события трактуются как происходившие в начале второй половины XIX в. Так, по преданию, записанному в 1959 г. от Нурана Юлдашева, жителя кишлака Тарыпая Кокташского района, два дурмен-

---

нутого дурмана Пулад-чинсана был стольником самого Чингисхана и принадлежал к орде его старшей жены. Он отмечает также, что «во все времена старшие жены ханов были из этого племени» [288, 187].

ских главаря, Эрназар-деванбеги из рода кыяннама и некий Алланазар, в свое время (еще до окончательного подчинения Кабадиана Бухаре) за какие-то провинности были отстранены кабадианским беком от должности (*амаль*). Обидевшись на последнего, они перешли на службу к хисарскому беку, собрали войско из узбеков марка и локай и осадили Кабадианскую крепость. После трех месяцев осады крепость была взята, а Кабадиан присоединен к Хисару. Хисарский бек назначил Эрназара беком Кабадиана (это было основное местожительство его соплеменников), а Алланазару поручил охранять долину Кафирнигана на отрезке от Кабадианского оазиса до Хисара. Алланазар подчинил себе соплеменников, расселенных в долине Кафирнигана выше Ишкабада, а также в горах Батага. Таким образом дурмены и оказались разделенными на две группы — кабадианскую и хисарскую.

Н. Г. Борозна в результате сравнительного анализа генеонимов дурменов и других узбекских племен, а также остальных тюркоязычных народов Средней Азии пришла к заключению, что некоторые родовые названия дурменов были характерны и для остальных узбекских племен, а также для казахов и киргизов (*учуру, кыят, кутчу, ногай, казак, оюлы, бадраклы, кошчук, саксан* и др.).

Изучение генеонимов дурмен и исследование их материальной и духовной культуры, проведенные Н. Г. Борозной, не оставляют сомнения в том, что они были потомками узбеков даштикипчакского происхождения [69, 7]. Думается, что уже на новой родине, в бассейне Амударьи, в их состав вошли другие компоненты, о чем свидетельствуют названия адирбиль и ахча.

* * *

Все изложенное выше свидетельствует о чрезвычайно смешанном родовом составе узбекских племен и о сложных путях их формирования. Это объяснялось рядом причин: сложностью этнического состава кочевых узбеков Дашти-Кипчака, пестротой и многослойностью местного населения Мавераннахра, отдельные группы которого постоянно вливались в состав находившихся здесь узбекских племен, притоком все новых и новых групп кочевого и полукочевого населения из сопредельных областей.

ДРУГИЕ НАРОДЫ

Среди арабов, цыган, казахов, туркмен, белуджей и других народов, которые были представлены в небольшом числе в южных районах Таджикистана и Узбекистана в конце XIX — начале XX в., мои полевые исследования носили лишь рекогнос-

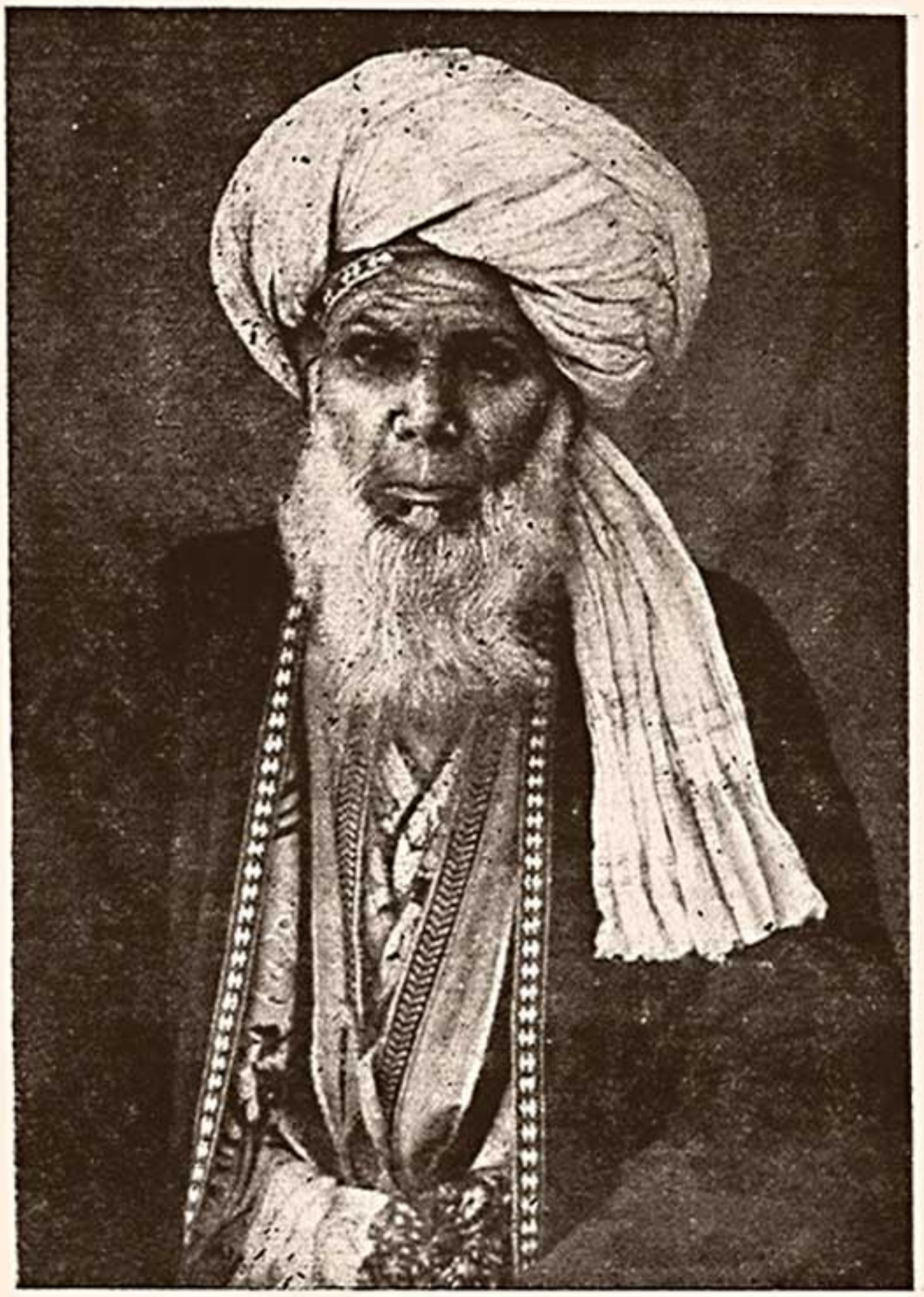

Рис. 16. Араб таджикоязычный. Бешкентский оазис Кабадианского бекства. ИЭ 500-СА-420. Фото З. З. Виноградова (1914 г.)

цировочный характер. Основываясь на полевых и литературных данных, скажу лишь несколько слов о времени расселения этих народов в рассматриваемом нами районе.

Арабы. Исследования советских ученых С. Л. Волина, Г. В. Церетели и И. Н. Винникова значительно продвинули решение вопроса о том, когда поселились арабы в Средней Азии и выходцами из каких арабских стран они были [89; 363; 362; 86]. Данные исторических источников, а также лингвистические, этнографические и антропологические материалы вполне определенно показывают, что арабы пришли в Среднюю Азию не из одного района и не в одно время.

Большинство среднеазиатских арабов давно утратили родной язык и говорят по-узбекски или по-таджикски. Арабский язык в качестве второго языка (наряду с узбекским или таджикским) сохранился только у жителей нескольких селений в Бухарской и Кашкадарьинской областях. В Самаркандской области полная замена арабского языка таджикским или узбекским завершилась в начале XX в. [75; 22, 127].

Г. В. Церетели, специально исследовавший основные арабские диалекты Средней Азии, установил, что они, развиваясь в течение длительного времени самостоятельно в иноязычном окружении, подвергались влиянию окружающих их языков — таджикского и узбекского, отчасти афганского и туркменского. В результате этого произошли значительные изменения не только в их фонетике и лексике, но и в синтаксисе. Вместе с тем язык среднеазиатских арабов, развивавшийся в продолжение многих веков без всякого контакта с арабским литературным языком или каким-либо другим арабским диалектом, полностью свободен от их влияния. Поэтому семитический материал в языке, характерный для арабов Средней Азии в период их появления на своей новой родине, сохранился в их речи в менее измененном виде, чем в других арабских диалектах [363, 2].

В настоящее время установлено наличие в Средней Азии двух самостоятельных групп арабских диалектов — бухарской и кашкадарьинской. Разница между этими группами настолько значительна, что бухарские и кашкадарьинские арабы не понимают друг друга и предпочитают говорить между собой по-таджикски или по-узбекски. Эта разница, по мнению Г. В. Церетели, частично объясняется различным иноязычным влиянием (влияние тюркских языков сказывается в большей степени на кашкадарьинском арабском диалекте, а таджикского — на бухарском), но в основном она является следствием различий, существовавших в языке предков арабов еще до переселения их в Среднюю Азию [363, 10, 11].

Как установил Г. В. Церетели, среднеазиатские арабские диалекты настолько отличаются от всех известных арабских диалектов, что образуют совершенно самостоятельную группу, занимающую обособленное место среди известных диалектов арабского языка, и обнаруживают близкое сходство с иракской и отчасти центральноаравийской бедуинской речью [363, 11].

Среди всех арабов Средней Азии распространена легенда о том, что они являются потомками первых арабов-завоевателей. Как известно, во времена завоевания арабами Средней Азии, в VII — VIII вв., в Бухаре и Самарканде — главных городах Мавераннахра — были оставлены крупные гарнизоны из арабов, в Бухаре им была передана половина домов и земель жителей столицы. Позже, когда завоевание было закончено, территория расселения арабов, по крайней мере горожан, была гораздо шире. В дальнейшем в городах арабы быстро ассимилировались среди местного населения [89, 123]. Не исключена возможность, что современные арабы Бухары, Ленинабада и, возможно, некоторых других городов, почти не отличающиеся от таджиков, происходят от этих первых арабских поселенцев. По мнению С. Л. Волина, иначе обстояло дело на левом берегу Амударьи. Тут, в районах Мерва и Балха, очень рано

завоеванных арабами и ставших основными базами для дальнейших завоеваний, с самого начала было очень много арабов, селившихся крупными племенными группами. Если оседлые арабы, обосновавшиеся в городах и соседних селениях, довольно скоро растворились в массе коренных жителей, то кочевые арабы гораздо дольше сохраняли свои особенности.

С. Л. Волин приводит сведения исторических источников о больших группах арабов, кочевавших в районе современного Ашхабада (XII в.), между Мервом и Амулем (Чарджоу, начало XI в.), а также в Афганистане — в районе Хульма (X в.), в степи между Шибирганом и Балхом (конец X в.). Из документов, опубликованных С. Л. Волиным, видно, что арабы в названных районах Северного Афганистана продолжали кочевать и в XVI в. [363, 12]. Незначительные по численности группы арабов, уже утратившие свой родной язык и говорящие на таджикском языке, живут в Северном Афганистане и в наши дни [72, карта 1; 387, 101 — 104].

Предания и генеалогии, сохранившиеся у отдельных групп среднеазиатских арабов, а также представления о родственных связях между среднеазиатскими и североафганистанскими арабами говорят о том, что значительная часть среднеазиатских арабов по происхождению связана с арабами северных районов Афганистана. Часть их переселилась из Афганистана в Среднюю Азию, по-видимому, лет 200 назад, но большинство — значительно раньше. К их числу относятся арабы Куляба, Курган-Тюбе, Кабадиана и отчасти Шерабада.

Не исключена возможность переселения арабов в Среднюю Азию не только из Афганистана, но и из более западных и юго-западных областей. В связи с этим интересно отметить, что племенное название «балуи», имевшееся у среднеазиатских арабов, встречается также у арабов восточных областей Ирана — Хорасана, Йезда и Кермана [315, 641].

Среди кашкадарьинских, каттакурганских и самаркандских арабов было распространено предание о том, что их предков привел из похода в арабские страны эмир Тимур. Однако, как справедливо замечает С. Л. Волин, два обстоятельства заставляют усомниться в достоверности этого предания: во-первых, отсутствие у историков Тимура, отмечавших каждый его шаг, упоминаний о переселении арабов, во-вторых, необходимость учитывать то, что среднеазиатские легенды по традиции относят все крупные исторические события или архитектурные памятники только ко времени правления Тимура или Абдуллахана.

По мнению С. Л. Волина, переселение части арабов могло быть связано с событием, происшедшим на 100 лет позже Тимура, когда в 1513 г. узбекские султаны Джаныбек и Убайдалла были вынуждены очистить захваченные перед тем Хорасан и Балх. При этом Джаныбек-султан переселил через Аму-

дарью в свой удел жителей Балха, Шибиргана и Андхоя, т. е. тех самых районов, где жили арабы. Уделом Джаныбека в это время была долина Зеравшана от Самарканда до Кермине. С. Л. Волин приводит ряд документов, в которых сообщается об арабах-кочевниках, живших в середине XVI в. в Бухарском и Самаркандском районах и в долине Кашкадарьи [89, 121].

Полевые материалы, собранные мной среди арабов Зеравшанской долины, низовьев Кашкадарьи и южных районов Таджикистана и Узбекистана, свидетельствуют о том, что в начале XX в. они устойчиво сохраняли этническое самосознание и заключали браки преимущественно внутри своей группы. Это было особенно характерно для полукочевых арабов, которые составляли большинство арабского сельского населения. Между родственниками, жившими нередко в значительном отдалении друг от друга, постоянно поддерживались связи, что в значительной мере диктовалось хозяйственной необходимостью. Так, в 1957 г. в кишлаке Джейнау, расположенном в низовьях Кашкадарьи, мне рассказывали, что арабы этого кишлака имели родственников в Хисаре, куда в засушливые годы овцеводы Джейнау отгоняли свои стада. Иногда отдельные группы джейнауских арабов оседали в восточных районах. Так, большинство арабов Шерабадского оазиса и долины Сурхандарьи (так называемые рабатакские арабы — см. стр. 112) вели своих предков из Каршинской степи, и поэтому их еще называли каршинскими арабами (*каршилик араб*). Остальные арабы Шерабадского оазиса назывались балхскими (*балхи араб*) как потомки выходцев из Балха. Последние жили и в Кабадиане.

Переселения арабов из районов Балха, Ахчи, Шибиргана и других мест Северного Афганистана на территорию Курган-тюбинского и Кулябского бекств, наблюдавшиеся в средние века, продолжались вплоть до начала XX в. Богатых овцеводов Северного Афганистана привлекали пастбища Восточной Бухары, а бедняков — пустующие земли, годные для орошаемого земледелия.

Антропологическое обследование арабов селения Камаши в низовьях Кашкадарьи привело Л. В. Ошанина к выводу о том, что в Среднюю Азию переселилась не южная группа арабов Аравии — носителей долихокефального средиземноморского типа, а северные арабы, месопотамские, для которых характерен брахокефальный тип переднеазиатской расы [266, 50]. Однако материалы К. Наджимова, обследовавшего арабов Сурхандарьинской области, показывают, что Средняя Азия заселялась не только брахикефальными месопотамскими арабами, но и южными, долихокефальными [247, 65]. Проведенные антропологические исследования нельзя считать достаточными для того, чтобы использовать их данные в качестве одного из решающих источников при определении происхождения

среднеазиатских арабов. Остается еще много нерешенных вопросов, связанных с этой проблемой.

Несмотря на относительную замкнутость арабов в быту, жизнь в течение ряда веков среди численно преобладающего местного населения Средней Азии, общие с ним исторические судьбы, одинаковый уровень развития производительных сил и, наконец, отсутствие различий в религиозных воззрениях вели к постепенному слиянию арабов с таджиками, узбеками и туркменами. Однако процесс этот ко времени установления Советской власти еще не был завершен.

Цыгане, по мнению большинства исследователей, пришли в Среднюю Азию из Индии в давние времена.

В Средней Азии они состояли из ряда этнографических групп, которые изучены не в одинаковой мере и далеко не достаточно, поэтому вопросы их происхождения, родства их между собой нельзя считать решенными. Последняя по времени классификация этнографических групп среднеазиатских цыган принадлежит Х. Х. Назарову, который ряд лет посвятил полевому этнографическому изучению большинства их групп. Особенно большое внимание Х. Х. Назаров уделил группе *люли,* или *джуги,* представителем которой является сам. Исходя из особенностей быта, языка и антропологического облика, а также времени и путей проникновения в Среднюю Азию, Х. Х. Назаров среди среднеазиатских цыган различает три группы: первая — местные цыгане (за давностью поселения считающие себя исконными жителями Среднеазиатского междуречья), самоназвание их — *мугат* или *мугати тубджои,* т. е. местные цыгане (окружающее узбекско-таджикское население называет их *люли́, джуги́, мултони́, мазанг* и *тавоктарош*); вторая — афганские цыгане, самоназвание которых *ауган мугат* или *ковули́* (окружающее население называет их *кара-люли* или *ауган-люли, ауган-джуги*); третья — индийские цыгане, самоназвание которых *мугати хунди* или *покирадж* (окружающему населению они известны как *индустони люли,* или *индустони джуги*).

Среди местных цыган Х. Х. Назаров выделяет три этнографические группы: *люли* (джуги, мултони), для которых были характерны бродячий образ жизни, а в качестве основных занятий — профессиональное нищенство, гадание, врачевание и отчасти ювелирное дело; *тавоктарош,* которые вели полуоседлую жизнь и занимались деревообделочным промыслом, что и определило их название (*тавоктарош* — мастер по выделке деревянной посуды); *мазанг* — оседлые цыгане, занимавшиеся мелкой торговлей, а также сельским хозяйством [248, 9, 10].

Название тавоктарош распространено во всех местностях расселения этой группы, включая изучаемую территорию, однако в Гиссарской долине И. М. Оранский не отметил его.

Здесь существовала группа того же этнокультурного облика, что и тавоктарош, которая называлась *согутарош-хисорй*, т. е. гиссарские согутароши. И. М. Оранский отмечает, что согутароши резко отделяют себя от группы джуги и в брачные отношения с ее представителями не вступают [259, 13, 14]. Мне же представляется, что оба эти названия, согутарош и тавоктарош, относятся к одной и той же группе. Значение обоих названий совпадает: согутарош — мастер, выделывающий миски (по тадж. *согу* — небольшой деревянный сосуд круглой формы [332, 365]). По-видимому, термин согутарош (возможно, он является самоназванием или одним из самоназваний этой группы — И. М. Оранский прямо об этом не говорит) употребителен среди таджиков и другого таджикоязычного населения, а тавоктарош — среди узбеков. Мне же, работавшей в тех же районах, что и И. М. Оранский, но разговаривавшей с местным населением по-узбекски, постоянно приходилось слышать о тавоктарошах (даже от таджиков), но ни разу — о согутарошах. К сожалению, специальных расспросов о группе согутарош я не проводила.

По данным Г. П. Снесарева, тавоктароши бассейнов Зеравшана и Кашкадарьи также резко отделяли себя от джуги и не вступали с ними в браки [312, 24]. Объяснялось это тем, что к джуги как к нищенствующей группе у всего окружающего населения, в том числе и у тавоктарошей, существовало пренебрежительное отношение. Да и сами джуги стремились заключать браки только внутри своей группы. Разновременно и небольшими группами попадая в чужую страну, разрозненные группы цыган сохраняли свою замкнутость, свой традиционый бытовой уклад. Следует напомнить, что предпочтение браков внутри своей этнографической или сословной группы вообще характерно для народностей в феодальный период.

Приведенных выше доводов, конечно, недостаточно, чтобы считать окончательно установленной идентичность тавоктарошей и согутарошей. В этом вопросе еще остается много неясностей. Так, Г. П. Снесарев считает тавоктарошей и мазангов одной и той же группой [312, 25], а Х. Х. Назаров, как отмечалось, их различает; И. М. Оранский и Г. П. Снесарев не отмечают у тавоктарошей и согутарошей самоназвания мугат, а Х. Х. Назаров утверждает, что все местные цыгане называют себя мугат. И. М. Оранский не зафиксировал среди согутарошей секретного языка (арго), а Х. Х. Назаров подчеркивает, что все группы местных цыган широко пользуются им и называют его *лавзи мугат* или *арабча* [248, 11].

Тавоктароши южных районов Узбекистана и Таджикистана, как и других районов Среднеазиатского междуречья, вели полуоседлую жизнь. Лето они проводили в долинах рек, в тех местностях, где были заросли ивы, которая служила им сырьем для изготовления посуды и ложек. На зимний период они

перебирались ближе к селениям, в которых были базары. Несколько родственных семей кочевало вместе, они имели совершенно определенные места стоянок и традиционные связи с жителями этих мест. Например, одна и та же группа тавоктарошей каждое лето селилась под Дербентом, соорудив под ивами, которые в изобилии росли в пойме Шерабаддарьи, несколько шалашей из легких прутьев. Здесь тавоктароши изготовляли посуду как по заказу, так и для продажи на байсунском базаре. И. М. Оранский отмечает, что согутароши встречались во всех базарных центрах Гиссарской долины и прилегающих районов [259, 13, 14].

Исследования И. М. Оранского показали, что группа, известная среди таджикско-узбекского населения под названием а у г о н, неоднородна — в нее входят три различные группы: *каволь, чистони* и *парья,* и предки их сравнительно недавно переселились на правобережье Амударьи из Афганистана.

И. М. Оранский отмечает, что указанные группы, жившие в прошлом изолированно от окружающего населения, в наши дни, несмотря на интенсивный процесс консолидации их с таджиками и узбеками, сохраняют известные этнографические и языковые особенности. Родным языком для каволей и чистони, а для парья вторым языком после одного из индоарийских диалектов является таджикский. Говоры их представляют известное единство и сближаются с таджикскими говорами Афганистана и Юго-Восточного Таджикистана. Каволи и чистони, подобно джуги, устойчиво сохраняют потайные языки (арго) [259, 6 — 13].

Группу каволь (самоназвание их *афгон* и *шейхмомади* [261, 244]; название каволь дано им местными таджиками) некоторые исследователи, как и местное население, считают афганскими цыганами [276, 88; 181, 75], однако они сами категорически отрицают свою принадлежность к джуги [262, 64]. К сожалению, ни по данным И. М. Оранского, ни по нашим с А. К. Писарчик полевым материалам нельзя с уверенностью сказать, отрицают ли они свою принадлежность только к группе джуги или к цыганам вообще (т. е. к мугатам). Также остается неясным, идентична ли группа каволь упомянутым Х. Х. Назаровым афганским цыганам-ковули.

В начале XX в. группа каволь жила в г. Кулябе, где был особый квартал Каволё, в котором, по данным А. П. Колпакова, их насчитывалось 400 [181, 75], а по нашим — 500 человек. По данным И. М. Оранского, каволи жили также в Гиссарской долине [261, 244].

По сведениям, записанным мною в г. Кулябе в 1949 г. от таджика, старожила квартала Каволё, каволи г. Куляба делились на два рода: *шейхмомади* и *джат.* Последнее название весьма примечательно, ибо свидетельствует о генетической связи этой группы с джатами Пенджаба и протягивает еще одну

нить (наряду с этнонимом мултони), связывающую предков цыган с Северо-Западной Индией [312, 24].

О *чистони* до исследований И. М. Оранского не было никаких сведений в литературе. По данным последнего, чистони в основном живут в районе Сариасия; их отдельные семьи встречаются в районе Регара, Узуна, Денау и Юрчи [259, 13]. По-видимому, в начале XX в. они обитали в тех же местностях, что и ныне.

Парья — самоназвание *парйа, шахихель, лагмони́;* местные таджики называют их *афгоно, афгонои сийору́й* — «темноликие афганцы» или *афгонои носфуруш* — «афганцы — продавцы наса» (табака, закладываемого под язык), по данным И. М. Оранского, расселены в Гиссарской долине. Большая часть их живет в пределах нынешнего Гиссарского района. Численность их в начале XX в. неизвестна. По расспросным сведениям, в 50-х годах нашего века их было примерно 1 тыс. человек. И. М. Оранский приводит шесть названий родственных групп парья: *калу, джитан, джуни, магара́, бисия́н* и *мусалли* или *мусли.* Он отмечает, что ядро этой группы составляют первые четыре, объединяемые термином *шахихель.* И. М. Оранский привел убедительные доводы, свидетельствующие о том, что парья являются одним из ответвлений группы *чангар,* зафиксированной индийскими переписями конца прошлого века в различных районах Северо-Западной Индии [259, 7 — 11].

Туркмены были поздними поселенцами на изучаемой территории. О времени их расселения вдоль побережья Амударьи и на Джиликульском плато имеются вполне достоверные сведения у путешественников последней четверти прошлого столетия. Самым ранним является сообщение Н. А. Маева о переселении беднейших туркмен из районов средней Амударьи на плоский берег Амударьи на юге Шерабадского бекства после того, как в 1868 г. ранее занимавшие эти места узбеки-конграты, разоренные Абдулкаримом, мятежным сыном эмира Музаффара, были вынуждены бежать в горы [207, 155].

О туркменах, кочевавших вместе с конгратами вблизи арабского кишлака Айвадж в Кабадианском бекстве, в 1880 г. писал Ф. Жуков [125]. Туркмен среди других народностей, населявших Кабадианское бекство, упоминал в 1889 г. и капитан Лилиенталь [194, 317]. Топограф П. Е. Косяков, посетивший долину Вахша в 1882 г., указывал, что от туркменского кишлака Джиликуль до Курган-Тюбе «места большею частью заняты туркменами, переселившимися сюда около семи лет тому назад» [185, 600]. В. И. Липский в 1896 г. описывал туркмен Джиликуля как уже вполне обосновавшихся на берегах Вахша [197, 306, 307]. Посетивший Восточную Бухару двумя годами позже А. А. Семенов писал, что туркмены перебрались в Джиликуль более 20 лет тому назад из-под Чарджоу и Кер-

ки [304, 108]. Таким образом, расселение туркмен на изучаемой территории началось примерно с середины XIX в.

Казахи обосновались в пределах Восточной Бухары несколько позднее, чем туркмены. В 1875 г. Н. А. Маев писал, что они (он их называет киргизами) «начали переселяться в Гиссарский край из Нуратинского бекства только в последнее время. До того их знали здесь только по имени. Киргизы направляются к низовьям Вахша и Пянджа. До 300 кибиток киргизов остановились в горах между Кулябом и Курган-Тюбе, и столько же кибиток видели на временной остановке у Гиссара» [207, 268]. Топограф П. Е. Косяков отмечал, что в Кургантюбинском бекстве кочуют казахи (киргизы), перебравшиеся туда из Туркестанского уезда [185, 602]. О том, что летом на Дербентскую возвышенность прикочевывают «русские киргизы», т. е. казахи, писал в 1889 г. и Белявский [59, 108].

Для определения районов, откуда преимущественно шло переселение казахов в Восточную Бухару, представляет интерес обнаруженное мной в Ташкенте, в Центральном государственном архиве УзССР (ф. 3, оп. 1, д. 131, лл. 54—60) письмо начальника Казалинского уезда Сырдарьинской области от 11 ноября 1894 г., с которым он обратился к российскому политическому агенту в Бухаре. Он просил оказать содействие возвращению на прежнее местожительство четырех казахских семей из шестого аула Актюбинской волости, откочевавших в пределы Бухарского ханства, в Куляб.

В Восточную Бухару казахи, очевидно, направлялись главным образом из Присырдарьинских районов. Они шли через пески Кызылкум, Нурату и Зеравшанскую долину. Пески не были для них препятствием — это были их пастбищные угодья. Пути к Бухаре, Самарканду и другим городам Зеравшанской долины им также были хорошо знакомы — они издавна были связаны с рынками этих городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материалов, рассмотренных в этой работе, выявил ряд особенностей, характерных для данной территории.

В Восточной Бухаре таджики были расселены крупными массивами и составляли там большинство. Это же наблюдалось и в Верхнем Зеравшане. В остальных историко-культурных областях Среднеазиатского междуречья таджики перемежались с другими народами (главным образом узбеками) или были лишь незначительно вкраплены в инонациональную среду.

Среди узбеков изучаемой территории преобладали полукочевые группы, сохранявшие традиции родо-племенной структуры.

Ранние группы полукочевых узбеков, т. е. потомки кочевой части тюрков Мавераннахра, тохаристанских карлуков и моголов, представляли заметную по численности и относительно компактно размещенную часть населения. Подобный характер расселения ранних племен, в частности потомков кочевой части тюрков Мавераннахра, можно было видеть и в Фергане, в остальных же областях Среднеазиатского междуречья они были незначительным вкраплением.

В начале XX в. на всей территории своего пребывания указанные группы ранних племен стойко сохраняли свое этническое самосознание и самоназвания — тюрк, карлук, могол, а также самобытность своей культуры. Поэтому окружающее население рассматривало каждую из этих групп как самостоятельную этническую единицу.

Отсюда вытекает, что если кочевники-тюрки, потомки тюрков Мавераннахра, даже в начале XX в., когда основная масса их осела, часть влилась в состав даштикипчакских узбеков и их потомков, а какие-то группы покинули пределы Мавераннахра (ушли вместе с Бабуром, перекочевали в Моголистан и другие сопредельные страны), были еще довольно многочисленны и устойчиво сохраняли специфику в быту и культуре, то в XV в. они, бесспорно, должны были составлять значительную часть тюркского населения Мавераннахра. Этнографические данные опровергают мнение некоторых историков (в частности,

Р. Г. Мукминовой [239, 76]) о малочисленности кочевников и полукочевников в Мавераннахре в XV в.

В размещении отдельных этнических групп в Восточной Бухаре прослеживалась определенная закономерность: горы были районами сплошного таджикского расселения — здесь в основном жили группы кулоби́, ромити́, кухистони́ и варзоби́ (лишь местами среди них были вкраплены узбеки из числа ранних по происхождению групп — тагчи, тюрки и карлуки); широкие речные долины, низкогорья и степи большей частью были заняты узбеками даштикипчакского происхождения; на стыке этих двух ландшафтов и двух этнических массивов лежала смешанная полоса — здесь обитали представители исконно оседлого населения культурных оазисов и полукочевых узбеков.

В большинстве районов рассматриваемой территории искони оседлых жителей культурных оазисов местное население называло чагатаями. Этот же термин был и самоназванием данной группы. Подавляющее большинство чагатаев составляли таджики, меньшинство — узбеки. Среди полукочевых узбеков этой зоны преобладали ранние по происхождению группы, в особенности тюрки. Здесь в подгорной равнине и предгорьях располагались наиболее крупные селения и города, исконные жители которых были чагатаями. Главным образом в их руках были сосредоточены интенсивное поливное земледелие, в частности садоводство и виноградарство, а также ремесло.

Так называемая кочевая степь не находилась где-то в отдалении от изученных мест — степи входили в состав их ландшафтов. Обитатели степи не жили там постоянно, изолированно от других групп населения, а периодически вступали в непосредственные контакты с жителями культурных оазисов и гор и селились среди них в определенные сезоны при смене этапов годичного хозяйственного цикла. Такая же картина наблюдалась на территории всего Мавераннахра: наряду с обширными степями и пустынями с кочевым населением, прилегающими к его границам с севера и запада, оседлые районы в пределах самого Мавераннахра перемежались степями с кочевым населением.

Чересполосное расположение оазисов и степей, а также определенные социально-экономические факторы обусловили, с одной стороны, оседание кочевников (в частности, узбеков даштикипчакского происхождения) в оазисах, с другой — создали благоприятные условия для развития комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, способствовали длительному сохранению полукочевого быта, а следовательно, и родо-племенных традиций.

Большинство городов Восточной Бухары в отличие от крупных городов центральной части Мавераннахра представляло собой селения городского типа. Население таких городов сформировалось в основном из окружающих сельских оседлых жите-

лей. Примешивавшиеся к ним элементы другого происхождения, в частности полукочевые узбеки, быстрее, чем в сельских местностях, подвергались здесь влиянию традиционной оседлой культуры.

Для таджиков и узбеков южных районов Таджикистана и Узбекистана, как и для других историко-культурных областей Среднеазиатского междуречья конца XIX — начала XX в., были характерны чрезвычайное разнообразие и сложность этнического состава.

Особой смешанностью и дробностью отличался последний у кочевого и полукочевого узбекского населения Среднеазиатского междуречья. Этот сложный и смешанный характер родо-племенного состава, как известно, был присущ не только узбекам, сохранявшим кочевнические традиции, но и другим кочевым тюркоязычным народам. Одной из причин этого явления Н. Г. Маллицкий считал принцип устройства войск у монголов. Он писал: «Сильнейшая перемешанность тюркских родов вообще ведет свое начало (по крайней мере отчасти), по всей вероятности, со времен Чингисхана и его ближайших преемников. Главную силу в монгольских походах составляли тюрки. Тюркские племена, разделенные на военно-административные единицы (тысячи, сотни и т. д.), должны были принимать, частями этих единиц, участие во всех походах на громадных пространствах, иногда исключавших возможность возвращения участников похода домой, и понятно, что одни и те же роды, осколки крупных тюркских племен, в конце концов оказались разбросанными от Крыма до Монгольского Алтая и от Южной Сибири до Ирана». Это изложено в объяснительной записке к этнографической карте бывшей Ташкентской области, рукопись которой хранится в архиве Института истории АН УзССР.

П. П. Иванов также подчеркивал, что процесс дробления отдельных племен, происходивший непрерывно на протяжении всей эпохи средневековья, особенно усилился в период монгольских завоеваний XIII в. в связи с массовыми перемещениями кочевников. Он считал, что длительное совместное пребывание на одной и той же территории разрозненных групп различного происхождения нередко приводило к их слиянию, «в результате которого возникало новое племенное объединение, в котором прежние кровнородственные связи уже утрачивались, уступая место связям хозяйственно-политическим. Образовавшееся таким образом новое объединение принимало обычно наименование того племени, которое в данном случае играло наибольшую роль» [135, 26, 27].

Как установили советские ученые, занимающиеся исследованием сущности социальных отношений у кочевников в феодальную эпоху, корни сложности и смешанности этнического состава кочевого населения заложены в самой специфике их социальной структуры. Племя (как и другие звенья родо-племенной

структуры), будучи реликтовым явлением в рамках феодальной эпохи, особенно сильно трансформируется в позднефеодальный период и полностью утрачивает основополагающие признаки этнических общностей первобытнообщинного типа — социальное равенство и кровнородственные связи, но сохраняет необычайную устойчивость родо-племенных традиций в области идеологии и этнического самосознания. Устойчиво сохраняется, например, представление о генеалогическом родстве всех принадлежащих к определенному племени групп, которые в действительности были самого разного происхождения. Эта традиция «обусловила своеобразие этнических процессов у сохранявших родо-племенное деление этнических общностей на всех исторических этапах их генезиса и консолидации» [124, 19].

Своеобразие этнических процессов выражалось в том, что новые элементы, включавшиеся в состав родо-племенного объединения или племени, обязательно вводились в традиционные генеалогии в качестве особых родов и родовых подразделений и становились носителями всего комплекса традиций данного племени [124, 19, 20]. Л. П. Потапов, исследовавший этот процесс инкорпорации новых этнических элементов у северных алтайцев, выделил его как особый тип этнической консолидации, возрождающий модель древнего первобытнородового общества [282, 78]. Указанная закономерность была присуща и узбекским племенам.

После переселения последних из Дашти-Кипчака в Мавераннахр продолжался процесс дробления старых объединений, сохранявших форму родов и племен, и возникновения новых образований такого же облика, а также включения в состав уже сложившихся племен и родов в качестве их подразделений новых этнических элементов, как местного происхождения, так и более поздних, чем даштикипчакские узбеки, переселенцев в Мавераннахр (каракалпаков, казахов, киргизов и др.). Кроме того, непрерывно шел процесс полного или частичного распада племенных и родовых объединений в связи с оседанием кочевников и слиянием их с оседлым населением, не имевшим родо-племенного деления.

Большой дробностью и разнообразием этнических компонентов отличалось не только кочевое и полукочевое, но и оседлое узбекское и таджикское население. Оно состояло из ряда этнографических групп территориального и генетического типа. В тех районах, где полукочевые узбеки составляли большинство жителей, в условиях, когда преобладающей формой общественной организации оставалась родо-племенная система, этнографические группы оседлого населения нередко как бы приравнивались к узбекским племенам. Например, при взимании налогов, несении различных трудовых повинностей, выставлении определенного числа людей в войска и т. д., а также в различных проявлениях общественной жизни этнографические группы осед-

лого населения наряду с узбекскими племенами выступали в качестве самостоятельных этнических единиц[1]. Примечательно, что в тех местностях, где потомки тюрков Мавераннахра и других групп ранних племен (карлуки, моголы, тагчи) были представлены в небольшом числе, в случаях, когда жители данной местности разбивались на две партии (например, во время проведения спортивных состязаний), все указанные выше группы выступали в составе оседлого таджикско-узбекского населения, а не узбеков даштикипчакского происхождения. Это является одним из многочисленных проявлений не только хозяйственно-культурных, но и этнических связей, установившихся между тюрками Мавераннахра и оседлым населением изучаемого района еще много веков тому назад.

Вследствие застойности патриархальных форм быта таджики горных районов, подобно таджикам Каратегина и Дарваза [331, 56, 57, 66—68], и в позднефеодальный период сохраняли пережитки родовой организации, в частности деление на родовые и семейно-родственные группы (патронимии). Такое деление отмечалось и у всех остальных жителей Мавераннахра конца XIX — начала XX в. Выяснение, из каких семейно-родственных групп сложилось население отдельных оседлых кишлаков, позволило установить, что обитатели большинства их не были однородны — к основному ядру каждого из них в разное время подселялись группы различного происхождения. Это были представители иных этнографических групп данной или других национальностей, а также отдельные выходцы из близлежащих мест и сопредельных или более отдаленных районов и областей. Среди последних двух чаще всего (в исторических преданиях) фигурируют бассейн Кашкадарьи, Северный Афганистан, Каратегин и Дарваз, Верхний и Средний Зеравшан, а также обширная область, включающая Ура-Тюбе, Заамин и Джизак с прилегающими к ним районами, выступающая в преданиях под общим названием Ура-Тюбе.

Анализ исторических данных и этнографических материалов позволил выделить три основные причины, обусловившие смешанность этнического состава оседлого населения южных районов Таджикистана и Узбекистана. К ним относятся: миграции населения, постоянное оседание отдельных кочевых и полукочевых групп — узбеков (большинство), арабов, туркмен и других, а также традиционные экономические связи между различными этническими группами с неодинаковым направлением хозяйства.

---

[1] В Бухарском ханстве в силу ряда причин, требующих специального рассмотрения, не произошло полного уподобления этнографических групп оседлого населения племенам кочевых узбеков. Явления, подобные описанным в тексте, можно было наблюдать в Туркмении: этнографические группы оседлого населения в процессе слияния с туркменами трансформировались в отдельные туркменские племена или их подразделения [293, 12].

В позднефеодальный период роль миграции в истории сложения населения рассматриваемой территории, как и вообще Средней Азии, была исключительно велика. Миграции вызывались различными социально-политическими факторами (завоевания, междоусобные феодальные войны, непосильные налоги и т. д.), а также стихийными бедствиями и эпидемиями (последние нередко вспыхивали из-за войн). На переселения толкали также нехватка поливных земель в старых густонаселенных оазисах или недостаток хороших пастбищ, необходимых для ведения скотоводческого или комплексного хозяйства.

Поселение в той или иной местности инонациональных групп в одних случаях происходило по их собственной инициативе, в других носило принудительный характер. Часто местные власти или центральное правительство в запустевшие, но перспективные в хозяйственном отношении районы насильно переселяли новых жителей, для того чтобы, помимо прочего, они заботились о поддержании питающей эту территорию оросительной системы.

Оседание кочевников, являвшееся второй важной причиной смешанности и сложности этнического состава оседлого населения, имело здесь одну характерную особенность: этот процесс шел не только в оазисах, но и в горах. При этом наблюдалась определенная закономерность: в долинах крупных рек оседали главным образом узбеки даштикипчакского происхождения; в предгорьях, являющихся верхней границей оазисов, наряду с последними и потомки тюрков Мавераннахра, а также группы других ранних племен, а в горах — преимущественно ранние племена, особенно тюрки и тагчи.

Такой характер оседания различных этнических групп, на мой взгляд, в значительной мере объяснялся оттеснением даштикипчакскими узбеками кочевых тюрков из районов, где были расположены их зимние и осенне-весенние пастбища, в ходе завоеваний Шейбани-хана, а также последовавших за ними перемещений в результате борьбы за пастбища. По-видимому, этим обстоятельством объясняется тот факт, что в период, доступный этнографическому обследованию, между тюрками и узбеками даштикипчакского происхождения существовала некоторая разобщенность. Смешение этих двух групп происходило лишь после оседания и слияния их с искони оседлым населением. Об этом свидетельствуют мои материалы по Восточной Бухаре и другим областям Среднеазиатского междуречья.

Оттеснение тюрков в горы способствовало оседанию их среди таджиков и слиянию с ними. Тюрки, оказавшиеся в предгорьях, также смешивались с таджиками, но результат смешения был здесь двояким: в районах с численным преобладанием таджиков происходил переход тюрков на таджикскую речь, там, где преобладали узбеки, таджики переходили на узбекский язык. В начале XX в. значительные группы тюрков и таджиков были на

стадии частичного или полного двуязычия (двуязычными становились прежде всего мужчины данной группы).

Природные условия изучаемой территории, благоприятствовавшие кочевой и отгонно-пастбищной формам скотоводства, способствовали обоснованию здесь крупных и сильных племен даштикипчакских узбеков. Ввиду того что последние господствовали в этих районах в течение длительного времени, приобщение их потомков к земледелию, полуоседлой и в дальнейшем оседлой жизни сопровождалось в Восточной Бухаре не столько слиянием их с оседлым населением и утратой родо-племенных традиций, сколько поглощением ими отдельных групп местного оседлого населения. Об этом свидетельствуют не только этнографические, но и антропологические данные.

В XIX — начале XX в. все еще продолжался многовековой процесс этнического взаимодействия таджиков и потомков тюрков Мавераннахра, следствием которого было слияние не только таджиков с тюрками, но и тюрков с таджиками. В результате оседания тюрков в оазисах сформировались таджикоязычные и узбекоязычные чагатаи. Тюрки же, оседавшие в горах, сливались с горными таджиками.

Роль тюрков в формировании таджикского населения южных районов Таджикистана и Узбекистана была достаточно велика, поскольку даже в начале XX в., когда узбеки составляли здесь уже крупный массив, процесс оседания тюрков среди таджикского населения и полного слияния с ним протекал довольно интенсивно и не был еще на стадии затухания. Он шел параллельно с не менее активным процессом слияния таджиков с узбекским населением. Этнографические данные подтверждают, таким образом, предположение А. Ю. Якубовского об участии тюрков в этногенезе таджиков Южного Таджикистана.

А. Ю. Якубовский предостерегал от упрощенного понимания процесса этногенеза таджиков как прямолинейного продолжения развития согдийцев, а сложения узбеков — как прямолинейного развития тюрков Среднеазиатского междуречья. Он писал, что только таджики Верхнего Зеравшана в какой-то мере могут считаться прямыми потомками живших там древних согдийцев[2], «но уже таджики Южного Таджикистана представляют собой сложный этногенетический продукт, в состав которого входят древние бактрийцы, тохары и лишь частично согдийцы; там издревле существовал и значительный слой тюркоязычного населения. Можно ли с уверенностью сказать, что этот слой остался совершенно в стороне от процесса сложения таджиков и этнически никак не вошел в качестве слагаемого в их состав? Думаем, что сказать этого нельзя» [341,10].

Мои материалы, а также антропологические данные убеди-

---

[2] Этнографические исследования, проведенные мной среди узбекского населения Верхнего Зеравшана, свидетельствуют, что даже в этой области происходило оседание тюрков и смешение их с таджиками.

тельно свидетельствуют о большой роли таджиков в формировании ранних узбекских племен — тюрков, карлуков, тагчи и др.

Эти основные компоненты, участвовавшие в этнических процессах, протекавших в южных районах Таджикистана и Узбекистана в позднефеодальный период [потомки древнего оседлого населения (таджики и искони оседлая часть узбеков), кочевой части тюрков Мавераннахра (включая карлуков, моголов, тагчи и др.) и кочевых узбеков Дашти-Кипчака], в начале XX в. еще стойко сохраняли свое этническое самосознание и особенности своей вполне сложившейся и устоявшейся культуры.

Одной из основных причин, обусловивших устойчивость самосознания и самобытность хозяйственно-бытового уклада и культуры каждого из основных этнических компонентов населения изучаемого района, был своеобразный хозяйственный симбиоз, сложившийся на протяжении веков; традиционное направление хозяйства одного из компонентов как бы дополняло хозяйство двух других. Эта взаимодополняемость в сфере экономики, вызывавшая устойчивость тесных связей между ними, взаимовлияние культур и этнические смешения, и дает основание выделить рассматриваемую территорию в особую историко-культурную область. Таким образом, процесс формирования здесь двух народностей — таджиков и узбеков — протекал, как и в остальных местах Среднеазиатского междуречья, в теснейшем взаимодействии.

В заключение хочется сказать, что отсталость и застойность экономики Бухарского ханства, а также натуральное и полунатуральное хозяйство не позволяли экономическим связям внутри мелких районов перерасти в широкие межобластные. Не произошло и хозяйственной специализации отдельных районов и областей, которая могла бы привести к развитию товарно-денежных отношений, а в дальнейшем — к развитию капиталистической экономики. Этому мешали непрерывные феодальные войны, нередко приводившие хозяйство к полному упадку.

Присоединение Средней Азии к России оказало положительное влияние на развитие экономики не только Туркестанского края, но и Бухарского ханства. Прекращение феодальных войн, установление тесных торговых и экономических связей с Россией и строительство железной дороги способствовали расширению внутренней торговли, росту городов, появлению первых промышленных предприятий капиталистического типа, а также проникновению капиталистических отношений в кишлаки. Все это вызвало в Туркестанском крае и в центральной части Бухарского ханства активизацию этнических процессов. Однако процесс консолидации таджикской и узбекской буржуазных наций к моменту победы Великой Октябрьской социалистической революции еще не завершился, а в Восточной Бухаре, далекой экраине Бухарского ханства, процесс национальной консолидации только намечался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Британское владычество в Индии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
3. Ленин В. И. «Единение царя с народом и народа с царем». — Полное собрание сочинений, т. 11.
4. Ленин В. И. Развитие капитализма в России, — Полное собрание сочинений, т. 3.
5. Абдуррахман-и Тали. История Абулфейз-хана. Пер. А. А. Семенова, Ташкент, 1959.
6. Абрамзон С. М. К вопросу об изучении населения Таджикской ССР, — «Проблемы Таджикистана», «Труды Первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР», т. II, Л., 1934.
7. Абрамзон С. М. К семантике киргизских этнонимов, — СЭ, 1946, № 3.
8. Абрамзон С. М. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, — ТКАЭЭ, т. II, 1959.
9. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971.
10. Абрамзон С. М. Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня, — «Этническая история народов Азии», М., 1972.
11. Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, 1951.
12. Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии,— ТКАЭЭ, т. IV, 1960.
13. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда 1030—1041. Вступительная статья, пер. и прим. А. К. Арендса, Ташкент, 1962.
14. Авдеев М. Н. Мильско-Карабахская степь, Баку, 1929.
15. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.
16. Азаров С. Г., Бригис О. И. Овцеводство Таджикистана, М., 1930.
17. Акрамова Х. Ф. и Акрамов Н. М. Востоковед Михаил Степанович Андреев, Душанбе, 1973.
18. Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. 1, Алма-Ата, 1959.
19. Андреев М. С. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 года к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба, — ИТОРГО, т. XVII, 1924.
20. Андреев М. С. Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 году, посланной Обществом для изучения Таджикистана и Среднеазиат-

ским комитетом по охране памятников природы, старины и искусства, — «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927.
21. Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927 — 1928 гг.), Душанбе, 1970.
22. Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году,— ИТОРГО, т. XVII, 1924.
23. Андреев М. С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения, — «Таджикистан. Сборник статей», Ташкент, 1925.
24. Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.), Ташкент, 1927.
25. Андреев М. С. и Пещерева Е. М. Ягнобские тексты с приложением Ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957.
26. Андреев М. С. и Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан, — СМАЭ, т. IX, 1911.
27. Аранда ренко Г. А. В горах Дарваза—Каратегина, — «Восточное обозрение», Иркутск, 1883, № 28.
28. Аранда ренко Г. А. Досуги в Туркестане, СПб., 1889.
29. Аристов Н. А. Англо-индийский «Кавказ». Столкновение Англии с авганскими пограничными племенами (Этнико-исторический и политический этюд), ЖС, вып. VI, 1899; вып. I—II, 1900.
30. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — ЖС, вып. III и IV, 1896.
31. Аристов Н. А. Об Авганистане и его населении, — ЖС, вып. III и IV, 1898.
32. Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований, — ЖС, вып. III и IV, 1894.
33. Атаев К. Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов, — ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. VII, сер. этногр., 1963.
34. Атаныязов С. Туркменистанын топонимик сузлуги, Ашгабат, 1970 (на туркм. яз.).
35. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков, М., 1965.
36. Ахмедов Б. Махмуд Иби Вали, Тошкент, 1966 (на узб. яз.).
37. Б. Л. Очерки Гиссарского края. Течение р. Варзоб, — ТВ, 1910, № 52.
38. Бабур-Наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье, Ташкент, 1958.
39. Бартольд В. В. Аулия-Ата, — Сочинения, т. III, М., 1965.
40. Бартольд В. В. Гиссар (Хисар), — Сочинения, т. III, М., 1965.
41. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии, — Сочинения, т. V, М., 1968.
42. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963.
43. Бартольд В. В. История Туркестана,— Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963.
44. Бартольд В. В. Ишан. — Сочинения, т. VI, М., 1966.
45. Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963.
46. Бартольд В. В. Сарт, — Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964.
47. Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей, — Сочинения, т. V, М., 1968.
48. Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963.
49. Бартольд В. В. Термез, — Сочинения, т. III, М., 1965.
50. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, М., 1963.
51. Бартольд В. В. Улугбек и его время,— Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964.
52. Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII в., — Сочинения, т. II ч. 2, М., 1964.

53. Бартольд В. В. Чаганиан, — Сочинения, т. III, М., 1965.
54. Бартольд В. В. Чупан, — Сочинения, т. V, М., 1968.
55. Башкирское шежере. Составление, перевод текстов и комментарии Р. Г. Кузеева, Уфа, 1960.
56. Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э., — ТСТАЭ, т. I, МИА, 1950, № 15.
57. Беленицкий А. М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании, — СЭ, 1948, № 4.
58. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973.
59. Белявский. Описание обрекогносцированного участка, заключающего пройденные пути в пределах Шаар-Сабиз Гузарского бекства и части нагорной Дербентской возвышенности,— СМА, вып. LVII, 1894.
60. Бердиев Б. Баъзе кайдхо доир ба лексика шевахои Ромит,— «Масъалахои шевашиносии тоджик», вып. I, Душанбе, 1970 (на тадж. яз.).
61. Бердиев Б. Пешоянд ва пасояндхо дар шеваи Ромит, — «Масъалахои шевашиносии тоджик», вып. I, Душанбе, 1970 (на тадж. яз.).
62. Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии, М. — Л., 1948.
63. Благова Г. Ф. Тюркск. *чагатай* — русск. *чагатай-джагатай* (Опыт сравнительного изучения старого заимствования), — «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972.
64. Благова Г. Ф. и Данияров Х. Д. Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы, — ВЯ, 1966, № 6.
65. Богорад Ю. И. Рогские говоры таджикского языка, — ТИЯ, т. VI, 1956.
66. Борис А. Путешествие в Бухару, ч. 3, М., 1849.
67. Борозна Н. Г. Изменения в хозяйстве узбеков долины Кафирнигана,— СЭ, 1963, № 1
68. Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, — «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.
69. Борозна Н. Г. Социалистические преобразования в хозяйстве и быте узбеков-дурменов долины Кафирнигана и Бабатагских гор (автореф. канд. дисс.), М., 1966.
70. Босворт К. Э. Мусульманские династии, М., 1971.
71. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, М., 1973.
72. Брук С. И. Этнический состав стран Передней Азии, — СЭ, 1955, № 2.
73. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869.
74. Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения. Пер. с перс., Ташкент, 1926.
75. Бурыкина Н. Н., Измайлова М. М. Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа Узбекской ССР, — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. V, Л., 1930.
76. Быков. Очерк долины Аму-Дарьи, — СМА, вып. IX, 1884.
77. Валидов А. З. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII-го столетия, — ПТКЛА, год XX, 1915.
78. Валиханов Ч. Ч. Материалы и исследования о Кашгарии, — Собрание сочинений в пяти томах, т. II, Алма-Ата, 1962.
79. Валиханов Ч. Ч. Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды, — Собрание сочинений в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961.
80. Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства, — ИРГО, т. LII, вып. 10, 1916.
81. Васильев. Статистические материалы для описания Бухары. Бекство Ширабадское и часть Байсунского, — СМА, вып. LVII, 1894.
82. Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961.
83. Введенский П. П. Сельское хозяйство в Таджикистане за 1924—

25 гг. и посевная кампания 1925—26 гг., — «Народное хозяйство Таджикистана», Ташкент, 1926.
84. Введенский П. П. Территория и население ТАССР, — «Народное хозяйство Таджикистана», Ташкент, 1926.
85. Вести из экспедиции Б. Л. Громбчевского, — ИРГО, т. XXVI, вып. I, 1890.
86. Винников И. Н. Арабы в СССР, — СЭ, сборник статей, IV, 1940.
87. Винников Я. Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение, — ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. VI, сер. этногр., 1962.
88. Винников Я. Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, — СЭС, II, ТИЭ, т. XLVII, 1959.
89. Волин С. Л. К истории среднеазиатских арабов, — «Труды второй сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г.», «Труды института востоковедения АН СССР», вып. XXXVI, М.—Л., 1941.
90. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, М., 1973.
91. Востров В. В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (историко-этнографический очерк), — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 3, сер. этногр., Алма-Ата, 1956.
92. Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1968.
93. Вяткин В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, — «Известия Средне-Азиатского отделения РГО», т. XVIII, Ташкент, 1928.
94. Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, — «Справочная книжка Самаркандской области 1902 г.», вып. VII, Самарканд, 1902.
95. Вяткин В. Л. Шейхи Джуибари, — «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927.
96. Гаврилов М. Ф. Материалы к этнографии «тюрок» Ура-тюбинского района, — ТСАГУ, сер. II, Orientalia, вып. 2, Ташкент, 1929.
97. Гаевский П. Кургантюбинское бекство, — ИРГО, т. LV, вып. 2, 1924.
98. Галкин. Военно-статистический очерк средней и южной частей Сурханской долины, — СМА, вып. LVII, 1894.
99. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972.
100. Гафферберг Э. Г. и Кисляков Н. А. И. И. Зарубин — этнограф и музейный работник, — «Иранский сборник. К семидесятилетию профессора И. И. Зарубина», М., 1963.
101. Гинзбург В. В. Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов, — ТТГУ, вып. 235. Исторические науки, кн. 39, 1964.
102. Гинзбург В. В. Таджики предгорий, — СМАЭ, XII, 1949.
103. Гребенкин А. Д. Мелкие народности Зеравшанского округа, — СРТ, вып. II, 1872.
104. Гребенкин А. Д. Таджики, — СРТ, вып. II, 1872.
105. Гребенкин А. Д. Узбеки, — СРТ, вып. II, 1872.
106. Григорьев В. В. Кабулистан и Кафиристан, СПб., 1867.
107. Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области, т. I, Юридический быт, Ташкент, 1889.
108. Губаева С. С. Расселение этнографической группы «тюрк» в Ферганской долине, — «Новое в этнографических и антропологических исследованиях (Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 году)», ч. 1, М., 1974.
109. Гуломов Я. Г., Набиев Р. Н. ва Вахабов М. Г. Узбекистон ССР тарихи, Тошкент, 1958 (на узб. яз.).
110. Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.), М., 1972.

111. Давидович Е. А. О работах Гиссарского отряда в 1955 г., — «Археологические работы в Таджикистане в 1955 году»,— ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LXIII, 1956.
112. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Афганистане, — СЭ, 1967, № 4.
113. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Афганистане, — ПОАИА, [вып. I], 1965.
114. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в северных, центральных и юго-восточных провинциях Афганистана, — ПОАИА, вып. 4, 1967.
115. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования узбеков, туркменов, хазара, таджиков, персов и белуджей, — ПОАИА, вып. 6, 1968.
116. Дёрфер Г. О состоянии исследования халаджской группы языков,— ВЯ, 1972, № 1.
116а. Джалолов О. Дж. Гурухи шевахои тоджикони райони Ёвон, Душанбе, 1967 (на тадж. яз.).
117. Дмитриев Г. Л. Правовое положение индийских выходцев в Средней Азии, — ТТГУ, вып. 293, 1967.
118. Дониёров Х. Узбек халкининг шажара ва шевалари, Тошкент, 1968 (на узб. яз.).
119. Ершов Н. Н. К истории развития этнографической науки в Таджикистане, — СЭ, 1968, № 4.
120. Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, — ТИЭ, т. XXIV, 1954.
121. Жданко Т. А. Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии, — СЭ, 1972, № 5.
122. Жданко Т. А. О типе этнических общностей с пережитками родо-племенной структуры в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.), — «Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук», М., 1973.
123. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков, — ТИЭ, т. IX, 1950.
124. Жданко Т. А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.), — «Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы», Ежегодник, 4, М., 1974.
125. Жуков Ф. Верхнее течение Аму-Дарьи, — ТВ, 1880, № 12.
126. Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948, М., 1952.
127. Зарубин И. И. Население Самаркандской области, — ТКИПС, 1926, № 10.
128. Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края, — ТКИПС, 1925, № 9.
129. Захириддин Мухаммад Бобир, Бобирнома, Ташкент, 1960 (на узб. яз.).
130. Зезенкова В. Я. К вопросу об антропологическом типе туркмен Самаркандской и Бухарской областей, — БАН УзССР, 1945, № 4.
131. Золотарева И. М. Соматологические исследования в Ферганской долине, — ТКАЭЭ, т. I, 1956.
132. Зуев Ю. А. «Джами'ат-таварих» Рашид-ад-дина как источник по ранней истории джалаиров, — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования», Ежегодник, 1969, М., 1972.
133. Иброхимов С. Узбек тилининг Бешкент район шевалари юзасидан кузатишлар, — «Узбек диалектологиясидан материаллар», Тошкент, 1957 (на узб. яз.).
134. Иванов М. С. Племена Фарса кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани, — ТИЭ, т. LXIII, 1961.
135. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), М., 1958.

136. Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI — XVII вв., М. — Л., 1954.
137. Ильютко Ф. И. Басмачество в Локае, М.— Л., 1929.
138. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. I, — ТИИ АН ТаджССР, т. XXXII, 1962.
139. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. II, — ТИИ АН ТаджССР, т. XXXIX, 1963.
140. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России, Душанбе, 1960.
141. История народов Узбекистана, т. II. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции, Ташкент, 1947.
142. История таджикского народа, т. I. С древнейших времен до V в. н. э., М., 1963.
143. История таджикского народа, т. II, кн. 1. Возникновение и развитие феодального строя (VI—XVI вв.), М., 1964.
144. История таджикского народа, т. II, кн. 2. Поздний феодализм (XVII в.— 1917 г.), М., 1964.
145. История таджикского народа, т. III, кн. 1. Переход к социализму (1917—1937 гг.), М., 1964.
146. История Узбекской ССР, т. II, Ташкент, 1947.
147. История Узбекской ССР, т. I, кн. 1, Ташкент, 1955.
148. История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, Ташкент, 1956.
149. История Узбекской ССР, т. I. С древнейших времен до середины XIX века, Ташкент, 1967.
150. История Узбекской ССР, т. II. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции, Ташкент, 1968.
151. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации), Алма-Ата, 1972.
152. Каллаур В. А. Древние местности Аулиятинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан, — ПТКЛА, приложение к протоколу заседания общего собрания от 5 мая 1897 г.
153. Каракалпакско-русский словарь, М., 1958.
154. Кармышева Б. Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, — ИАН ТаджССР, ООН, 1956, вып. 10—11.
155. Кармышева Б. Х. К вопросу о происхождении локайцев, — СЭ, 1952, № 4.
156. Кармышева Б. Х. К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана, — СЭ, 1964, № 6.
157. Кармышева Б. Х. Локайские «манрамачи» и «ильчиги», — «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Министерства культуры Таджикской ССР», вып. II, История и этнография, Сталинабад, 1955.
158. Кармышева Б. Х. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, — КСИЭ, вып. XXVII, 1957.
159. Кармышева Б. Х. О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков (по этнографическим данным), — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963.
160. Кармышева Б. Х. Поездка к киргизам Джиргиталя в 1954 г., — ИАН ТаджССР, ООН, 1956, вып. 10—11.
161. Кармышева Б. Х. Сведения об узбекских родах Семиз и Кесамир,— «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XVII, 1953.
162. Кармышева Б. Х. Таджикско-узбекский народный географический термин вилаят, — «Этнография имен», М., 1971.
163. Кармышева Б. Х. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.),— СЭ, 1969, № 3.

164. Кармышева Б. Х. Трансформация термина *аймак* в юго-западных областях Узбекистана, — «Бартольдовские чтения 1974», тезисы докладов и сообщений, М., 1974.
165. Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, вып. I. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVIII, 1954.
166. Кармышева Б. Х. Этнические и территориальные группы населения северно-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР, — КСИЭ, вып. XXXIII, 1960.
167. Кармышева Б. Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, — СЭ, 1960, № 1.
168. Кармышева Б. Х., Пещерева Е. М. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта, — СЭ, 1964, № 1.
169. Каррыев А., Мошкова В. Г., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю. Очерки из истории туркменского народа в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954.
170. Кисляков Н. А. К вопросу об этногенезе таджиков, — СЭ, сборник статей, VI—VII, 1947.
171. Кисляков Н. А. Кулябские таджики, — «Сообщения ТаджФАН СССР», вып. XI, 1949.
172. Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана, изд. 2, испр., и дополн., Сталинабад, 1954.
173. Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., — ТИЭ, т. LXXIV, 1962.
174. Кисляков Н. А. Сайробские таджики, — СЭ, 1965, № 2.
175. Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, — «Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР», т. X, сер. этногр., М. — Л., 1936, № 2.
176. Кисляков Н. А. Этнографическое изучение Таджикистана, — «Труды ТаджФАН СССР», т. XXIX, 1951.
177. де Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под редакцией И. И. Срезневского, — «Сборник Отдела русского языка и словесности АН», т. XXVIII, СПб., 1881, № 1.
178. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.
179. Козлов Г. И. Из истории языка дари, — КСИНА, вып. 65, 1964.
180. Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кобадиана, — МИА, 1953, № 37.
181. Колпаков А. П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба, — ИАН ТаджССР, ООН, вып. V, 1954.
182. Комаров. Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих левый берег Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссаги до Чарджуя, 1886, — СМА, вып. XXV, 1887.
183. Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины, — ИАН КазССР, сер. геогр., вып. 3, 1951.
184. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.—Л., 1958.
185. [Косяков П. Е.]. Путевые заметки военного топографа Косякова по Каратегину и Дарвазу в 1882 году, — ИРГО, т. XX, вып. 6, 1884.
186. Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э., — АЭБ, т. III, 1968.
187. Кузеев Р. Г. Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир, — «Ономастика Поволжья», 3. «Материалы III конференции по ономастике Поволжья», Уфа, 1973.
188. Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир (родо-племенная организация башкир в XVII—XVIII вв.), ч. I, Уфа, 1957.
189. Кузеев Р. Г. Роль исторической стратификации родоплеменных назва-

ний в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии, — «Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук», М., 1973.
190. Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры, — АЭБ, т. I, 1962.
191. Кушакевич А. А. Сведения о Ходжентском уезде, — «Записки РГО по общей этнографии», т. IV, СПб., 1871.
192. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II, СПб., 1832.
193. Лигети Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана, — «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. IV, f. 2—3, Budapest, 1955.
194. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства. 1889 г., — СМА, вып. LVII, 1894.
195. Лилиенталь. Маршруты по Гиссарскому и Кабадианскому бекствам, — СМА, вып. LVII, 1894.
196. Липский В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию, ч. I, Гиссарская экспедиция. 1896, СПб., 1902.
197. Липский В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию, ч. II. Гиссар. Хребет Петра Великого. Алай. 1897, СПб., 1902.
198. Липский В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию, ч. III. Хребет Гиссарский и Восточная Бухара: хребет Дарвазский, Мазарский и Петра Великого. 1899, СПб., 1905.
199. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепа. Архитектура, скульптура, живопись, М., 1971.
200. Литвинский Б. А. и Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г., — ДАН ТаджССР, вып. II, 1954.
201. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I, СПб., 1911.
202. Логофет Д. Н. На границах Средней Азии, кн. III, СПб., 1909.
203. [Лорд]. Ханство Кундуз. Из донесения д-ра Лорда, члена экспедиции капитана Бериса, от 25 июля 1838 г., — СМА, вып. XV, 1885.
204. Люшкевич Ф. Д. Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье, — СЭ, 1971, № 3.
205. Люшкевич Ф. Д. Этнографическая группа ирони, — «Занятия и быт народов Средней Азии», СЭС, III, ТИЭ, т. XCVII, 1971.
206. Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX века, Душанбе — Алма-Ата, 1967.
207. Маев Н. А. Очерки Гиссарского края, — МСТК, вып. V, 1879.
208. Маев Н. А. Очерки горных бекств Бухарского ханства, — МСТК, вып. V, 1879.
209. Макшеев А. И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае, — ЗРГООС, т. II, 1871.
210. Маллицкий Н. Г. Ташкентские махалля и мауза, — «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927.
211. Маллицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана (курс родиноведения), ч. I, Ташкент — Самарканд, 1929.
212. Манас, ч. I, кн. 2, Фрунзе, 1958.
213. Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LIII, 1957.
214. Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье.— «Советская археология», т. XX, М., 1954.
215. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I, М., 1964.
216. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. II, М., 1965.

217. Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение, — «Труды Узбекского филиала АН СССР», сер. 1, вып. 2, Ташкент, 1940.
218. Массон М. Е. К истории происхождения локайской лошади, — «Известия ТаджФАН СССР», 1949, № 15.
219. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, — ТСАГУ, н. с., вып. 61. Гуманитарные науки, кн. 6, Ташкент, 1953.
220. Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. I. Поселенные итоги, вып. III. Поселенные итоги Сырдарьинской области, Ташкент, 1923.
221. Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. I. Поселенные итоги, вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924.
222. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР, вып. I. Поселенные итоги, Самарканд, 1927.
223. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР, вып. II. Поселенные итоги Таджикской АССР, Самарканд, 1927.
224. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений), Алма-Ата, 1969.
225. Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. I, М., 1973.
226. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.— Л., 1939.
227. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, М.—Л., 1938.
228. Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1. Бухара, Ташкент, 1926.
229. Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2. Хорезм, Ташкент, 1926.
230. Материалы по районированию Узбекистана, вып. I, Краткая характеристика проектируемых округов и районов, Самарканд, 1926.
231. Махмуд Кошгарий, Туркий сузлар девони (Девону луготит турк). Перевод и подготовка к изданию С. М. Муталибова, т. I, Тошкент, 1960.
232. Мир Мухаммед Амин-и Бухари, Убайдулла-наме. Пер. с тадж., Ташкент, 1957.
233. Мирза Абдал Азим Сами, Тарих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962.
234. Михайлов Г. И. Монгольский язык в летописях Рашид-ад-дина, — КСИНА, вып. 65, 1964.
235. Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX вв., Ташкент, 1970.
236. Мошкова В. Г. Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, — «Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР», т. II, Ташкент, 1950.
237. Мошкова В. Г. Туркмены Самаркандской и Бухарской областей, — БАН УзССР, 1945, № 4.
238. Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза, Алма-Ата, 1971.
239. Мукминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., — ИАН УзССР, 1954, № 1.
239а. Мурувватов Дж. Маълумоти мухтасар дар бораи шеваи тоджикони Файзобод, — Масъалахои забони тоджики, Душанбе, 1967 (на тадж. яз.).
240. Мухаммад Солих. Шайбонийнома, Тошкент, 1961 (на узб. яз.).
241. Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Пер. с тадж., Ташкент, 1956.
242. Мухетдинов А. По Восточной Бухаре, — «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1924, № 2—3.
243. Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-х годах XIX в., — «Из истории Средней Азии», Ташкент, 1965.
244. Мухтаров А. Очерк истории Уратюбинского владения в XIX в., Душанбе, 1964.

245. Набиев Р. XIV асрда Урта Азияда сарбадорлар кузголони, Тошкент, 1942 (на узб. яз.).
246. Наджимов К. Антропологические материалы к проблеме этногенеза некоторых народов Средней Азии, — «Сборник научных трудов аспирантов Среднеазиатского государственного университета», вып. I, Ташкент, 1952.
247. Наджимов К. Антропологический состав населения Сурхандарьинской области (В связи с некоторыми вопросами этногенеза), ТСАГУ, нов. сер., вып. 143. Биологические науки, кн. 35, Ташкент, 1958.
248. Назаров Х. Х. Влияние Октябрьской революции на положение и быт среднеазиатских цыган (на примере цыган, живущих в городе Самарканде и Самаркандской области) (автореф. канд. дисс.), М., 1970.
249. Наливкин В. П., Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.
250. Народы Передней Азии, М., 1957.
251. Народы Средней Азии и Казахстана, I, М., 1962.
252. Народы Средней Азии и Казахстана, II, М., 1963.
253. Нафасов Т. Топонимы Кашкадарьинской области (автореф. канд. дисс.), Ташкент, 1968.
254. Неменова Р. Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа), Сталинабад, 1956.
255. Неменова Р. Л. Некоторые особенности бальджуанских говоров таджикского языка, — ИАН ТаджССР, ООН, вып. V, 1954.
256. Неменова Р. Л. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции, — ДАН ТаджССР, вып. IX, 1953.
257. Неменова Р. Л. Сложение таджикского населения Варзоба, — СЭ, 1969, № 5.
258. Неменова Р. Л. Таджики Варзоба (отчет о поездке в 1961 г.), — ИАН ТаджССР, ООН, 1963, № 1 (32).
259. Оранский И. М. Индоиранские диалекты Гиссарской долины. Материалы и исследования (автореф. докт. дисс.), Л., 1967.
260. Оранский И. М. Индоязычная этнографическая группа «афгон» в Средней Азии, — СЭ, 1956, № 2.
261. Оранский И. М. Научная командировка в Гиссарскую долину, — «Народы Азии и Африки», М., 1962, № 4.
262. Оранский И. М. Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. Этнографическая группа «кавол» в Кулябе и ее арго, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», вып. XL, М., 1961.
263. Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз, — ИРГО, т. XVII, вып. 1, 1881.
264. Ошанин Л. В. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LXII, 1957.
265. Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. III, — ТСАГУ, нов. сер., вып. XCVIII. Исторические науки, кн. 18, Ереван, 1959.
266. Ошанин Л. В., Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.
267. Панков А. Население Таджикистана, — «Таджикистан», сборник статей, Ташкент, 1925.
268. Першиц А. И. Родоплеменная организация и племенной состав кочевников Северной Аравии в XIX—XX вв., — КСИЭ, вып. VII, 1949.
269. [Петров]. Путевые заметки классного топографа Петрова. 1884 г., — СМА, вып. XXI, 1886.
270. Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII веке, — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», сер. востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949, № 49.
271. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии, — ТИЭ, т. XLII, 1959.
272. Писарчик А. К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г., — «Известия ТаджФАН СССР», 1949, № 15.

273. Писарчик А. К. Михаил Степанович Андреев (1872—1948), — «Памяти Михаила Степановича Андреева. Сборник статей», ТИИАЭ АН ТаджССР, т. CXX, 1960.
274. Писарчик А. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы, — «Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа», ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XLII, 1956.
275. Писарчик А. К. Этнографическая работа в Таджикистане, — ИАН ТаджССР, ООН, вып. 6, 1954.
276. Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, — ИАН ТаджССР, ООН, вып. III, 1953.
277. Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х. Этнографическая работа в Таджикистане в 1952—1953 гг., — СЭ, 1954, № 3.
278. Пищулина А. К. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках, — «Казахстан в XV—XVIII веках (Вопросы социально-политической истории)», Алма-Ата, 1969.
279. Поспавский Ю. И. Экономический очерк Таджикистана, — «Таджикистан. Сборник статей», Ташкент, 1925.
280. Потапов Л. П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков «кунград», — «Научная мысль», Ташкент — Самарканд, 1930, № 1.
281. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев, М., 1969.
282. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк, Л., 1969.
283. Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима, СПб., 1888.
284. Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина, — «Записки РГО по отделению этнографии», т. VI, СПб., 1880.
285. Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1887.
286. Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., 1964.
287. Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии, вып. I. Варзобский говор таджикского языка, М., 1952.
288. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.— Л., 1952.
289. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л:, 1952.
290. Решетов В. В. Узбекский язык, ч. 1. Введение. Фонетика, Ташкент, 1959.
291. Рожевиц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г., — ИРГО, т. XLIV, вып. 9, 1908.
292. Розенфельд А. З. Говоры Каратегина, — ТИЯЛ АН ТаджССР, XCIII, 1960.
293. Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России), Ашхабад, 1956.
294. Сагитов С. И. К вопросу о локализации легендарной местности Жидели-Байсун по данным ботаники, — СЭ, 1968, № 1.
295. Сандова К. Говор таджиков Шаартуза (автореф. канд. дисс.), Душанбе, 1965.
296. Саидова К. Доир ба шеваи «арабхо»-и Шахртуз, — ИАН ТаджССР, ООН, 1964, № 1 (36) (на тадж. яз.).
297. Салахетдинова М. А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и-ходжагон» как источник по истории киргизов, — «Известия АН Киргизской ССР», т. I, вып. 1 (История), Фрунзе, 1959.
298. Сальье М. «Книга благородных качеств» и ее автор, — «Родоначальник узбекской литературы», — «Сборник статей об Алишере Навои», Ташкент, 1940.
299. Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана,— МИТУ, вып. I, ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII, 1954.
300. Семенов А. А. На рубеже Афганистана. 1. В благодатном Хиссаре (Путевые очерки), М., 1900.

301. Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства,— ТСАГУ, сер. II, Orientalia, вып. 1, Ташкент, 1929.
302. Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени,— МИТУ, вып. II, ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXV, 1954.
303. Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки), — ИВ, т. 87, 1902.
304. Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки), — ИВ, т. 88, 1902.
305. Семенов А. А. Происхождение термезских сеидов и их древняя усыпальница «Султан-Садат», — ПТКЛА, год XVIII, 1914.
306. Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903.
307. Сиёев Б. Калимаи «галча»,— «Армугон», II (Масъалахои филологияи тоджик), Душанбе, 1971 (на тадж. яз.).
308. Ситняковский Н. Ф. Заметки о Бухарской части долины Зеравшана,— ИТОРГО, т. I, 1899, вып. 2, 1900.
309. Ситняковский Н. Ф. К генеалогической таблице узбекского рода Кунград, — ИТОРГО, т. VII, 1907.
310. Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический сборник),— СМА, вып. LXXIX, 1906.
311. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969.
312. Снесарев Г. П. Среднеазиатские цыгане, — КСИЭ, вып. XXIX, 1960.
313. Снесарев Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии, — «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7, «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.», II, М., 1963.
314. Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест Округа, — ЗРГООС, т. IV, 1874.
315. Современный Иран. Справочник, М., 1957.
316. Современный кишлак Средней Азии, вып. III. Китабская волость, Ташкент, 1926.
317. Соколова В. С. Фонетика таджикского языка, М.—Л., 1949.
318. Соколова В. С., Неменова Р. Л., Богорад Ю. И., Лившиц В. А., Фархадян А. И. Новые сведения по фонетике иранских языков, — ТИЯ, т. I, 1952.
319. Список населенных мест Узбекской ССР, вып. VII, Самарканд, 1925.
320. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902.
321. Ставиский Б. Я. Хутталь в сообщениях китайских путешественников Сюань-Цзяня и Хой Чао,— ИАН ТаджССР, ООН, вып. 14, 1957.
322. Стеблюк Ю. А. Малоизвестные средневековые памятники в Самаркандской и Сурхандарьинской областях Узбекской ССР,— КСИЭ, вып. XXXVIII, 1963.
323. Стеткевич. Бассейн Каратагдарьи. Военно-статистический очерк 1889 г., — СМА, вып. LVII, 1894.
324. Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX в., Душанбе, 1963.
325. Султанов М. Х. Этнографические наблюдения в Сурхандарьинской области, — «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966.
326. Султанов Т. И. Основные вопросы истории казахского народа в XV—XVII вв. по персидско-таджикским и тюркским источникам (автореф. канд. дисс.), Л., 1971.
327. Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в., М., 1966.
328. Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане, Ташкент, 1960.
329. Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки), Ташкент, 1958.

330. Таварих-и гузида — Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова, Ташкент, 1967.
331. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, Душанбе, 1966.
332. Таджикско-русский словарь, М., 1954.
333. Темирханов Л. Хазарейцы (Очерки новой истории), М., 1972.
334. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М. — Л., 1941.
335. Толстов С. П. Древняя культура Узбекистана, Ташкент, 1943.
336. Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, — СЭ, сборник статей, VI—VII, 1947.
337. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962.
338. Толстова Л. С. Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР,— СЭ, 1961, № 5.
339. Толстова Л. С. Каракалпаки Ферганской долины, Нукус, 1959.
340. Толстова Л. С. Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР, — СЭ, 1961, № 3.
341. Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э. История народов Узбекистана, т. I. С древнейших времен до начала XVI века, Ташкент, 1950.
342. Трусов. Рекогносцировка пути по Шахрисябзу. 1887 г.,— СМА, вып. XXXVI, 1888.
343. Тыныштпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа, Ташкент, 1925.
344. Узбекско-русский словарь, М., 1959.
345. Умняков И. И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха, — «Вестник древней истории», М., 1938, № 1.
346. Успенская Л. В. Говоры таджиков Гиссарского района, — ТИЯЛ АН ТаджССР, т. XV, 1962.
347. Успенская Л. В. Каратагский говор таджикского языка, — ТИЯЛ АН ТаджССР, т. XLVI, 1956.
348. Февралев Н. Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Калы-Ваич до Керки, — ВС, 1895, № 9.
349. Февралев Н. Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Калы-Ваич до Керки, — ВС, 1895, № 10.
350. Федоров, Статистический очерк Гузарского бекства и Куйтангского и Каллюкского амлякдарств Келифского бекства, — СМА, вып. LVII, 1894.
351. Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате, Ташкент, 1958.
352. Хакимова К. З. Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX века (по материалам архива кушбеги эмира бухарского) (автореф. канд. дисс.), Ташкент, 1966.
353. Хамраев А. Х. Праздник «Красной розы», — ИАН УзССР, СОН, 1958, № 6.
354. Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX в., — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. CXIV, 1959.
355. Хамрокулов Х. Шевахои тоджикони райони Бойсун, Душанбе, 1961 (на тадж. яз.).
356. Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.
357. Хидоятов И. К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана, — «Из истории культуры народов Узбекистана. Сборник статей», Ташкент, 1965.
358. Хидоятов И. О характере сельского хозяйства многонациональных районов Сурхандарьинской области в дореволюционное время, — СЭ, 1970, № 2.
359. Хитенков Г. Г. Локайская лошадь, — «Конские породы Средней Азии», М., 1937.
360. Хорошхин А. П. Сборник статей касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876.

361. Хофиз Таниш ибн Мир Мухаммад Бухорий, Абдулланома. Шарафномайи шохий, т. I, Тошкент, 1966 (на узб. яз.).
362. Церетели Г. В. Арабские диалекты в Средней Азии, — Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция семитологии, М., 1954.
363. Церетели Г. В. Арабские диалекты Средней Азии, т. I, Тбилиси, 1956.
364. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры, М., 1971.
365. Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в., — «Труды Института востоковедения АН УзССР», вып. III, Ташкент, 1954.
366. Шаниязов К. О традиционной пище узбеков, — «Этнографическое изучение быта и культуры узбеков», Ташкент, 1972.
367. Шаниязов К. Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк), Ташкент, 1964.
368. Щербак А. М. К истории образования узбекского национального языка, — ВЯ, 1954, № 6.
369. Щербак А. М. G. Doerfer. Khalaj Materials. Рецензия, — «Советская тюркология», Баку, 1973, № 2.
370. Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969.
371. Эшниёзов М. Шеваи хардури, Душанбе, 1967 (на тадж. яз.).
372. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь, М., 1965.
373. Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами, — ИАН КазССР, СОН, 1965, вып. 3.
374. Юлдашев Т. Узбекские говоры Южного Таджикистана (автореф. канд. дисс.), Ташкент, 1968.
375. Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX в., — ТИИ АН ТаджССР, т. XLI, 1964.
376. Яблонская В. В. Особенности даштиджумского говора таджикского языка, — «Ученые записки Душанбинского педагогического института им. Т. Г. Шевченко», т. 4, филологическая сер., вып. 2, Сталинабад, 1954.
377. Якубовский А. Ю. Введение, — ТСТАЭ, т. I, МИА, 1950, № 15.
378. Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.
379. Ярхо А. И. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии, — «Антропологический журнал», М., 1933, № 3.
380. Centlivres P. La contribution française et suisse à l'ethnographie de l'Afghanistan depuis la Seconde Guerre mondiale,— «Central Asiatic Journal», vol. 16, 1972, № 3.
381. Doerfer G. Khalaj Materials. «Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series», vol. 115, Bloomington, 1971.
382. Fuchs W. Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. «Sitzungsberichte. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophischerhistorische Klasse», 1938, XXX, Berlin, 1938.
383. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Behâdour Khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. I, Texte, St.-Pbg., 1871.
384. Jarring G. On the Distribution of Turk Tribes in Afghanistan. An Attempt at a Preliminary Classification. Lunds Universitets Arsskift, N. F. A. vol. I, Bd. 35, Leipzig, 1939, № 34.
385. Minorsky V. The Turkish Dialect of the Khalaj, — «Bulletin of the School of Oriental Studies (University of London)», vol. X, pt 2, 1940.
386. Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Berlin, Bd 101, 1951.
387. Schurmann H. F. The Mongols of Afghanistan. An Ethnography of the Moghôls and Related Peoples of Afghanistan. The Hague, 1962.
388. Stein A. Ruins of Desert Cathay, vol. I, London, 1912.
389. Validi-Boun A. Z. Die Schwerten der Germanen, nach arabischen Berichten des 9—11 Jahrhundert, — «Zeitschrift der Deutscher Morgenländischen Gesellschaft», Bd 90, Leipzig, 1936.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ — «Археология и этнография Башкирии», Уфа.
БАН УзССР — «Бюллетень Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.
ВС — «Военный сборник», СПб.
ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
ДАН ТаджССР — «Доклады Академии наук Таджикской ССР», Сталинабад, Душанбе.
ЖС — «Живая старина», СПб.
ЗРГООС — «Записки Русского географического общества по отделению статистики», СПб.
ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.
ИАН Тадж ССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР», Сталинабад, Душанбе.
ИАН УзССР — «Известия Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.
ИВ — «Исторический вестник», СПб.
ИРГО — «Известия Русского географического общества», СПб., М.— Л.
ИТОРГО — «Известия Туркестанского отделения Русского географического общества», Ташкент.
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л.
МИТУ — «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии».
МСТК — «Материалы для статистики Туркестанского края». Ежегодник, СПб.
н. с. — новая серия.
ООН — Отделение общественных наук.
ПОАИА — «Предварительные отчеты об антропологических исследованиях в Афганистане», М.
ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.
РГО — Русское географическое общество.
СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». СПб.
СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии», СПб., Пгр., Л., М.—Л.
СОН — Серия общественных наук.
СРТ — «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки», М.
СЭ — «Советская этнография», М.— Л., М.
СЭС — «Среднеазиатский этнографический сборник».
ТаджФАН СССР — Таджикский филиал Академии наук СССР, Сталинабад, Душанбе.
ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.

ТИИ АН ТаджССР — «Труды Института истории АН Таджикской ССР», Сталинабад, Душанбе.
ТИИАЭ АН ТаджССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», Сталинабад, Душанбе.
ТИИАЭ АН ТуркмССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», Ашхабад.
ТИЭ — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, М.—Л., М.
ТИЯ — «Труды Института языкознания АН СССР», М.
ТИЯЛ АН ТаджССР — «Труды Института языка и литературы АН Таджикской ССР», Сталинабад, Душанбе.
ТКАЭЭ — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», М.
ТКИПС — «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран при АН СССР», Л.
ТСАГУ — «Труды Среднеазиатского государственного университета».
ТСТАЭ — «Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции».
ТТГУ — «Труды Ташкентского государственного университета», Ташкент.

SUMMARY

An analysis of the materials examined in this paper revealed a number of features typical of this territory.

In Eastern Bokhara, Tajiks were settled in big groups and comprised a majority of the population. This was true of the Upper Zeravshan, too. In other historical and cultural regions in the area between the Central Asian rivers—the Amudarya and the Syrdarya — Tajiks alternated with other peoples (mainly Uzbeks) or were interspersed in insignificant numbers amid the foreign surroundings.

Among the Uzbeks living on the territory under examination semi-nomadic groups retaining the traditions of the tribal structure were predominant.

The early groups of semi-nomadic Uzbeks, i. e., the descendants of the nomadic part of the Turks of Mavera an-Nahr, the Tokharistan Qarluqs and the Moghôls, represented a numerous and relatively compactly settled part of the population. This kind of settling of early tribes, notably, the descendants of the nomadic part of the Mavera an-Nahr Turks, could be observed in Ferghana also, while in other regions between the Amudarya and the Syrdarya they were an insignificant fraction.

In the beginning of the 1900s' the above-mentioned groups of early tribes retained their ethnic self-consciousness and names they had given themselves: the Turk, the Karluk, the Mogul, as well as the original traits of their culture. Therefore the surrounding population regarded each of these groups as an independent ethnic unit.

From this follows that if the nomadic Turks, the descendants of the Mavera an-Nahr Turks, even early this century, when a basic part of them settled, a part was incorporated in the Dashtiqipchaq Uzbeks and their descendants and some groups left Mavera an-Nahr (left with Babur or moved to Mogulistan and other adjacent countries), were rather numerous and preserved their specific features in their life and culture,

in the 15th century they undoubtedly comprised a considerable part of the Turk population of Mavera an-Nahr. Ethnographic data disprove the opinion of some historians (R. G. Mukminova, for one [230, 76]) about the nomads and seminomads in Mavera an-Nahr in the 15th century being scanty.

There was a certain pattern in the settlement of individual ethnic groups in Eastern Bokhara: mountaneous regions were completely inhabited by Tajiks of the Kulobi, Romiti, Kukhistoni and Varzobi groups (only in some places Uzbeks of the earlier groups of the Taghchi, Turks and Qarlugs were interspersed with them); wide river valleys, lowlands and steppes were populated by Uzbeks of the Dashtiqipchaq origin; at the junction of these two regions and two ethnic groups lay a mixed region inhabited by the indigenous settled population of cultured oases and semi-nomadic Uzbeks.

In the majority of regions of the territory under review the local population called the former groups the Chagatai. This was also the name they had given themselves. The overwhelming majority of the Chaghatai was comprised of Tajiks and the minority were Uzbeks. Among the semi-nomadic Uzbeks of this zone early groups, especially Turks, predominated. Here in the valleys and foothills the biggest villages and towns were situated whose indigenous inhabitants were the Chaghatai. They were mainly engaged in intensive irrigated farming, fruit and grape growing, in particular, as well as various crafts. Therefore the term viloyati (an inhabitant of big cultured oasis) denoted, first and foremost, the Chaghatai.

The so-called nomadic steppe was not far off from the well-known parts of land — the steppe was incorporated in the region. The steppe inhabitants did not live there permanently, isolated from other groups of the population, but from time to time entered into direct contacts with inhabitants of cultured oases and mountains and settled among them during definite seasons, when the stages of the annual economic cycle changed. Similar picture was observed throughout the entire territory of Mavera an-Nahr: along with the vast steppes and deserts with a nomadic population close to its borders from North and West, the regions with a settled population in Mavera an-Nahr proper alternated with the steppe inhabited by nomads.

Alternation of oases and steppe combined with well as definite socio-economic factors contributed to the settling of nomads (particularly, Uzbeks of Dashtiqipchaq origin) in oases, on the one hand, and, on the other, created favourable conditions for the development of farming and cattle-breeding; it was also the reason for the long survival of semi-nomadic life, and consequently, clan-tribal traditions.

The majority of towns in Eastern Bokhara, in contrast to the large cities of the central part of Mavera an-Nahr, were urban-

type settlements. The population of these towns was formed out of mainly from the settled rural inhabitants around them. Elements of another origin mixed with them, semi-nomadic Uzbeks, for one, came under the influence of a traditional settled culture faster than in rural areas.

The Uzbeks and Tajiks of the southern regions of Uzbekistan and Tajikistan, just as other historico-cultural regions in the area between the Amudarya and the Syrdarya in the late 19th — early 20th century were distinguished by an extremely great variety and complex nature of ethnic composition.

This composition was especially mixed and fractional among the nomadic and semi-nomadic Uzbek population in the area between the Amudarya and the Syrdarya. This complex and mixed character of the clan-tribal composition was typical not only of the Uzbeks who preserved nomadic traditions but of other nomadic Turkish speaking peoples. N. G. Mallitsky maintained that one of the reasons for this phenomenon was the principle of military organisation of the Mongols. He wrote: «A very strong intermixture of the Turk tribes in general takes its origin (at least partially) from the time of Jenghizkhan and his nearest successors. Turks formed the main force in the Mongol campaigns. The Turk tribes divided into military-administrative units (thousands, hundreds, etc.) took part in all campaigns over huge territorial expanses, which sometimes excluded any opportunity for the campaigners to return home. Naturally, some families, remains of huge Turk tribes, eventually became scattered on the territory stretching from the Crimea to Mongol Altai and from Southern Siberia to Iran». This is stated in explanatory notes to the ethnographic map of the former Tashkent region, the original manuscript of which is kept in the archives of the Institute of History of the Uzbek Academy of Sciences.

P. P. Ivanov also emphasised that the process of fragmentation of individual tribes, which had been going on during the entire medieval period, was intensified in the epoch of the Mongolian conquests in the 13th century, in connection with mass shifts of nomads. He considered that a long joint stay of separate groups of various origin on one and the same territory could often lead to their merging, «as a result of which a new tribal union emerged where the old blood and kinship relations were losing their significance giving way to economic and political connections. The newly-formed union adopted, as a rule, the name of the tribe, which played a major role» [135, 26, 27].

As was established by Soviet scholars studying social relations among nomads in the feudal epoch, the roots of complexity and intermixture of the ethnic composition of the nomadic population lay in the specifics of their social structure. The

tribe (just as other links of the clan-tribal structure) being a relict phenomenon in the feudal epoch, underwent an especially intensive transformation during the late feudal period and completely lost the basic features of the ethnic communities of the primitive communal type — social equality and blood relationship — but retained an unusual stability of tribal traditions in ideology and ethnic self-consciousness. For example, the notion of genealogical kinship of all groups belonging to a definite tribe was steadily preserved, although in actual fact these groups were of quite different origin. This tradition «conditioned the specificity of ethnic processes among ethnic communities that preserved their clan-tribal structure at all historical stages of their genesis and consolidation» [124, 19].

The specificity of ethnic processes was expressed in that the new elements present in a clan or a tribe were necessarily included in traditional genealogies as special families and family units and became set bearers of the entire complex of traditions of the given tribe [124, 19, 20]. L. P. Potapov, who studied the process of incorporation of new ethnic elements among the Northern Altai tribes, defined it as a special type of ethnic consolidation restoring a model of ancient primitive communal society [282, 78]. This feature was also typical of the Uzbek tribes.

After the latter's resettlement from Dashtiqipchaq to Mavera an-Nahr the process of fragmentation of old unions retaining the form of families and tribes continued. New formations of the same pattern emerged, and new ethnic elements of local origin and those people who settled in Mavera an-Nahr at a later time than the Dashtiqipchaq Uzbeks (the Qaraqalpaqs, Kazaqhs, Qirghiz and others) were included in the already formed tribes and families as their units. Besides, an uninterrupted process of the full or partial disintegration of tribal and family unions was going on in connection with the settling of nomads and their merging with the settled population who were not divided into families and tribes.

Great fragmentation and diversity of ethnic components were typical not only of the nomadic and semi-nomadic population but also of the settled Uzbek and Tajik population. It consisted of a number of ethnographic groups of a territorial and genetic type. In the regions where the semi-nomadic Uzbeks formed a greater part of the population and when the tribal system remained the prevailing form of social organisation, ethnographic groups of the settled population were often regarded as Uzbek tribes. For example, in paying taxes, performing various labour dities, placing a definite number of people for military service, etc., as well as in other manifestations of social life ethnographic groups of the settled population, along with the

Uzbek tribes, came out as independent ethnic units[1]. It is noteworthy that in places where the descendants of the Mavera an-Nahr Turks and other groups of early tribes (the Qarluqs, the Moghôls, the Taghchi) were represented in small numbers, and when the inhabitants of the given locality were divided into two parties (for instance during sports competitions), all the above-mentioned groups represented the settled Tajik-Uzbek population and not the Uzbeks of Dashtiqipchaq origin. This is one of the numerous manifestations of not only economic and cultural but also ethnic ties established between the Turks of Mavera an-Nahr and the settled population of the region under investigation many centuries ago.

Due to stagnation of the patriarchal forms of life the Tajiks in the mountain regions, just like the Tajiks of Qarategin and Darwaz [331, 56, 57, 66—68] during the late feudal period, too. retained survivals of family organisation, particularly division into tribal and family groups. Such a division (patronymy) could be observed among all other inhabitants of Mavera an-Nahr at the end of the 19th — beginning of the 20th century. The ascertaining of family-relationship groups which formed the population of individual settled villages made it possible to establish that the inhabitants of the majority of them were not homogeneous — the nucleus of each of them was joined, at some time or another, by groups of various origins. These were representative of other ethnographic groups of different nationalities, as well as people coming from nearby localities or from bordering or more distant regions. Among the latter the basin of the Qashqadarya, North Afghanistan, Qarategin and Darwaz, the Upper and Middle Zeravshan and also a vast region including Urá-Tyube are mentioned most frequently in historical legends. Zaamin and Jizak with adjacent districts fugure in these legends under the name of Ura-Tyube.

An analysis of historical data and ethnographic materials has made it possible to single out three main causes of a mixed character of the ethnic composition of the settled population in southern regions of Tajikistan and Uzbekistan. They are: migrations of the population; constant settling of individual nomadic and semi-nomadic groups — the Uzbeks (a majority), the Arabs, the Turkmens and others, and also the traditional economic ties between different ethnic groups with different economies.

---

[1] In Bokhara khanate, due to various reasons requiring special investigation there was no complete similarity between ethnographic groups of the settled population and the nomadic Uzbek tribes. Similar phenomena could be observed in Turkmenia: ethnographic groups of the settled population in the course of mixing with the Turkmens transformed into separate Turkmen tribes or their sections [293, 12].

During the late feudal period the role of migrations in the history of the formation of the population on the territory under study, and in Central Asia, in general, was exceptionally great. Migrations were caused by different socio-political factors (conquests, internecine feudal wars, unbearable taxes, etc.), as well as natural calamities and epidemics (the latter often broke out as a result of wars). Migrations were also caused by a shortage of irrigated lands in old densely populated oases or a shortage of good pasture lands necessary for cattle-breeeding or farming.

The settling of multinational groups in a locality was voluntary in some places, while in others it had a compulsory character. Quite often the local authorities or the central government resettled new dwellers to desolate but economically promising areas by force so that they would look after irrigation systems on that territory.

The settling of nomads which was the second reason for a mixed and complex character of the composition of the settled population had one specific feature there: this process was going on not only in the oases but in the mountains, too. There was a certain distinctive feature: in big river valleys the main settlers were Dashtiqipchaq Uzbeks; in the foothills, which were the upper borders of the oases, there were descendants of the Mavera an-Nahr Turks, along with Dashtiqipchad Uzbeks, as well as groups of other early tribes, and in the mountains primarily early tribes, especially the Turks and the Taghchi.

This character of the settling of various ethnic groups can largely be explained, in my view, by the ousting of the nomadic Turks by the Dashtiqipchaq Uzbeks from regions where the former had their winter and spring and autumn pasture lands, during the conquests of Sheibani-khan and the subsequent shifts as a result of the struggle for pasture lands. Apparently, this explains why during the period, which can be ethnographically studied, there was certain dissociation between the Turks and the Dashtiqipchaq Uzbeks. The mixing of these two groups began only after their settling and merging with the old settled population. This is proved by my materials on East Bokhara and other regions between the Amudarya and the Syrdarya.

The ousting of the Turks to the mountains contributed to their settling among the Tajiks and merging with them. The Turks who had found themselves in the foothills also mixed with the Tajiks. The result of their mixing was dual: in regions with Tajik predominance the Turks adopted the Tajik language, and where Uzbeks were in the majority they switched over to the Uzbek language. In the beginning of the 20th century sizable groups of the Turks and Tajiks were partially or fully bilingual (men of a given group were the first to become bilingual.

The natural conditions of the territory under study, which were favourable for nomadic and distant-pasture cattle breeding, contributed to the settling here of big and strong tribes of the Dastiqipchaq Uzbeks. As the latter dominated these regions for a long time, the drawing of their descendants into settled and semi-settled farming was accompanied in East Bokhara with not so much their mixing with the settled population and the loss of their tribal traditions as the absorption by them of individual groups of the local settled population. This is confirmed by both ethnographic and anthropological data.

Last century and at the turn of this century the age-old process of ethnic interrelation between the Tajiks and the descendants of the Mavera an-Nahr Turks was still going on, which led not only to the merging of Tajiks with Turks but also Turks with Tajiks. As a result of the settling of Turks in oases the Tajik-speaking and Uzbek-speaking Chaghatai formed. The Turks settling in the mountains merged with the Tajiks of the mountains.

The role of the Turks in the formation of the Tajik population in the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan was sufficiently important, inasmuch as in the early 20th century the settling of Turks among the Tajik population and their complete merging with them was proceeding rather rapidly and was far from coming to an end. It was going on parallel with a no less active process of the merging of Tajiks with the Uzbek population. Ethnographic data confirm the suggestion voiced by A. Y. Yakubovsky about Turks' participation in the ethnogenesis of the Tajiks in South Tajikistan.

He warned against an oversimplified interpretation of the process of ethnogenesis of the Tajiks as a direct continuation of the development of the Sogdians and the formation of the Uzbeks as a direct development of the Turks in the area between the Amudarya and the Syrdarya.

He wrote that only the Tajiks of the Upper Zeravshan can, to some extent, be considered direct descendants of the ancient Soghdians[2], «but already the Tajiks of Southern Tajikistan represent a complex ethnogenetic product composed of ancient Bactrians, Tokhars and only partially, Sogdians; from time immemorial there existed a considerable layer of the Turkish-speaking population. Can one say for sure that this layer remained completely outside the process of the formation of the Tajiks and was not one of their ethnic components. We think one cannot» [341, 10].

---

[2] Ethnographic investigations which I conducted among the Uzbek population in the Upper Zeravshan, show that even in that region the settling of Turks and their mixing with Tajiks were going on.

My materials and also anthropological data convincingly testify to a great role played by the Tajiks in the formation of the early Uzbek tribes — the Turks, the Qarluqs, the Taghchi, and others.

The principal groups taking part in ethnic processes that were going on in southern regions of Tajikistan and Uzbekistan during the late feudal period [descendants of the ancient settled population (the Tajiks and the age-old settled part of the Uzbeks), a nomadic part of the Mavera an-Nahr Turks (including the Qarluqs, the Moghôls, the Taghchi, and others) and the nomadic Uzbeks of Dashtiqipchaq] — in the beginning of this century staunchly preserved their ethnic self-consciousness and the specific features of their culture that had already taken shape.

Ethnographic materials allow us to assert that one of the basic reasons of the stability of self-consciousness and originality of the way of life, economy and culture of each of the principal ethnic components of the population of the region under examination was a peculiar economic symbiosis which emerged over the centuries: the traditional pattern of the economy of one component complemented, as it were, the economy of two other components. This complementary interaction in the sphere of economy responsible for the stable and close ties between them, mutual influence of cultures and ethnic mixture give ground to regard the territory under examination as a special historico-cultural region.

Thus, the process of the formation of two nationalities — the Tajiks and the Uzbeks — was going on here, just as in other regions between Amudarya and the Syrdarya, in the closest interaction.

In conclusion it should be said that the backwardness and stagnation of the economy of the Bokhara khanate, as well as the natural and semi-natural economy did not allow the economic ties in small districts to develop into broad inter-regional connections. Economic specialisation of individual districts and regions did not take place either, although it could have resulted in the development of commodity-money relations, and subsequently in the development of the capitalist economy. This was hampered by continuous feudal wars that often led to complete economic devastation.

The joining of Central Asia to Russia exerted a favourable influence on the economic development of not only the Turkestan territory but the Bokhara khanate as well. The cessation of feudal wars, the establishment of close trade and economic ties with Russia and the construction of a railway line contributed to the advancement of internal trade, the growth of cities, the emergence of the first industrial enterprises of a capitalist type, as well as the penetration of capitalist relations to the

villages. All this stepped up ethnic processes in the Turkestan territory and the central part of the Bokhara khanate. However, the consolidation of the Tajik and Uzbek bourgeois nations by the time of the victory of the Great October Socialist Revolution had not yet ended, and in Eastern Bokhara, a far-off outskirt of the Bokhara khanate the process of national consolidation was only about to begin.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Авлод, сел. 53, 64, 84, 151
Агра, г. 123
Азан, кан. 69
Азан, сел. 109
Азан-Чагатай, сел. 69
Азербайджан 172, 231
Азербайджан Иранский 172
Азия Передняя 151
Азия Центральная 165, 206, 216
Айбулак, сел. 61, 157
Айвадж, сел. 112, 113, 221, 256
Айлянгар, р., бассейн 31
Айни, сел. 167
Акджар, р. 80
Акджар, сел. 80, 108, 188
Аккапчигай, ур. 97
Аккурган, сел. 77
Акмазар, сел., 83
Аксу, г. 204, 217
Аксу, кент 46
Аксу, сел. 64
Актау, горы 177
Актюбинская волость 257
Алай 243
Алат, сел. 177
Алатский район 169
Алачапан, сел. 84, 134
Алгуй, сел. 50
Алимтай, ур. 98, 102, 103, 106, 118
Аличабулак, сел. 77, 157
Алмаси, сел. 60
Алтай Монгольский 260
Аманхана, сел., амлякдарство 69, 77, 149, 150, 152
Амбарсай, сел. 97
Амуль, г. 251
Ангаранский туман 194
Ангули, сел. 61
Анджир, сел. 78, 178
Андиган, сел. 171
Андиджан, сел. 171
Анджиджани, сел. 103
Андижан, г. 171, 175
Андукан см. Андижан
Андхой 252
Анзобский перевал 65, 161
Аннаходжа, сел. 78
Араб, сел. 112
Арабхана, сел. 112, 113
Аравапский район 173
Аравия 122, 252
Арал, ур. 38, 106, 247
Аралтугай, ур. 38, 98, 109
Аральское море 38, 214
Арбоби, сел. 60
Аргу, сел. 205, 206, 207
Аргун, сел. 171
Ардебиль, г. 217
Арка, мест. 218, 224, 226
Арка-юрт — см. Арка
Арпатугильди, сел. 78
Арсланбаи, кв. 69
Арык-усти — см. Кызылкарез
Асбаб, сел. 78
Астана, сел. 85
Астрабад 217
Атхакун, сел. 53
Аузибекарори-боло, сел. 82

---

* Сокращения: г.— город, кан.— канал, кв.— квартал, мест.— местность, р.— река, сел.— селение (кишлак), ур.— урочище, хр.— хребет.

В указатель не включены следующие географические названия: Средняя Азия, Среднеазиатское междуречье, Мавераннахр, Бухарское ханство (Бухара), Восточная Бухара, Таджикистан, Таджикская АССР, Таджикская ССР, Узбекистан, Узбекская ССР, Сурхандарьинская область, Хисар, Куляб, Гиссарская долина, Гиссарский хребет, Пяндж, Амударья, Яхсу, Кызылсу, Кафириган, Сурхандарья, Шерабаддарья.

Аузибекарори-поён, сел. 82
Аузыкенг, ур. 94
Аулия-ата, г.— см. Джамбул
Афганистан 17, 18, 25, 33, 65, 83, 85, 106, 109, 111, 113—118, 128, 131, 136, 137, 154, 155, 160, 177, 180, 186, 192, 199, 201, 205, 209, 217, 232, 238, 243—245, 251, 255
Афганистан Северный 18, 103, 104, 108, 122, 130, 145, 164, 171, 196, 201, 203, 207, 208, 235, 238, 240, 251, 252, 262
Афганский Бадахшан — см. Бадахшан Афганский
Афганский Туркестан — см. Туркестан Афганский
Афтоблюк, сел. 76
Ахаруи 22, 23
Ахмачит, кв. 51
Ахсу, сел. 53
Ахсы, сел. 194
Ахташ, сел. 50, 97
Ахча, г., район 252
Ахча, сел. 146, 247
Ашхабад, г. 251

Бабазерак, мест. 189
Бабатаг, хр. 15, 60, 61, 78, 86, 94, 107, 112, 161, 221, 222, 248
Бабатагские горы — см. Бабатаг
Бабатагский хребет — см. Бабатаг
Бабур, ур. 82
Багарак, переправа 102
Багдад, г. 187
Баги-боло, сел. 53
Баглан, г. 170, 171
Багчик, сел. 84
Бадахшан 170, 186, 190, 199, 200, 201, 205, 231, 246
Бадахшан Афганский 72, 126, 173, 184, 190, 191 193, 205, 207
Бадгис 219
Бай, г. 204
Бай, сел. 112, 113
Байбича, сел. 219
Байгузар, кв. 142
Баймуш, кент 64
Байсун 8, 12, 15, 25, 126, 131, 133, 151, 197, 215, 218
Байсун, г. 39, 52—54, 63, 64, 84, 109, 112, 119, 120, 151, 200
Байсундарья, р., долина, бассейн 31, 50, 87
Байсунская волость 48
Байсунские горы — см. Байсунский хребет
Байсунский район 16, 95, 148, 149, 197, 200, 220
Байсунский уезд 31, 33, 44, 48, 71
Байсунский хр. 138, 198, 199, 202, 221
Байсунское бекство 3, 8, 32, 33, 51, 66, 69, 71, 73, 76, 95, 110, 114, 124, 133, 149, 150, 167, 198
Бакарон, кент 46
Бактрия 3, 22
Баллос, сел. 78
Балх 107, 112, 126, 130, 131, 137, 140, 141, 145, 149, 169—172, 198, 200, 202, 203, 219, 230, 235—239, 243—247, 250—252
Балх, г., район 24, 145
Балхаш, озеро 234
Балхи, кв. 112
Балхская область 130, 145, 172, 199, 230, 240
Балхский вилает — см. Балхская область
Бальджуан 55, 57, 58, 62, 85, 102, 118, 146, 153, 155—158, 166, 169, 189, 190, 195, 235, 236, 238
Бальджуан, г. 36, 39, 59, 64, 66, 76, 98, 119, 121
Бальджуан, кент 46, 57
Бальджуанский район 59
Бальджуанский туман 33, 46, 64
Бальджуанское бекство 3, 32, 33, 58, 66, 69, 76, 81, 82, 95, 97, 98, 111, 118, 151, 156, 172, 193
Барлас, сел. в Китабском бекстве 180, 181
Барлас, сел. в Хисарском бекстве 142
Басыз, мест. 195
Баташ, сел. 97, 225
Бауманабадский район 12
Бахча, сел. 84
Башкала, сел. 83, 116, 194, 195
Башкортские горы 214, 215
Башхурт — см. Пашхурд
Башхуртская волость — см. Пашхурдская волость
Башчарваг, сел. 63, 167, 168
Бекабад, сел. 222
Бедаката, сел. 84
Бейлибайли, сел. 167
Бешарык, ур. 82
Бешарык дашти — см. Бешарык
Бешкапа, кв. 56
Бешкапа, сел. 107
Бешкент, кент 33, 48, 55, 161
Бешкентская долина 69, 107, 112, 161
Бешкентский оазис 110, 111, 150, 249
Бештахта — см. Еттитахта
Бештегирмони-поён, сел. 83
Бештеппа, сел. 78
Бибихурум, сел. 61
Бибиширин, сел. 53
Биргабир, кв. 51
Ближний Восток 23
Богак, сел. 60, 61
Бодомчилик, кв. 133

Бозахана, сел. 106
Большие Памиры — см. Памиры Большие
Бузругабад, сел. 128
Бузрукабад, мест. 50
Булаккарез, сел. 50
Булунгурский район 207
Бурка-у-темаз, мест. 106
Бухара, г. 29, 33, 60, 122, 131, 143, 153, 250, 257
Бухарская Народная Советская Республика (БНСР) 9, 33
Бухарская область 228, 231, 249
Бухарский оазис 19, 23, 177, 187, 188, 208, 238
Бухарский район 252

Вандоб, сел. 50, 51, 127, 128
Варзаоу, р., долина 65, 76
Варзоб 11, 14, 45, 54, 55, 61, 62, 158, 160, 177
Варзоб, кент 46
Варзоб, р., долина, бассейн 12, 14, 54, 55, 65, 77, 78, 79, 80, 85, 207
Вармоник, сел. 65
Вахан 23
Вахио-боло, мест. 150
Вахш, княжество 22
Вахш, р., долина, бассейн 14, 19, 22, 30, 36, 38, 60, 62, 64, 81, 94, 98, 103, 104, 106, 107, 111, 118, 135, 155, 189, 190, 196, 245, 247, 256, 257
Вахшивор, сел. 85, 135
Вахшские горы — см. Вахшский хребет
Вахшский хребет 82, 189, 190
Вашгирд — см. Вахш
Верхний Зеравшан — см. Зеравшан Верхний
Волга, р. 209
Вори, шахство 65
Восточный Туркестан — см. Туркестан Восточный

Газ, сел. 50
Газа, сел. 53
Газарак, сел. 69, 109, 126, 127, 141, 142, 177
Газималек, горы — см. Газималек, хр.
Галяшахид, сел. 80
Ганда, сел. 133
Гандхар 23
Гарау, сел. 80
Гараудара, сел. 106
Гараудараи-кагни, сел. 83
Гардан, сел. 80
Гарданиушти, горы 98
Гарм 244
Гаров, сел. 65
Гаурдак, ур. 107
Гашназа, сел. 84
Гашьён, мест. 192
Гегирдак, сел. 69, 77, 168, 169
Герат, г. 143, 169, 171
Гиндукуш, хр. 3, 171
Гирди-курган, амлякдарство 41, 61
Гирди-кургани-боло, амлякдарство 41
Гирди-кургани-поён, амлякдарство 41
Гисар — см. Хисар
Гиссар, г.— см. Хисар, г.
Гиссар, кент 46
Гиссарский кент 3
Гиссарский туман 3, 46
Гиссарское бекство 65, 116, см. также Хисарское бекство
Гиштмазар, сел. 107
Горный Таджикистан — см. Таджикистан Горный
Горын-кишлак, сел. 94
Гузар 25, 131, 132, 140, 142, 214, 218
Гузар, г. 86
Гузар-Байсунские степи 218, 220, 221
Гузар-дарья, р. 160
Гузарская степь 213
Гузарские горы 221
Гузари-боло, кв. 56
Гузарское бекство 51, 167
Гулизиндан, хр. 62, 82
Гульоб, р. 69
Гульхас, сел. 78, 157, 178
Гумматак, р., бассейн 31
Гурдара, мест. 202
Гурджак, сел. 94
Гурикальмок, ур. 140
Гурулли, сел. 82
Гурум, кв. 51
Гурут, сел. 138
Гышткупрук, кв. 56

Давлятабад, мест. 131
Давлятабад, шахство 65
Дагана, сел. 80, 134, 135, 136
Даганадара, сел. 102
Даганакиик, кент 46
Даганакиик, сел. 60
Даккы, сел. 85
Дангара, мест. 59, 60, 156, 169, 189, 190
Дангара, сел. 98, 236
Дангаринская долина 64, 81, 82, 98, 102, 155, 189, 190
Дангаринское нагорье 55
Дара, сел. 65
Дараи-Беда, сел. 80
Дараи-Нахон, ур. 79, 136, 159, 212
Дараи-Пехо, сел. 81
Дараи-Ушур, сел. 62
Дараи-Чош, ущелье 63
Дарапаким — см. Дахпаракент
Дарваз 8, 12, 14, 28, 58, 60, 113, 122, 147, 153, 262

Дарвазский хребет 82
Дарвозан-Ахча, городские ворота 56, 78
Дарвозан-Кадихана, городские ворота 56, 78
Дарвозан-Кият, городские ворота 56, 78
Дарвозан-Ходжаказиён, городские ворота 56
Даргом, кан. 239
Дарначи, сел. 82
Даулан, г. 204
Дахана, сел. 54, 62, 167, 168, 188
Дахани-Хаджибай, сел. 61
Дахбид, сел. 143, 151—153, 202, 240
Дахкаракент — см. Дахпаракент
Дахпаракент 51, 52, 70, 127, 132, 198
Дашманди, сел. 190
Дашнавад, сел. 16, 69, 78, 79, 120, 141, 142, 152, 178, 201, 245
Даштак, сел. 156
Даштгирак, ур. 189
Дашти-Бедана, ур. 81, 96, 193
Дашти-Джум 58—60, 153
Дашти-Кальтатай, ур. 77, 141, 245
Дашти-Кипчак 25, 66, 67, 163, 165, 187, 209—211, 216, 222, 236, 238, 246, 248, 261, 265
Дашти-Минг, сел. 109
Дашти-Набат, мест. 240, 245
Дашти-Тиряй, ур. 85
Дашти-Чагам, ур. 102
Девдор, сел. 86
Девдори-боло, сел. 76
Девчашма, сел. 82
Деибадам, сел. 54, 139
Деинамак, сел. 80
Деисурх, сел. 54
Дели, г. 123
Денау, 8, 114, 256
Денау, г. 37, 39, 41, 69, 84, 97, 109, 112, 119, 120, 133, 136, 138, 151, 171, 224
Денау, кент 48
Денауский район 16, 227
Денауское бекство 3, 32, 33, 41, 63, 66, 69, 71, 78, 85, 86, 95, 97, 110, 114, 115, 119, 171, 188
Дербент, сел. 39, 51, 52, 66, 95, 126, 127, 255
Дербентдарья, р. 51
Дербентская возвышенность 257
Дербентская волость 48
Дербентское амлякдарство 51
Дехи-нова, сел. 188
Дехканабад, сел. 221
Джаби — см. Ябу
Джайнауз кан. 247
Джайртепа, сел. 80
Джалаир, сел. 69, 109
Джалгузбулак, кв. 51
Джамбай, мест. 213
Джамбул, г. 151
Джанбахти, сел. 77
Джангаарык, сел. 94
Джангальбаши, сел. 112
Джар, сел. 113
Джарбулак, сел. 79
Джар-кишлак, сел. в Хисарском бекстве 77
Джар-кишлак — см. Шайит
Джаркурган, кент 32, 48
Джаркурган, сел. и район в Шерабадском бекстве 94, 194
Джаркурган, сел. в Кабадианском бекстве 83, 112, 117, 118
Джаркурганская волость 32, 33, 48, 70
Джаркурганский район 16
Джартепа, сел. 156
Джатта-кишлак, сел. 79, 85, 198
Джейнау, сел. 252
Джертевар, сел. 56
Джизак 170, 174, 175, 217, 262
Джизак, г. и район 223, 224
Джизакская область 225
Джийдали-Байсун, мест. 218
Джилантау, горы 98
Джилга, р., долина, бассейн 83, 86, 102, 104, 106, 112, 115, 116, 209
Джиликуль 12
Джиликуль, кент. 33, 48, 256
Джиликуль, сел. 104, 117
Джиликульский район 12
Джиликульское плато 31, 117, 256
Джиндикамар, кв. 51
Джиндикамар, сел. 64
Джуги, кв. 130
Джуйбар, кан. в Кабадианском бекстве 247
Джуйбар, кан. в Кургантюбинском бекстве 112
Ди-боло, сел. 53, 54
Дугоба, сел. 53, 54, 80
Дунай, р. 216
Дуновги, сел. 137
Дуоба, сел. 63, 139
Дурбет, сел. 80
Дурмен, сел. 107
Дурменбулак, сел. 98
Дурменчеп, сел. 107
Дучинара, сел. 80, 168
Душанбе, г. 7, 11, 12, 39, 54, 61, 78, 85, 98, 113, 115, 116, 119, 120, 138, 170
Душанбе, р.— см. Душанбедарья
Душанбедарья, р., долина, бассейн 30, 50, 54, 96
Душанбинский вилает 30, 33, 44, 46
Душанбинский туман 46, 71
Душоха, сел. 62

Енисей, р. 245
Еттитахта, сел. 53
Ёбуз, кв. 56
Ёбузи-калон, кв. 56
Ёбузи-майда, кв. 56
Ёнахш, сел. 62, 156
Ёс, р., бассейн 62
Ёфуч, сел. 58

Жанырарья, р. 214

Заамин 174, 262
Забулистан 23
Загнабад, сел. 64
Западная Сибирь — см. Сибирь Западная
Западный Памир — см. Памир Западный
Зарабаг, сел. 50, 51, 69, 84, 127, 129, 130, 146, 150, 152
Зарабагский сельсовет 142
Зараутсай, сел. 84
Заргар, сел. 79
Заргарбачча — см. Заргаргузар
Заргаргузар, кв. 53
Зардолю-кутан, мест. 201
Зеравшан, р., долина, бассейн 37, 107, 122, 126, 134, 145, 147, 151, 166, 174, 176, 183, 213, 214, 222, 247, 252, 254, 257
Зеравшан Верхний 8, 14, 20, 65, 139, 158, 159, 167, 258, 262, 264
Зеравшан Средний 262
Зеравшанский округ 174
Зеравшанский хр. 173
Зерворез, сел. 53
Зидди, сел. 65
Зиннон, сел. 50
Зираки, сел. 98
Зогхана, сел. 68, 159
Золотая Орда 209, 216
Зулумарык, кан. 106
Зуманд, сел. 65

Илансай, сел. 78, 79, 137
Илолик, сел. 133
Иляк, р., долина, бассейн 30, 37, 50, 55, 61, 81, 96, 166, 188, 193
Имамсахиб, г. 126
Индия 123, 171, 180, 231, 253
Индия Северо-западная 180, 186, 256
Инкобад, сел. 77
Ирак 217, 231
Иран 22, 122, 147, 172, 196, 217, 246, 251, 260
Иранский Азербайджан — см. Азербайджан Иранский
Ирман, сел. 141
Иртыш, р. 162, 234
Исаки, сел. 139
Испандиёр, кв. 51
Источибеоб, сел. 63
Ичкари-кишлак, кв. 51
Ишим, р. 234
Ишкабад, сел. 248
Йезд 251

Кабадиан 22, 25, 38, 110, 113, 126, 154, 161, 195, 217, 230, 235, 247, 248, 251, 252
Кабадиан, г. 14, 39, 41, 56, 83, 86, 112, 116, 119, 120, 146, 155, 195, 247, 248
Кабадиан, кент 33, 48, 55, 56
Кабадианский оазис 126, 248
Кабадианский туман 33, 48
Кабадианское бекство 3, 32, 33, 57, 64, 66, 69, 83, 85, 86, 107, 108, 110, 112, 116, 117, 150, 161, 194, 249, 256
Кабла, сел. 195
Кабути, кв. 51, 133
Кабута, сел. 64
Кабчугай, кв. 133
Кавлисай, сел. 82
Каволё, кв. 255
Каган, г. 72
Кадахана — см. Кадихана
Кадихана, кв. 56
Кадучи, сел. 106
Казалинский уезд 257
Казахстан 15, 16, 163, 181, 218
Казахстан Южный 147, 228, 238
Казыхана — см. Кадихана
Кайкы, ур. 82
Кайрак, сел. 84
Каландашт, ур. 78
Каланджавр, сел. 78, 157
Каликурган, сел. 133
Кали-Мушкиль, кв. 133
Калламазар, сел. 132
Каллыкабад, сел. 82
Каллык-гузар, кв. 126, 127
Калъа-гузар, кв. 126
Кальтатай, кв. 173
Кальтатай, сел. 77
Камбар, сел. 78
Камаши, сел. 252
Камбари, ур. 189
Кампирбулак, сел. 50
Канглы, сел. 110
Кангурт, кент 46
Кангурт, мест. 11, 60, 76, 102, 151, 153, 156, 189, 190
Кангурт, сел. 59, 64, 98
Канджигаарык, кан. 195
Кандахар 191
Канибадам, г. 155
Каняз, ур. 62
Капчигай. кв. 51

Караабдаль, сел. 230
Карабаг, сел. 51, 68, 69, 109, 114, 127, 130, 131
Карабойын, сел. 53
Карабулак, сел. 61
Карагазза, ур. 221
Карагачата, мест. 168
Каракамар, сел. 118
Каракамыш, сел. 50
Каракуль 128, 168, 188
Каракульский оазис 19, 168, 169, 177, 187
Каракчи, сел. 112
Карамиршкар, сел. 86
Каратаг, г. и район 12, 13, 15, 39, 40, 54, 64, 66, 108, 115, 119, 120, 143, 144, 146, 151, 152, 155
Каратаг, кент 46, 70
Каратаг, сел.— см. Каратаг, г.
Каратагдарья, р., долина, бассейн 30, 37, 50, 54, 64, 73, 78—80, 87, 94, 96, 144, 145, 152, 158, 167
Каратагский сельсовет 143
Каратагский туман 44, 46, 54, 71
Каратагское амлякдарство 147
Каратау, хр. 112, 189, 228
Каратегин 8, 12—14, 28, 37, 45, 61, 65, 81, 119, 122, 153, 160, 166, 167, 190, 262
Каратегин Нижний 62
Каратегинский хребет 62, 81, 243, 244
Каратегинский хребет 173, 174
Каратуркман, сел. 117
Карауптюбе, ур. 106
Карахани, сел. 151
Карачашма, р. 128
Карашик, сел. 77
Караягач, сел. 86
Каргалык г. 203
Карезат, мест. 50
Карезат, сел. 51, 52, 151
Каримберди-каллыго, сел. 82
Каримберди-поён, сел. 82
Карлук, сел. в долине Сурхана 80, 114, 135, 188
Карлык, сел. в Каракульском оазисе 169
Карлыкабад, сел. 82
Карони, сел. 78, 178
Карш, сел. 63, 159
Каршинская степь 252
Карши, г. 33, 72, 140
Карши, сел. 63, 159
Каршинская степь 252
Каршинский оазис 53, 72, 128, 136, 142, 208
Каршитау, горы 98
Касабулак, сел. 60
Касан, г. в Каршинском оазисе 72, 136
Касан, сел. в Фергане 152
Кассобгузар, кв. 53
Катаган — см. Каттаган
Катаган, гора 201
Катаган, кв. 130
Катаган, сел 239
Катар, кент 48, 53, 64
Катар, мест. 53, 134, 150, 152
Катари-гузар, кв. 54
Катта-арык, кан. 117
Катта-Вахшивор, сел. 69, 85, 134, 135
Каттаган, провинция в Афганистане 25, 106, 115, 201, 238
Катта-Джуиджангаль, сел. 118
Каттакамыш, сел. 50
Каттакамышсай, ущелье 50
Катта-кишлак — см. Юкары-Мачай
Катта-Урадарья, р. 94
Каучин, сел. 109
Каучин-гузар, кв. 109
Кафирниган, г. 39, 96, 119, 120
Кафирниган, кент 46
Кафирун, сел. 95
Кафтархана, сел. 73, 76
Кашгар, г. 204, 244
Кашгар, оазис 204
Кашгария 166, 203, 217, 240, 241, 246
Кашкадарьинская область 15, 20, 77, 95, 180, 202, 249
Кашкадарьинский район 180
Кашкадарья, р., долина, бассейн 19, 24, 26, 63, 109, 113, 122, 145, 147, 159, 173, 177—183, 196, 203, 208, 219, 222, 229, 238, 239, 252, 254, 262
Кашкари, сел. 166
Кашкархо, сел. 166
Кебезтоо, горы 242
Келиф, г. 72, 219
Келиф, мест. 154
Келифское бекство 52, 94
Келиф-Шерабадская гряда 50
Кенегес, кв. 130
Кентала, сел. 84
Керки, г. 219, 256
Керман 251
Кермине, г. 252
Кесамир-кишлак, сел. 103
Кескан-Хандак, сел. 216
Кеш, г. 138, 182
Киикская долина 98
Кингирджар, сел. 81
Кипчак, перевал 171
Кипчак, сел. 60, 76, 170
Кипчакские ворота 171
Киргач, сел. 157
Киргизия 198
Киргизия Южная 243
Киршак, р., ур. 94, 214
Китаб 142
Китабская волость 208

Китабский район 173, 180, 209
Китай 172
Кичи-Вахшивор, сел. 69, 114, 135
Кичи-Урядарья, р. 63, 94, 167
Кишлакбазар, сел. 69
Кишм, г. 205
Кият, сел. 56, 195
Козыхона, кв. 56
Кокандское ханство 150, 213
Коксай, сел. 84
Кокташ, сел. 98, 235
Кокташский район 235, 247
Коктепе, сел. 65, 161
Коктырчак, полуостров 215
Комурчи, сел. 84
Кончи, сел. 113
Косабулак, сел. 61
Косона, сел. 62
Кошасия, кв. 51
Кошбулак, сел. 98
Кошой, сел. 244
Кошулуш, ур. 38
Крым 260
Кугитанг, амлякдарство 51, 52
Кугитанг, хр.— см. Кугитанский хребет
Кугитангдарья, р. 52, 94, 95
Кугитангские горы — см. Кугитангский хребет
Кугитангский хребет 31, 50, 52, 84, 94, 95, 109, 126, 131, 198, 202, 221
Кудаглик, сел. 141
Кудук, кв. 133
Кудук, сел. 209
Кудукли, сел. 114
Куйтан, сел. 52
Куйтен, амлякдарство — см. Кугитанг, амлякдарство
Кукабулак, сел., родник 54, 134—136
Куктерак, мест. 239
Кукча, р. 72
Кукчи, сел. 53
Кулисуфион, кент 46
Кулисуфион, сел. 64
Кулобион, сел. 61
Куль, мест 59
Кульписта, сел. 78, 170
Культепа, сел. 77
Куляб, г. 14, 36—41, 57, 59, 64, 69, 73, 76, 82—85, 106—108, 112, 116, 119, 120, 124, 153, 160
Куляб, кент 46
Куляби-сайнак, ур. 158
Кулябская долина 31
Кулябская область 13, 14, 18, 19, 104, 116, 161, 237
Кулябская равнина 68
Кулябский вилает 30, 33, 44, 46
Кулябский кент 70
Кулябский район 12
Кулябский туман 13, 44, 46
Кулябское бекство 3, 32, 33, 58, 66, 79, 81, 95, 102—104, 109, 112, 116, 156, 170, 192, 238, 252
Кулябское владение 236
Кумарг, сел. 167
Кум-гузар, сел. 112
Кумед 23
Кумкурган, кент 48
Кумкурган, сел. 69, 95
Кумкурганская волость 48
Кундуз 25, 155, 170, 198—203, 235—238, 240, 243—247
Кундуз, г., волость 106, 116, 136, 171
Кунчи, сел. 81, 193
Кунчибулак, сел. 193
Кунчи-кишлак, сел. 193
Курбаншаит, сел. 109
Курган-тюбе 8, 85, 106, 116, 235, 236, 247, 251, 256
Курган-тюбе, г. 38, 39, 103, 107, 108, 119, 120, 247, 257
Курган-тюбинская равнина, 31, 38, 103, 118
Курган-Тюбинский вилает 31, 33, 44, 48
Курган-Тюбинский район 12
Курган-Тюбинский туман 33, 48
Курган-тюбинское бекство 3, 32, 33, 39, 77, 85, 86, 95, 103, 107, 111, 112, 116—118, 161, 193, 252, 257
Курганча, сел. 53, 54
Кутчи, кв. 130
Кухи-Халач, горы 195, 196
Кухнабай, сел. 156, 157
Кухнабови, сел. 157
Куча, г. 204
Кучкак, сел. 53
Кушачинар, сел. 85
Кушво, сел. 73
Куэнь-Лунь, хр. 203
Куяусу, сел. 54, 134, 159
Кыёт, кв. 56
Кызылагыл, сел. 53
Кызылалма, сел. 95
Кызылджар, кв. 51, 133
Кызылджар, сел. 86
Кызылкала, сел. 60
Кызылкарез, кв. 53
Кызылкарез, сел. 53
Кызыл-кишлак, кв. 51, 84
Кызыл-кишлак, сел. 200
Кызылкум, 257
Кызылмазарский район 116
Кызылмачит, кв. 53
Кызылнаур, сел. 84, 197
Кыргыз-кишлак, сел. 119

Лавак, сел. 82
Латабанд, сел. 156
Ленинабад, г. 250

Леурская долина 98
Лиджджак, сел. 188
Локай-Таджикский район 12
Лучоб, р., долина, бассейн 55, 80, 85, 207
Люсак, сел. 209
Люччак, сел. 53, 64, 152
Лягман, сел. 112
Ляйляган, сел. 68, 131, 132, 149
Ляйлякуя, сел. 52, 83, 195
Лянгар, сел. 64, 80, 81, 138, 188
Лярхоби, сел. 76

Магиан 134, 166, 167
Майдаарык, кент 48
Майката, сел. 176
Малые Памиры — см. Памиры Малые
Мальгузарские горы 173
Малянд, р. — см. Маляндцарья
Малянд, сел. 63, 159
Маляндцарья, р. 64, 138
Мангузар, сел. 69, 109
Мангышлак 206
Маргелан, г. 194
Матча 147, 166
Мачай, сел. 63, 64, 168
Мачай, ущелье 51, 167
Мачайдарья, р., бассейн 63, 77, 84, 167, 197
Меймене, г. 247
Мерв 230, 250, 251
Мершкар, сел. 85, 208, 209
Мешхед, г. 151
Мианкаль 135
Мингичар, сел. 61, 157
Мингтут, сел. 80
Минджак, сел., кв. 133
Мирас-Тюбе, сел. 195
Мирзаали, сел. 86
Мирзаён, кв. 86
Миршкар, сел. 86
Миркаракуз, сел. 53
Миршаде, волость 33, 48, 96
Миршикорон, сел. 86
Митантугай, ур. 38
Митанъён, сел. 110
Могал, кв. 132
Моголан, сел. 177
Моголистан 125, 172, 186, 187, 205, 206, 217, 258
Моджурум, сел. 196
Монголия 172
Монгольский Алтай — см. Алтай Монгольский
Мрассу, р. 234
Муксу, р. 244
Мулла-Кунчион, сел. 193
Муминабад, сел. и мест. 37, 58, 59, 153
Муминабадский район 76
Муминабадский туман 33, 46
Муноскуль, сел. 189
Набатская степь — см. Дашти-Набат
Навасай, сел. 141
Найманбулак, родник 108
Наманган, г. 143
Наматан, сел. 208
Нандек, сел. 178
Нанджемас, сел. 83, 109
Насир Хисрав — см. Кабадиан, г.
Нарпай, кан. 239
Наубаг, сел. 69, 77
Наубад, сел. 157
Наубулак, сел. 112
Наулион, кв. 53, 84
Науруздара, мест. 137
Наурузсай, ущелье 137
Науский район 12
Наушахр, сел. 113
Нахрейн 106
Ниджани, сел. 188
Ниговод, сел. 63
Нижний Каратегин — см. Каратегин Нижний
Нилькон, сел. 64, 152
Нилю, сел. 54, 139
Нора, сел. 80
Носир-Хисрав, сел. 146
Нур — см. Нурата
Нурата 209, 224—230, 234, 257
Нур Бухарский — см. Нурата
Нуратинская котловина — см. Нуратинское междугорье
Нуратинский район 226, 230
Нуратинский хребет 173, 177, 196, 202, 203
Нуратинское бекство 257
Нуратинское междугорье 214, 226, 228, 231
Нурек, кент 46
Нурек, мест. 55, 81, 189, 190
Нурек, сел. 37, 81, 155
Нурек-Файзабадский туман 70
Нурова, сел. 209

Обгир, кв. 51, 133
Обигарм, р., долина, бассейн 81, 167
Обигарм, сел. 81
Обигармский район 155
Обидушанбе, кент 46, 55
Обидушанбе, р. 54, 76
Обизаранг, р., долина, бассейн 69, 77—79, 133, 142, 157
Обизераки, р. 102
Обикник, долина 60
Обилянгар, р. 58, 59
Обимазар, долина, р. 58, 59, 83
Обимукки, сел. 81
Обинноу, р., долина, бассейн 3, 31, 58, 85

Обисафед, сел. 65
Обитебаляй, р. 58, 59, 76, 83, 102
Огиляк, сел. 78
Ойборик, сел. 136
Окс — см. Амударья
Оличабулак, сел. 61
Орджоникидзеабад, г. 98
Орта-гузар, кв. 126
Орта-Корук, сел. 77, 174, 182
Орь, р. 215
Отынкала, сел. 116
Ош, г. 173

Паданг, сел. 133
Пайгабаши, сел. 53
Пайкум, кв. 133
Пайкоп, кв. 51
Пакистан 180
Памир 12, 13, 207
Памир Западный 12
Памиро-Алай 166
Памиры Большие 243
Памиры Малые 243
Пангат — см. Фангат
Панджоб, сел. 51, 127, 132
Паннома, сел. 54, 139
Партаукул, сел. 81
Пархар, мест. 85, 102, 106, 112, 113, 116
Парчасай, сел. 81, 191, 192
Паски-Огиляк, сел. 174
Пассурхи, сел. 53, 64
Пассурхиарык, кан. 53
Пастикалон, сел. 63
Патта-Гиссар — см. Паттакесар
Паттагиссар, кент 48
Паттакесар, сел. 117—119
Пашхурд, горы — см. Пашхурдские горы
Пашхурд, кент 48, 71
Пашхурд, амлякдарство 51
Пашхурд, сел. 50, 51, 68, 69, 95, 109, 127, 128, 215
Пашхурдская волость 33, 48, 70
Пашхурдская долина 50—52, 68, 69, 127, 129, 132, 151, 198
Пашхурдские горы 128, 215
Пашхурдский сельсовет 148
Пенджаб 255
Пенджикент, сел. 176
Пенджикентский район 166, 167, 174, 222
Петра Первого хребет 81, 119
Пехо, сел. 81
Пешавар, г. 116
Пистамазар, сел. 64, 83, 152
Поёндара, кент 46, 58
Пор, сел. 63
Приаралье 162, 213, 218, 222
Припамирье 207
Присырдарьинские районы 171, 213, 223, 228, 229, 257
Птеукуль-Балх, сел. 244
Пулисангин, мост 81
Пушинг, сел. 82, 189
Пушиони-тюрко, сел. 76
Пуштиварак, сел. 63
Пуштимионский сельсовет 143

Рабат, сел. 85
Рабатак, сел. 112, 113
Рамид, р. 62
Рангентау, хр. 98
Рахаты — см. Рохати
Регар, г. и район 39, 41, 61, 79, 96, 107, 114, 119, 256
Регар, кент 46, 71
Регарский район 184, 198
Регарское амлякдарство 80
Рог 65, 160
Рог, сел. 65
Ромит 11, 45, 61, 62, 166, 188
Ромит, кент 46
Ромитское амлякдарство 73, 79
Россия 6, 10, 24, 117, 134, 158, 174, 265
Роумит — см. Ромит
Рохати 61, 64, 152
Рохати, кент 46, 55
Руза, р. 216
Рустак 196, 207, 240
Рушан 122

Саганиан — см. Чаганиан
Саданбарда, сел. 59
Сайрам, г. 204
Сайроб, сел. 15, 51, 64, 109, 124, 127, 132, 141, 152
Сайрун, сел. 244
Салихабад см. Саллиабад
Саллиабад, сел. 69, 149, 152
Самарканд, г. 12, 60, 122, 138, 141—145, 151, 159, 170, 174, 181, 183, 185—193, 202, 234, 235, 240, 250, 252, 257
Самаркандская область 20, 81, 153, 169, 175, 177, 183, 198, 199, 205—207, 214, 225, 226, 228, 231, 239, 249
Самаркандский оазис 135, 138, 143
Самаркандский район 252
Самаркандский уезд 238
Самаркандский Согд — см. Согд Самаркандский
Сангардак, р., долина, бассейн 53, 54, 64, 77, 84, 133—138, 167, 171
Сангардак, сел. 54, 78, 79, 136, 137
Сангардакское ущелье 54, 84, 136, 138

Санги-могол, сел. 193
Сангова, сел. 107
Сангпар, сел. 98
Сангтуда, сел. 98, 156
Санзар, р., долина, бассейн 97, 147, 183, 207
Сарай — см. Сарайкамар
Сарай, сел. 132
Сарайкамар, мест. 85, 102, 103, 106, 112, 115—117, 171, 193
Сарайкамар, сел. 24, 39
Сарайкамарский район 12
Сарайкамарское амлякдарство 77
Сарай-кишлак, кв. 56
Сарай-кишлак, сел. 83
Сарай-таш, сел. 76
Сарайский туман 33, 48
Сарайташ, сел. 84
Саргазан, сел. 98
Сардан-миёна, р., бассейн 62
Сариасийская волость 33, 44, 48, 71
Сариасийский район 16, 152, 158, 174, 182, 185, 200, 219
Сариасия, кент 53
Сариасия, мест. 84, 85, 96, 114, 141, 256
Сариасия, сел. 39, 53, 54, 66, 69, 77, 84, 115, 141, 160
Сарибазар, кв. 56
Сариджуй, г. 39, 41, 119, 120, 141, 169
Сариджуйское амлякдарство 127
Сариджуйское бекство 77, 120
Сарихасор, мест. 37, 189
Сарихасор, сел. 58, 64, 153, 190, 209
Саричашма, кент 46
Саричашма, мест. 59
Саричашма, сел. 69, 83, 86
Саричинар, сел. 73
Сарсак, сел. 63
Сарсарак, горы 155
Сары, сел. 112, 113
Сатальмуш, сел. 59
Саят, сел. 56, 85, 112, 126, 161, 198
Себистан, хр. 81, 82, 189
Северный Афганистан — см. Афганистан Северный
Северный Тохаристан — см. Тохаристан Северный
Северный Хорасан — см. Хорасан Северный
Северо-Западная Индия — см. Индия Северо-Западная
Семиречье 124, 125, 186, 206, 209
Сеплан, сел. 69
Сесанги, кв. 51
Сешанбе, сел. 80
Сибирь 233, 234
Сибирь Западная 218
Сибирь Южная 234, 260
Сина, сел. 54, 134—136, 159
Сириштепа, сел. 80
Сирия 188
Систан 196
Советский район 116
Согд 145, 159
Согд Самаркандский 158, 229
Сорбо, р., бассейн 62
Средний Восток 23
Средний Зеравшан 134, 196
Средняя Амударья 194, 196, 216, 237, 256
Средняя Сырдарья 222, 230, 231, 241, см. также Присырдарьинские районы 6, 16, 222, 230, 231, 241
Сударан-калон, мест. 59
Сударан-хурд, мест. 59
Сулдузи-боло, сел. 172
Сулдузи-поён, сел. 172
Султанрабат, кент 46
Суппа, сел. 77
Сурхоб, р., долина 244
Сузыстау, горы 132
Сыгнак 228
Сырдарьинская область 231, 257
Сырдарья, р., бассейн 2, 4, 38, 97, 152, 162, 173, 209, 212—214, 222, 228, 234, 239, 241, 247, см. также Присырдарьинские районы

Тагимадраса, кв. 56
Тагитава, сел. 85
Тагнауз, кент 46, 58
Тагчи, сел. 85
Таджик-махалля, кв. 157
Таирсу, р., долина, бассейн 19, 59, 76, 81, 82, 85, 98, 118
Тайыртамак, ур. 85
Такакамар, пещера 195
Такоб, р., бассейн, верховья 65
Такобское ущелье 65
Тактугай, сел. 69
Талбулак, ур. 106
Таликан, г. 240
Таллик, сел. 78
Таллиругун, мест. 239
Танапчи, сел. 104
Танган-таджик, сел. 73
Танган-тюрк, сел. 73
Тангибадам, мест. 139
Тангидувал, р., долина 94
Тангидувал, сел. 84
Тарагай, ущелье 180—184
Тараклы, сел. 63
Тарахлы, кв. 112
Тартулы, сел. 109
Тарыпая, сел. 247
Тахтакарача, перевал 181
Тахчи, сел. 85
Тахчиян, сел. 127, 158, 188, 189, 201
Ташабад, сел. 78, 79

Ташахур, ур. 189
Ташбулак, сел. 65
Ташкалак, сел. 80, 180, 188
Ташкари, кв. 51
Ташкент 147, 173, 174
Ташкент, г. 131, 239, 257, см. также Шайхантаурская часть
Ташкентская область 173, 175, 239, 260
Ташкентский уезд 238
Ташкентское владение 238, 240
Ташкурган 198, 200, 238, 242, 243
Тебаляй, сел. 83
Тегузак, сел. 62
Тельпакчинар, сел. 77, 141
Тентак-кишлак, кв. 50
Тентаксу, р. 78
Тераклитау, горы 106, 118
Термез 22—25, 68, 69, 72, 107, 136, 145, 152, 170, 230
Термез, г. 7, 8, 86, 87, 94, 117—119, 130, 149, 154, 219
Термезская волость 23, 32, 33, 48, 70
Тешиктау, туннель 72
Тешикташ, сел. 117, 118
Тизнаф, р. 203
Тиргирон-боло, сел. 63, 159
Тиргирон-пас, сел. 63, 159
Тлеутау, горы 106
Тода, кент 46
Тотака, сел. 77
Тохаристан 3, 23, 145, 186, 187, 191, 196
Тохаристан Северный 22
Тохтамыш, сел. 85
Тугмазар, сел. 81
Туда, сел. в Байсунском бекстве 200, 220
Туда, сел. в Хисарском бекстве 60
Тудакауш, сел. 76
Тулхар, сел. 107
Тунихарф, сел. 188
Тупаланг см. Тупалангдарья
Тупалангдарья 28, 37, 45, 53, 54, 63, 64, 77, 79, 80, 85, 97, 134, 141, 159, 160, 169, 174
Туран 246
Туркестан, г. 171
Туркестан Афганский 103, 154, 200, 247
Туркестан Восточный 124, 125, 180, 186, 203, 204, 217, 242—246
Туркестанский край 17, 164, 205, 265
Туркестанский уезд 257
Туркестанский хребет 173
Туркмандашт, ур. 97, 224, 227, 245
Туркмения 95, 262
Туркменская ССР 196
Туркменская степь — см. Туркмандашт
Тусунсай 177
Тутай, сел. 85
Туткаул, сел. 55, 62, 98, 155
Тутхаладжан, сел. 196
Тюрк, кв. 173
Тюрк-кишлак, сел. 76, 77, 167
Тюркkорез, сел. 50
Тюрк-тепа, кв. 173
Тянь-Шань 242, 243
Тянь-Шань Центральный 244

Узгенский район 198
Узун, район 256
Узун, сел. 112, 152
Урал, горы, 216
Урал, р. 215
Ура-Тюбе 20, 25, 134, 170, 174, 175, 187, 188, 222—226, 262
Урах, сел. 63
Ургут, сел. 134, 159, 202
Ургутский район 175, 198
Урмитан, сел. 167
Устюрт 206
Уча, г. 204
Учтут, сел. 118
Ушор, сел. 54, 134—136
Уялы, сел. 247

Файзабад 12, 50, 55, 61, 62, 189
Файзабад, г. 39, 41, 81, 119, 120, 156, 205
Файзабад, кв. 56
Файзабадский туман 44, 46, 55
Файзабадское амлякдарство 55
Фангарт — см. Фангат
Фангат, сел. 53
Фараб 166, 167
Фариш, сел. 177
Фарс 176
Фачкамар, мест. 213
Фергана 20, 147, 169, 170, 173—175, 198, 243
Ферганская долина 72, 175
Фрунзе, г. 243

Хаджибай, сел. 60
Хазара, кв. 130
Хазарбаг, кан. 78
Хазлагат, сел. 190
Хазрати-Вахшивор, сел. 135
Хазрати-Имам 240
Халадж, сел. 196
Халач, сел. 126, 194—196
Халачтаг — см. Кухи-Халач
Халкаяр, р., долина, бассейн 53, 64, 76, 80, 84, 95, 97, 133, 134, 200
Хальпа-арык, 247

Хамкан, сел. 69
Хамкан, ур. 94, 214
Ханабад, г. 155, 238
Ханака, кент 46
Ханака, р.— см. Ханакадарья
Ханака, сел. 141, 178
Ханака-гузар, кв. 129
Ханакадарья, р., долина, бассейн 30, 54, 60, 61, 65, 73, 77—80, 139, 156—158, 169
Ханакасу, р. 178
Хандак, сел. 216
Харангон, ущелье 62, 65, 77
Хардара, сел. 73
Хардури-кишлак, сел. 63, 64
Хардурисай, сел. 64
Харистан, сел. 79
Хархур, кв. 130
Хатак, кент 48
Хатак, сел. 51, 52, 84, 85, 127, 132, 198, 201
Хатлан — см. Хутталь
Хауз, сел. 53, 133, 134
Хива — см. Хивинское ханство
Хивинское ханство 212, 235
Хингоу, р., бассейн 58
Хисар, г. 39, 41, 60, 85, 98, 113, 119, 156, 257
Хисарское бекство 3, 32, 33, 64, 66, 69, 77, 78, 81, 85, 86, 95, 97, 98, 107, 110, 115, 127, 142, 157
Хисарское владение 240
Хисор, сел. 209
Хитай, сел. 109
Хитоян, сел. 39, 109
Ховалинг 37, 57, 58, 59, 116, 152, 153, 193
Ховалинг, сел. 12, 76, 98
Ховалингский туман 33, 44, 46, 64
Ходжа, кв. 69, 130
Ходжа, сел. 69
Ходжаанко, сел. 84
Ходжаасмин, сел. 54, 138
Ходжагульгун, сел. 107
Ходжагульсуар, ур. 94
Ходжадеяк, сел. 63
Ходжазаранг, ур. 140
Ходжаипак, р. 80
Ходжаипак, сел. 69
Ходжакуралай, горы 106
Ходжакыйя, сел. 94
Ходжамашад, сел. 56
Ходжамульки, сел. 221
Ходжаобигарм, мест. 85
Ходжапарнават, сел. 84
Ходжахайран-Киикчи, сел. 237
Ходжгани, кв. 130
Ходжент 25, 170, 184, 222
Ходжент, г. 24, 60, 147
Ходжентский уезд 177, 238
Ходжиги сел. 107, 109
Хокими, сел. 65
Холастандарья, р. 203
Хонджиза, сел. 54, 138, 139
Хонджиза, ущелье 138
Хонджизадарья, р. 54
Хорасан 147, 170—172, 180, 217, 229, 230, 251
Хорасан Восточный 125, 231
Хорасан Северный 145
Хорезм 9, 25, 87, 147, 152, 171, 209, 212, 213, 218—220, 238, 247
Хорезмская Народная Советская Республика 9
Хотан, оазис 204
Хошман, кент 48
Хошчекка, сел. 97
Хубон, сел. 54, 137
Худайдад, ур. 95
Хульбук, г. 154
Хульм, г. 251
Хурватан, сел. 63, 159, 160
Хурузак, кв. 130
Хутталь 22, 23, 154, 171, 205, 230, 244
Хуттальян — см. Хутталь
Хуф, долина 13
Хуфар, сел. 54, 139, 140, 141
Хучака, ур. 140

Центральная Азия — см. Азия Центральная
Центральный Тянь-Шань — см. Тянь-Шань Центральный

Чаганиан 22, 138, 145, 152, 230
Чагатай, кв. 50
Чагатай, сел. 69, 131
Чакана, сел. 84
Чакоб, сел. 50, 128, 129, 137, 138
Чамбуль, кв. 51
Чангаракташ, сел. 83
Чанглок, сел. 84
Чарваг, сел. 57, 73, 162, 166
Чарвагкарез, сел. 50
Чарджоу, г. 251, 256
Чарджоуская область 196
Чармагзикони-каллик, сел. 80
Чармгар, кв. 56
Чарраха, перевал 94
Чартак, сел. 61
Чартут, сел. 81
Чаршангинский район 20
Чахдагар — см. Чарраха
Чахчиран, г. 116
Чашма, сел. 64
Чеп, сел. 175
Чечка-кишлак, сел. 106
Чиллямазар, сел. 80, 187, 188
Чильчарчашма, родник 55, 150

Чимбай, сел. 80
Чимтепа, сел. 78
Чимчиглы, ур. 106
Чиназ, сел. и его район 239
Чиназский район — см. Чиназ
Чинар, кв. 51, 133
Чинар, сел. 53, 80, 133, 134, 188
Чинарисухта, сел. 61, 156
Читрал 191, 192
Чонташ, сел. 77
Чош, р., бассейн 77
Чош, сел. 63, 77, 138, 159
Чу, р. 216
Чубек, кент 46, 154
Чубек, сел. и его район 8, 83, 85, 103, 106, 117, 154
Чуйская долина 209
Чукур-Хандак, сел. 216
Чульбайир, хр. 69
Чучи, ур. 62, 73
Чуянчи, сел. 69, 112

Шаартуз, сел. 56, 195
Шагалтепа, сел. 82
Шайит, сел. 52—54, 64
Шайитарык, канал 53
Шайтан-кишлак, сел. 77
Шайхантаурская часть г. Ташкента 173
Шакархан, сел. 83
Шалкан, сел. 130
Шамал, сел. 112, 113
Шаптали, сел. 80
Шаргундарья, р. 64, 80
Шаари-минг, сел. 109
Шатруд, сел. 63, 159, 160
Шах-кишлак, сел. 83, 194
Шахринау, сел. 98
Шахрисябз 137, 140, 142, 170, 174, 178, 181, 183, 192
Шахрисябз, г. 24, 130, 138, 192, 208
Шахрисябзский оазис 130, 138, 183, 208
Шахрисябзское бекство 178
Шерабад 8, 25, 132, 214, 221, 251
Шерабад, г. 39, 41, 112, 119, 120, 121
Шерабадская волость 33, 48
Шерабадский оазис 12, 16, 38, 68, 69, 73, 77, 94, 95, 112, 126, 131, 168, 221, 252
Шерабадский район 15
Шерабадский уезд 31, 33, 44, 48
Шерабадское бекство 3, 8, 32, 33, 66, 70, 77, 95, 97, 107, 109—112, 115, 117, 118, 256
Шержанд, сел. 50, 51, 84, 127
Шер-кишлак, сел. 84
Шибирган, г. 131, 136, 247, 251, 252
Ширкант, р.— см. Ширкантдарья
Ширкант, сел. 80, 188
Ширкантдарья, р., долина, бассейн 80, 170
Шиштюбе, сел. 112
Шокишлак, сел. 141, 142
Шомишариф — см. Сирия
Шорамз, сел. 73
Шотрут — см. Шатруд
Шотут, сел. 53
Шугнан 23, 122
Шулюм 46
Шуман 22, 23
Шураб, сел. 77, 78
Шурион, сел. 61
Шуркуль, кв. 129
Шурманка, сел. 61
Шуробдара, мест. 58, 59
Шурсай, сел. 53
Шурчи, сел. 53
Шурчинский район 225

Эгриарык, кан. 53

Южная Киргизия — см. Киргизия Южная
Южная Сибирь — см. Сибирь Южная
Южная Фергана — см. Фергана Южная
Южнотаджикское низкогорье 25, 37
Южный Казахстан — см. Казахстан Южный
Юкары-гузар, кв. 126
Юкары-Ляйляган, сел. 132
Юкары-Мачай, сел. 63, 68, 77, 160
Юкары-Тарагай, сел. 183, 184
Юкары-Тахчиян, сел. 119
Юрчи 84, 114, 159, 256
Юрчи, г. 39, 54, 63, 77, 115, 116, 119, 120, 174
Юрчинская волость 33, 48
Юрчинский уезд 31, 44, 48, 71
Юрчинское бекство 77

Ябу, сел. 60, 110
Ябу, ур. 247
Ябуз — см. Ёбуз
Ябузи-калон — см. Ёбузи-калон
Ябузи-майда — см. Ёбузи-майда
Яван 169, 189, 192
Яван, кент 46
Яван, сел. 81, 98
Яванская долина 19, 20, 55, 64, 81, 82, 98, 155, 166, 189, 190, 192, 193
Яванский район 55, 191, 233
Яванский туман 30, 46
Явансу, р., бассейн 30, 81, 87, 98, 109, 189, 191
Явроз, сел. 62, 80, 188

Яврози-каллиго, сел. 62, 80
Ягноб 12, 61, 65, 161
Яккабагский район 202
Яккатут, сел. 207
Якуббайкарез, сел. 50
Янгиабадский сельсовет 148
Янгибазарский туман 46, 70
Янги-Гисар, г. 204
Янги-кишлак, кв. 126
Япуч — см. Ёфуч
Яригташ, сел. 78
Яркенд, г. 243
Яркенд, оазис 203, 204
Яркенддарья, р. 203
Ярмакарез, сел. 50
Ястюбе, сел. 133

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ И НАЗВАНИЙ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП

Абаклы (абақлы) 90, 93 94
Абдал (абдал) 99, 230
Абульхайр (әбӯлхәйр) 82
Абыз 213
Абылбачча (абылбәччә) 91
Аваздан туган (әвәздән туған) 99
Авлод (әвлод) 93, 118
Авлоди аваз (әвлоди әвәз) 81, 133
Авлоди арбоб (әвлоди әрбоб) 133
Авлоди байали (әвлоди байәлй) 82
Авлоди баймурад (әвлоди баймӯрад) 131
Авлоди бегимкули (әвлоди бегимқӯлй) 131
Авлоди гули сурх (әвлоди гули сурх) 150
Авлоди джата (әвлоди җәтә) 167
Авлоди джатта (әвлоди җәттә) 73, 167
Авлоди кельдик (әвлоди келдик) 133
Авлоди кыргыз (әвлоди қырғыз) 73, 167
Авлоди коррак (әвлоди көррәк) 73
Авлоди куат (әвлоди қувәт) 82
Авлоди мардони (әвлоди мәрдонй) 133
Авлоди махсум (әвлоди мәхсум) 140
Авлоди назар (әвлоди назар) 100
Авлоди нар (әвлоди нар) 101
Авлоди тирнаг (әвлоди тирнағ) 131
Авлоди туры (әвлоди туры) 101
Авлоди хасан (әвлоди әсен) 100
Авлоди холе (әвлоди холе) 82
Авлоди хусен (әвлоди ӯсен) 100, 101
Авлоди эттурук 133
Авыз – см. абыз
Адаевцы 118
Адай 118, 206
Аджина (әҗинә) 92
Аджиргони (әҗиргонй) 80
Адильтоп (әдйлтоп) 91
Адирбиль (әдйрбйл) 107, 217, 248
Азау (азав) 100
Азгач (азғач) 93
Аинлы – см. айынны
Ай 214, 215
Айле 214, 216
Айлы 214
Аймак (аймақ) 17, 115, 123, 240
Айны – см. Айынны
Айранчи 102
Айтамгалы (айтамғалы) 92, 95, 214, 230
Айынлы – см. айынны
Айынны (айынны) 27, 87, 92, 94, 95, 213–216
Акбай (ақбай) 93
Акбаш (ақбаш) 100
Акбузау (ақбӯзав) 99

Акдават (ақдевет) 100
Аккойлы (аққойлы) 108
Ак-коюнлу 231
Акпычак (ақпычақ) 91, 213
Аксары (ақсары) 99
Актана (ақтана) 92, 95
Актонны (ақтонны) 95
Акчанак (ақчанақ) 99
Акчанач (ақчанач) 100, 101
Акчорак (ақчорақ) 115
Акчура (ақчура) 100
Алагунан (алағунан) 107
Алакузи (аләкөзи) 73, 80, 167
Алатай (алатай) 108
Алдай (алдай) 91
Алибачча (әлибечче) 99
Али-могол (әли-мўғўл) 85, 202, 207
Алимулы 118
Аллаберди (аллабердй) 100
Алланазар (алланазар) 101
Аллап (аллап) 93
Аллот (әллат) - см. арлат
Алмабаш (алмабаш) 90
Алмахат (алмәхәт) 84
Алот - см. арлат
Алтайцы 210, 215
Алтмыш (алтмыш) 99, 246
Алтыбай (алтыбай) 99
Алчын (алчын) 105
Алым 118
Алымбачча (алымбечче) 100
Альп (әлп) 82
Альперди (әлпердй) 105
Альпли (әлплй) 97
Алым 118
Анархур (әнархур) 85
Анди 171
Андиджан (әндижан) 105
Аннабай (аннабай) 82
Аннаходжа (аннахожә) 100
Араблар (әрәбләр) 131
Арабнамы (әрәбнамы) 105
Арабы 22, 27, 186, 250-252
Арабы среднеазиатские (әрәб) 33, 43, 46-49, 57, 69, 83, 111-113, 117, 127, 190, 248-253, 258
Арабы балхские (балхй әрәб) 112
Арбоби (әрбобй) 133
Аргу 173
Аргун (арғўн) - см. аргын
Аргын (арғын) 171, 225, 232-236
Ардбюль 217
Арлат (арлат) 24, 176, 177, 207
Армяне 117, 121
Аррик (әррйк) 92
Арсланбаи (арсланбай) 131
Арышлы (арышлы) 105
Аугон (авғон) - см. афгон
Аугон-джуги (авғон-жугй) - см. цыгане афганские
Аугон-люли (авғон-лулй) - см. цыгане афганские
Аугон-мугат (авғон-муғот) - см. цыгане афганские
Ауызбачча (авызбәччә) 91, 213
Афганцы 7, 47, 69, 77, 114, 115, 121, 255, 256
Афгон (афғон, авғон) 114, 115, 121, 255, 256
Афгоно 256
Афгонои сийору 256
Афгонойи носфуруш 256
Ахсакбачча (ахсақбәччә) 79, 93
Ахсанаш (ахсанаш) 86
Ахтана - см. актана
Ахтонны - см. актонны
Ахча (ахча) 108, 247, 248
Ачамайлы (ачамайлы) 90, 94, 96, 213, 214

Баарин - см. бахрин
Баганалы (бағаналы) 97
Бадаль (бедел) 100
Бадахшони (бадахшонй) 126
Бадраглы (бадрағлы) 98, 99, 108, 248
Бадраклы - см. бадраглы
Базартухумы (базартўхўмы) 92
Байбатыр (байбатыр) 91
Байкучкар (байқочқар) 99
Баймак - см. баймакдики
Баймакдики (баймақдйкй) 84
Баймаклы (баймақлы) 90, 213
Байназар (байназар) 101
Байрам (байрам) 98, 100, 102, 232, 233
Байсейид (байсейид) 100
Байсуни (бойсунй) 45
Байтеке (байтеке) 105
Байтолыш (байтолыш) 100
Байтуда (байтода) 131

Байулы 118
Байходжа (байғожа) 100
Баклабачча (бақлабаччә) 105
Бактрийцы 264
Бакыбачча (бақыбаччә) 97, 99
Балахур (балахур) 97
Балгабаскан (балғабасқан) 105
Балгалы (балғалы) 66, 90, 94, 97, 213, 214, 225, 226
Баллос (бәллос) – см. барлас
Балхи' араб – см. арабы балхские
Балхиджамбаш (балхыжамбаш) 93
Бальдживони (бәлҗиwонӣ) 59
Балыкчи 118
Бандикучук (бәндйкүчүк) 87, 91
Барак (барақ) 90, 91, 105, 213, 245
Барлас (барлас, бәллос) 24, 70–72, 75, 77–79, 85, 110, 120, 123, 137, 142, 144, 167, 169, 170, 174, 177, 179–186, 192, 198, 203, 209
Барласы каратагские (қарåтоғӣ бәллос) 79
Барласы регарские (регорӣ бәллос) 79
Барласы хисарские 170
Барласы чагатай 180
Бармак (бармақ) 91
Барын-табын 214
Басуз – см. басыз
Басыз (басӹз) 244, 245
Баташ (баташ) 97, 128, 129
Батыр (батӹр) 108
Бахрин (бәхрин, бәәрйн) 207, 214
Бахтыбачча (абхтӹбечче) 99
Бахши (бахшӹ) 93
Бачкир 215
Башер (бәшер) 105
Башкап (башқап) 99
Башкиры 210, 214–216
Башкурд 215
Башыиик (башӹиик') 97
Беганкаль (бегонкәл') 91
Бегдан туган (бегдән туған) 28, 92
Бегендик 233
Беглар (беглəр) 223
Бегон-тудаси (бегон-тодасй) 131
Бекаул 118
Бектуда (бектодә) 93
Белуджи (болуч) 43, 115, 116, 248
Бену-Курайш 113
Берди (бердй) 91
Бешагач (бешағач) 91
Бешата-мангышлау 230
Бешбала (бешбала) 92, 95, 97, 214
Бешказан (бешқазан) 93
Бешкаль (бешкәл') 113
Бешкальтак (бешкәлтәк') 91
Бешкурук (бешқӱрӱқ) 100
Бештанбир (бештәнбйр) 107
Бештентак (бештентәк) 73
Бешуул (бешуул) 90
Бисиян 256
Богаджэли (боғажэлй) 90, 97, 213, 225, 226, 230
Богаджэлю – см. богаджэли
Бозан (бозан) 103, 105
Бозбит (бозбйт) 96
Бозчи-могол (бозчй-мӱғӱл) 85
Болак-казаяклы (бөлəк'-қазайəқлы) 97
Борбай (борбай) 93, 108, 213
Бори' (борӣ) 114
Бориемас (бөрййемəс) 97
Босалак (босалақ) 103
Бугу 241
Будана (бөдене) 100
Буйра (бӱйра) 99
Буйракуса (бӱйракөсə) 97
Булак-казаяклы – см. болак-казаяклы
Буранай (боранай) 100
Бурдангаль (бӱрденгел') 100, 101
Бурка (бӱркə) 105, 106
Бурмалы (бӱрмалы) 105
Бурундук (бӱрӱндӱқ) 101, 233

Вадамлик (вədəмлйк') 93
Вайбай (wåйбåй) 91
Вандоби' (wåндобӣ) 91
Варамь-кальтатай (вəрəм'-кəлтəтåй) 77
Варгони' (вəрғонӣ) 73, 166
Варзоби' (вəрзобӣ) 14, 45, 62, 158, 159, 259
Вахтамгалы (wåхтамғалы) 87, 90, 94, 95, 97, 215, 225, 259
Вилояти' (wилойəтӣ) 45, 55, 60

Газымалеки' (ғозымəлекӣ) 60–62, 156–158
Газытоп (ғазӹтоп) 91

Гала (гәлә) 92
Галабатыр (гәләбатыр) 92, 113
Галагалли (гәләгәллй) 105
Галадевана (гәләдевонә) 113
Галамулла (гәләмўллә) 91
Галатентак (гәләтентәк') 113
Галахоя (гәләхойа) 92
Галлибайлар (гәллибайләр) 90
Гальча-карлук (ғәлчә-қәллуғ) 81, 192
Гарнай (гәрнәй) 93
Гаулар (гаўләр) 131
Гаутуда (гаўтодә) 131
Гильзаи 196
Гирдон (гирдон) 113
Гобалак-туджа (гөбәләк'-тўжа) 90, 215
Гози' (гөзй) 82
Голь (гөл') 93
Гонаш (гөнәш) 118
Гора (ғора) 82
Гораз (гўраз) 82
Горцы 204
Гоу (гоў) 93
Гоухур (гоўхур) 86
Гуландан туган (ғўландан туған) 99
Гулом (ғўлом) 114
Гуломлар (ғўломләр) 118
Гульджетим (гўлҗетйм) 92
Гульмурзабачча (гўлмўрзабечче) 99
Гургуту (гўргўрў) 101
Гурдак (гўрдәк') 107, 108

Дават (девет) 100, 101, 233
Даватар (деветер) 99
Далде (далде) 100
Дальба (дәлбә) 93
Дамгорин (дәмғорйн) 91
Дараиушури' (дәрәиушурй) 62
Дарачи' (дәрәчй) 59
Дарбанди' (дәрбәндй) 45
Дарвози' (дәрвозй) 60, 153
Дарначи-каллык (дәрнәчи-қаллық) 83
Дат 233
Дауджетим (дәўҗетйм) 92
Дахан (дахан) 101
Даштаки' (дәштәкй) 59, 62, 156
Дашти' (дәштй) 60
Девет - см. дават
Деветер - см. даватар
Деглатхунук (дегләтхўнўк) 82
Дегои' (дегой) 78, 178
Джабагы (җабағы) 105
Джабу (җабў) 91
Джадыгер (җадығер) 99
Джака (җақа) 99, 233
Джакай (җақай) 233
Джакау (җақаў) 233
Джалаир (җалайыр) 24, 108, 109, 179
Джалпак (җалпақ) 93
Джалпуш (җалпўш) 101
Джамантай (җамантай) 108
Джампулат (җамполат) 100
Джамчи (җамчй) 92
Джангабатыр (җаңғабатыр) 92
Джангали' (җәнгәлй) 93
Джанкабильтоп (җанқабйлтоп) 91
Джанкатаган (җанқатаған) 103-106
Джанкаул (җанқаўўл) 100
Джананнан туган (җананнан туған) 99
Джарты (җарты) 91
Джартыбаш (җартыбаш) 90, 97
Джарыкбаш (җарыкбаш) 97
Джас-табан (җастабан) 93, 225, 226
Джат (җат) 255
Джата (җәтә) - см. джатта
Джатта (җәттә) 79, 85, 167, 186, 198
Джаты 255
Джаукаду (җаўкәду) 105
Джаукачты (җаўқачты) 99, 101
Джаули (җаўлй) 105
Джельберди (җелбердй) 105
Джелкильлак (җелкйлләк) 92
Джертебар (җертебәр) 108
Джиланлы - см. джиланны
Джиланны - см. джыланны
Джилантамгалы - см. джылантамгалы
Джитан 256
Джиянсарай (җийансарай) 91
Джолболды (җолболды) 101
Джуги' (жугй) 114, 152, 253-255
Джуз (җўз) - см. юз
Джулей (җулей) 100
Джунгары 223, 237
Джуни 256
Джунныбаш (җўнныбаш) 90

Джунус (җўнўс) 99
Джыланны (җўыланны) 89, 107, 161, 225
Джылантамгалы (җўылантамгалы) 90, 97, 213, 225, 226
Добай (добай) 97
Добал 213, 214
Додаль (дөдәл') 91, 213
Досай (досай) 101
Доска (дөскә) 92
Доша (доша) 91
Дуанадан туган (дўўанадан туған) 99
Дудал – см. додал
Дурмен (дөрмән) 15, 25, 56, 61, 66, 70, 83, 86, 89, 107, 108, 110, 112, 113, 146, 147, 156, 157, 161, 198, 217, 246–248
Дурмены кабадианские 107, 247, 248
Дурмены хисарские 107, 247, 248
Дусай-туячи (досай-түйәчи) 99

Евреи среднеазиатские 7, 117, 119, 139, 154
Етти-уруг (йетти-ўрўғ) 133

Ёнахши́ (йонәхшӣ) 55, 62
Ёхсучи́ (йохсучӣ) 59

Жетиуру 118

Загаратуяк (зағаратўйақ) 99
Замбыртуда (замбыртода) 113
Замбыры (замбыры) 91
Занныk (заннық) 90
Заргар (зәргәр) 93
Зардакул (зәрдәқўл) 97
Зармаз (зармаз) 91
Зарымбачча (зарымбәччә) 86
Зевари́ (зевәрӣ) 63
Зорбуруи (зорбўрўи) 105

Имамали (имо̊мәли) 93
Имамкулчут (имо̊мқўлчўт) 90
Индийцы (ҳинду, ҳўндў) 7, 116, 120, 121, 154
Индустони́ джути́ (Ҳиндустонӣ ҷутӣ) – см. цыгане индийские
Индустони́ люли́ (Ҳиндустонӣ лулӣ) – см. цыгане индийские

Инемат (инемәт) 103
Ипак-карлук (ипәк-қәллуғ) 80
Ирани́ (ироно̄, эроно̄) 111, 113, 135, 212
Итарчи – см. утарчи
Итбалык (итбалық) 93
Ичкилик (йчкйлйк') 243, 244

Йорга (йорға) 93, 97

Кабанай (қабанай) 100
Кабла (қабла) 108
Каволь (қәвол') 255
Кагни́ (қәғнӣ) 83, 105
Казак (қазақ) 90, 91, 97, 99–101, 108, 213, 225, 248
Казахи (қазақ) 7, 12, 33, 43, 46–49, 117, 118, 154, 182, 183, 187, 210, 212, 215, 218, 227, 232–239, 241, 244, 248, 257, 261
Казаяклы (қазайақлы) 90, 94, 97, 213, 214, 216, 225, 226, 230
Кайчылы (қайчылы) 90, 94, 213
Калаиджаври́ (қәләиҗаврӣ) 78, 157, 178
Калач – см. халач
Каллагач (қаллағач) – см. карлыгач
Каллар (кәлләр) 90, 135, 178
Каллики́ (қәллиқӣ) 135
Калликор авлоди (кәллйкөр' әво̊лодй) 131
Калмыки 204
Калу 256
Каль (кәл') 91, 95, 101, 103
Кальбачча (кәлбәччә) 93
Кальмуллатоп (кәлмўллатоп) 91
Кальтатай (кәлтәто̊й) 54, 70, 72, 75, 77, 78, 120, 126, 142, 169, 173–179, 203, 207
Кальтатай тодаси (кәлтәто̊й тодасй) 131
Кальходжалар (кәлхоҗәләр) 131
Кальхопизи́ (кәлхопйзӣ) 183, 184
Кальча (кәлчә) 93
Кальыырыс (кәлыырыс) 90
Камчи (қамчӣ) 103
Канглы (қаңғлы) 105, 110, 207, 238, 239, 241, 245
Кандекли 214
Канджигалы (қанҗығалы) 87, 91, 94, 95, 221, 230

Канхур (қа̊нхуҏ) 100
Канчи (кәнчӣ) 91, 213
Каны (қаны̆) 93
Кара (қара) 92, 95, 118, 230
Карабаг 109
Карабеги́ (қарәбегӣ) 113
Караберди (қарәбердй) 93
Карабойын (қарабойы̆н) 80, 93, 213, 214
Карабура (қарабура) 92
Караган 213
Карагыз (карағы̆з) 93
Карагыз-сопы (қарағы̆з-сопы̆) 93
Карадават (қарадевет) 100
Каракалпак (қарағалпақ) 91, 92, 94, 95, 213
Каракалпаки 38, 210, 212-216, 218, 222
Каракальтак (қаракәлтәк) 105
Каракасмак (қарағасмақ) 91
Каракашка (қарақашқа) 92
Каракисяк 233
Кара-китаи 230
Караконград (қарақоңғрат) 90, 94, 95, 218
Кара-коюнлу 231
Каракук (қаракөк) 82
Каракул (қарақўл) 100, 101
Каракули́ (қарәкулӣ) 168
Каракурсак (қарағў̆рсақ) 87, 92, 213
Каракуса 226
Кара-люли 253
Карамеришкор (қа̊рәмеришкор) 86
Кара-могол (қа̊рә-мў̆ғў̆л) 207
Карамурча (қарамў̆рча) 101
Каранград (қараңғрат) - см. караконград
Карапчи (қарапчы̆) 89, 93, 96, 97, 110, 120, 134, 135, 223, 224, 226
Карапычак (қарапы̆чақ) 96
Карасаны (қәросаны̆) 113
Карасыйрак (қарасыйрақ) 99, 101
Каратаг-люли́ 46, 71, 114
Каратамгалы (қаратамғалы̆) 89, 96, 110
Каратана (қаратана) 108
Каратаяк (қаратайақ) 101, 105
Каратегини́ (қәротегинӣ) 45, 60, 66, 147, 153, 160
Каратери (қаратерӣ) 105
Каратонны (қаратонны̆) 95
Кара-туджа (қара-тў̆жа) 90, 215
Каратума (қаратума) 99
Карахал (қарахал) 01
Карахани́ (қарәхонӣ) 113, 151
Карача (қарача) 101, 105
Карачанак (қарачанақ) 99
Карачарык (қарачары̆қ) 103
Карашпараш (қарашпараш) 108
Караясак (қаройәсоғ) 80
Карга (қарға) 91, 92, 97, 213, 216
Карлук (қәллйқ, қәллў̆ғ) 15, 19, 20, 62, 66, 69, 70, 72, 75, 78-83, 96, 111, 119, 123, 156, 162, 166-169, 173, 177, 181, 186-193, 196, 197, 202, 204, 205, 207, 209, 231, 232, 258, 259, 265
Карлуки бальдужанские 81, 82
Карлуки бешарыкские 82, 83
Карлуки варзобские 80
Карлуки дангаринские 82
Карлуки ипакские - см. ипак-карлук
Карлуки кулябские 82, 190
Карлуки регарские 80
Карлуки ромитские 80
Карлуки тахчиянские 80
Карлуки тохаристанские 186, 193, 230
Карлуки хисарские 81, 82
Карлуки яванские 82, 189, 193
Карлыгач (қарлы̆ғач) 103, 236, 237
Кармыш (қармы̆ш) 99, 101, 233
Карши́ (кәршӣ) 139
Каршилик (қәршйлйк) 66, 68, 69, 72, 119, 120, 121, 142, 223
Каршидан туган (қаршйдән туған) 99
Каршиныы - см. каршилик
Касиб (кәсиб) 97
Катаган (қатаған) 12, 25, 66, 70, 79, 83, 85, 86, 89, 103-107, 111, 120, 128, 161, 196-205, 235, 247
Катаган-тагчи - см. тагчи
Катакин 241
Катари́ (кәтәрӣ) 54, 134, 200
Катта-аксары (кәттә-ақсары̆) 99
Катта-бармак (кәттә-бармақ) 91

Катта-кальхопизи (кәттә-кәлҳопийзй) 79
Катта-мергаһ (кәттә-мерген) 100
Каттапо (кәттәпо) 113
Катта-чорак (кәттә-чорақ) 105
Каука (кәўкә) 92, 94
Каучин (қәўчин) 24, 70, 108, 110, 123
Кафиры 17
Качай (қачай) 92, 95
Качпой (кәчпой) 81, 82
Кашкарбачча (қашқарбәччә) 105
Кашкарий (қашқарий) 166
Кашкариё (қашқарийо) 166
Келекей (келекей) 99
Келикей (келикей) 100
Кель (кел) 101
Кельдибек (келдибек) 99
Кельдик (келдик) 133
Кенджа-солакай (кенҗәсолақай) 90
Кенегес (кенәгәс) 108, 109, 130, 180, 207, 208
Керей (керей) 103, 232
Кесамир (кесәмйр) 19, 66, 70, 83, 86, 89, 102-104, 108, 111, 121, 236-238, 246
Кесаули (кесәўлй) 90, 97, 225
Кесб (кесб) 101
Кесак 233, 244
Кесек (кесек) 244
Киикчи (кийикчй) 103, 237
Кийизтельпак (кийизтелпәк) 93
Кипчак (қыпчақ) 162, 170, 173, 181
Кирбалак (кйрбалақ) 93
Киргиз (қырғыз) 78, 167
Киргизы 12, 46-49, 119, 167, 181, 183, 187, 204, 210, 227, 233, 236, 239, 241-246, 248
Киргизы джергетальские 12
Киргизы каратегинские 244
Киргизы памирские 12
Китайцы 204, 239
Китоби (китобй) 114
Кичи-аксары (кйчй-ақсарый) 99
Кичи-колдаулы (кйчй-қолдаўлы) 92
Кичи-мерган (кйчй-мерген) 100, 101
Кичисан (кйчйсан) 100
Кичкине (кйчкйне) 101
Кияк 104
Кияны 183
Кият 212
Ковули (қовулй) 253, 255
Козыбачча (қозыбәччә) 79
Койлыбай (қойлыбай) 90
Койсопы (қойсопы) 96
Койсыйрактоп (қойсыйрақтоп) 91
Кокалябаш (көкәләўсш) 198
Кокан (қоқан) 93
Коктере (көктере) 103
Коктырнак (көктырнақ) 93, 107
Кокуль (кокул) 81
Колдаулы (қолдаўлы) 92, 213, 221
Коль (көл) 101)
Комурхур (көмурхур) 85
Конграт (қонғрат) 12, 16, 20, 25-27, 50-53, 66, 70, 71, 77, 84, 86, 87, 89, 94, 107-111, 119, 124, 132-134, 146, 147, 161, 167, 168, 197, 198, 200, 207, 211-222, 224-226, 237, 256
Конграт-каракалпак (қоңғрат-қарақалпақ) 131, 212, 213
Конгыртана (қоңғыртана) 101
Конур (қоңўр) 100, 108
Копиш (көпйш) 92, 213
Копсары (көпсарый) 96
Кордан туган (көрдән туган) 91
Кортогай (көртоғай) 92
Кохай (қохай) 91
Кошбеги (қошбегй) 91
Кошсы 215
Коштамгалы (қоштамғалы) 87, 90, 94, 96, 132, 213
Коштамгалы-джашкак (қоштамғалы-җашқақ) 107
Кошук (қошўқ) 108, 248
Кошчакман (қошчәкмән) 81, 82
Ктай см. хитай
Ктай-юз (қтай-йўз) 96, 97
Кубалик 215
Кувандык 232
Кудуки (қудуқй) 86, 209
Кузтамгалы (көзтамғалы) 97, 225
Куйын (қуйўн) 213
Куки (кукй) 101
Куккалябаш (кукйләўош) 93
Кукони (қуқоній) 114
Кул (қўл) 101, 114

Кулбачча (қўлбеччe) 99
Куллар (қўлләр) 131
Кулоби́ (кулобӣ), таджики 45, 54, 58, 60, 62, 66, 121, 153–156, 158, 259
Кулоби́ (кулобӣ), узбеки 77, 91, 147, 178
Кулумбет (қўлўмбет) 99
Кульбурун (кўлбўрўн) 92
Кульбурун-тудаси (кўлбўрўн-тодәси) 131
Кульдеман (кўлдемән) 103, 105, 106, 237
Кульча (кўлчә) 93
Кумеджии 154
Кунград см. конграт
Кундузбачча (қўндўзбәччә) 97
Кундузи́ (қўндузӣ) 115, 116
Кунту (кўнту) 99, 233
Кунчи 193
Курайш 113
Курама (қўрама) 123, 208, 213, 237
Курасан (көрәсән) 103
Курбанбай (қўрбанбай) 97
Курбанкул (қўрбанқўл) 92
Курдак (курдек) 99, 233, 234
Курдек см. курдак
Курошири́ (куроширӣ) 113
Куса (көсә, кәсе) 90, 91, 93, 97, 101, 225, 226
Кутикара (көтйқәра̊) 113
Кутитешик (көтйтешйк) 82
Кутчи (қўтчй) 93, 105, 128–130, 245
Кутчу (қўтчў) 108, 248
Кутыр (қотйр) 100
Кухбуни́ (куҳбунӣ) 55, 62
Кухистони́ (куҳистонӣ) 45, 55, 62 63, 159, 160
Кучакдики (кучәкдйкй) 84
Кучахур (кучәхур) 91
Кучек (кучек) 100
Кушчи 207
Куюи (қўйўч) 92
Куюндук 232, 233
Куюшканлы (қўйўшқанлы) 105
Кызылаяк (қызылайақ) 244
Кызылбай (қызылбай) 99
Кызылбаш (қызылбаш) 93
Кыйгачлы (қыйғачлы) 90
Кыйтекме (қыйтекме) 101
Кыпчак (қыпчақ) 96, 232, 233
Кыркджилик (қырқжйлйкй) 105
Кырксадак (қырқсадақ) 100
Кырктентак (қырқтентәкй) 232
Кычылы (қычлы) 100
Кыяннама (қыйаннама) 107, 108, 248
Кыят (қйат) 105, 108

Лавак (ләвәк) 82
Лагмон 256
Локайцы (лақай, ләқәй) 12, 19, 25, 59, 66, 69, 70, 86, 89, 97–99, 102, 104, 110, 111, 121, 141, 155–157, 186, 189, 198, 206, 214, 231–236, 238, 245, 246, 248,
Лолаки́ (лоләкӣ) 80, 188
Лоли (ләлй, лолы) 103, 105
Люли́ (лулӣ) 114, 253
Люлибачча (ләлйбәччә) 93
Лярхоби (ләрхобӣ) 76, 115

Мавлиш 216
Магара 256
Магиони́ (мағйонӣ) 134, 135
Мади (мадй) 92
Мазанг (мазаңг) 253
Мазарчанты (мазарчантй) 80
Майда-каль (мәйдә-кәл) 91
Майда-кальхонизи (мәйдә-кәлхонйзй) 79
Майда-конур (мәйдә-қоңўр) 108
Майдатоба (мәйдәтөбә) 93
Майда-чорак (мәйдә-чорақ) 105
Малай (малай) 99, 105
Малтака (малтәкә) 92
Малыш (малйш) 99
Маляиди́ (мәләидй) 63
Мангыт (маңғўт, маңғыт) 86, 107–109, 143, 184, 208, 237, 246
Мандак (мәндәкй) 93
Мардат (мардат) 104–107
Мардони́ (мәрдонӣ) 133
Марка (марқа, мәрқә) 81, 89, 96, 98, 108–110, 223, 226, 234, 248
Маркуши (мәркөшө) 94
Масчои́ (маччоӣ) 166
Маулиш (мәвлйш) 87, 91
Махатзаман см. махатзамани-каль-татай

Махатзамани-кальтатай (мәҳәтзәмонӣ-, муәззәмонӣ-, мәзәмонӣ-кәлтәтӑй) 77, 141, 176, 177
Махаттари-кальтатай (мәхәттәрӣ-, мухәттәрӣ-кәлтәтӑй) 77, 174, 176
Махмазамон (мәхмәзәмон) 141, 177
Махматкул (мәхмәтқӯл) 82
Мегер (мегер) 101
Мерганча (мергәнчә) 92
Меришкар (меришкор, миришкор, мӯрӯшкӑр) 66, 70, 75, 86, 111, 208, 209
Меркит (меркйт) 90
Миён (мийон) 150-152
Минг (миң) 110
Минг-тогыз (миң-тоғыз) 93
Мирдат см. мардат
Мирза-могол (мйрза-моғал) 207
Мирзатоп (мйрзатоп) 90
Миришкор см. меришкор
Митан (митән) 110
Могалынамы (моғалйнамй) 105
Могол (моғал, мӯғал, мӯғӯл) 17, 18, 66, 70, 75, 85, 111, 132, 186, 190, 203-207, 246, 258
Молмыш (молмйш) 99
Монголы 66, 123, 162, 163, 179, 180, 241, 260, 265
Мохаммед земанлу 176
Мохиби (моҳибӣ) 113
Мраз (мраз) 101, 234
Мугал 206
Мугат (муғот) 253, 255
Мугати тубджой (муғоти тубҷойӣ) 253
Мугати хунди (муғоти ҳундӣ) см. цыгане индийские
Мукими (муқимӣ) 139
Муллабачча (мӯллабечче) 99
Муллагули (мӯллагулӣ) 113
Мултони (мӯлтонӣ) 253, 256
Мунка (мункә) 93
Мунос (мӯнос) 199
Мурадбачча (мӯрадбәччә, мӯрадбечче) 93, 100
Мурза-кальтатай (мӯрза-кәлтәтӑй) 77, 176
Мурушкар см. меришкар
Мусабазари (мусобозорӣ, мӯсо) 66, 70, 72, 75, 78, 79, 110, 120, 157, 169, 177-179, 203
Мусалли 256
Мусо 178
Мырзагул (мйрзағӯл) 99
Мюрид 152

Набат 245
Надырбачча (надйрбечче) 99
Найман (найман) 66, 70, 96, 108, 143, 223-226, 232, 237, 246
Нака (наҡа) 91
Нарбачча (нӑрбечче) 99
Нарбика (нӑрбика) 91
Нарын (нарйн) 99
Науруз (наврӯз) 101
Наурузбай (нӑврӯзбай) 97
Негмат-бачча (немәт-бәччә) 79
Немцы-баварцы 21
Немцы-баденцы 21
Неъматбачча (немәтвәччә) см. негматбачча
Нилючи (нилучӣ) 139, 159
Нимдаха (нимдәҳә) 133
Ногай (ноғай) 92, 103, 108, 210, 213, 223, 237, 248
Нуристанцы см. кафиры

Обсарина (обсәринә) 115
Обфуруш (обфуруш) 113
Огузы 162, 173, 216, 228-231
Огулбердитоп (оғӯлбердйтоп) 91
Одамои пойон (одәмои пойон) 60
Одинаталжик (одинәтоҷик) 82
Ойбаш (ойвӑш) 93
Ойраты 243
Омада (омәдә) 70, 79
Оразбачча (оразбәччә) 100, 101
Ортабози (ортабузӣ) 78, 178, 179
Ортакельди (ортакелдй) 92
Орь (ер) 93, 95, 215
Орыс (орйс) 91, 93
Оскар (осқар) 105
Османы (османй) 91
Отракы (отрақй) 91
Отранчы (отранчй) 85, 206
Оттыш (оттйш) 105
Оюлы (ойулй) 90, 108, 248

Палван (палвӑн) 100, 105, 106
Панджоби (панҷобӣ) 45

Панномачи (пәнномәчи) 139
Парман (парман) 93
Партаукул (пәртәвқўл) 81, 193
Парча (парча) 99, 101
Парья 255, 256
Патас (патас) 97
Пашмаки́ (пәшмәкӣ) 62
Пашхурди́ (пашхурдӣ) 128
Пингони́ (пйңгонӣ) 105
Пирмахмуди (пирмәҳмудӣ) 80
Питак (питәқ) 92
Питакути (пйтәкөтй) 92
Покирадж 253
Покискар (поқискәр) 90
Полатбачча (полатвәччә) 79
Поморы 21
Припамирские народности 153
Пшакхур (пшәкхур) 105

Рахли (рахлй) 93
Реджаки́ (реҗәкӣ) 105, 106
Роги́ (роғӣ) 45, 65, 66, 76, 160
Ромити́ (ромитӣ, ровмитӣ) 61, 62, 259
Русские 21, 117
Русские-казаки 21
Рысай (рўысай) 100

Сагбози́ (сәгбозӣ) 114
Саддики́ (саддиқӣ) 139
Садри (сәдрй) 93
Саки 239
Саку (сақав) 99, 105, 245
Саккиз (сәккйз) 91, 213
Саксан (сәксән) 107, 108, 248
Салтык (салтўқ) 108
Салын (салўын) 96
Самарканди (самарқандў) 100
Сапартоп (сапартоп) 91
Сарай (сарай) 68, 70, 108, 109, 202, 203
Саркеч (саркеч) 100
Сармантай (сармантай) 105
Сарт (сарт) 11, 66, 67, 90, 125, 147, 173
Сарт-айле 214
Сарт-могол (сарт-моғал) 207
Сархаци́ (сәрҳәдӣ) 60
Сары (сарй) 101, 105, 245
Сарыбагыш 241
Сарыбачча (сарйбечче) 100
Сарыбаш см. сарыбаш-катаган
Сарыбаш-катаган (сарйвваш-қатаған) 84, 197, 199
Сарык (сарйқ) 92, 118, 229
Сары-катаган (сарй-катаған) 105, 106, 107
Сары-мраз (сарй-мраз) 101
Сарыпычак (сарйпычақ) 96
Сарыходжа (сарйхожа) 93
Сарычал (сарйчал) 101
Саурыбузар (саврйбўзар) 91
Саханкул (сәҳәнқул) 82
Саяк (сайақ) 239, 243, 245
Саят 198
Се 239
Сегизак 213
Сейиды (сәйид) 45, 53, 64, 118, 143, 148-153
Сельджуки 154, 228, 229
Семиз (семйз) 19, 66, 70, 71, 83, 86, 89, 102, 104, 108, 111, 236-238, 246
Серка (серке) 99, 101
Сиддики́ 139
Синачи́ (синәчӣ) 136
Собак (собақ) 105
Собственно тюрки см. тюрки собственно
Согдийцы 264
Согутарош см. согутарош-хисори
Согутарош-хисори́ (соғутәрош-ҳисорӣ) 254, 255
Солакай-конджаки (солақай-көнҗәкӣ) 90
Сонгкельди (соңкелдй) 93
Сопы (сопы) 93
Сопыбачча (сопыбәччә) 91
Сугути́ (суғутӣ) 77, 177
Суджани́ (сужвәнӣ) 115
Сулдуз (сўлдўз) 171, 172
Султанмахмуди́ (султанмәҳмудӣ) 80
Суюндук (сўйўндўк) 101, 232
Сыйрак (сыйрақ) 93

Табын 118, 215
Тавоктарош (тавоктәрош) 114, 253-255
Тагайбай (тағайбай) 90
Таглик 204, 243, 245
Тагчи́ (тавғчи, тавхчи) 50, 52, 53, 64, 69, 70, 75, 79, 83-85, 103, 105, 110, 124, 127,

130–137, 151, 159, 196–205, 246, 259, 263, 265
Тагылык 245
Таджик (тоҗик) 11, 78, 124
Таджики бадахшанские 154, 259
Таджики с узбекскими племенными наименованиями 10, 45, 66
Таджики-хардури (ҳәрдурӣ) 45, 63, 160, 167
Таджики-ходжа (хоҗә) 45, 53, 54–57, 64, 84, 110, 120, 123, 148
Таджики-чагатай (чәғәтой) 10, 13, 15, 20, 45, 50, 53–55, 57, 58, 64, 66, 83, 84, 110, 120, 121, 123, 126, 129, 130, 132, 133, 136, 137, 144–146, 148, 150, 157, 177, 198, 203, 264
Таз (таз) 103–105, 237, 245, см. также тас
Таймас 246
Талиббачча (толйббәччә) 79, 184
Тангриберди (теңрйбердй) 100
Тараклы (тарақлы) 90, 97, 213, 225
Тартулы (тартулы) 27, 66, 87, 93–95, 110, 133, 213, 215, 216
Тас (тас) 103–107, 111
Тат (тат) 125
Татары 117
Татары-мишари 21
Татары сибирские 234
Татары тарские 237
Татары тобольские 237
Тахчи см. тагчи
Ташат (ташат) 92
Тегузаки (теғузәкӣ) 62
Теке 229, 233
Темаз (темәз) 105, 106, 246
Темас (темәс) см. темаз
Тентак (тентәк) 91, 92
Тентакавлод (тентәкәвлод) 100, 232
Терс (терс) 90
Тешикдан-каучин (тешикдән-қәвчйн) 109
Тиз см. тас
Тиляукул (тиләвқўл) 82
Тиляумат (тиләвмәт) 87, 90
Тинал (тинал) 100
Тиялик-кальтатай (тийәлик-кәлтәтәй) 77
Тогалан (тоғалан) 105
Тогар (төгәр) 109
Тоглик см. таглик
Тогуз 215
Тогыз (тоғыз) 93, 133, 213, 215
Тогызалу (тоғызалу) 108
Тогызга 213
Тогызкара (тоғызқара) 105
Тоймас (тоймас) 108
Токанды (тоқанды) 99
Токсаба (тоқсаба) 90
Токсарай (тоқсарай) 92
Толибай (төлйбай) 90
Томалак (томалақ) 105
Топар (топар) 92, 95
Топкара (топқара) 92
Тохары 264
Тохтамыш 104
Тубаки (тубакӣ) 85
Тувинцы 215
Тугалан 104
Тугарак (тугәрәк) 105
Тугул (тўғўл) 105, 106
Туджа (тўҗә) 90, 215
Туйджах (туйҗах) 97
Туклыдан туган (туқлыдан туған) 99
Тулькe 215
Тулькичи (тулкйчй) 93, 105, 215
Тулянгит (туләнгӣт) 90, 214
Тума 233
Туралы 233
Туркия (тўркийә) 99
Туркман (тўркмән) 95, 213, 214, 216, 224, 226, 228, 229–231, 239
Туркман-айынны (тўркмән-айынны) 92, 95
Туркман-джуз (тўркмән-җўз) 85, 89, 96, 97, 109, 110, 120, 133, 223–231
Туркмены 8, 12, 18, 33, 43–49, 57, 83, 112, 117, 118, 127, 129, 154, 162, 212, 216, 221, 224, 227–231, 233, 248, 256, 257
Туркмены нуратинские 117, 214, 226–228, 230
Туркмены-сарык 118
Туркони 133
Турсунджетим (тўрсўнҗетйм) 91

Туртата (төртата) 100, 101
Туртоул (төртоул) 98, 101, 102, 105, 232
Туячи (тӯйәчй) 99
Тыбыр (тыбӯр) 108
Тырнаклы (тырнақлӯ) 215
Тюргеши 173
Тюркай (тӯркәй) 93
Тюрки 19–22, 62, 63, 66, 71–81, 83, 85, 111–115, 123, 125, 134, 135, 146, 154, 162–177, 181, 185, 187–194, 197–206, 209, 245, 246, 258–265
Тюрки-анди́ (әндӣ) 171
Тюрки ромитские (ромитӣ) 71, 73, 166, 169–171
Тюрки собственно 166–173, 177, 187, 203
Тюрки таджикоязычные 43, 75,76
Тюрки-тугъян (тӯрки-туғйон) 80
Тюрк-карлук (тӯрк-қәрлӯқ, -қәллӯғ) 70, 72, 75, 79–81, 168, 169, 179, 187, 188, 191, 192,201

Узбек (өзбәк) 67, 163
Узбеки-ходжа 50, 66, 68, 70, 83, 84, 109, 110, 123, 130, 131, 148
Узбеки-чагатай 20, 43, 50, 52, 63, 66–71, 77, 85, 109–111, 118–121, 123, 126, 130, 132, 148, 149, 162, 168, 177, 198, 264
Уздан (өздән) 99
Узун (ӯзӯн) 91
Уйгур (уйғӯр) 97, 162, 173, 223
Уйсун 238, 241
Улудопа (ӯлӯдөпә) 118
Улус (ӯлӯс) 91, 94, 221, 222
Ургути́ (ургутӣ) 134, 135
Урумбадаль (ӯрӯмбәдәл') 178
Урус (орӹс) 91, 213
Усерген 215
Уста (ӯста̊) 108
Устабачча (ӯстабәччә) 91
Усупбачча (ӯсӯпбәччә) 100, 101
Утабулаки́ (утабулоқӣ) 115
Утарчи (утарчй) 99, 206
Уташ (утеш) 99, 101
Утранчи (утранчй) 207
Учуру (ӯчуру) 107, 108, 248
Учуул (учуул) 101
Ушори́ (ушорӣ) 134, 135
Уяс (ӯйәс) 96

Файзоботи́ (фәйзоботӣ) 55

Хаджибачча (хожибәччә) 92, 95, 97
Хазара (ҳәзорә) 17, 18, 43, 116, 130, 240
Хайбат (ҳәйбәт) 90, 100
Хайван-кальтатай (ҳәйва̊н-кәлтә-та̊й) 77
Хайитбай (ҳәйитбай) 97
Халаджи 196, 203, 230
Халач (хәләч) 56, 66, 75, 83, 112, 115, 126, 194–196
Хальпабачча (хәлпебечче) 100
Халыбай (халӹбай) 90
Хандаги 216
Хандекли (хандеклӣ) 90, 213, 216
Хап (хап) 93
Хардури́ (ҳәрдурӣ) 63, 64, 68, 77
Хасани (ҳәсәнӣ) 148
Хатаб 117
Хатаган 241
Хатаки́ (хәтәкӣ) 84
Хафиз-могол 207
Хезарейцы см. хазара
Хидирдики (хидйр, хидйрдйкй) 84
Хидирэли 128
Хисори́ (ҳисорӣ) 55, 86, 209
Хитай (хӹтай) 97, 108, 109, 128, 129, 206
Хлоз 58
Ховалинги́ (хова̊лингӣ) 59
Ходайберди (хӯдайбердй) 84, 100
Ходайкултоп (хӯдайқӯлтоп) 90
Ходжа (хожә) 50, 91, 118, 124, 130, 132, 133, 142, 148–153, 187
Ходжа таджикоязычные см. таджики ходжа
Ходжа узбекоязычные см. узбеки ходжа
Ходжаахмад (хожәәҳмәд) 103
Ходжагони гули сурх (хожәгони гули сурх) 150
Ходжадевана (хожәдевонә) 113

Ходжа-ишан (хожҙә-эшон) 131
Ходжакочкари (хожҙәқочқары) 105
Ходжакул (хожҙәқўл) 92
Ходжалы (хожҙалы) 101
Ходжамыяр (хожҙәмыйар) 99, 105
Хорасани́ (хорасаны) 93, 216, 217
Хоса (хоса) 93
Худаярдан туган (хўдаярдан туған) 92
Хурасан 217
Хусеини́ (хўсәйни́) 148
Хуччикалябаш (хуччикәләвәш) 93
Хыле (хы́ле) 99
Хыра (хы́ра) 105

Цыгане афганистанские 253, 255
Цыгане индийские 253
Цыгане среднеазиатские 7, 43, 111, 114, 154, 248, 253–256

Чагатай (чағатай, чәғәтәй) 50, 67, 105, 110, 114, 121–125, 148, 171, 173, 180, 200, 202, 223, 224, 247, 249
Чагатаи таджикоязычные см. таджики чагатай
Чагатаи узбекоязычные см. узбеки чагатай
Чагатай-каллук (чәғәтәй-қәллўқ) 82
Чагыр (чагы́р) 90
Чадай (чадай) 93, 105
Чайгуз (чайгуз) 101
Чайратим (чәйрәтйм) 93
Чакмаклы (чақмақлы́) 90
Чал (чал) 91, 96, 101
Чамбиль (чәмбиль) 92
Чангар 256
Чанкан (чанқан) 101
Чанычкылы (чанычқы́лы́) 90, 94
Чанышклы 215, 238, 239, 241
Чаппа (чәппә) 81, 82
Чарджетим (чәрҙетйм) 92
Чаркалля (чәркәллә) 92
Чарчур (чарчур) 107
Чарыш (чары́ш) 93
Чауджайлы (чавҙайлы́) 90, 93, 213, 214
Чаулымурад (чавлымўрад) 100, 101
Чаучы (чавчы́) 104, 105
Чахчиранчи́ (чәхчирәнчи́) 115
Чекирсаяк 241
Черикбай (черйкбай) 81
Черчи-могол (черчи-мўғўл) 85
Чечка (чечкә) 104–106
Чилпит (чйлпйт) 108
Чилькаль (чйлкәль) 73, 166
Чилькапа (чйлкәпә) 113
Чильпайча (чйльпәйчә) 93
Чинаки́ (чинәки́) 115
Чингиз 207
Чирикчи-могол 207
Чистони́ (чистони́) 255, 256
Чичка см. чечка
Чиют 183
Чокмарлы (чоқмарлы́) 105
Чольлик (чөллйк) 213
Чомичли (чөмйчлй) 90, 213, 214
Чопак (чопақ) 93
Чорак (чорақ) 105, 106
Чоран (чөрән) 95
Чори́ (чори́) 77, 178
Чочкабаш (чочқавәш) 90
Чуа (чуа) 93
Чубаш см. чубаш-катаган
Чубаш-катаган (чувәш-қатаған) 84, 197
Чубурма (чўбўрма) 100
Чули́ (чули́) 60
Чульлик (чөллйк) 87, 91
Чунг 207
Чура 233
Чуран (чөрән) 92
Чурчур (чурчур) 131
Чууллак (чууллақ) 92
Чуяга (чуйағa) 101
Чылвырлык (чылвырлық) 90
Чыркыравык (чырқыравық) 100

Шаан (шәән, шәҳән) 82
Шагаль (шәғәль) 93
Шакай (шекей) 100
Шакайди 232
Шакасымбачча (шакасымбечче) 100
Шалыкар (шалы́кәр) 93
Шамшылла (шамшы́лла) 113
Шау (шәв) 93
Шаугард (шәвгәрд) 82
Шаумари (шәвмәри́, шәмәри́) 115
Шахихель 256
Шахсевен 172

Q.C.L. - N.Ver

Шашбачча (шәшвәччә) 79, 183, 184
Шейхмомади (шәйхмомәдӣ) 255
Шекей 232
Шер см. шердики
Шербачча (шербәччә) 105
Шердак (шердақ) 91
Шердан туган (шердән туған) 28, 92
Шерджан (шержҗән) 113
Шердики (шердйкй) 84
Ших 118
Шихлар (шихләр) 131
Шихназар (шихназар) 93
Шолбоф (шолбоф) 113
Шор (шор) 108
Шорцы 234
Шуробдарачи (шуробдәрәчӣ) 59

Ыргаклы (ыргақлы) 90, 93, 213
Ырыс 216
Ырысбай (ырйысбай) 90
Ышкылы (ышқылы) 90

Эгарчи (эгәрчй) 97
Эзма (эзмә) 97
Элетен (элетен) 101
Элик (элйк') 96
Элликтентак (эл'лйктентәк') 232
Эльбеги (эл'беги, эл'беги-тожҗик) 131
Эрбачча (эрбәччә) 105
Эрке (эрке) 103
Эрони см. ирани
Эрсари 12, 117, 118
Эрсаринцы см. эрсари
Эсабай (йесебай) 100
Эсамат (эсәмәт) 97
Эсанходжа (йесенхожҗа) 98, 99, 233, 234
Этикчи (этикчй) 131
Эчки (эчкй, эчкә) 105, 246
Эчкили-темаз (эчкйлй-темәз) 105
Эшагабаши (эшағабашй) 92
Эшат (эшат) 93
Эшбачча (эшбәччә) 96

Юз (йўз, жўз) 25, 66, 70, 71, 81, 86, 95-97, 108, 110, 134, 135, 147, 198, 222-231
Юзы уратюбинские 222, 223
Юзы хисарские 96, 222, 223
Юльмо (йул'мо) 78, 178, 179
Юрга см. йорга

Ябу (йабӯ, жабӯ) 110
Ягма 173
Ягноби (йағнобӣ) см. ягнобцы
Ягнобцы 11, 65, 150, 160, 161
Якка-могол (йәккә-мўғўл) 85, 207
Япалакбаш 198
Ярбек (йарбек) 82
Яс (йәс) 97, 225, 226
Яставан (йаставан) см. джас-табан
Яхшылыкбачча (йахшылыкҗбечче) 99

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТНЫХ ТЕРМИНОВ

Авлод (әв̊лод) 28, 118, 130, 192
Авлия (әв̊лио) 149
Адыр (әдйр) 59
Аймак (аймақ) 198
Аламан (аламан) 157
Амаль (әмәл') 248
Амальдар (әмәлдор) 202
Амлякдар (әмләкдор) 38, 141
Арабча (әрәбчә) 254
Арал (арал) 38
Арбоб (әрбоб) 131
Ата (ата) 27

Бачча (бәччә, бәчә) 131
Бег (бег) 223, 224
Беглар (бегләр') 223
Бек (бек) 38, 40, 131, 168, 224

Вилаят (в̊илойәт) 60
Вилояти́ (в̊илойәтӣ) 45, 55, 60

Гальча (ғәлчә) 81
Гирди-курган (гирди-қорғ̊ан) 41
Гузар (гүзәр') 40
Гули сурх (гули сурх) 150
Гулом (ғ̊ўлом) 114

Дангаль (дәнгәл') 181
Дара (дәрә) 59
Даха (дәҳә) 51
Дашт (дәшт) 59
Даштаки́ (дәштәкӣ) 59, 62, 156
Дашти́ (дәштӣ) 60
Джагатай - см. чагатай
Джамоа (ҷәмоә) 28
Джатак (жатақ) 118

Иршод (иршод) 143
Ишан (эшон) 64, 130, 131, 150-153, 170, 184, 188, 192

Кадамджай (қәдәмжй̊) 149, 224
Казак (қаза́қ) 209
Казий (қозӣ) 56, 141
Кала (қәльә) 41, 195
Кальтатай (кәлтәтй̊) 174
Капчигай (қапчы́ғай) 51
Каракурган (қ̊арәқорғ̊ан) 56
Каум (қәв̊м) 28
Корез (корез) 50, 129
Корезат (корезй̊т) 50
Кул (қ̊ўл) 114, 131
Кунда (кўндә) 50
Курама (қ̊ўрамә) 64, 208, 237
Курган (қорғ̊ан) 41
Кухистон (кухистон) 45
Кухистони́ (кухистонӣ) 45, 55, 63, 159, 160
Кяриз - см. корез

Лавзи мугат (ләвзи мугй̊т) 254
Лебоб (лебоб) 155

Мазар (мазар) 81, 118, 127, 135, 138, 151, 190
Мардикор (мәрдикор) 50, 180
Махдум (мәхдум) 140
Махсум (мәхсум) - см. махдум
Миришикор (миришикор) 86
Мулла (мўллә) 135
Мюрид (мурид, мўрўд) 150-152, 192

Нура (нура) 104

Одамои поён (одәмои пойон) 60
Ортабоз (ортабоз) 179
Орчим (өрчйм) 27, 125
Орчин (өрчйн) - см. орчим

Пери́ (пәрӣ) 197
Пир (пир, пйр) 153, 185, 192

Пирдаш (пирдош, пйрдӑш) 152, 184, 186

Саркарда (сәркәрдә) 202
Сарт (сәрт) 11, 66, 125, 147, 173
Сархад (сәрҳәд) 60
Сархади́ (сәрҳәдӣ) 60
Сахаба (сәхобә) 149, 151
Сипойи (сйпойй, сипоҳӣ) 224
Сугут (суғут) 77
Сугути́ (суғутӣ) 77, 177

Тагчи́ (тоғчӣ, тохчӣ) 83, 203
Таджик (тоҗик) 11, 124, 141, 147
Таджик-узбек (тоҗик-өзбек) 124, 125
Тайфэ (тоифә, тоипә) 27, 28
Тарту (тарту) 87
Тат (тат) 125, 147
Тепа (тепӭ) 224
Тирнак (тйрнӑқ) 131
Токсаба (тоқсаба) 76, 137
Топ (топ) 28
Туда (тудә) 28, 130
Тюбе (төбә) 27
Тюрк (тӳрк') 172, 173

Узбек (өзбәк) 141, 186, 209
Уру (ӳру) - см. уруг
Уруг (ӳрӳғ) 27, 28
Уругпараст (ӳрӳғпәрәст) 202
Уста (усто, ӳстӑ) 135

Халифа (хәлифә, хәлйпә) 131
Ханака (хонәқоҳ, ханақа) 152
Хардури (ҳәрдурӣ) 64
Хохарзода (хоҳәрзодә) 191

Чагат (чағат) 124
Чагатай (чағатай, чәғәтӑй) 123-125, 180, 182
Чордара (чордәрә) 195
Чори́ (чорӣ) 179
Чуль (чӳл', чөл') 60

Шаар (шәәр) 41
Шаджара (шәҗәрә) 148, 184
Шах (шах) 27
Шейх (шәйх) 118, 151
Ших (ших) - см. шейх

Эшон - см. ишан

Ямбаш (йӑмбӑш) 180, 181, 183
Яммаш (йӑммӑш) - см. ямбаш

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Алтмыш орчим конграт (алтмыш өрчйм қоңғрат) 125

Алты ата тартулы (алтӯ ата тартулӣ) 87, 124

Алты уру тартулы, уч уру чагатай (алтӯ ӯру тартулӣ, ӯч ӯру чағатай) 110

Арал бизди алдады, Ябыдан кунгилимиз калды (Арал бйздй ,лдадӣ, Йабӯдан көңлймйз қалдӣ) 247

Атым кулан, камчим илан, утиришим чарбагиш, еймишим пичча билан туш. Асли элим сурасанг, Чингисхонли калликман (Ӓтӣм қӯлӑн, қамчим илӑн, отйрйшим чӑрбӑриш, йеймйшим пиччә билән төш. Ӡсли элйм сорәсәң, Чйңрйзхонли қәллиқмән) 181

Беш юз уйли каллук (беш йӯз ӯйли қәллӯғ) 80

Беш юз уйли Хатак (беш йӯз ӯйли Хәтәк) 84

Гойиб булмак (ғойиб болмӑқ) 149

Гузар-Байсун чули (Ғӯзӑр-Бӑйсӯн чөлй) 218

Дах пара кент чагатай (дәҳ порә кент чәғәтӑй) 51

Дурманнинг чататайи эдик (дөрмәнниң чәғәтӑйи эдйк) 162

Камб биширйш (кәмб бйшйриш) 202

Конгыр ат (қоңғӯр ат, қоңӯр ат) 220

Кырк газар (қӯрқ гөзәр)

Минг уйли кара чарвак (миң ӯйли қарә чорвӑоғ) 129

Минг уйли тутташган багу-чарваг (миң ӯйли төрт ата қанжығалӣ) 87

Огры ишан (оғрӯ эшон) 192

Он алты ата коштамгалы (он алтӯ ата қоштамғалӣ) 87

Он алты уру карапчи, он алты уру туркман (он алтӯ ӯру қарапчй, он алтӯ ӯру тӯркмән) 110

Он саккиз ата вахтамгалы (он сәккйз ата ӑахтамғалӣ) 87

Он турт ата канджыгалы (он төрт ата қанжығалӣ) 87

Он экки ата айынны (он экки ата айынны) 87

Он экки ата айынны, алты тюбе тартулы (он экки ата айынны, алтӯ төбә тартулӣ) 27

Пир талаш (пир тәләш) 192

Силардан пашша чикмасин, бек чикмасин, саркарда чикмасин; энларингдан балталарингиз тушмасин (силәрдән пӑшша чйқмәсин, бек чйқмәсин, сәркәрдә чйқмәсин; энләриңдән бӑлтәләрйңиз тӯшмәсин) 202

Токсан экки баулы узбек уруги (тоқсан экки бавлй өзбәк ӯрӯғй) 211

Туг кутармак (туғ көтәрмак) 150

Узбек заман (өзбәк зәмӑн) 195

Узбек хардуриси (өзбек-ҳәрдуриси) 63

Уч юз уйли араб (уч йуз уйли әрәб) 112

Ходжагони гули сурх (хоҗәгони гули сурх) 150

Хон тоғаи баллос мардикорга бормас, улуши яммаш, ултириши данғаль (Хон тоғаи бәлләос мәрдикоргә бормәс, өлөши йаммаш, олтйрйши дәнгәл') 180, 181

Хон тоғаи баллос мардикорга бормас, бури йемас, закот бермас, юриши джангаль, олтириши данғаль (Хон тоғәи бәлләос мәрдикоргә бормәс, бәрй йемәс, закот бермәс, йурйши җәнгәл', олтйрйши дәнгәл') 181

Чор гузар чағатай (чор гузәр чәғәтәй) 56

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Введение 6

I. Этнический состав населения и расселение отдельных его групп в конце XIX — начале XX в. 29
Таджики 45
Узбеки 66
Узбеки, не имевшие родо-племенного деления 68
Ранние племена 72
Поздние племена 86
Другие народы 111

II. История формирования населения 122
Таджики и узбеки чагатай и ходжа 123
Таджики 153
Узбеки 162
Ранние племена 165
Поздние племена 209
Другие народы 248

Заключение 258

Список литературы 266
Список сокращений 280
Summary 282
Указатель географических названий 291
Указатель этнонимов и названий семейно-родственных и территориальных групп 305
Указатель местных терминов 319
Указатель местных выражений 321

Бэлькис Халиловна Кармышева

Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редакторы *Б. Г. Гершкович, Г. М. Юдина*
Младший редактор *И. В. Бушуева*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Н. Б. Осягина* и *Г. В. Стругова*

Сдано в набор 25/IV 1975 г.
Подписано к печати 5/IV 1976 г.
А-06546. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1.
Печ. л. 20,25 Уч.-изд. л. 22,75.
Тираж 2800 экз. Изд. № 3399
Зак. № 577. Цена 2 р. 39 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 2 р. 39 коп.